А.Н. Попов

Русский Берлин

А.Н. Попов

Русский Берлин

А.Н. Попов

Русский Берлин

Москва
«Вече»
2010

УДК 94
ББК 63.3(0)
П58

Scan By Vitaulus & Kali

Попов, А.Н.

П58 Русский Берлин / А.Н. Попов. — М. Вече, 2010. — 400 с. — (Русские за границей).

ISBN 978-5-9533-4275-9

Русский Берлин — «как много в этом звуке...» Именно немецкая столица в первые послевоенные годы стала центром Белой эмиграции, где нашли приют более 300 тысяч изгнанников из большевистской России. Среди них — философы и социологи, историки и правоведы, писатели и литераторы, математики и инженеры... И все же русский Берлин — это не только Серебряный век, вынужденно «переехавший» в немецкую столицу, но и писатели, художники, артисты, студенты, которые приезжали сюда в разные годы, жили здесь — и строили это необычное «поселение», выросшее из маленькой русской колонии в многотысячный «мегаполис».

УДК 94
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-9533-4275-9

© Попов А.Н., 2010
© ООО «Издательский дом «Вече», 2010

ПРИВЕТСТВИЕ

Дорогие читатели, от своего имени и от имени всех сотрудников Посольства Российской Федерации в Берлине хочу поприветствовать вас на страницах этой книги, с искренней симпатией и вниманием к деталям рассказывающей о наиболее интересных и захватывающих моментах жизни «Русского Берлина». Неотъемлемой его частью с давних пор является Посольство нашей страны. Поэтому мне особенно приятно, что этому уголку России на немецкой земле автор уделил отдельное внимание.

Берлин — город с многовековой историей, подчас сложной и трагичной, в которой в полной мере отразилось и непростое прошлое российско-германских отношений. Вместе с тем наши страны были и остаются связанными самыми тесными культурными, духовными, да и просто человеческими узами. И пестрый многогранный мир, каким в книге Александра Попова предстает перед нами «Русский Берлин», является прекрасной иллюстрацией того, как переплетены судьбы России и Германии.

Желаю всем увлекательного чтения и надеюсь, что книга, которую вы сейчас держите в руках, также внесет свой вклад в укрепление взаимопонимания между нашими народами.

В.В. Котенев, Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Федеративной Республике Германия

К ЧИТАТЕЛЯМ

Могут быть разные причины для путешествия — любопытство, желание сменить обстановку, занятие спортом и прочие. Однако в последнее время многие все чаще стремятся путешествовать по следам родной истории и культуры. Почти повсеместно, особенно в Европе, мы сталкиваемся со свидетельствами пребывания известных российских писателей, поэтов, музыкантов, чья жизнь и творчество связаны с пребыванием за границей. Для таких путешественников Берлин является настоящей сокровищницей. Здесь не только музеи, но и сам город откроет вам свои замечательные «русские страницы». А прочитать их, несомненно, будет легче при помощи книги Александра Попова, которая поможет лучше узнать немецкую столицу, углубиться в ее прошлое и настоящее. Для меня, как представителя Национальной туристической организации Германии в России, это особенно важно, поскольку в результате открываются новые мотивы для поездок туристов из России в гостеприимную и интересную страну — Германию.

С уважением и пожеланием доброго пути,
ваша Ирина Кейко,
руководитель Национального
туристического офиса
Германии в России

ОТ АВТОРА

В начале 20-х гг. прошлого столетия в Германии появился удивительный город. Его нельзя было найти на карте, но он имел свои улицы, рестораны, магазины, театры, банки, газеты, журналы, даже что-то похожее на границы. Город именовался «Русским Берлином», и населяли его русские и других национальностей люди, выброшенные Гражданской войной с Родины, превратившейся в Советскую Россию. Изгнанники нашли прибежище на территории страны, которая совсем недавно была их врагом. Многие из жителей «Русского Берлина» с оружием в руках сражались против Германии в только что закончившейся Первой мировой войне. И тем не менее, именно Берлин в первые послевоенные годы стал центром русской Белой эмиграции, где нашли приют более 300 тысяч изгнанников из большевистской России.

Но «Русский Берлин» — это не только российский Серебряный век, вынужденно «переехавший» в немецкую столицу после Октябрьской революции, и не только сегодняшний «Русский Берлин-2», где население по численности почти такое же, как в 20-е гг. прошлого века. Становление «Русского Берлина» началось намного раньше. Русские бывали в немецкой столице и жили в ней задолго до тех бурных лет. «Русский Берлин» — это не только эмигранты, но и российские дипломаты, писатели, художники, артисты, студенты, которые приезжали сюда, жили здесь, заводили знакомства, год за годом строили это необычное поселение, постепенно выросшее из маленькой русской колонии в многотысячный «мегаполис».

В территорию «Русского Берлина» входит центральная площадь немецкой столицы — Александерплац, названная в честь российского государя, а император Николай I официально является почетным гражданином реального Берлина.

Первым русским туристом, официально зарегистрированным в Берлине, стал Николай Михайлович Карамзин, описавший потом свои впечатления в «Записках русского путешественника».

Одну из первых колоний «Русского Берлина» в середине XIX в. образовали молодые либералы из студенческого кружка Станкевича и посетители Салона Фроловой: Иван Тургенев, Михаил Бакунин, Михаил Катков, Януарий Неверов, Константин Аксаков...

Берлин нежно любил основатель русской национальной оперы Михаил Глинка, который здесь и покинул этот мир.

Российские социалисты-революционеры строили в Берлине планы мировой революции, сидели в берлинских тюрьмах. Сюда к Ленину приезжал Сталин.

Здесь безуспешно, несмотря на блестящие рекомендации, пыталась поступить в Берлинский университет российская «принцесса математики» Софья Ковалевская. Ученый совет был непреклонен — «женщин не берем».

Благородный подвижник протоиерей Алексий Мальцев, заботясь о пастве своей, основал в Берлине ныне *старейшее русское православное общество на немецкой земле* — Свято-Князь-Владимирского братство для служения Богу и помощи русским людям, оказавшимся в беде за границей.

Эмигрантское литературное кафе в Доме искусств не раз рукоплескало приезжавшим в Берлин «красным» поэтам Сергею Есенину и Владимиру Маяковскому — разве они не жители «Русского Берлина»?

Первый военный комендант послевоенной немецкой столицы в 1945 г. Герой Советского Союза генерал Николай Эрастович Берзарин — это тоже представитель «Русского Берлина», так же как и советские офицеры, их жены и дети из военного городка Карлсхорст, существовавшего в Берлине до вывода советских войск из Германии.

Обитателями «Русского Берлина» были не только российские граждане или выходцы из России. Разве не заслужил право на прописку в нем частый посетитель Салона Фроловой, ученый и солдат Карл Август Фарнгаген фон Энзе, вместе в русскими казаками принявший уча-

стие в лихой атаке на Александерплац в 1813 г.? За преданность российской короне был заколот «агент русского царя» писатель Август фон Коцебу, главный редактор «Русско-немецкой газеты», выходившей в Берлине еще в 1813 г. К почетным гражданам «Русского Берлина» относится немецкий профессор-славист Отто Хёч, всю жизнь посвятивший тому, чтобы донести до Германии реальную правду о России. К слову, уважаемая госпожа канцлер Ангела Меркель во времена своей комсомольской юности в ГДР заняла первое место на олимпиаде по русскому языку, была премирована поездкой в Советский Союз, а потому тоже может быть причислена к «жителям» «Русского Берлина», в котором главное — не этническая принадлежность, а умение говорить по-русски.

Поэтому содержание этой книги охватывает около 350 лет отношений между Россией и Берлином, со второй половины XVII в. до наших дней включительно. Ее первым персонажем стал царский гонец Федор Федорович Порошин, посланный в прусскую столицу с особым поручением в 1654 г., а одну из глав комментирует немец-переселенец Александр Пушкин, переехавший в немецкую столицу из казахстанской Кзыл-Орды и ставший одним из самых известных диджеев берлинской клубной сцены.

Мрачную тень на русско-немецкие отношения бросает последняя война. Но, если укротить эмоции, это была лишь третья большая война между русскими и немцами за последнее тысячелетие. Великая Отечественная, Первая мировая и Семилетняя войны в общей сложности составили не более 15 лет непримиримой вражды на фоне мирных столетий, прошедших после Ледового побоища.

В остальное время было немало хорошего. За наследников Дома Романовых выходили замуж немецкие принцессы, германские королевичи брали в жены русских великих княгинь. Почти все жены российских императоров династии Романовых происходили из немецких земель. Петр I был крестным отцом короля Фридриха II Великого, который потом стал сватом принцессы Софии-Доротеи Вюртембергской (в православии Марии Федоровны), вышедшей за наследника российского престола

великого князя Павла, будущего императора Павла I. Теплые «светлые» дружеские отношения связывали Александра I и прусского короля Фридриха Вильгельма II. Дочь прусского короля Фридриха Вильгельма III была супругой русского государя Николая I.

Еще Иван Грозный стал привечать на Москве немцев не королевских кровей. При Петре I немецкие ученые, купцы, мастера, военные стали в России по-настоящему желанными гостями. Многих жителей Бадена, Гессена, Пруссии, Саксонии, Гольштейна, Майнца привлекли в Россию манифесты Екатерины II.

Немцы хорошо работали в России и достойно служили в ее армии. С середины XIX в. в деловом мире Москвы немцы превосходили по численности и влиянию представителей других западноевропейских государств. Что греха таить, случалось, в ученой или чиновничьей среде создавали немцы свои группировки, но кто не без греха?

К концу XIX в. в Российской империи проживало до двух миллионов немцев, из них около 400 тысяч — на Волге, тогда их и стали называть «поволжскими немцами» (die Wolgadeutschen). Уже через год после Октябрьской революции из части территорий Саратовской и Самарской губерний была создана первая в Советской России автономная область — Автономная область немцев Поволжья, преобразованная в 1923 г. в Автономную ССР Немцев Поволжья (АССР НП). По Конституции 1937 г. государственными языками республики были установлены русский и немецкий. Однако в 1941 г., уже через месяц после начала войны, Правительство СССР нанесло трудолюбивому и преданному Советской власти народу тяжелое оскорбление. Жившие на Волге и в других местах страны немцы были без всяких оснований обвинены в сотрудничестве с гитлеровской Германией и высланы в Казахстан, Среднюю Азию, на Алтай и в Сибирь. АССР НП прекратила существование.

В последние годы перестройки возникла надежда на восстановление автономной немецкой республики. Было создано общество «Возрождение». В ноябре 1991 г. Россия и Германия подписали соглашение, по которому предусматривалось «восстановить немецкую республи-

ку в районах традиционного компактного проживания их предков на Волге». Будучи в эйфории от недавно обретенной власти, Б. Ельцин, прежде чем поставить свою подпись под этим соглашением, не задумался, насколько реально выполнение такого обещания. Ведь на бывшей территории АССР НП жили несколько сотен тысяч русских, украинцев и представителей других национальностей. Выходило, что теперь следовало выселять их? Легко дав слово, Ельцин так же легко забрал его обратно. При посещении Саратова в 1992 г. он заверил местных жителей, что немецкая автономная республика в Поволжье восстановлена не будет. Одновременно он предложил устроить ее в степи на территории бывшего военного полигона в районе озера Эльтон, рядом с Казахстаном. Это издевательское заявление, в котором легко просматривалось неуважение к русским немцам, перечеркнуло надежды на возрождение немецкой автономии в демократической России, и в следующие три года в Германию выехали более 600 тысяч переселенцев — пик эмиграционной волны. К 2010 г. в Германию вернулись свыше двух миллионов потомков немецких колонистов и других русских немцев. Около 300 тысяч из них поселились в Берлине и его окрестностях, образовав «Русский Берлин-2».

Сегодня немцы-переселенцы из эмигрантов считаются самой интегрированной в немецкое общество группой. «Они обогатили нашу страну во всех сферах жизни», — подчеркнула Ангела Меркель, выступая на конференции, посвященной 20-летию со дня принятия документа, определяющего эмиграционную политику.

В течение последних лет усилиями немецких властей и благодаря накопленному опыту эмигрантами найдены алгоритмы решения многих острых проблем интеграции. Переселенцы уже не прибывают в «неизвестность», как это было вначале. В первые годы те, кто уехал раньше, нередко приукрашивали в письмах и на фотографиях свое житье-бытье. Теперь, заранее зная, что их ожидает в Германии, большинство переселенцев готовятся к жизни в новых условиях, учат язык. Многие быстро адаптируются к ситуации, находят работу, нередко организуют свои фирмы, особенно в сфере услуг. В Германии сегодня не-

мало русскоязычных туристических бюро, косметических и парикмахерских салонов, транспортных компаний, пансионов и гостиниц, ресторанов, дискотек, ночных клубов. Здесь издаются газеты и журналы на русском языке, есть русскоязычные театры. Активно работают концертные агентства, которые организуют выступления в Германии звезд российского шоу-бизнеса. Сейчас это делается на достаточно высоком профессиональном уровне, а начинали любители-энтузиасты.

Среди переселенцев немало таких, кто не только успешно интегрировался, но и стал знаменитым на всю страну. Среди них — ученые, спортсмены, даже олимпийские чемпионы, артисты и музыканты.

Сегодня, по данным немецкой статистики, уровень безработицы среди переселенцев ниже, чем у коренных жителей Германии. Однако, по словам президента Федерального ведомства по вопросам эмигрантов и беженцев Альберта Шмида, к проблемной группе относятся квалифицированные специалисты — врачи, учителя и инженеры. По-прежнему их слабое место — недостаточное знание профессиональной терминологии.

Многие переселенцы, уже уверенно чувствуя себя в Германии, хорошо зная язык, не хотят ассимилироваться. В семьях они говорят на двух языках.

Большинство новых жителей Германии уверенно смотрят в будущее. Среди них, согласно опросу общественного мнения, число оптимистов превышает 60 %, тогда как лишь 45 % турок думают так же. Особенно позитивно настроена молодежь.

Многие русские берлинцы помогали автору советами и консультациями в работе над этой книгой. Я искренне благодарен пресс-службе Российского посольства и лично первому секретарю Святославу Владимировичу Кучко, а также старшему референту посольства Михаилу Александровичу Сухову, Епархиальному управлению РПЦ Московского патриархата в Берлине и лично игумену Даниилу (Ирбитсу), председателю Свято-Князь-Владимирского братства Дмитрию Глебовичу Рару, иерею церкви Покрова Пресвятой Богородицы в Берлине отцу Андрею Сикоеву, председателю правления Берлинского

общества им. Глинки Юрию Николаевичу Фосту, менеджеру по культуре берлинского клуба «Диалог» Жанне Яковлевне Кругляковой, основателю фонда Potsdam Stiftung Kremer доктору Герману А. Кремеру (Hermann A. Kremer), директору музея «Александровка» в Потсдаме доктору Андрею Юрьевичу Чернодарову, жителю Потсдама Феликсу Борисовичу Берулю, пресс-службе берлинского офиса архитектурного бюро NPS Tchoban Voss и лично Сергею Энверовичу Чобану, главному редактору газеты «Русский Берлин» Борису Семеновичу Фельдману, главному редактору газеты «Европа-Экспресс» Михаилу Гольдбергу, директору интернет-ресурсов 007-berlin.de и www.berlin-ru.net Ильдару Назырову, Ольге Постновой из журнала «Изюм», русско-немецкой супружеской паре Вере и Бернхарду Ветцель, сорок лет живущей в Берлине, бывшей жительнице городка Финовфурт Уте Бёгнер (Ute Boegner), директору авиационного музея в Финовфурте Luftfahrtmuseum Finowfurt e.V. доктору Клаусу-Петеру Коббе (Klaus-Peter Kobbe), директору туристического бюро Perelingua-Sprachreisen Бернхарду Друбе (Bernhard Druba), руководителю компании Transearly Кристофу Ваксмуту (Christoph Wachmuth), писателю и диджею из Берлина Владимиру Каминеру (Vladimir Kaminer), диджею и руководителю промо-группы BIGMAN Production Александру Пушкину (Alexnader Pushkin), экспровизатору Саше Пушкину (Sasha Pushkin), администратору Анатолию Гутчу (Gutsch) из ресторана Gruene Lampe.

Большое спасибо за помощь Музею В.В. Маяковского и лично заведующему отделом научной экспозиции полковнику в отставке Адольфу Павловичу Аксенкину, служившему в берлинском Карлсхорсте, действительному государственному советнику Республики Карелия 1-го класса Сергею Леонидовичу Пьянову, который учился там в советской средней школе № 113, а также Борису Васильевичу Чернявскому, руководителю Урупского поискового клуба «Огромное небо».

Отдельно хочу поблагодарить менеджера по связям с прессой авиакомпании Air Berlin Александру Мюллер (Alexandra Mueller) и ассистента директора по маркетингу гостиницы Estrel Berlin Исабель Борхерт (Isabel

Borchert) за возможность побывать в Берлине в связи с работой над этой книгой.

Я признателен за постоянную поддержку руководителю Национального туристического офиса Германии в России и СНГ Ирине Станиславовне Кейко, а также Катарине Эрцег (Catarina Erceq) и Николь Рёбель (Nicole Röbel) из Berlin Tourismus Marketing GmbH.

Низко кланяюсь любимой супруге Татьяне за терпение.

I. ДАВНО МИНУВШЕЕ

ГОНЦЫ РУССКОГО ЦАРЯ

Один из первых дипломатических контактов между Москвой и Берлином связан... с Украиной. В начале 1654 г. Переяславская Рада приняла решение о вхождении ныне нашей «капризной сестры» в состав России. Это абсолютно не устраивало Речь Посполитую, которой еще до этого Москва объявила войну. Боевые действия, однако, покуда не велись. Россия развернула активную дипломатическую деятельность по поиску союзников против Польши. Необходимо было знать, чью сторону в конфликте примет курфюршество Бранденбург. Владея Пруссией на основе ленной зависимости от Польши, оно формально являлось ее вассалом. В Берлине находилась резиденция правителя Бранденбурга Фридриха Вильгельма I Бранденбургского, входившего в коллегию «избирающих князей» — курфюрстов. По «Золотой булле» Карла V им было предоставлено право выбирать императоров Священной Римской империи германской нации.

Чтобы уговорить курфюрста признать право царя на владение Малороссией и убедить его не оказывать помощь Речи Посполитой в войне с Россией, в мае 1654 г. царь Алексей Михайлович направил в Берлин подъячего гонца Федора Федоровича Порошина. До этого в марте 1650 г. в Москве побывал посланник бранденбургского курфюрста Генрих Райфф. Он поздравил Алексея Михайловича со вступлением на престол и просил о продаже крупной партии ржи в связи с «хлебным оскудением» в результате «долгопротяжливой» (1618—1648) Тридцатилетней войны.

Беседуя в Берлине с русским посланником, курфюрст уклонился от твердых обещаний — открытая конфронтация с Польшей не входила в его планы. Но возможное

Панорама Берлина в 1652 г. На переднем плане — заложенная в 1647 г. Линденаллее (впоследствии бульвар Унтер-ден-Линден). Гравюра Маттеуса Мериана

ослабление Речи Посполитой в ходе войны с Россией отвечало интересам Бранденбурга, давая возможность Пруссии, наконец, обрести реальный суверенитет под бранденбургским флагом.

В 1656 г. обострились отношения Швеции с Россией и в Бранденбург была направлена миссия Мышецкого. Ему было поручено привлечь Фридриха Вильгельма к союзу против Швеции или получить гарантии нейтралитета в Русско-шведской войне (1656—1658). Курфюрст, однако, вступил в союз со Швецией, но в военных действиях против России участия не принял. В сентябре 1656 г. уже с новым планом в Берлин прибывает миссия дьяка Г.К. Богданова. В Москве решили попробовать, используя слабость Речи Посполитой, оторвать от нее Бранденбург и предложить курфюрсту добровольно перейти под руку московского царя, то есть признать московский сюзеренитет над Пруссией вместо варшавского на значительно более выгодных условиях. Хотелось повторить успех с Переяславской Радой.

Курфюрст, однако, умело вел свою игру. Бранденбургские войска очень успешно выступили на стороне шведов в Шведско-польской войне (1655—1661). В результате Речь Посполитая, изнуренная к тому же столкновениями с Россией, отдала в 1657 г. Пруссию в независимое владение Бранденбургу. Так на карте Европы появилось государство Бранденбург-Пруссия. И Россия, как видим, сыграла определенную роль в его становлении, хотя и не сумела сделать его своим вассалом.

А Фридрих Вильгельм I Бранденбургский в 1675 г. получил титул Великого курфюрста за то, что за годы своего правления превратил бранденбургское княжество в государство, с которым стали действительно считаться в Европе. Его сын, курфюрст Бранденбургский Фридрих III, в 1701 г. был коронован как король Пруссии Фридрих I.

Российские посланники в Бранденбурге вели себя с достоинством и выказывали хорошие манеры. Порошин так очаровал двор, что с него было решено написать портрет. Беседы покуда шли через переводчика, но «в 1667 г. <...> один русский дипломат изложил кур-

фюрсту свое дело на таком хорошем немецком языке, как урожденный немец»[1]. Во время приема русских посланников в знак уважениям к ним при бранденбургском дворе соблюдался ряд церемониальных элементов из московского «посольского обычая».

УРЯДНИК ПЕТР МИХАЙЛОВ

«Господинъ Петръ Михайловъ везде за исправнаго, осторожнаго, благоискуснаго, мужественнаго и безстрашнаго огнестрельнаго мастера и художника признаваемъ и почитаемъ быть можетъ» — такой сертификат был выдан прусским полковником Штейтнером фон Штернфельдом русскому царю Петру I (1672—1725), когда тот в 1697 г. изволил инкогнито отправиться в Европу в составе Великого посольства. Официально великими полномочными послами были назначены генералы Франц Лефорт, Федор Головин и думный дьяк Прокофий Возницын. Их сопровождали более 20 дворян, до 35 служилых людей и 62 солдата, среди которых и находился «Преображенского полка урядник Петр Михайлов». Путешествуя инкогнито, царь имел при себе выданный документ, удостоверявший, что общая численность посольства при выезде из Москвы в марте 1697 г. составляла около 250 человек.

Неофициальный статус давал царю возможность чувствовать себя свободным от дипломатического церемониала. В тайну сию, однако, были посвящены некоторые верховные правители тех стран, через которые пролегал путь посольства. Знали об этом бранденбургский курфюрст Фридрих III и его министры. С курфюрстом Петр встретился еще в Кёнигсберге. Вели переговоры, пили на брудершафт, заключили договор о дружбе. Поэтому деловых встреч в Берлине не намечалось, и Петр поначалу решил проехать бранденбургскую столицу без остановки. Но потом изменил решение и провел в городе несколько дней. В начале июля посольство въехало в Берлин. Непосвященным царское инкогнито так и не было раскры-

[1] Русские в Германии. Берлин, 2008.

Линденаллее, какой ее видел Петр I.
Гравюра Иоганна Штридбека

то. Переодетый в немецкое платье молодой Петр гулял по Берлину, с интересом осматривая город, особенно привлекло его внимание строительство Арсенала на Унтерден-Линден (тогда Линденаллее). В Тиргартене для него была разбита палатка, где царь обедал. Пользуясь своим неофициальным статусом, он уехал из Берлина внезапно, без протокола. Дальше путь лежал в Амстердам.

«Совсем необыкновенный человек...»

С Петром, однако, не успела познакомиться супруга курфюрста София Шарлотта, неординарная, образованная женщина, с ярким, пытливым умом. Встретиться с таким «редким зверем» (по ее словам), как русский государь, о котором по Европе ходило столько слухов, ей было просто необходимо.

Вместе с матерью, братьями и фрейлинами София Шарлотта отправилась вслед «за добычей» и догнала Петра уже под Ганновером, в городе Коппенбрюгге (Коппенбрюкке). Встречу и обед с русским царем организовал Лефорт. Поначалу светская беседа не клеилась. К тому же Петр не был сведущ в правилах столового этикета, почти не пользовался ножом и вилкой, мясо ел руками, не знал, как пользоваться салфеткой. Но постепенно все наладилось. *«Царь иногда отвечал сам, иногда*

с помощью двух переводчиков, всегда умно, кстати, и с живостию», — отмечала впоследствии София Шарлотта. Обед продлился несколько часов, после чего были танцы. Обнимая немецких дам, царь дивился твердости их стана: «Какие жесткие кости!» Он понятия не имел о женских корсетах. Софию Шарлотту такая провинциальная непросвещенность привела в полный восторг. В конце концов Петр буквально обаял обеих курфюрстин. В память о встрече он подарил им и некоторым из свиты соболей и парчи. Мать Софии Шарлотты потом с восторгом вспоминала: «*...Он совсем необыкновенной человек; надобно узнать Его лично, чтобы иметь об Нем идею. Сей редкий Монарх добродушен и благороден сердцем; скажу вам также, что Он пил очень мало. Но Министры Его и свита, по отъезде нашем, долго веселились...*» Огромное впечатление произвел Петр и на бранденбургского принца Фридриха Вильгельма.

Впоследствии русский царь несколько раз побывал в Берлине. У него сложились очень близкие отношения с «королем-солдатом» Фридрихом Вильгельмом I, сыном Фридриха I. Петр стал крестным отцом прусского кронпринца, будущего короля Фридриха II Великого, а следовательно, оба монарха стали кумовьями. Что, впрочем, впоследствии не помешало двум державам вступить в схватку в Семилетней войне.

Немецкий король и русский царь не любили мотовства и роскоши, но к подаркам, однако, относились положительно. Фридрих Вильгельм I прилагал все силы, чтобы восстановить Пруссию после кровопролитной Тридцатилетней войны, он очень любил армию и многое делал для нее. Среди прочего, в Потсдаме был создан полк великанов-гвардейцев («ланге керлс» — «длинные парни»), где каждый солдат был не менее двух метров ростом. Отсюда и царский подарок Петра. Он отправляет своему куму отряд русских солдат числом 80 человек, в полном обмундировании, вооруженных прекрасными тульскими ружьями. Пополнение русскими воинами Потсдамского гарнизона продолжалось и при Екатерине I. Всего вплоть до 1724 г. на службу в Потсдам прибыло около 250 солдат из России. Журнал Potsdamische

Великаны-гвардейцы служат под Берлином и сегодня

Quintessenz писал в январе 1741 г., что русские составляют около трети Королевского полка. Недовольный «русским засильем» пришедший тогда к власти Фридрих II приказал распустить полк, но великаны-гвардейцы служат в Потсдаме и сегодня. Они дефилируют на городских праздниках, участвуют в туристических и других парадно-выходных мероприятиях.

Итогом встречи кумовьев в ноябре 1716 г. в городке Гавельберг под Берлином стало не только подписание декларации о взаимной военной поддержке. Петр получил в подарок ныне знаменитую на весь мир Янтарную комнату, которая предназначалась поначалу для берлинского дворца Шарлоттенбург. «Получил преизрядный презент...» — писал Петр супруге. Упакованное в 18 ящиков «янтарное сокровище» прибыло в Россию 13 января 1717 г. Вместе с комнатой Петр получил и роскошную яхту, которая приглянулась ему во время путешествий по водоемам Потсдама. В Берлине тогда в честь русского царя был организован на улицах грандиозный праздник: с фейерверками, бесплатным вином и жареными быками, нафаршированными птицей и дичью.

Пребывание Петра за границей нередко походило на стихийное бедствие. Он не отличался тонкостью в обращении, мало считался с местными порядками и вел себя так, как просила того его широкая русская душа, подчиняясь сиюминутным порывам и действуя сообразно его привычками и настроению. Петр чувствовал себя хозяином всегда и везде, хотя и конфузился в торжественной и официальной обстановке. И чтобы скрыть смущение, становился еще более груб и развязен.

Любопытное описание одного из эпизодов пребывания Петра в Берлине в 1719 г. оставила прусская принцесса Вильгельмина, старшая сестра Фридриха Великого. Читая ее воспоминания, надо иметь в виду, что описанные события происходили, когда автору было 10 лет. Отметим также, что и по таким впечатлениям маленькой девочки в Западной Европе формировалось мнение о России и ее вождях.

Впервые записки на русском языке были опубликованы в журнале истории и истории литературы «Голос минувшаго» в сентябре 1913 г. Текст приводится в оригинальном написании, с сокращениями.

Эпизод из посещения Берлина Петром Великим

(Разсказанный маркграфиней Вильгельминой Байретской в ея мемуарах)

«В 1719 г. в Берлин приехал царь Петр. Его пребывание у нас так сильно смахивает на анекдот, что заслужива-

ет, чтобы я его описала в моих мемуарах. Петр очень любил путешествовать и направлялся к нам из Голландии. Так как он не любил большого общества и не терпел торжественных приемов, он попросил, чтобы король распорядился отвести для него помещение в увеселительном замке королевы, расположенном в предместье Берлина. Королеву это мало обрадовало, так как замок был лишь недавно выстроен, а кроме того, она положила много забот и затрат, чтобы побогаче и покрасивее убрать его. Там была великолепная коллекция фарфора, на стенах повсюду висели дорогия зеркала, и дом стал, действительно, походить на сокровище, откуда и произошло его название (замок Monbijou/Монбижу — "Моя драгоценность" Сейчас на этом месте на Ораниенбургерштрассе устроен одноименный парк. Замок был разрушен во время Второй мировой войны. — *Примеч. авт.*)*... Чтобы уберечь вещи от порчи, которую русские гости производили повсюду, куда бы они ни приехали, королева приказала вывезти из дома всю дорогую мебель и те из украшений, которыя легко могли разбиться. Царь, его жена и весь их двор приехали в Берлин по реке, и были встречены королем и королевой на берегу. Король помог царице сойти; как только царь ступил на землю, он крепко пожал королю руку и сказал: "Я рад видеть вас, брат Фридрих!" Потом он подошел к королеве и хотел было обнять ее, но она оттолкнула его. Царица представила... герцога и герцогиню Мекленбургских, приехавших вместе с ними, а также и сопровождавших их 400 дам, из которых состояла ея свита, собственно говоря, все оне были горничными, кухарками и прачками, каждая из них имела на руках богато одетаго младенца и на вопрос, чей это ребенок, отвечала, отвешивая низкий поклон, как это принято в России, что это дитя у нея от царя... Я увидела этих гостей... на следующий день, когда они пришли к королеве; королева решила принять их в зале, где обыкновенно бывали большие приемы; она встретила их чуть ли не у входа во дворец, где расположена стража, и, взяв царицу за левую руку, повела ее в этот аудиенц-зал. За ними следовали король вместе с царем. Как только царь меня увидел, он тотчас же узнал меня, так как мы виделись уже пять лет*

тому назад. Он взял меня на руки и исцарапал поцелуями все мое лицо. Я била его по щекам и старалась изо всех сил вырваться из его рук, говоря, что терпеть не могу нежностей и что его поцелуи меня оскорбляют. При этих словах он громко расхохотался. Потом он стал беседовать со мной; меня еще накануне заставили выучить все, что я должна была сказать ему. Я говорила о его флоте, о его победах, и это привело его в восторг; он несколько раз повторил, что охотно отдал бы одну из своих провинций в обмен на такого ребенка, как я. Царица тоже приласкала меня... Царь был человек высокаго роста и красивой наружности, черты его лица носили печать суровости и внушали страх. На нем было простое матросское платье. Его супруга плохо говорила по-немецки и едва-едва понимала, что королева говорила ей; она подозвала к себе свою шутиху, княгиню Голицыну, чтобы поболтать с нею по-русски. Наконец все уселись за стол; царь занял место возле королевы. Как известно, в детстве его пытались отравить, отчего его нервная система отличалась... легкой возбудимостью... За столом он... так усиленно начал размахивать (ножом) перед королевой, что последняя перепугалась и хотела вскочить с места. Царь начал ее успокаивать, уверяя, что не причинит ей вреда; при этом он взял ее за руку и так крепко пожал, что королева взмолилась о пощаде. На это Петр, громко смеясь, заметил, что ея кости нежней, чем у его Катерины. После ужина должен был состояться бал, но царь, как только встали из-за стола, тайком улизнул и прошел пешком до самаго Monbijou. На следующий день ему показали все достопримечательности Берлина и, между прочим, собрание медалей и античных статуэток. Среди них была одна самая ценная в очень непристойной позе. Как мне потом стало известно, такими статуэтками в Древнем Риме украшали комнаты новобрачных. Царь очень любовался ею и вдруг приказал царице поцеловать ее. Она не захотела; тогда он разсвирепел и крикнул ей на ломаном немецком языке: "Ты головой заплатишь за свой отказ!" Как видно, он собирался казнить ее, если она ослушается его. Царица в испуге поцеловала статуэтку. Царь, нисколько не церемонясь, выпросил у короля как эту ста-

туэтку, так и несколько других. Ему также понравился дорогой шкап из чернаго дерева, за который король Фридрих I заплатил огромныя деньги, и он увез его с собой в Петербург ко всеобщему отчаянию. Наконец, через два дня... этот... двор покинул Берлин. Королева поспешила в Monbijou, где все выглядело словно после разрушения Иерусалима. Никогда ничего подобнаго не было видано!»

КАЗАКИ В БЕРЛИНЕ

Логика Семилетней войны (1756—1763) привела в конце сентября 1760 г. к Берлину несколько сотен донских казаков из 20-тысячного корпуса генерала Чернышева. Россия в этом конфликте воевала вместе с Австрией, Францией, Саксонией и Швецией против Пруссии и Великобритании. Любопытный факт: командовал казаками немец генерал Готлиб Генрих Тотлебен, когда-то живший в Берлине и принятый в царствование императрицы Елизаветы Петровны на русскую службу.

На предложение сдаться Берлин поначалу ответил отказом. Овладеть Галльскими и Котбусскими ворота русским с ходу не удалось, после чего начался обстрел города, который продлился несколько дней. Был сильно поврежден дворец Шёнхаузен. Однако, узнав о приближении австрийцев, опасаясь их больше, чем русских, и понимая, что с прибытием к осаждавшим подмоги город неминуемо будет взят штурмом, берлинцы решили капитулировать. При этом принц Вюртембергский, руководивший обороной, получил возможность уйти с войсками, не сдавая стрелкового оружия, к Шпандау. Так город избежал решающего штурма. Из военных трофеев русские взяли около 150 орудий, почти 20 тысяч ружей, несколько складов боеприпасов. Впоследствии Тотлебен был обвинен в сговоре с пруссаками, поскольку переговоры об уходе из города принц Вюртембергский вел с ним, а не с Чернышевым. К тому же в своем рапорте императрице Елизавете Тотлебен писал: ...кстати, к чести берлинцев следует отметить, что они необычайно сердечны».

Заняв Берлин, русские не тронули местного населения и его имущества, но Чернышев взял с города солид-

ную контрибуцию. Тем временем к Берлину подошли австрийцы вместе с примкнувшими к ним саксонцами. Войдя в город, они, в отличие от русских, вволю его пограбили, хотя Чернышев поделился с союзниками трофеями и контрибуцией. В свою очередь берлинцы за достойное поведение русских, которые старались ограждать местных жителей от грабежей и насилия, предложили 10 тысяч талеров в подарок военному коменданту Бахману, еще одному немцу на русской службе. Тот не принял подношение, заявив, что лучшей наградой для него было провести несколько дней в Берлине. Зная о положении дел в бранденбургской столице, французский писатель Вольтер сообщал в Петербург графу И. Шувалову, фавориту Елизаветы: *«Ваши войска в Берлине производят самое благоприятное впечатление»*. Единственные, кто пострадал от русских, были некоторые берлинские газетчики, которые писали о русских «очень дерзко, обидно и лживо». Их прогнали сквозь строй.

Тем временем Фридрих двинул к Берлину 70-тысячную армию. Узнав об этом, русские покинули город и ушли в направлении Франкфурта, забрав с собой ключ от Берлина, который потом был передан на вечное хранение в Казанский собор Санкт-Петербурга.

В военном отношении взятие Берлина не имело большого значения, но возымело громкий политический резонанс. Все европейские столицы облетела фраза, брошенная графом Шуваловым: *«Из Берлина до Петербурга не дотянуться, но из Петербурга до Берлина достать всегда можно»*.

А Тотлебен в июне 1761 г. был обвинен в предательстве, отправлен в цепях в Санкт-Петербург и приговорен к ссылке в Сибирь. В 1768 г. он, однако, добился направления на Кавказ, где за проявленную храбрость получил прощение.

Россия вышла из Семилетней войны сразу после неожиданной смерти 25 декабря 1761 г. Елизаветы Петровны. Престол на короткий срок перешел к Петру III, фанатичному поклоннику Фридриха, приславшему своему кумиру пальмовую ветвь мира чуть ли не на следующий день после того, как императрица отошла в мир иной.

А через четыре месяца был подписан мирный договор, по которому «все области, города, места и крепости, его прусскому величеству принадлежащие, кои в течение сей войны заняты были российским оружием», возвращались Фридриху без всяких контрибуций и компенсаций с его стороны.

ОЧАРОВАННЫЙ ПАВЕЛ

Крестник Петра Великого, прусский король Фридрих II, заняв престол, решил, что принцессу Софию-Доротею-Августу-Луизу Вюртембергскую следует выдать замуж за наследника российского престола великого князя Павла (1754—1801). Мать принцессы приходилась Фридриху племянницей, ее муж преданно служил королю в прусской армии, и союз вюртембергской принцессы с наследником русского престола полностью отвечал интересам Пруссии. Король выступил в роли свата, и через 13 лет после окончания Семилетней войны, в которой Фридрих бился с русскими, в июле 1776 г. в Берлине встречали жениха из России для немецкой принцессы.

Молодой великий князь Павел Петрович, будущий император Павел I

Мать жениха Екатерина II также считала такой брак полезным для России. По легенде, желая этого брачного союза, она подложила сыну миниатюру с изображением юной принцессы, и Павел в нее заочно влю-

бился. София-Доротея, готовясь к встрече с женихом, начинала учить русский язык, изучать историю России.

Молодые люди пришлись по душе друг другу. Павел Петрович позже так описывал свои впечатления от встречи с молодой принцессой: «*Я нашел свою невесту такой, какую только желать мысленно себе мог: недурна собой, велика, стройна, незастенчива, отвечает умно и расторопно... Ум солидный ее приметил... и что меня весьма удивило, так разговор ее со мною о геометрии, отзываясь, что сия наука потребна, чтобы учиться рассуждать основательно. Весьма проста в общении, любит быть дома и упражняться чтением или музыкой, жадничает учиться по-русски, зная, сколь сие нужно... Мой выбор сделан...*

Через два дня Павел попросил руки невесты. Позволение было дано незамедлительно.

Фридрих хорошо постарался, чтобы гость весело провел время в Берлине. Парады, строевые смотры, прусский порядок и беспрекословная дисциплина, театр, дневные и ночные праздники в Берлине и Потсдаме произвели огромное впечатление на гостя. В честь визита русского принца берлинский монетный двор выпустил памятную медаль с надписью: «*Павел Петрович, Великий князь Российский, Фридрихом Великим гостеприимно взыскан*». В конце июля Павел покинул Берлин, очарованный всем, что увидел в Пруссии.

Павел произвел неплохое впечатление на Фридриха II. «*Его обхождение — с людьми, чувства и добродетели восхитили мое сердце*», — писал король Екатерине после отъезда великого князя на родину. И вместе с тем в его «Записках» звучат нотки будущей трагедии: *...как бы его не постигла та же участь, что и его несчастного отца*» (Петра III, свергнутого в результате дворцового переворота и убитого. — *Авт.*).

Спустя короткое время София-Доротея прибыла в Санкт-Петербург. В православии она приняла имя Мария Федоровна, родила десятерых детей, двое из которых, Николай и Александр, впоследствии поочередно занимали российский престол. А судьба одной из ее дочерей, красавицы Елены, оказалась связана с Берлином. В пят-

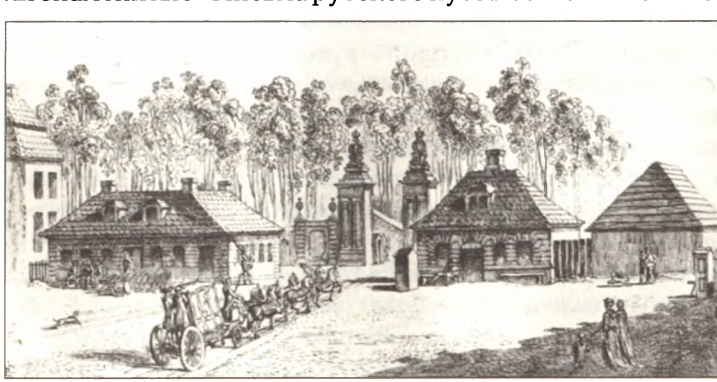
надцать лет она вышла замуж за Фридриха-Людвига, будущего герцога Мекленбург-Шверинского, и долгое время жила в прусской столице. Молодые люди очень любили друг друга. Елена — красивая, умная, веселая — очень пришлась по душе берлинцам, подружилась с королевой Луизой, первой красавицей государства. Но счастье было не долгим. Через четыре года «прекрасная Елена», так ее звали в Берлине, умерла от чахотки.

ВИЗИТ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА

Николай Карамзин

Теплым июльским вечером 1789 г., ближе к ночи, к Берлину со стороны Бранденбургских ворот подъехала коляска, в которой сидел русский писатель Николай Михайлович Карамзин, возвращавшийся из Потсдама. Чтобы въехать в город, ему пришлось объяснить страже цель приезда в прусскую столицу. «Городские ворота были уже затворены, — писал Карамзин, — однако ж нас впустили».

Берлин был одним из многих городов, которые писатель посетил во время своего путешествия в Европу, предпринятого в 1789—1790 гг. Результатом поездки стали знаменитые «Письма русского путешественника». По-



Бранденбургские ворота в 1735 г.
Гравюра Даниеля Ходовецки (Ходовики)

явление их в печати сделало Карамзина известным литератором. Некоторые филологи считают, что с этой книги началась современная русская литература.

В Берлине писатель остановился в трактире на Брудерштрассе (Bruederstrasse), что недалеко от станции метро «Шпительмаркт» (Spittelmarkt). При заселении потребовалось заполнить анкету, что немало удивило Карамзина. Зато, объяснил с важным видом хозяин, завтра о приезде русского путешественника будет объявлено в газетах.

Карамзин прекрасно говорил по-немецки, общался с берлинцами не через переводчика, оттого ценнее его воспоминания. В своих письмах он оставил весьма любопытные описания Берлина тех лет. Первое впечатление нельзя назвать приятным. «*Лишь только вышли мы на улицу, я должен был зажать себе нос от дурного запаха: здешние каналы наполнены всякою нечистотою. Для чего бы их не чистить? Неужели нет у берлинцев обоняния?* — *Д* (знакомый Карамзина, живший в Берлине. — *Авт.*) *повел меня через славную Липовую улицу* (Унтерден-Линден. — *Авт.*), *которая в самом деле прекрасна. В средине посажены аллеи для пеших, а по сторонам мостовая. Чище ли здесь живут, или испарения лип истребляют нечистоту в воздухе, — только в сей улице не чувствовал я никакого неприятного запаха. Домы не так высоки, как некоторые в Петербурге, но очень красивы. В аллеях, которые простираются в длину шагов на тысячу или более, прогуливалось много людей*».

В дальнейшем обоняние русского литератора, видимо, освоилось с местными ароматами, поскольку иначе как прекрасным Карамзин Берлин не называет. И даже защищает его жителей, когда слышит о них нелицеприятные высказывания. «*Берлин по справедливости можно назвать прекрасным; улицы и домы очень хороши. К украшению города служат также большие площади: Вилъгелъмова, Жандармская, Денгофская и проч. На первой стоят четыре большие мраморные статуи славных прусских генералов: Шверина, Кейта, Винтерфельда и Зейдлица.*

Нравственность здешних жителей прославлена отчасти с худой стороны. Господин Ц (знакомый Карамзина, живший в Берлине. — *Авт.*) *называет Берлин Содо-*

мом и Гомором; однако ж Берлин еще не провалился, и небесный гнев не обращает его в пепел. В самом деле, г. Ц забыл, что во всех семьях бывают уроды и что по сим уродам нельзя заключать о всей семье. Мудрено и людям считаться между собою в добродетелях или пороках, а городам еще мудренее.

Говорят, что в Берлине много распутных женщин; но если бы правительство не терпело их, то оказалось бы, может быть, более распутства в семействах — или надлежало бы выслать из Берлина тысячи солдат, множество холостых, праздных людей, которые, конечно, не по Руссовой системе воспитаны и которые по своему состоянию не могут жениться.

Мне сказывали, что однажды ввечеру ... развращенные берлинские вакханты... бросились на одного несчастного Орфея, который уединенно гулял в темноте аллеи; отняли у него деньги, часы и сорвали бы с него самое платье, если бы подошедшие люди не принудили их разбежаться. Но когда бы рассказали мне и тысячу таких анекдотов, то я все не предал бы анафеме такого прекрасного города, как Берлин.

В похвалу берлинских граждан говорят, что они трудолюбивы и что самые богатые и знатные люди не расточают денег на суетную роскошь и соблюдают строгую экономию в столе, платье, экипаже и проч. Я видел старика, едущего верхом на такой лошади, на которой бы, может быть, и я постыдился ехать по городу, и в таком кафтане, который сшит, конечно, в первой половине текущего столетия. Нынешний король живет пышнее своего предшественника; однако ж окружающие его держатся по большей части старины. — В публичных собраниях бывает много хорошо одетых молодых людей; в уборе дам виден вкус».

Карамзин провел в Берлине около десяти дней. Посетил Королевскую библиотеку, которая потрясла писателя своими размерами. Особенно впечатлило его «*богатое анатомическое сочинение с изображениями всех частей человеческого тела*».

В театре, посмотрев драму Коцебу «Ненависть к людям и раскаяние», Карамзин был «*приятно растроган*» и «*плакал как ребенок*».

В один из вечеров Карамзин побывал в «Зверинце» (парк Тиргартен, в дословном переводе «Зоосад»), который «*простирается от Берлина до Шарлоттенбурга и состоит из разных аллей: одне идут во всю длину его, другие поперек, иные вкось и перепутываются: славное гульбище!*». В одном из ресторанчиков угостился «белым пивом», которое ему, однако, «*очень не полюбилось*».

БЕРЛИН. АЛЕКСАНДЕРПЛАЦ

Привычное словосочетание и вместе с тем символичный для «Русского Берлина» факт — центральная площадь немецкой столицы носит имя русского царя.

Клятва у гроба

Армия Наполеона в 1805 г. на всех фронтах громила войска Антифранцузской коалиции, в которую входила Россия. Пруссия держала нейтралитет, и в октябре Александр I приезжает в Берлин, чтобы заключить с королем Фридрихом Вильгельмом III союз против Наполеона. Почти две недели шли переговоры. О совместных военных действиях не договорились, но прусский король обязался направить Наполеону ультиматум и обещал поддержать Россию военной силой, если французский император отвергнет посредничество Пруссии. Перед расставанием в ночь на 25 октября оба монарха дали обет

Александерплац (тогда еще «Скотный двор») в конце XVII — начале XIX в. Гравюра Ф. А. Калау

взаимной дружбы перед гробницей Фридриха II в гарнизонной церкви Потсдама. Это создало видимость дипломатического успеха миссии в глазах Европы. Рисунки с изображением клятвы у гробницы широко распространялись в Германии. А в качестве политического жеста именем русского царя назвали «Скотный рынок» — площадь, где тогда муштровали солдат, торговали скотом и шерстью. Из Берлина Александр I отбыл в войска с надеждой, что пруссаки все-таки выступят. Но когда 2 декабря 1805 г. разразилась битва при Аустерлице, пруссаки не пришли. Армия Фридриха Вильгельма числом более 100 тысяч солдат оказалась вне игры. Направленный к Наполеону с ультиматумом граф Ганс Христиан Гаугвиц, как писал Талейран, «*совершив либо глупость, либо преступление, не сделал ничего того, что было ему поручено, и вырыл пропасть, поглотившую затем... и его собственную страну*». Гаугвиц задержал выполнение полученного им поручения до битвы под Аустерлицем и был вынужден потом, после наполеоновской победы, подписать постыдный для Пруссии Шенбруннский договор.

Но монархи в дальнейшем сохранили дружеские отношения, а Россия осталась верным союзником Пруссии, когда та впоследствии, все-таки вступив в войну, проиграла несколько сражений Франции, в которых теперь уже Россия не могла помочь своему союзнику. Благодаря настойчивости Александра I, который сам находился в сложном положении, Франция по Тильзитскому миру вернула Германии Старую Пруссию, Померанию, Бранденбург и Силезию.

Москва-спасительница

Проигранная под Аустерлицем битва не означала поражения в войне. Через восемь лет, в феврале 1813 г., русские вошли в Берлин, преследуя наполеоновские войска, изгнанные с территории России.

К столице Пруссии, по иронии судьбы, как и 53 года назад, снова подошли российские войска под командованием генерал-адъютанта Чернышева. Конечно, не Захара Григорьевича Чернышева, но его однофамильца Александра Ивановича Чернышева, который привел к Бер-

лину корпус, состоявший из казачьей бригады и шести драгунских и гусарских эскадронов. И снова отличились русские немцы. Казачьей бригадой командовал полковник Фридрих Карл фон Теттенборн.

Белый атаман Петр Николаевич Краснов, в послереволюционной эмиграции ставший писателем, так описал этот эпизод заграничного похода русских войск: «*В феврале 1813 года генерал Чернышев... бросился к Берлину, столице Прусского королевства, занятому французами. Русских там совсем не ожидали. Чернышев отдал распоряжение о медленном, осторожном и постепенном занятии Берлина, но когда полк Киселева подошел к воротам, оттуда выехало тридцать французских всадников. Казаки с места в карьер двинулись на них, вогнали в город и влетели за ними в ворота. За полком Киселева вскочил и полк Власова, а за ними и Чернышев. Казаки промчались по улицам Берлина и выскочили на реку Шпрее, протекающую через Берлин* (в районе Александерплац. — *Авт.*). *Все мосты через реку были сломаны, кроме одного каменного. На этом мосту стояла батарея из шести пушек. Под выстрелами французской пехоты казаки пронеслись по всем улицам Берлина и потом ушли, по приказанию Чернышева, из города, наводя ужас на весь французский отряд*».

А вот как запомнилась лихая атака русских конников немецкому писателю Виллибальду Алексису, который наблюдал за ней «изнутри»: «*Уже несколько недель мы с нетерпением ожидаем освободителей... И вот, наконец, прозвучало это слово — казаки! Жуткое для французов... магическое слово... Для Берлина наступил день, когда каждое молодое патриотическое сердце прыгало в груди от блаженства... Казаки, как будто появившись из-под земли, вдруг оказались в центре Берлина... С пиками наперевес они гнали группы бледных и дрожащих врагов по широким улицам. Атаки, бой, удары копьями перед тысячами зрителей, которые торжествующе наблюдали из окон этот невероятный спектакль*». В авангарде шел казачий эскадрон в 150 сабель. Ошеломленные его яростным напором, французы отступили до Александерплац, сумев там организовать сопротивление и даже перейти

в атаку. Казаки, однако, применили военную хитрость. Укрывшись во дворе одного из домов, они пропустили преследователей и ударили им в тыл. Французы были рассеяны. В память об этом бое на доме 2 по Палисаденштрассе берлинцы укрепили памятную доску с изображением казака с пикой и назвали его «Казачьим домом». Но сегодня этой улицы уже нет на карте города.

Не стоит думать, что казаки атаковали прусскую столицу, охваченные «безумством храбрых». Бросившись в дерзкий рейд, они рассчитывали на то, что их поддержат горожане. Об этом писал впоследствии один из прусских офицеров. Но местным жителям, а также городской полиции было приказано не вмешиваться. Французы оставили город только через пять дней, когда к нему подошел корпус регулярных русских войск. Командовал им опять-таки русский немец, граф Петр Христианович Витгенштейн.

Торжественно принимал Берлин русских солдат в ноябре 1815 г., спустя несколько месяцев после битвы при Ватерлоо. Санкт-Петербургский гренадерский полк вступил в прусскую столицу во главе со своим шефом Фридрихом Вильгельмом. *«В русском мундире ехал он перед первым взводом и салютовал Государю. Офицеры обедали во дворце за королевским столом, а солдат угощала прусская гвардия. Примечательнее всего, что в тот день караулы были заняты в Берлине русскими солдатами. Людовик XIV, возведя своего внука на испанский престол, сказал: "Пиренейские горы более не существуют!" Русским можно было в подражание ему, но с большим правом сказать, что при Александре I Россия и Германия составляли одно семейство»*[1].

Дочь Фридриха Вильгельма III Шарлотта (в православии Александра Федоровна) вышла замуж за брата Александра I великого князя Николая Павловича, впоследствии российского императора Николая I, отца Александра II. Таким образом, Фридрих Вильгельм III был его дедом.

---

[1] Воспоминания А.М. Михайловского-Данилевского // Божерянов И.Н. Жизнеописание императрицы Александры Федоровны, супруги императора Николая I. Т. 1. СПб., 1890.

Весной 1818 г. Фридрих Вильгельм III приехал в Россию по случаю рождения внука, великого князя Александра Николаевича. Вместе с кронпринцем, будущим королем Фридрихом Вильгельмом IV, он едет в Москву, где поднимается на бельведер Пашкова дома и опускается на колени со словами: «Вот наша спасительница», возносся благодарность Москве за ее жертвенную роль в войне 1812 г. Дружба Александра I и Фридриха Вильгельма III была одной из самых светлых страниц в истории отношений наших стран.

АГЕНТ РУССКОГО ЦАРЯ

Около пяти часов дня 23 марта 1818 г. к угловому дому возле церкви иезуитов в Мангейме подошел молодой человек не старше 25 лет. Он был одет по моде немецких студентов тех лет: в короткий сюртук, панталоны в обтяжку и короткие сапоги. На голове — картуз с тремя посеребренными дубовыми листьями на козырьке. Бледное, в оспинах лицо обрамляли длинные черные волосы. Это был студент богословия Эрлангенского университета, фанатик националист и буржуазный либерал Карл Людвиг Занд — один из лидеров «Всегерманского студенческого союза» («Буршеншафт») и тайного общества «Тевтония». В доме, к которому он подошел, жил известный драматург, писатель и политический деятель Август фон Коцебу. Занд пришел убить его...

Совместная борьба против Наполеона дала новый толчок развитию дружественных и деловых связей между Пруссией и Россией. Одним из первых совместных проектов стала «Русско-немецкая народная газета» (Russisch-Deutsches Volks-Blatt), издававшаяся в Берлине в первой половине 1813 г. Ее задачей было создание в Германии положительного представления о России и русских как освободителей Германии. В газете был, например, опубликован «Призыв к немцам» Михаила Илларионовича Кутузова. *«Будущее устройство возрожденной Германии должно определяться только князьями и народами,* — писал он. — *Император России хочет только простирать*

над ней защитную длань. Это прекрасный памятник, который Александр воздвиг себе в мировой истории. Да будет использован знак, который он подает особенно о будущем единстве обновленной страны!»

Главным редактором газеты стал Август фон Коцебу — человек кипучей энергии, авантюрист по натуре, автор более 200 литературных произведений, очень популярный в Европе и хорошо известный в России, где он жил и работал несколько лет. Здесь он испытал и тяжесть монаршего гнева, и сладость царской милости.

О его полной приключений жизни впору писать исторический роман. Коцебу родился в 1761 г. в Веймаре. Выучился на юриста и в 1781 г., в 20 лет, по протекции прусского посланника при русском дворе получает место секретаря генерал-губернатора Санкт-Петербурга фон Брауна. Потом служит в Ревеле (ныне Таллин), где начинает заниматься драматургией. Затем Коцебу переезжает в Германию, откуда, однако, ему по политическим причинам приходится возвратиться в пределы Российской империи. С 1795 г. Коцебу живет с женой в своем имении Фриденталь под Нарвой. Через три года он отправляется в Австрию, где вскоре становится директором придворного театра в Вене. В 1800 г. неутомимый Коцебу снова едет в Россию, где в Петербурге в кадетском корпусе воспитывались его сыновья. Однако на границе его арестовывают по подозрению в шпионаже, Коцебу попадает под арест и приговаривается к ссылке в Тобольскую губернию. Возможно, такая жесткость была формой воздействия на слишком активного немца, который, как полагала российская контрразведка, обладал интересной для нее информацией. Впоследствии это косвенно подтвердилось. Из Сибири Коцебу обращается к Павлу I с просьбой о помиловании, прилагая к ней список возможных иностранных агентов в России, а также пьесу «Лейб-кучер Петра Великого». Императору пришелся по душе такой ход. Он милует писателя, жалует ему должность директора немецкого Императорского театра в Санкт-Петербурге и одновременно назначает надворным советником при театральной дирекции.

В Европе романы Коцебу издавались солидными тиражами. Его пьесы «по силе своего влияния и месту, которые они заняли в репертуаре всей Европы, не знали себе равных». В тревожные времена Наполеоновских войн Коцебу выступил родоначальником жанра «трогательной пьесы», которая, пробуждая эмоции сопереживания, одновременно утешала, так как обычно имела благополучный финал. Многие европейские театроведы называют Коцебу родоначальником немецкой комедии.

В России были переведены и поставлены свыше двадцати пьес Коцебу, а он переводил на немецкий Державина. В спектаклях по пьесам Коцебу играли ведущие российские актеры тех лет: Е.С. Семенова, В.А. Каратыгин, П.С. Мочалов, М.С. Щепкин, А.С. Яковлев... Среди приверженцев немецкого драматурга были первые лица русской культуры: Г.Р. Державин, В.А. Жуковский, Н.М. Карамзин. «Коцебу знает сердце», — писал Карамзин.

Российская публика хорошо шла «на Коцебу», но критики, обвиняя автора в потакании низким вкусам, говорили о засилье «коцебятины» на русской сцене. Понадобилось почти два столетия, чтобы в русском театроведении этот талантливый человек был определен как «ответственное звено и в цепи взаимодействия культур, и в истории русского театра», а период 1797—1801 гг. назван «эпохой Коцебу».

Утверждается, что Коцебу был последним иностранцем, с которым беседовал Павел I. Разговор шел о свершившемся союзе с Бонапартом, обсуждались планы похода в Индию. Это было вечером 11 марта 1801 г. Ночью император был убит.

Лишившись своего покровителя, Коцебу выходит в отставку, уезжает в Германию и селится в Берлине. Вместе с тем, не отвергая Россию, в 1802 г. он становится одним из главных политических агентов русского правительства в Европе. Свои отчеты Коцебу ежемесячно направлял лично Александру I. В них он сообщал о степени распространения идей Французской революции в Германии, сообщал информацию о состоянии немецкой экономики, литературы, народного просвещения и т. п.

После того как Пруссия после поражения войск коалиции под Аустерлицем заключила вынужденный союз с Францией, Коцебу уезжает в Эстляндию, где проявляет себя как яркий публицист, обличитель наполеоновского режима, сторонник России. Некоторое время он выполняет обязанности русского консула в Кёнигсберге. Вместе с русскими войсками Коцебу возвращается в Германию в 1813 г., где и становится по поручению Александра I редактором берлинской «Русско-немецкой народной газеты». Несмотря на активную прорусскую позицию, он навлекает на себя неприязнь берлинского шефа полиции Лекока и российского посланника графа Нессельроде. Оба считали газету излишне либеральной, в некоторых излишне вольных, по их мнению, статьях звучало эхо идей Французской революции о «свободе, равенстве и братстве».

Тем более что за Коцебу уже был так называемый «грех». В 1791 г. он издал перевод сочинения маркиза Жозефа де Буа-Робер де ла Вале, известного своей приверженностью идеям Французской революции. В июне 1813 г. «Народная газета» была закрыта.

Несмотря на это, в октябре 1815 г. Коцебу избирают в члены-корреспонденты Императорской Санкт-Петербургской академии наук, а через год он вновь назначается русским консулом в Кёнигсберге.

С 1817 г. Коцебу состоял при Министерстве иностранных дел России в качестве платного агента с содержанием в 15 000 рублей в год. Продолжая литературно-политическую деятельность, он издавал «Литературный еженедельник» (Literarisches Wochenblatt), оставаясь последовательным сторонником Священного союза России, Пруссии и Австрии, созданного по инициативе Александра I, в то время как местные национал-патриоты считали Россию главным душителем свободы и демократии в Европе. Коцебу отрицательно относился к зарождавшемуся тогда буржуазному либерализму. Со страниц его изданий не раз звучала резкая критика немецкого романтизма и политических идеалов патриотически настроенной немецкой молодежи.

Для Занда и таких, как он, экзальтированных немецких националистов Коцебу был ненавистен. Они од-

нозначно считали его «русским шпионом». В октябре 1817 г. на праздновании трехсотлетия Реформации в замке Вартбург члены «Буршеншафт» жгли ненавистные «противонемецкие» книги. Среди них были и сочинения Коцебу.

...Постучав в дверь дома Коцебу, Занд попросил принять его. Ему предложили подождать в приемной. Как только туда вошел хозяин дома, Занд со словами: «Вот изменник Отечества!» — нанес ему удар в лицо и вонзил кинжал прямо в сердце. Тот вскрикнул и рухнул в кресло. На крик в комнату вбежала шестилетняя дочь Коцебу и бросилась к отцу. Он уже не дышал.

Потрясенный этой сценой, Занд поражает себя кинжалом, еще покрытым кровью Коцебу. Но лезвие проходит мимо сердца. Спасаясь от прибежавших слуг, убийца с кинжалом в груди выбегает на улицу и здесь наталкивается на проходивший мимо военный патруль. С криком «Отец небесный, прими мою душу!» Занд падает на колени, наносит себе еще один удар и теряет сознание. Обе раны были очень серьезные, но юноша выжил для того,

Убийство Коцебу. Литография

чтобы быть казненным на эшафоте 20 мая 1820 г. Смерть он встретил мужественно и кротко. За несколько мгновений до конца он промолвил: «Беру Господа в свидетели, что умираю за свободу Германии». В глазах многих представителей либеральной молодежи тех лет Занд обрел образ романтического героя, включая А.С. Пушкина, который посвятил ему стихотворение «Кинжал»:

...О юный праведник, избранник роковой,
О Занд, твой век угас на плахе;
Но добродетели святой
Остался глас в казненном прахе...

После трагической гибели Коцебу все его семейство перебралось в Россию. У него было 12 детей. Большинство из них обрели в России новую родину, многие добились заметных успехов. Отто Коцебу совершил вместе с Крузенштерном первое в России кругосветное путешествие и сам впоследствии стал известным мореплавателем; художник Александр Коцебу писал батальные картины, полное собрание его работ хранится в Эрмитаже (среди лучших работ Коцебу — картина «Русские в Берлине»); Павел Коцебу, русский генерал, участник Крымской войны, проявил себя как доблестный и храбрый воин.

ПРАЗДНИЧНОЕ ДЕЙСТВО «ЛАЛЛА РУК»

Преподавателем русского языка великой княгини Александры Федоровны (дочь прусского короля Фридриха Вильгельма III, в девичестве принцесса Шарлотта) был поэт Василий Андреевич Жуковский. Зимой 1821 г. он был причислен к ее свите во время предпринятого великокняжеской четой путешествия на воды в Германию. Берлин — родной город супруги будущего русского царя Николая I — стал первой большой остановкой в поездке.

Жуковский ехал в Берлин первый, но не строил особых планов относительно пребывания в прусской столи-

Исполнительница роли Лаллы Рук великая княгиня Александра Федоровна. Картина Кристины Робертсон

це. *«Еду прямо в Берлин,* — писал он, — *где пробуду до начала марта. Это не лучшая часть моего вояжа: буду видеть прусский двор — тут нет поэзии, но буду видеть Шиллеровы и Гетевы трагедии, буду слушать лучшую музыку — это поэзия».* Но вышло так, что именно благодаря прусскому двору русский поэт стал свидетелем и участником событий, которые впоследствии составили одно из главных впечатлений его жизни. Прибытие дочери и ее супруга, будущего русского царя Николая I, в Берлин король распорядился отметить великолепными празднествами. Главным стало театрализованное действо «Лалла Рук», поставленное по мотивам одноименной «восточной» повести Томаса Мура, ставшей тогда широко известной в Германии и Франции.

В повести рассказывается о романтическом путешествии индийской принцессы Лаллы Рук к своему жениху, бухарскому принцу Алирису, в Кашмир, где они должны были обручиться и отпраздновать свадьбу.

Сценарий театрализованного действа был написан так, что в образах восточных жениха и невесты легко угадывались черты Александры Федоровны и ее супруга, а также обстоятельства путешествия немецкой невесты русского великого князя из Берлина в Петербург, которое она проделала перед свадьбой.

В основу режиссерской идеи лег принцип чередования живых картин, в которых были представлены эпизоды четырех поэм, входивших в «повесть». Перемена картин отражала этапы пути, проделанного свадебным поездом принцессы. В последнем эпизоде на праздично убранной ладье невеста вместе со свитой переправлялась через реку к дворцу принца. Тот выходит навстречу, и Лалла Рук узнает в нем поэта, который сопровождал ее во время всего пути, развлекая прекрасными стихами и песнями. Надо ли сомневаться в том, что главные роли исполнили Александра Федоровна и ее супруг? Русской княгине тогда было 23 года, она выглядела потрясающе красиво и в жизни, и в роли индийской принцессы.

Других героев представления изображали члены королевского дома и часть русской свиты. В спектакле было более 120 действующих лиц. Общее руководство подготовкой действа осуществлял директор Берлинского королевского театра граф Карл фон Брюль; декорациями, костюмами и сценическими планами занимался художник-архитектор Карл Шинкель; музыку написал придворный композитор Гаспаро-Луиджи Спонтини.

Праздник состоялся 27 января 1821 г. в Королевском дворце, где большой зал и ряд комнат были превращены в сценические площадки. Антракты между действиями заполнялись танцами.

Жуковский был в восторге от зрелища. «*Несравненный праздник...* — писал он в своем дневнике, — *всему давала очарование великая княгиня; ее пронесли на паланкине в процессии — она точно провеяла надо мною, как Гений, как сон; этот костюм, эта корона, которые только прибавляли какой-то блеск, какое-то преображение к ежедневному, знакомому; эта толпа, которая глядела на одну; этот блеск и эта пышность для одной; торжественный и вместе меланхолический марш; потом пение голосов прекрасных и картины, которые появлялись и пропадали, как привидения, живо трогали, еще живее в отношении к одному, главному, наконец, опять этот марш — с которым все пошло назад, и то же милое прелестное лицо появилось на высоте и пропало вдали — все это вместе имело что-то магическое!*»

БЕРЛИНСКИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

Заложенная Петром I традиция направления за границу на учебу подданных России получила продолжение в XIX в. В Берлин русские ехали учиться как по направлению правительства, так и частным способом, опираясь на свои средства. Для многих из них Берлин стал не только «учебной аудиторией», но и школой жизни.

Римское право для России

Довольно большая группа студентов — кандидатов правоведения была направлена российским правительством в недавно основанный Берлинский университет (ныне Университет имени Гумбольдта) для изучения юриспруденции в 1829 г. В российском отделе университетского архива (Русской библиотеке) сохранились журналы учета, куда вносились сведения о русских студентах, учившихся в университете. Когда в 1933 г. нацисты сжигали на площади перед университетом книги неугодных им авторов, о Русской библиотеке забыли.

Поездка была организована с высочайшего соизволения Николая I по инициативе Михаила Михайловича Сперанского (1772—1839), выдающегося государственного деятеля времен Александра I и Николая I, крупного реформатора

Берлинский университет в 1850 г. Гравюра Альберта Пэйна

и законотворца, составителя «Полного собрания законов Российской империи» в 45 томах, награжденного за это Андреевской звездой. Сознавая недостаток в России квалифицированных юристов, Сперанский основал «Высшую школу правоведения», в которую по «дарованию, поведению и успехам» в российских учебных заведениях отбирались наиболее способные студенты. Отправляя студентов в Берлин, Сперанский постарался, чтобы там для них были обеспечены хорошие условия для жизни и учебы. Научными руководителями русской группы выступили основоположник «исторической школы права», известный ученый Фридрих Карл фон Савиньи и ректор Берлинского университета Кленц. Занятия проводились по специальной программе, разработанной в России с упором на самые важные для нее проблемы правоведения. Во главу угла ставилось изучение римского права, которое, по мнению российских властей, могло наилучшим образом способствовать успокоению в умах мечтавших о реформах *западников*, одновременно препятствуя распространению *«в русской общественной мысли праворадикальных течений, черпавших вдохновение в славянофильской традиции»*.

В Берлин были направлены 12 человек. Среди них Д. Мейер, П. Редкин, Н. Крылов С. Орнатовский, А. Пошехонов, С. Богородский, В. Знаменский, К. Неволин и А. Благовещенский, в будущем известные деятели российской юриспруденции.

Курс обучения был рассчитан на три года. Вернувшись в Россию, «берлинцы» получили назначения в российские университеты в Москве, Санкт-Петербурге, Киеве и Харькове. Так за относительно короткий срок был образован скрепленный корпоративным духом костяк нового корпуса русской профессуры, обеспечивавший единый проблемный подход в российском правоведении.

Многие студенты, однако, привезли из-за границы *«не столько прочные знания по римскому праву, сколько багаж тех самых философских идей, противовесом которым по идее должна была стать их солидная романистическая подготовка»*[1]. Правительство восприняло это крайне не-

[1] *Виттекер Ц.Х.* Граф Сергей Семенович Уваров и его время.

гативно. *«Наши студенты,* — писал консервативный "Русский вестник", — *недостаточно обращали внимание на римское право и не довольно оценили его значение в области юриспруденции»*. Русским действительно во многом претило кумиротворение, которое отличало немецких профессоров в отношении правоведческого наследства Римской империи. *«Эти господа налегают более на римское право,* — писал домой один из студентов. — *Оно для них вещь, а остальное все — гиль* (чушь, нелепость в старом русском литературном языке. — *Авт.*). *Они хотели бы, чтобы мы знали оное так же, как это нужно у них. Нам же хочется образования более общего во всех отраслях правоведения и политики, а потом и в истории, и в философии, поскольку это взаимно связано».*

Желание глубоко внедрить постулаты римского права в отечественную юриспруденцию российским правительством, однако, оставлено не было. Спустя несколько десятков лет, после отмены крепостничества, новые экономические отношения, снижение в них роли государства и увеличение роли частного капитала потребовали новых подходов в правотворчестве. И российское правительство, с учетом опыта Сперанского, предпринимает вторую попытку создания в Берлине курсов для подготовки русских юристов за границей. При Берлинском университете в 1887 г. создается Русский институт римского права, просуществовавший почти десять лет. В Германии его называли «Русским семинаром», в России — «Временными курсами» и «Берлинской семинарией». Как и институт Сперанского, он финансировался из российской казны. Занятия вели корифеи немецкого правоведения Г. Дернбург, А. Пернис, Э. Экк... В числе выпускников Русского института мы видим таких выдающихся деятелей российской научной юриспруденции, как И.А. Покровский, Л.И. Петражицкий, П.Э. Соколовский, А.М. Гуляев, А.С. Кривцов, М.Я. Пергамент, В. Юшкевич, В. фон Зеелер...

Требования к слушателям были очень высокие. Из 26 студентов приват-доцентами и профессорами российских университетов стали только 15 человек. Как и в группе Сперанского три с лишним десятилетия назад, часть студентов оказалась восприимчивой к либераль-

ным идеям, поляк Фома (Тадеуш) Семирадский даже использовал учебу в Русском институте как прикрытие своей социал-демократической деятельности.

Возвращавшихся из-за границы «берлинцев» на российских юридических факультетах нередко воспринимали как баловней судьбы, потому что им еще до сдачи экзамена на магистра гарантировались трудоустройство, право чтения своего лекционного курса и защиты диссертации, а следовательно, повышенное жалованье.

«*Но, так или иначе,* — пишет в своем исследовании директор Санкт-Петербургского филиала Центра изучения римского права Антон Дмитриевич Рудоквас[1], — *нельзя не признать, что именно выпускники Берлинского института определили высокий уровень российской юридической романистики начала XX в., тот уровень, которого она не имела ни до, ни после этого периода».*

Первые русские салоны

Николаевская Россия считалась весьма душным местом, оттуда, как тогда говорили, *«все русское рвалось в Берлин»*. Прусская столица почиталась свободным городом, где легко дышалось и хорошо писалось, хотя его законопослушные граждане ложились спать «*гораздо раньше куриц*». Поэтому туда неудержимо тянуло молодых российских либералов-западников.

В конце первой половины XIX в. в Берлине образовались два центра общения русских «колонистов»: кружок Станкевича, объединявший в основном русских студентов, приехавших за «вторым дипломом» в Берлин, и литературно-философский салон Фроловой, который посещали многие представители немецкой культурной элиты тех лет.

Берлинский кружок Станкевича был проекцией на Берлин московского литературно-философского объе-

[1] *Рудоквас А.Д.* — кандидат исторических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры РФ, директор Санкт-Петербургского филиала Центра изучения римского права.

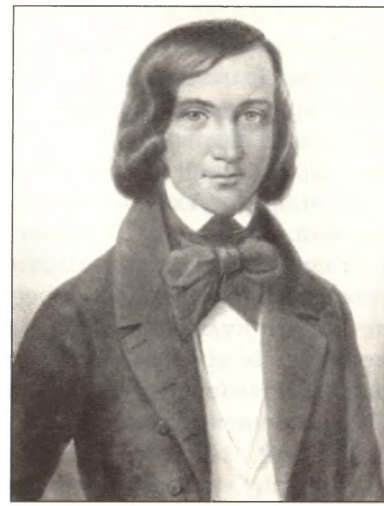
динения молодых людей, сгруппировавшихся на основе увлечения философией, эстетикой и литературой во время обучения в Московском университете в первой половине 1830-х гг. Сохранив дружеские отношения после завершения учебы в российской столице, они отправились в столицу прусскую за новыми знаниями. По словам Герцена, их роднило *«...глубокое чувство отчуждения от официальной России, от среды, их окружавшей...* Основной задачей русской интеллигенции они видели пропаганду в России либеральных идей гуманизма. В их понимании ключ к этому давали знания немецкой классической философии (прежде всего диалектики Гегеля) и западнохристианской этики. Германия была для них «Иерусалимом новейшего человечества».

Объединяло участников кружка, как отмечается в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, также *«обаяние необыкновенно светлой, истинно-идеальной личности главы кружка»* Николая Владимировича Станкевича (1813—1840).

«И все кричит: "Скорей в Берлин!..
В Берлин! В Берлин! Мне нету мочи!"
О, друг! В Берлине шумны дни!
О, друг! В Берлине сладки ночи!..
Там Гропиуса диарама
Ее хочу увидеть — страх!
Тиргартен там, на лошадях
В нем скачут кавалер и дама!»
(Из стихотворения Н. Станкевича)

Помимо Станкевича в кружок изначально входили талантливый историк Сергей Строев, создавший обширное «Описание памятников славяно-русской литературы, хранящихся в публичных библиотеках Германии и Франции», поэт Василий Красов, которого называли *«певцом рано порванной жизни, не сбывшихся надежд юности, обманутых ожиданий»*, будущий писатель Январий Неверов, один из крупнейших представителей «славянофильского» направления Константин Аксаков и звезда российской литературной и театральной критики

середины XIX в. «неистовый» Виссарион Белинский. К кружку тесно примыкали известный впоследствии публицист Михаил Катков, будущий анархист и пламенный революционер Михаил Бакунин, Василий Боткин, брат известного доктора, именем которого названа больница в Москве, либеральный историк Тимофей Грановский.



Николай Станкевич. Акварель художника Беккера

Николай Станкевич, может, не имел крупного литературного дара, но горячо любил искусство, обладал тонким вкусом, прекрасно умел вести беседу, превращая ее в наслаждение роскошью живого плодотворного общения. *...Весь наш товарищеский кружок,* — рассказывал Януарий Неверов, — *очень часто у него собирался и проводил целые вечера в чтении и в одушевленной беседе*». Многие идеи Белинского были намечены и нередко сформулированы Станкевичем. Атмосфера его кружка запечатлена Тургеневым в романе «Накануне». Из рассказа Станкевича о трагической судьбе приемной дочери московского музыканта Ф. Гебеля возник сюжет тургеневской повести «Несчастная». Тургенев оставил и лучшее описание внешности этого удивительного молодого человека, о котором сегодня мало кто помнит, но который в свое время сыграл выдающуюся роль, объединив вокруг себя светлые и пылкие молодые умы. «*Станкевич был более, нежели среднего роста, очень хорошо сложен... У него были прекрасные черные волосы, покатый лоб, небольшие, карие глаза; взор его был очень ласков и весел; нос тонкий, с горбиной, красивый, с подвижными ноздрями; губы тоже довольно тонкие, с резко означенными углами; когда он улыбался, они слегка кривились, но*

очень мило; вообще улыбка его была чрезвычайно приветлива и добродушна, хоть и насмешлива; руки у него были довольно большие, узловатые, как у старика; во всем его существе, в движениях была какая-то грация и бессознательная величавость (в оригинале distinction), точно он был царский сын, не знавший о своем происхождении».

Дом в Москве, в котором собирались участники кружка, сохранился. Одноэтажный особняк с мезонином под номером восемь стоит в Большом Афанасьевском переулке. С 1980 г. он внесен в список памятников истории и культуры. В здании, где в XIX в. собирались московские студенты-западники, сегодня расположена школа английского языка, истории и литературы «Дом Станкевича», входящая на ассоциированных началах в ЮНЕСКО.

В конце лета 1837 г. Станкевич выезжает за границу на лечение чахотки и сначала проводит около месяца в Карлсбаде (Карловы Вары). За ним, бросив мужа, едет сестра Бакунина Варвара Дьякова. После заметного улучшения состояния здоровья Станкевич отправляется в Берлин, намереваясь всласть позаниматься там его любимой немецкой философией. Там он встречает также приехавших для продолжения учебы Неверова с Грановским. Чуть позднее к ним присоединяется Строев — так в прусской столице вновь собрался основной костяк московского кружка. Товарищи селятся на улице Фридрихштрассе (Friedrichstrasse, 22 и 88). Жили довольно весело. Обаятельный Станкевич пользовался немалым успехом у местных барышень. Случалось, денег не хватало, и Неверов пытался подрабатывать игрой в лотерею, что, как ни странно, ему удавалось.

Друзья посещали лекции в Берлинском университете, в коридорах которого или на занятиях русские студенты вполне могли пересекаться с молодым Марксом. Он изучал там философию и юриспруденцию, а по своим взглядам был тогда гегельянцем, что роднило его с кружковцами. Те же лекции по философии слушал выдающийся немецкий естествоиспытатель Александр фон Гумбольдт, хотя известному ученому было уже за 70 лет. Он работал над главной книгой своей жизни «Космом: план описа-

ния физического мира», в которой отразил уровень познания мира того времени в самых разных областях.

«Здесь довольно русских, готовящихся в профессоры», — писал родным Станкевич. Русские студенты не ограничивались философией. В круг их интересов входили и история, и география, и другие предметы. Находясь под наблюдением лучшего берлинского врача доктора Баре, Станкевич, давно изучавший гегельянство, дополнительно брал частные уроки у молодого профессора Карла Вердера (1806—1893), с которым у него установились очень теплые отношения.

В кружке Станкевича много говорили о славянстве, встречались с представителями других славянских народов, желавших национального самоопределения. Об одной из таких встреч рассказывает Ю.В. Лебедев в книге о Тургеневе, вышедшей в серии «Жизнь замечательных людей». *«Однажды в гостинице Ягора, где часто сходились Грановский, Станкевич, Неверов и Тургенев, друзья встретились с компанией поляков. Кто-то из поляков с явным намерением уязвить русских прочел вслух французский памфлет против России и кончил чтение "возмутительным тостом для русских". Первым вскипел Тургенев, но Грановский тотчас остановил его, прося предоставить ему уладить дело. Потом Грановский произнес примирительную речь, которую закончил так: "Вместо слова ненависти за проклятие, направленное против нас, обратим к ним слова любви. Во главе славянского развития стала Россия, а не Польша; но нам нечего гордиться: надо братски соединить все усилия в стремлении к высокой цели, единению славян и первенствующему их развитию на историческом поприще". Поляки и русские обнялись».*

Берлинский кружок Станкевича просуществовал около двух лет. Весной 1839 г. возвращаются в Москву Неверов и Грановский. Летом того же года Станкевич выезжает в Италию, чтобы продолжить лечение. Но его время было уже сочтено. В июне 1840 г. он уходит из жизни в итальянском городке Нови, ему было только 27 лет.

Почти одновременно со Станкевичем в Берлин вместе с мужем приехала Елизавета Павловна Фролова (1800—1844). Спустя короткое время она организова-

ла литературно-философский салон, ставший в конце 30-х — начале 40-х гг. XIX в. центром культурно-общественной жизни русской колонии в Берлине. *«Это была женщина очень замечательная,* — писал впоследствии Тургенев. — *Уже немолодая* (тогда ей было около сорока, но двадцатилетнему Тургеневу она казалась чуть ли не старухой. — *Авт.*), *с здоровьем совершенно расстроенным, вскоре она умерла, некрасивая — она невольно привлекала своим тонким женским умом и грацией. Она обладала искусством... вызывать у людей ощущение непринужденности, сама говорила немного, но каждое слово ее не забывалось. В ней было много наблюдательности и понимания людей. Русского в ней было мало — она скорее походила на очень умную француженку... немножко старорежимную».*

Муж Елизаветы Павловны — Николай Григорьевич Фролов (1812—1855), отставной гвардейский офицер, — также слушал лекции в Берлинском университете. Но его интересовали прежде всего землеведение и география. Впоследствии он издавал журнал «Магазин землеведения и путешествий», написал несколько крупных трудов по естествознанию, переводил «Космос» Гумбольдта на русский язык.

Из русских среди посетителей салона были К. Аксаков, И. Киреевский, к его завсегдатаями относились члены кружка Станкевича. *«Его [Станкевича] Фролова очень любила и уважала,* — пишет дальше Тургенев. — *Она сходилась с ним в мнениях. Впрочем, я не слыхал, чтобы она с ним говорила о философии. Это было дело Вердера, который разговаривать не умел. Раз, по уходе Вердера, я не мог удержаться и воскликнул: "В первый раз слышу человека" "Да, — заметила Фролова, — жаль только, что он с одним собой знаком"».*

В салоне Фроловой бывали Феликс Мендельсон-Бартольди, очень гордившаяся своим знакомством с Гете экзальтированная Беттина фон Арним, профессора Берлинского университета Эдуард Ганс и Карл Вердер, член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук Александр фон Гумбольдт. Всеобщее внимание привлекал его друг гегельянец Карл Август Фарнгаген фон Энзе.

В период освободительных войн с Наполеоном он служил в русской армии и в составе казачьей бригады фон Теттенборна принял участие в лихой конной атаке на французов, удерживавших Берлин. В послевоенное время он стал активным проводником русской культуры в Германии, утверждая, что *«двум народам суждено развиваться в тесном и живом взаимодействии»*. Он был первым, кто представил немецким читателям Александра Сергеевича Пушкина как поэта мировой литературы, выступил автором многих статей о других русских писателях, переводил их произведения. Пушкина фон Энзе называл *«великим»*, в Гоголе видел *«самобытную гениальность»*. Он впервые привлек внимание литературной Германии к творчеству *«блистательного»* Михаила Юрьевича Лермонтова и перевел в 1840 г. его повесть «Бэла». В своей статье «Новейшая русская литература» он отмечал, что на Лермонтова *«по справедливости обращены взоры всех русских»*. Фарнгаген был знаком с Тютчевым, с которым встречался в Бад-Киссингене, и отмечал, что русский дипломат и поэт хорошо разбирается в немецкой философии, в частности весьма скептично относится к Шеллингу, лекции которого в Берлине посещали многие русские. *«Шеллинга он [Тютчев] знает... очень хорошо,* — писал Фарнгаген, — *осведомлен о том, каково его положение, удивляется, что он в Берлине все еще производит блестящее впечатление»*. Супруга фон Энзе, прекрасная Рахиль Антония, «держала» свой салон, который, в свою очередь, посещали берлинские русские.

Салон Фроловой закрылся вслед за кружком Станкевича в связи с отъездом супругов из Берлина. Через четыре года Елизавета Павловна скончалась.

Михаил Бакунин. «За светом и спасением»

Рвался в Берлин и кружковец Михаил Александрович Бакунин (1814—1876), но сумел попасть туда только в 1840 г., когда все его друзья и знакомые оттуда в основном разъехались. В марте 1840 г. Бакунин, которому тогда было 26 лет, испрашивает у родителей разрешение на поездку за границу. Согласие было получено, но денег ему не дали. Помог Герцен, одолживший 2000 рублей. В Бер-

Михаил Бакунин. Автопортрет

лин Бакунин приехал 9 июля, здесь его ждала сестра Варвара Дьякова, вернувшаяся из Италии после смерти Станкевича. Встреча с братом немного облегчила ее грусть о потере близкого человека. Она пошла на разрыв с мужем ради Станкевича. Оказалось, для того, чтобы вскоре его и потерять.

В Берлине Бакунин «с *жадностью*» изучает немецкую философию, *«от которой ждал света и спасения»*. Прежде всего Гегеля и Шеллинга. Уже в год приезда он публикует в российских «Отечественных записках» статью о современной германской философии и другие корреспонденции из Берлина. Между тем Михаил Катков, характеризуя Бакунина в статье «Кто они, революционеры?», пишет, что в Берлине *«под предлогом занятий философией он (Бакунин) предавался абсолютной праздности, хотя своей развязностью в гегелевой терминологии озадачивал добродушного Вердера, который с мистическим одушевлением преподавал в Берлинском университете логику упомянутого философа. Бакунин запечатлелся в нашей памяти под весьма характеристическим образом. Однажды в честь одного знаменитого профессора студенты устроили факельную процессию. Множество молодых людей собрались перед домом юбиляра, и когда почтенный старец вышел на балкон своего дома благодарить за сделанную ему овацию, раздалось громогласное hoch, и всех пронзительнее зазвенел у самих ушей наших знакомый голос: то был Бакунин. Черты лица его исчезли: вместо лица был один огромный разинутый рот. Он кричал всех громче и суетился всех более, хотя*

предмет торжества был ему совершенно чужд и профессора он не знал, на лекциях его не бывал...

Возможно, резкая оценка связана с давней ссорой Бакунина и Каткова, которая чуть не закончилась дуэлью. Незадолго до отъезда Бакунина в Берлин Катков обвинил его в том, что он распускает слухи о его (Каткова) романе с Огаревой. Словесная перепалка перешла в потасовку. Бакунин огрел палкой Каткова, тот в ответ влепил ему пощечину, после чего Бакунин вызвал Каткова на дуэль, которая, однако, сначала была перенесена в Берлин (в России оставшийся в живых дуэлянт по закону отдавался в солдаты), а потом по прохождении времени и позабылась. В этом конфликте все общие знакомые, кроме Герцена, были на стороне Каткова. Поэтому 4 октября 1840 г. на пристань в Кронштадте провожать Бакунина в Германию приехал только Герцен.

Бакунин оставил живые описания Берлина 40-х гг. XIX в. «*Город хороший, музыка отличная, жизнь деловая, театры очень порядочные, в кондитерских журналов много*», — писал он одному из своих друзей. Немцев он определил как «*пресмешной народ*». Как же иначе, если над дверью в портняжную мастерскую прусский орел простирает крылья над человеком с утюгом, рядом с которым надпись: «*Под его крыльями я могу гладить спокойно*».

Новые друзья

В Берлине Бакунин сближается с Иваном Тургеневым, который жил там с 1838 г. Позднее Тургенев с воодушевлением писал: «*Я приехал в Берлин, предался науке — и, наконец, я узнал тебя, Бакунин! Нас соединил Станкевич и смерть не разлучит. Скольким я тебе обязан, я едва ли могу сказать и не могу сказать: мои чувства ходят еще волнами и не довольно еще утихли, чтобы вылиться в слова*».

Тургенев предложил Бакунину переселиться к нему на Миттельштрассе (Mittelstrasse, 60), тот с удовольствием воспользовался приглашением. По словам современников, Бакунин относился к Тургеневу как к младшему брату (он был старше Тургенева на четыре года). Он особенно удерживал его от амурных похождений; сам он от

них воздерживался и полагал, что «человек, тратящий время на такие пустяки, поступает бесчестно и ждать от него ничего нельзя».

Молодые люди часто бывали в немецком салоне Генриэтты Зольмар, который нередко посещали русские. Особым шиком считалось надеть туда жилет цветом поярче. Их общим другом стал молодой профессор Карл Вердер, дававший до этого уроки логики Станкевичу. В другие вечера они отправлялись к сестре Бакунина. У Варвары Александровны, женщины обаятельной и одаренной, тоже образовался своеобразный кружок. Здесь бывали опять же Вердер и уже известный нам Фарнгаген фон Энзе, сдружившийся с Бакуниным. Сюда приходил Н.Г. Фролов.

Время проводили весело: читали вслух, спорили. Варвара Александровна прекрасно играла на фортепиано. Особенно часто звучал Бетховен. А «*после бетховенских симфоний, за чаем и копчеными языками... мы долго, долго говорили, и пели, и смеялись*», — писал Бакунин своей сестре Татьяне в 1842 г., через год после возвращения Тургенева в Россию. Надо сказать, что Бакунин писал из Берлина в Россию много и очень объемно.

Впоследствии Бакунин стал в определенной степени прообразом погибшего на баррикадах Дмитрия Рудина в «Накануне», которого Тургенев наделил как портретным, так и некоторым психологическим сходством со своим берлинским знакомцем.

Во время поездки в Дрезден осенью 1841 г. Бакунин знакомится с тамошним демократом Кесслером и Арнольдом Руге, вокруг которого тоже сформировалась группа молодых литераторов, «*которые*, — как писал Герцен, — *протестовали... против бесплодного, аристократического и бесчеловечного понимания науки... против... бегства в область абсолюта, против... бездушного воздержания, мешавшего... принимать какое-либо участие в горестях и трудах современного человечества*». Немало повлияла на Бакунина встреча с Германом Мюллером-Штрюбингом, отсидевшим семь лет за попытку поднять восстание во Франкфурте. Он прекрасно разбирался в философии, время от времени печатался. Мюллер очень

тепло относился к русским, приезжавшим в Берлин. Герцен называл его «Вергилием философского чистилища», который «вводил северных неофитов в берлинскую жизнь и разом открывал им двери в святилище des reinen Denkens und des deutschen Kneipens (чистого мышления и немецкой выпивки)». Как-то Мюллер, Тургенев и Бакунин отправились пожить на природе, сняв пансион возле одного из озер под Берлином. Бакунин, однако, заявил, что намерен не прерывать обучение и будет после обеда заниматься философией. Для этого он ежедневно, отобедав, отправлялся на пару часов к себе в комнату. Но когда Мюллеру понадобилось заглянуть к Бакунину, он увидел его сладко спящим.

Но это лишь любопытный эпизод. Нотка юмора в полифонии страстей, пробужденной в пылкой душе будущего революционера новыми знакомствами и глубочайшим, несмотря на едкие замечания недругов, погружением в изучение наук.

«Исповедь»

О берлинском периоде жизни Бакунина можно в определенной степени судить по его «Исповеди», написанной спустя годы в Алексеевском равелине Петропавловской крепости, после того как, приговоренный к смертной казни австрийским военным судом, он был в 1851 г. выслан в Россию.

«В Берлине учился полтора года. В первом году моего пребывания за границею и в начале второго я был еще чужд, равно как и прежде в России, всем политическим вопросам, которые даже презирал, смотря на них с высоты философской абстракции; мое равнодушие к ним простиралось так далеко, что я не хотел даже брать газет в руки.

Занимался же науками, особенно германскою метафизикою, в которую был погружен исключительно, почти до сумасшествия, и день и ночь ничего другого не видя кроме категорий Гегеля. Впрочем, сама же Германия излечила меня от преобладавшей в ней философской болезни; познакомившись поближе с метафизическими вопросами, я довольно скоро убедился в ничтожности и сует-

ности всякой метафизики: я искал в ней жизни, а в ней смерть и скука, искал дела, а в ней абсолютное безделье.

Немало к сему открытию способствовало и личное знакомство с немецкими профессорами, ибо что может быть уже, жальче, смешнее немецкого профессора да и немецкого человека вообще! Кто узнает короче немецкую жизнь, тот не может любить немецкую науку; а немецкая философия есть чистое произведение немецкой жизни и занимает между действительными науками то же самое место, какое сами немцы занимают между живыми народами.

Она мне, наконец, опротивела, я перестал ею заниматься. Таким образом, излечившись от германской метафизики, я не излечился, однако, от жажды нового, от желания и надежды сыскать для себя в Западной Европе благодарный предмет для занятий и широкое поле для действия. Несчастная мысль не возвращаться в Россию уже начинала мелькать в уме моем: я оставил философию и бросился в политику. Находясь в сем переходном состоянии, я переселился из Берлина в Дрезден; стал читать политические журналы (т. е. газеты)».

«Исповедь», адресованная Николаю I, неоднозначный документ. Большинство биографов Бакунина полагают, что она написана с целью облегчить свою участь в заключении, не поступившись одновременно принципами и не выдав соратников. Оттого становится понятной сквозящая в приведенном отрывке самоирония, высказав которую Бакунин рассчитывал на снисхождение со стороны Николая I.

В любом случае берлинской период стал переломным в жизни Бакунина, а его контрапунктом — публикация в 1842 г. в журнале «Немецкие летописи» статьи «Реакция в Германии», призывавшей к революции в России и заканчивавшейся знаменитой фразой: «Страсть к разрушению — творческая страсть». После Берлина он решает не возвращаться в Россию и превращается в активно действующего революционера. В январе 1843 г. он покидает Дрезден и едет в Швейцарию. Затем более четырех лет живет в Париже, встречается с Прудоном, Марксом, польскими национал-патриотами, переводит на русский

язык «Манифест Коммунистической партии». Позднее становится участником революционных событий в Париже, Праге, Дрездене, где предлагает выставить на баррикадах «"Сикстинскую мадонну" и прочие знаменитости»... Но это уже другая история.

Иван Тургенев. «Немецкое море»

Около двух лет (в несколько приездов) прожил в Берлине Иван Сергеевич Тургенев (1818—1883). Первый раз он приехал сюда весной 1837 г. «доучиваться» после Санкт-Петербургского университета. Юноша был убежден, «*что в России возможно только набраться некоторых приготовительных сведений, но что источник настоящего знания находится за границей*». Так же, по словам Тургенева, полагал и министр народного просвещения граф Сергей Семенович Уваров, чье министерство за свой счет посылало молодых людей из России учиться в немецкие университеты.

Будущему писателю было тогда 19 лет. Он давно мечтал об этой поездке, о городе, где, как он страстно надеялся, ему удастся постичь истинное знание, которым владеют немецкие философы. Тем более что он свободно говорил на немецком языке, как, впрочем, и на французском и английском. «*Я бросился вниз головою в "немецкое море", долженствовавшее очистить и возродить меня, и когда я, наконец, вынырнул из его волн — я... очутился "западником" и остался им навсегда*» — так характеризовал впоследствии писатель свое пребывание в стенах Берлинского университета. Там Тургенев провел два семестра: 1838/39 и 1840/41 гг., выезжая из Германии на короткое время в Италию и Россию.

Иван Тургенев.
Рисунок Михаила Бакунина (1841)

Любимый Вердер

Гегельянец профессор Карл Вердер был любимым преподавателем молодого Тургенева. *«Я занимался философией, древними языками, историей и с особым рвением изучал Гегеля под руководством профессора Вердера»*, — рассказывал потом в «Литературных и житейских воспоминаниях» писатель.

Вердер был дружен со многими российскими студентами, в круг его знакомств попал и молодой Тургенев, который брал у молодого профессора (тому было чуть больше тридцати) частные уроки. Восторженно внимая учителю, юноша буквально боготворил его. В письме одному из своих друзей Тургенев пишет: «*Вы не поверите, с каким жадным интересом слушаю я его чтения, как томительно хочется мне достигнуть цели, как мне досадно и вместе с тем радостно, когда всякий раз земля, на которой думаешь стоять твердо, проваливается под ногами...*» Каким трепетом, каким страстным стремлением к познанию горят эти слова! Как далека от нас эта наивная устремленность к истине...

Занятия с Вердером помогли Тургеневу углубить понимание учения Гегеля, познакомили будущего писателя с философией Канта. В дальнейшем, как отмечают литературоведы, на социально-исторические романы Тургенева часто проецировалась историческая методология Гегеля, а «таинственные повести» нередко обретали черты непознаваемой кантовской «вещи в себе», притом что в обоих жанрах звучали «немецкие» мотивы.

В Берлинском университете Вердер был звездой первой величины. Студенты, и не только русские, его обожали. Помимо глубоких энциклопедический знаний, он обладал ярким даром оратора, умел в яркой, образной форме преподносить аудитории философские постулаты, нередко облекая их в поэтические формы, используя, например, цитаты из «Фауста». Влюбленные в Вердера ученики писали тексты серенад, посвященные любимому учителю, приглашали профессиональных музыкантов, которые перекладывали эти тексты на музыку и исполняли их под окнами профессора, в окружении подпеваю-

щей им молодежи. Польщенный Вердер после концерта выходил «кланяться».

Утомившись изучением наук, Тургенев обращал свое внимание на немецкую литературу: *«Я все не перестаю читать Гете. Это чтение укрепляет меня в эти вялые дни. Какие сокровища я беспрестанно открываю в нем!»*

«Молчал, разинув рот»

В салоне Фроловой Тургенев встречался со Станкевичем, которого, видимо, знал по Москве, и *«очень скоро почувствовал к нему уважение»*, но, как писал уже в зрелые годы Иван Сергеевич, тогда они не сошлись. Философские беседы, душой которых был Станкевич, поначалу были малопонятны Тургеневу. Кроме того, как рассказывал позже писатель, одна ветреная особа, к которой был неравнодушен Станкевич, насочиняла ему, что Тургенев сделал ей предложение. Близкие отношения сложились у Тургенева со Станкевичем позже в Италии, но смерть последнего прервала их короткую дружбу.

В разговорах о театральных спектаклях, литературных произведениях, той же философии, будущем России, которые бурлили в квартире у Фроловых, Тургенев чувствовал себя неуверенно. *«Ходил туда молчать, разинув рот, и слушать»*, — писал он потом. Счастливым исключением стал частый гость салона, влюбленный в Россию Фарнгаген фон Энзе, которому Тургеневу было что рассказать. Они с удовольствием беседовали о русской литературе, много говорили о Пушкине. Тургенев читал немецкому славянофилу стихи Александра Сергеевича, помогал делать переводы его произведений. В том числе благодаря и этим совместным трудам в немецком «Ежегоднике наук и искусств» появилась статья Фарнгагена о «солнце русской поэзии», которая произвела фурор среди берлинской читающей публики.

Националист Ганс

В Берлине Тургенев впервые столкнулся с проявлениями высокоумного национализма, об идеях которого вещал с университетской кафедры профессор Эдуард Ганс. Он был остроумен, красноречив, блестяще эруди-

рован и, как писал Януарий Неверов, «*на своих лекциях, на которые каждодневно собира(лось) более 400 человек всех званий, возрастов и наций, жарко напада(л) на славянские народы и стара(лся) доказать, что они способны только воспринимать пассивно, ничего не производя, а потому все его последователи никак не хотели верить, чтобы русские могли иметь поэта с европейским значением...*». Имелся в виду А.С. Пушкин.

Такая позиция не была собственным изобретением Ганса, а следовала из рассуждений Гегеля, который, как отмечал русский историк академик С.Ф. Платонов, поставил «*народы Древнего Востока, античного мира и романской Европы... в известный порядок, представлявший собою лестницу, по которой восходил мировой дух. На верху этой лестницы стояли германцы, и им Гегель пророчил вечное мировое главенство. Славян же на этой лестнице не было совсем. Их он считал за неисторическую расу и тем осуждал на духовное рабство у германской цивилизации*».

Националистические сентенции немецкого профессора Тургенев воспринимал очень болезненно и вынес для себя из его лекций понимание недопустимости такого подхода в отношениях между людьми и народами, независимо от того, к какому роду-племени они бы ни принадлежали. Проповеди Ганса стали для Тургенева своего рода прививкой против национального самолюбования и изоляционизма.

Вместе с тем Шеллинг, нередко выступавший оппонентом Гегеля, говорил о «русской идее», «великом предназначении» России и желании «*весьма по сердцу войти с Россией в умственный союз*», что вызывало у русского студенчества всеобщее одобрение и энтузиазм.

В 1841 г., завершив обучение в университете, Тургенев возвращается в Россию, где знакомится с семьей своего берлинского друга Бакунина и влюбляется в его сестру Татьяну. Та, однако, предложила в ответ «вечную дружбу».

«Дядька» Порфирий

Вместе с Тургеневым за границу его маменькой был послан слуга — крепостной Порфирий Кудряшов, который был примерно одного возраста с барином. Поэтому

называть его «дядькой», как это делается в некоторых исследованиях, можно разве что в шутку. Есть легенда, что он был внебрачный, «тайный» сын отца Тургенева, а значит, брат Ивана Сергеевича. Однако при сопоставлении ряда фактов это предположение не находит доказательств. Другое дело, что младший брат Порфирия действительно мог быть побочным сыном Сергея Николаевича Тургенева. Здесь, видимо, и кроется причина возникновения гипотезы.

Порфирий был не просто слугой, а вроде эконома при Тургеневе. Деньги, оплата счетов были доверены ему, а не барину. Он же был обязан писать в Россию письма с рассказами о положении дел. На разницу в их положении указывало лишь то, что барин говорил Порфирию «ты», а тот ему — «вы». Они вместе обедали, играли в шахматы, в оловянных солдатиков, учили прибившуюся к ним собаку охотиться... на крыс. Мать Тургенева, Варвара Петровна, была недовольна такими равноправными отношениями, в которых ее сын из «слуги сделал компаньона».

Порфирий быстро овладел немецким языком и даже посещал лекции на медицинском факультете, приобретя специальность, которая пригодилась ему по возвращении в Россию. Он даже завел немецкую девушку. Но когда Тургенев предложил ему жениться и остаться в Берлине, отказался: «*Хоть убей меня, а Родина милее*». Притом что прекрасно знал о притеснениях, которые ожидали его в России как крепостного, — маменька Тургенева была крутого нрава.

В Берлин за любимой Полиной

Весной 1842 г. Тургенев поступает на службу в Министерство внутренних дел под начало к Владимиру Ивановичу Далю, впоследствии автору «Толкового словаря живого великорусского языка». Чиновник, однако, из Тургенева был никакой, и хотя Даль, как литератор, относился к нему весьма снисходительно, через несколько лет будущий автор «Записок охотника» выходит в отставку.

К тому времени Тургенев был уже знаком с известной певицей — испанкой Полиной Виардо (Мишель Полина

Виардо-Гарсиа, 1821—1910), знаменитой исполнительницей, которую Берлиоз называл «одной из величайших артисток прошлой и современной истории музыки». Она приехала в Петербург с итальянской оперной труппой. Во время их первой встречи ей было 22 года. Полина не была красива, но во время пения настолько преображалась, что эти минуты перевоплощения вдохновили писательницу Жорж Санд на создание образа героини ее самого знаменитого романа «Консуэло».

Тургенев страстно влюбился в певицу, увидев ее в «Севильском цирюльнике». Началась загадочная долгая любовь, почти на сорок лет, до самой смерти. Виардо была замужем, в течение жизни она родила четверых детей. До сих пор идут споры об истинном характере ее отношений с Тургеневым; муж Полины, директор Итальянского театра в Париже, известный критик и искусствовед Луи Виардо, формально *«ничего не замечал, полностью полагаясь на... благоразумие (жены)»*. Видя в Тургеневе лишь преданного обожателя, он хорошо к нему относился, переводил его произведения на французский язык. Одни биографы писателя считают, что его любовь к Полине имела платонический характер, другие утверждают обратное, находя подтверждение в его письмах к возлюбленной и, например, в том, что после одной из их встреч в Париже ровно через положенный срок Полина родила сына. Как бы то ни было, Иван Сергеевич на правах друга старался следовать за своим «ангелом» по всей Европе, мало того, в ее семье воспитывалась одно время дочь писателя Пелагея, которую родила от него дворовая девушка Авдотья Иванова из имения писателя. При этом он поменял ей имя на Полинет, сходное по звучанию с именем предмета его обожания. Пелагея-Полинет воспитывалась в семье Виардо вплоть до совершеннолетия. Особо нежных чувств к приемной матери в ней, однако, не пробудилось. Более того, она считала, что та украла у нее любовь отца.

После встречи с Виардо путешествия Тургенева по Европе в основном сводятся к посещению тех мест, где она выступала. В конце зимы 1847 г. он снова приезжает в прусскую столицу, где Виардо должна была высту-

пать в Берлинской опере. Здесь он встречается со своими старыми знакомыми Фарнгагеном фон Энзе, Мюллером-Штрюбингом, А.И. Герценым... Германия тогда жила ожиданием тревожных событий, через год разразилась революция 1848 г., берлинцы вышли на баррикады. Оказавшись в прусской столице, Тургенев увидел, что за прошедшие пять лет Берлин заметно изменился, и собрался подробно поведать своим российским читателям об обстановке в столице Пруссии в серии нескольких писем. Вышло, однако, так, что одним очерком все ограничилось. Он невелик по объему, но отражает самые разные стороны столичной жизни, включая неожиданную для современного читателя нелестную оценку немецкого пива. Без преувеличения его можно отнести к лучшим описаниям Берлина середины XIX в. Текст письма приводится с небольшими сокращениями.

Письма из Берлина

Письмо первое, 1 марта н. ст. 1847

...Вы желаете услышать от меня несколько берлинских новостей... Но что прикажете сказать о городе, где встают в шесть часов утра, обедают в два и ложатся спать гораздо прежде куриц,— о городе, где в десять часов вечера одни меланхолические и нагруженные пивом ночные сторожа скитаются по пустым улицам да какой-нибудь буйный и подгулявший немец идет из "Тиргартена" и у Бранденбургских ворот тщательно гасит свою сигарку, ибо "немеет перед законом"?

Шутки в сторону, Берлин — до сих пор еще не столица; по крайней мере, столичной жизни в этом городе нет и следа, хотя вы, побывши в нем, все-таки чувствуете, что находитесь в одном из центров или фокусов европейского движенья. Наружность Берлина не изменилась с сорокового года (один Петербург растет не по дням, а по часам); но большие внутренние перемены совершились. Начнем, например, с университета. Помните ли восторженные описания лекций Вердера, ночной серенады под его окнами, его речей, студенческих слез и криков? Помните? Ну, так смотрите же, помните хорошенько, потому что здесь все эти невинные проделки давным-давно позабыты. Уча-

стие, некогда возбуждаемое в юных и старых сердцах чисто спекулятивной философией, исчезло совершенно — по крайней мере в юных сердцах. В сороковом году с волненьем ожидали Шеллинга, шикали с ожесточеньем на первой лекции Шталя, воодушевлялись при одном имени Вердера, воспламенялись от Беттины, с благоговением слушали Стеффенса; теперь же на лекции Шталя никто не ходит, Шеллинг умолк, Стеффенс умер, Беттина перестала красить свои волосы... Один Вердер с прежним жаром комментирует логику Гегеля, не упуская случая приводить стихи из 2-й части "Фауста"; но увы! — перед "тремя" слушателями, из которых только один немец, и тот из Померании. Что я говорю! Даже та юная, новая школа, которая так смело, с такой уверенностью в свою несокрушимость подняла тогда свое знамя, даже та школа успела исчезнуть из памяти людей... Повторяю: литературная, теоретическая, философская, фантастическая эпоха германской жизни, кажется, кончена. В последнее время, вы знаете, богословские распри сильно волновали немецкие души... Так; но вы ошибетесь, если примете все эти движения, споры и распри за чисто богословские; под этими вопросами таятся другие... Дело идет об иной борьбе. Вы легко можете себе представить, какие смешные и странные виды принимает иногда, говоря словами Гегеля, Логос (или Мысль, или Дух, или прогресс, или человечество — названий много в вашем распоряжении), добросовестно, медленно и тяжко развиваемый германскими умами... но от смешного до великого тоже один шаг... Особенно теперь все здесь исполнены ожиданья...

На днях появилась здесь книга пресмешная и претяжелая, впрочем, очень строгая и сердитая, некоего г. Засса; он разбирает берлинскую жизнь по частичкам и, за недостатком других "элементов или моментов" общественности, с важностью характеризует здешние главные кондитерские... Первое издание этой книги уже разошлось. Это факт замечательный. Он показывает, до какой степени берлинцы рады критическому разбору своей общественной жизни и как им бы хотелось другой...

Новых зданий в Берлине не видать. Театр перестроен после пожара 1843 года. Он отделан очень, даже слиш-

ком богато, но во многом грешит против вкуса. В особенности неприятны искривленные статуи a la Bernini, поставленные между главными ложами. Приторно-сладкий, голубоватый фон картин на потолке тоже вредит общему впечатлению. Над сценой находятся портреты четырех главных немецких композиторов: Бетговена, Моцарта, Вебера и Глука... Грустно думать, что первые два жили и умерли в бедности (могила Моцарта даже неизвестна), а Вебер и Глук нашли себе приют в чужих землях, один в Англии, другой во Франции.— Я с большим удовольствием увидел и услышал снова Виардо. Голос ее не только не ослабел, напротив, усилился; в "Гугенотах" она превосходна и возбуждает здесь фурор...

Здесь с прошлого года существует заведенье, которого недостает в Петербурге. Это огромный кабинет для чтения с 600-ми (говорю — шестьюстами) журналами. Из них, разумеется, две трети (почти все немецкие) очень плохи; но все-таки нельзя не отдать полной справедливости учредителю. Немецкая журналистика действительно теперь никуда не годится.

Вот пока все, что я могу вам сообщить любопытного. Повторяю: я нашел в Берлине перемену большую, коренную, но незаметную для поверхностного наблюдателя: здесь как будто ждут чего-то, все глядят вперед; но "пивные местности" (Bier-Locale, так называются комнаты, где пьют этот **недостойный и гнусный напиток***) (!? — Авт.) также наполняются теми же лицами; извозчики носят те же неестественные шапки; офицеры так же белокуры и длинны и так же небрежно выговаривают букву "р"; все, кажется, идет по-старому. Одни Eckenstelier (комиссионеры) исчезли, известные своими оригинальными остротами. Цивилизация их сгубила. Сверх того, завелись омнибусы, да некто г-н Кох показывает странное, допотопное чудище — Hydrarchos, которое, по всей вероятности, питалось акулами и китами. Да еще — чуть было не забыл! В "Тиргартене" другой индивидуум, по прозванию Кроль, выстроил огромнейшее здание, где каждую неделю добрые немцы собираются сотнями и "торжественно едят" (halten ein Festessen) в честь какого-нибудь достопамятного происшествия или*

лица, лейпцигского сраженья, изобретенья книгопечатания, Семилетней войны, столпотворенья, мироздания, Блюхера и других допотопных явлений.

В следующем письме я вам еще кой-что расскажу о Берлине; о многом я даже не упомянул... но не все же разом».

Однако в мае Иван Сергеевич был вынужден выехать из Берлина, сопровождая больного Белинского в Силезию, и оттого новых писем не последовало.

Михаил Глинка. «Мне здесь хорошо»

В историческом центре Берлина, недалеко от российского посольства, перпендикулярно знаменитому бульвару Унтер-ден-Линден проходит улица Глинкаштрассе (Glinkastrasse — улица Глинки). Там, где она пересекается с улицей Моренштрассе (Mohrenstrasse), на доме № 9/63 находится солидных размеров барельеф Михаила Ивановича Глинки. Композиция встроена в заделанный проем окна. Под изображением композитора на фоне скрипичного ключа начертано по-немецки известное высказывание композитора: «*Создает музыку народ, а мы, художники, только ее аранжируем*» — и указаны годы его жизни.

Глинка бывал в Берлине пять раз. В общей сложности, как это подсчитали в берлинском Обществе имени М.И. Глинки, он прожил в немецкой столице 480 дней, или один год и четыре неполных месяца. Здесь он и оставил этот мир.

Памятные знаки

Об истории появления барельефа рассказывает Юрий Николаевич Фост, председатель правления берлинского Общества им. М.И. Глинки (Glinka-Gesellschaft Berlin e.V.), основанного в 1996 г.: «*Нам было известно, что Глинка не раз выезжал в Европу, любил европейскую музыку. Увидев этот барельеф, мы задались вопросом: жил ли в этом доме сам Глинка? Подобные утверждения встречались в отдельных публикациях. В архивах удалось выяснить, что после войны, когда Берлин лежал в руинах, этот дом на тогдашней улице Канонирштрассе (Kanonirstrasse) один из немногих сохранился почти не-*

вредимым. Его передали Центральному правлению Общества германо-советской дружбы, которое возглавлял обер-бургомистр Большого Берлина Фридрих Эберт. В мае 1951 г. Каноништрассе получила имя Глинки, а несколько позже на доме, к которому композитор не имел прямого отношения, был установлен и этот барельеф. Но произошло это не случайно. Михаил Иванович Глинка действительно жил на этой улице, но ближе к Унтерден-Линден, в трех кварталах от здания с барельефом, по адресу: Францёзишештрассе (Französischestrasse), № 8 в доме, стоящем на нынешнем пересечении этой улицы с Глинкаштрассе. Здесь Глинка поселился 1 сентября 1856 г., и этот адрес оказался последним в его жизни».

Сегодня на этом месте стоит современное здание. Слева от входа укреплена памятная доска, автором ее проекта, текстов и художественного оформления стал Ю.Н. Фост. Торжественное открытие состоялось 18 февраля 2000 г. На доске — портрет композитора и фотография другой памятной доски с текстом по старой русской орфографии: «Въ семъ домѣ жилъ и скончался 3/15 Февр.

Памятная доска на здании, стоящем на месте дома-предшественника, где жил и скончался М.И. Глинка. Архив Общества им. М.И. Глинки

Несохранившийся дом-предшественник, в котором жил и скончался М.И. Глинка. Фото: архив Общества им. М.И. Глинки

1857 года Русскій Композиторъ Михаилъ Ивановичъ Глинка». На немецком языке над фотографией разъясняется, что это «историческое изображение памятной доски на русском языке, находившейся на бывшем "Доме Глинки" на этом месте».

Главная немецкая надпись на памятной доске описывает обстоятельства, связанные с ее появлением здесь в наше время: «В разрушенном войной доме, стоявшем на этом месте, жил и работал в последние месяцы своей жизни великий русский композитор Михаил Глинка». Под портретом — нотный стан со строкой из знаменито-

го романса Глинки «Жаворонок» и словами поэта Нестора Васильевича Кукольника: «Кто-то вспомнит про меня и вздохнет украдкой». Ниже на немецком языке указано: «Михаил Глинка родился 1 июня 1804 года в Новоспасском Смоленской губернии, скончался 15 февраля 1857 года в Берлине на Францёзишештрассе, 8».

Две исторические памятные доски (одна на русском и другая с аналогичным текстом на немецком языке) были установлены 1 июня 1899 г. в год 95-летия со дня рождения Глинки на стоявшем здесь доме-предшественнике. Инициатором создания мемориального комплекса стал протоиерей храма при российском посольстве в Берлине Алексей Петрович Мальцев. Открыли мемориал от имени российской культурной общественности композитор М.А. Балакирев и дирижер Н.И. Казанли. Через год над входом на угловом фасаде, между первым и вторым этажами, был установлен бюст Глинки, а само здание — по желанию его владельца — обрело название «Дом Глинки» (Glinka-Haus), о чем свидетельствовала надпись этажом выше бюста.

Общество им. М.И. Глинки

Общество им. М.И. Глинки, Берлин (GLINKA-GESELLSCHAFT BERLIN e.V.) ведет свое начало от Общества друзей памяти М.И. Глинки в Берлине, сложившегося в 1996 г. в виде свободного объединения любителей русской классической музыки, родоначальником которой был М.И. Глинка. Официальный статус общество приобрело в 2007 г.

Общество задумали и создали Юрий Николаевич и Валентина Ивановна Фост с целью возвращения интереса широкой музыкальной аудитории Берлина к жизни и творчеству великого гения русской музыки, первого из отечественных композиторов получившего общеевропейское признание.

Деятельность общества активно поддерживают Берлинский клуб «Диалог» во главе с Татьяной Ивановной Форнер, ансамбль «Кристалл» (художественный руководитель Вильфрид Шмидт), другие коллективы и солисты, в частности популярный контра тенор

Активисты Общества им. М.И. Глинки: председатель Ю.Н. Фост, далее справа налево: В.И. Фост, Ж.Я. Круглякова, З. Тульбург

берлинского оперного театра Комишеопер (Komischeoper) Йохен Ковальски (Jochen Kowalski) и известный московский пианист Виктор Рябчиков, включающие в программы своих концертов в Берлине и других городах Германии произведения М.И. Глинки.

Благодаря деятельности общества восстановлена историческая истина в отношении последнего места жительства М.И. Глинки в Берлине и в 2000 г. в его честь открыта памятная доска на доме по ул. Францёзишештрассе, 8.

По предложению общества музыкальному салону в Доме науки и культуры Российской Федерации в связи с 200-летием со дня рождения М.И. Глинки было присвоено его имя.

С 1996 г. регулярно в памятные даты проводятся акции торжественного возложения цветов к памятной доске по ул. Францёзишештрассе, 8 и к барельефу М.И. Глинки на Глинкаштрассе, 9 (Берлин-Митте), а также к мемориалу Глинки на православном кладбище при храме Святых равноапостольных Константина и Елены в районе Тегель (Берлин-Райникендорф).

От имени общества постоянно направляются обращения к ведущим российским музыкантам, гастролирующим в Германии, в том числе к В.Т. Спивакову, М.И. Плетневу, В.А. Гергиеву, Г.Н. Рождественскому, к руководителям других выступающих в Берлине российских симфонических и камерных ансамблей с предложениями расширять их программы благодаря включению в репертуар произведений Глинки, а также весьма редко исполняемых в Германии, а потому незнакомых немецким слушателям сочинений других русских композиторов.

Общество заявило о себе в берлинских и российских периодических изданиях рядом статей и интервью, в эфире московских радиостанций «Маяк» и «Орфей», на первом и втором каналах российского телевидения, неоднократно устраивало выставки, посвященные М.И. Глинке, в помещении клуба «Диалог» и в Доме науки и культуры Российской Федерации (РДНК).

Совместно с клубом «Диалог» в течение ряда лет общество организует в Музыкальном салоне имени Глинки концерты солистов и групп немецких музыкантов и музыкантов-соотечественников под общим девизом «Памяти М.И. Глинки». Художественный руководитель — замаместитель председателя общества Жанна Круглякова.

Общество уделяет большое внимание пропаганде давних и глубоких исторических связей между русскими и немецкими музыкантами. Одним из символов таких связей стали долгая дружба и глубокое творческое сотрудничество Михаила Ивановича Глинки и выдающегося немецкого музыкального теоретика и педагога Зигфрида Вильгельма Дена. В их честь создана памятная доска, торжественное открытие которой состоялось 11 апреля 2008 г. на доме по улице Мариенштрассе, 28 (Marienstrasse), где находилась квартира любимого учителя Глинки. В тексте на доске сообщается, что летом 1856 г. Глинка жил в доме № 6 напротив по той же улице.

Продолжая свою деятельность, общество, в частности, планирует создание Кабинета-музея М.И. Глин-

ки в Берлине. Рассматриваются проекты по более широкому вовлечению молодых жителей города в круг любителей и исполнителей классической музыки. Общество рассчитывает на поддержку со стороны отечественных организаций и фондов, заинтересованных в российско-немецком культурном обмене.

Материалы общества и Ю.Н. Фоста были использованы при подготовке главы о М.И. Глинке в этой книге.

Глинка очень любил Берлин. «Hier bin ich zu Hause» («Здесь я дома»), — говорил он, приезжая сюда. Впервые в этот город он прибыл в октябре 1833 г. по пути на родину из Италии, куда ездил лечиться и «усовершенствоваться в искусстве». Он провел в стране бельканто почти три года — солидный срок, когда он отсчитывается с 26 лет. Познакомился с Гектором Берлиозом, Винченцо Беллини, Феликсом Мендельсоном-Бартольди, Гаэтано Доницетти. В Берлине Глинка поселился вместе с приехавшей сюда на лечение сестрой Натальей и ее мужем по адресу: Эгерштрассе (Jägerstrasse), 10, недалеко от дома с нынешним барельефом. То здание до наших дней не сохранилось, как и большинство строений этого района, разрушенных во время войны.

Ден — учитель и друг

В Берлине Глинка случайно встретился со своим миланским знакомым, преподавателем вокала Густавом Вильгельмом Тешнером, который познакомил молодого русского композитора с известным уже тогда педагогом и теоретиком, будущим членом Академии искусств и хранителем Музыкального отделения Королевской библиотеки Зигфридом Вильгельмом Деном (Siegfried Wilhelm Dehn, 1799—1858). Этот ученый сыграл заметную роль в развитии немецкой музыкальной культуры. Именно ему, например, удалось обнаружить и опубликовать знаменитые «Бранденбургские концерты» И.С. Баха. Глинка брал у Дена уроки музыкальной теории, хотя к тому времени он уже успел сочинить ряд удачных романсов и фортепианных произведений. Занятия композицией, полифонией,

инструментовкой не прошли даром. «Ден не только привел в порядок мои познания, но и идеи об искусстве вообще, с его лекций я начал работать не ощупью, а с сознанием», — вспоминал позднее Михаил Иванович. С первых же встреч они почувствовали друг к другу взаимное уважение и симпатию, тем более что Ден был старше своего русского ученика всего на пять лет. *«Если нужно привести пример необычайно прочных и столь же длительных творческих и чисто человеческих отношений между представителями двух таких высоких культур, как русская и немецкая,* — говорит Юрий Николаевич Фост, — *а именно такие отношения создают твердую основу уважения и понимания между великими народами, — то среди них на одно из первых мест можно поставить плодотворное сотрудничество и сердечное доверие, которые почти четверть века согревали дружбу Зигфрида Вильгельма Дена и Михаила Ивановича Глинки».*

Среди других российских учеников Дена были впоследствии братья Антон и Николай Рубинштейны, ученый и музыковед Василий Энгельгардт, композитор и будущий профессор Московской консерватории Владимир Кашперов. По пособиям Дена, подготовленным для Глинки, изучал гармонию и контрапункт Александр Даргомыжский.

В Берлине Глинка сочинил романсы «Дубрава шумит» и «Не говори, любовь пройдет». Первый был написан к переведенному Василием Жуковским стихотворению Ф. Шиллера Des Mädchens Klage, второй — на стихи Антона Дельвига. На музыкальных вечерах Глинка играл местным слушателям подготовленные им попурри по мотивам русских народных песен. Здесь у него начали вызревать мысли о создании русской национальной оперы. Тогда же он записал некоторые музыкальные темы, которые впоследствии вошли в оперную ткань «Жизни за царя».

Милая Мария

Помимо занятий с Деном, Глинка на основе сочиненных им здесь же этюдов давал уроки пения одной юной прелестной особе, с которой познакомил его тот же Теш-

нер. Занятиям способствовали полученные в Италии знания в области бельканто и замечательный голос (восхитительный тенор), которым обладал композитор. Как-то раз в России, когда он пел, у одного из слушателей, молодого человека, случился полуобморок. *«Мне показалось,* — промолвил впечатлительный юноша, когда его привели в чувство, — *что пели ангелы, и я испугался, что начнется Страшный суд...*

Ученица — звали ее Мария — оказалась очень способной, она искренне любила музыку, что делало ее в глазах Глинки еще более привлекательной, поскольку красотой девушки он был покорен с первой встречи. Надо полагать, ученица тоже симпатизировала своему любезному учителю с такими приветливыми и выразительными карими глазами. Позже Глинка вспоминал, что *«почувствовал к ней [Марии] склонность, которую, кажется, и она разделяла».*

В апреле 1834 г., получив известие о скоропостижной кончине отца, Глинка покинул прусскую столицу. С Марией он больше не встретился. В России к нему пришла другая любовь.

Королевский подарок

Глинка вновь оказался в прусской столице в середине июля 1844 г. по пути в Париж и далее в Испанию. К этому времени он был уже автором признанных и высоко оцененных опер «Жизнь за царя» («Иван Сусанин») и «Руслан и Людмила». Несколько дней, которые композитор пробыл в прусской столице, прошли в основном в беседах и музицировании с Деном. Глинка познакомил его с партитурами обеих опер и получил весьма лестную высокую оценку «первого музыкального знахаря в Европе», как называл русский композитор своего берлинского друга.

После смерти в 1851 г. матери Глинки Евгении Андреевны, которую он нежно и горячо любил, последовали еще несколько длительных поездок за границу.

В Берлине Глинка оказался в следующий раз через шесть лет, в июне 1852 г., опять по дороге в Испанию. Затем он побывал в прусской столице в апреле 1854 г. Оба

визита оказались недолгими, не более двух недель. Снова были дружеские и взаимно обогащающие встречи с Деном и музыкантами, новые музыкальные впечатления от творений Бетховена, Гайдна, Баха, прогулки по любимому городу. Прусский король Фридрих Вильгельм IV, чья сестра была женой Николая I, на Пасху 1854 г. сделал Глинке, очень любившему музыку композитора Кристофа Глюка, замечательный подарок. Король был просвещенным монархом, он неплохо знал русскую культуру, был знаком с творчеством многих писателей, поэтов, художников из России, дружил с Василием Андреевичем Жуковским. В ответ на просьбу Глинки Фридрих Вильгельм повелел дать в Королевском оперном театре внеочередной оперный спекталь Глюка «Армида».

В Берлин навсегда

В последний раз Глинка направился за границу весной 1856 г. К этому времени он уже написал знаменитые биографические «Записки», восстановил многие свои романсы, разбросанные по разным изданиям, записал по памяти утраченные, готовя их по просьбе Дена к передаче в Королевскую библиотеку в Берлине. Готовил новое издание партитуры «Жизнь за царя», переаранжировал для оркестра целый ряд своих фортепианных произведений и написал блестящий «Полонез» («Польский на тему испанского болеро»). Начал писать новую оперу, главным стало стремление гармонизировать древние русские церковные мелодии с учетом опыта великих европейских композиторов. В Петербурге такой возможности не было, к тому же этот город по ряду причин стал его раздражать, и он решил заняться новым для себя направлением музыкального творчества со своим прежним учителем Деном.

В любимый им Берлин композитор приехал в мае 1856 г. Сначала он поселился сравнительно недалеко от нынешней Глинкаштрассе — на улице Мариенштрассе (Marienstrasse) в доме № 6. Напротив него, в доме № 28, жил позаботившийся об этой квартире верный друг Зигфрид Вильгельм Ден. (Нумерация большинства берлинских улиц идет по нарастающей, начинаясь на одной

стороне улицы и заканчиваясь на другой. По принципу четных и нечетных номеров пронумерованы лишь несколько улиц города.)

Большая часть Берлина во время Второй мировой войны была разрушена, но улица Мариенштрассе почти не пострадала. Дома Глинки и Дена сохранились до наших дней. По инициативе Общества им. М.И. Глинки и при поддержке русско-немецкого клуба «Диалог» здесь 11 апреля 2008 г. появилась памятная доска, извещающая о том, что «*Теоретик музыки и издатель, член Академии искусств (отделение музыки), хранитель Музыкального собрания Королевской библиотеки Зигфрид Вильгельм Ден (25.2.1799—12.4.1858) жил в этом доме с 1855 по 1858 г. Одаренный педагог, он был учителем и преданным другом "отца русской музыки" Михаила Глинки, который летом 1856 г. жил визави по улице Мариенштрассе, 6*».

В Берлине Глинке было хорошо. Он с детства знал немецкий язык, чувствовал себя здесь своим, любил хозяйственных и аккуратных немцев. Летом и осенью 1856 г. он часто бывал в Королевской опере и в Певческом обществе (Singverein), наслаждался, как и прежде, музыкой любимых композиторов, на опере Глюка «Ифигения в Авлиде» «*просто рыдал от глубокого восторга*». В одном из писем этого времени в Россию он писал: «*Мне здесь в Берлине приходится так по душе, что и высказать не могу*». Композитор побывал в недавно построенном Новом музее на так называемом Острове музеев, ездил с Деном в парк Тиргартен или сам бродил по его тенистым аллеям.

На Мариенштрассе Глинка прожил все лето, а в начале сентября переехал на другую, более теплую квартиру на упомянутой уже улице Францёзишештрассе, 8.

Вместе с Деном Глинка изучал возможности сочетания западной фуги и русских церковных напевов в области богослужебного пения. Он усердно занимался теорией церковных тонов и полифоничной техники «строгого» музыкального письма западноевропейского Средневековья и эпохи Возрождения, определявшего особенности благозвучного сочетания нескольких мелодий. Для него было очевидным сходство ладовой организации древнерусских напевов с церковными ладами запад-

ноевропейской средневековой музыки при естественной национальной специфике. Он писал своему другу в Москву, что «*почти убежден, что можно связать Фугу* (так, с большой буквы, написано в оригинале письма. — *Авт.*) *западную с условиями нашей музыки узами законного брака*». Глинка с помощью Дена очень внимательно изучал особенности хоровых сочинений Иоганна Себастьяна Баха и итальянца Джованни Пьерлуиджи да Палестрины, одного из величайших композиторов духовной музыки. К декабрю были готовы две фуги. Многое сделанное в Берлине стало основой для последующего развития духовной музыки в произведениях П.И. Чайковского, С.И. Танеева, Н.А. Римского-Корсакова, А.Д. Кастальского и других композиторов той эпохи.

Глинка имел основания надеяться, что он сможет «дебютировать как композитор в Берлине», где будут исполнены некоторые его сочинения или фрагменты из оперы «Жизнь за царя». И это свершилось! Знаменитая ария «Ах, не мне, бедному сиротинушке» из Эпилога оперы с большим успехом прозвучала 21 января 1857 г. на единственном в году гала-концерте в Королевском дворце на Шпрее. Вдохновленный этим Глинка писал сестре, что он, по-видимому, «*первый из русских, достигший подобной чести*».

Этот концерт стал, к несчастью, и невольной причиной скорого ухода Глинки из жизни. В день концерта в Берлине было холодно. Покинув в радостном воодушевлении хорошо протопленные помещения дворца, Глинка по дороге домой простудился. Он не отличался крепким здоровьем и в этот раз заболел особенно сильно, а по причине простуды резко обострились другие хронические заболевания. Ранним утром 15 февраля 1857 г. на 53-м году жизни Михаил Иванович Глинка скончался. Похоронами озаботился Ден. Депешей он вызвал из Веймара протоиерея православной церкви Стефана Карповича Сабинина, так как священник посольской церкви был в это время в отъезде. Послал сообщение о смерти брата сестре композитора Л.И. Шестаковой. Погребение состоялось 18 февраля в присутствии композитора Джакомо Мейербера, дирижера Бейера, скрипача Грюнвальда, В.Н. Кашперова и

некоего «чиновника» из русского посольства, имени которого Ден в письме сестре покойного сообщить не смог (предполагается, что это был второй секретарь посольства граф Петр Шувалов). Присутствовали также квартирохозяева Глинки и жены обоих русских священников. Ден пережил своего друга и ученика всего на год.

Поначалу Глинка был похоронен на одном из лютеранских кладбищ Берлина. Через три месяца по именному повелению императора Александра II, удовлетворившего просьбу сестры Михаила Ивановича, гроб извлекли из могилы и отправили в Петербург, где 5 июня 1857 г. Глинка был перезахоронен на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры. Все хлопоты по этому делу, как писала Л.И. Шестакова, правительство взяло на себя.

И вздохнуть «украдкой»

Иногда можно прочитать или услышать, что могила Глинки находится в Берлине, на Русском православном кладбище при храме Святых равноапостольных и боговенчанных царей Константина и Елены в районе Тегель (Берлин-Райникендорф). Но здесь в конце широкой аллеи у самой ограды кладбища расположен только памятный ансамбль, состоящий из стелы с текстом, колонны с бюстом М.И. Глинки и старинной надгробной плиты из потемневшего силезского мрамора. Надпись на стеле сообщает, что этот «*Памятник великому русскому композитору М.И. Глинке сооружен военной комендатурой советского сектора г. Берлина в 1947 г.*» к 90-летию со дня кончины М.И. Глинки в Берлине. К тому времени на кладбище уже находилась упомянутая плита с первоначального места захоронения Глинки. Ее перенесли сюда благодаря предпринятому опять-таки по инициативе отца Мальцева поиску старых русских надгробий с разных кладбищ Берлина и сбору их в одном месте. Так появилась здесь и эта надгробная плита, изготовленная в 1857 г. по заказу Зигфрида Дена. Бюст на колонне создан в 1947 г. скульптором Масютиным на основе последней прижизненной фотографии Глинки, сделанной в Санкт-Петербурге 25 апреля / 7 мая 1856 г., за день до отъезда композитора из России.

Памятник М.И. Глинке на кладбище в Тегеле.
Архив Общества им. М.И. Глинки

Внимательный посетитель может обнаружить ошибку в дате рождения Михаила Ивановича на металлической плите у колонны, где указано 2 июня (н. ст.) 1804 г., хотя он родился на день раньше.

...Приезжая в Берлин, многие соотечественники устремляются на улицу Фридрихштрассе, где находятся многочисленные магазины, включая огромный универмаг Galeries Lafayette («Галери Лафайет»). Параллельно Фридрихштрассе проходит Глинкаштрассе. Их соединяет короткий отрезок Францёзишештрассе, которая идет от «Галери Лафайет» и заканчивается на перекрестке, где до Второй мировой войны стоял дом, в котором пол-

тора века назад жил русский композитор. Надо пройти всего несколько минут пешком, дойти до угла со знакомым именем, а там оглядеться, взглянуть в вечное небо над иными уже домами и вздохнуть «украдкой».

Софья Ковалевская. «Принцесса математики»

В начале XX в. русскую колонию в Берлине составляли 7—8 тысяч человек: русские интеллигенты, писатели, художники. К тому времени Берлин на волне возвышения Пруссии был уже не только ее столицей, но и главным городом Второго рейха — Германской империи, образованной в начале 1871 г. в результате объединения двадцати одного государства и трех ганзейских городов, расположенных на немецкой территории. Это был уже не тот сонный город, о котором писал Тургенев, а крупный индустриальный центр, где бил пульс новой жизни. Отто Лилиенталь рвался отсюда в небо на летательных аппаратах, которые делал на построенном в Берлине заводе. Из России к нему приезжал Николай Егорович Жуковский, наблюдал полеты, беседовал с отважным инженером и испытателем. В знак благодарности Лилиенталь подарил русскому ученому один из своих планеров, который хранится в московском Научно-мемориальном музее Н.Е. Жуковского.

Русская «принцесса математики» Софья Васильевна Ковалевская

В конце XIX в. в Берлине начинают строиться первые линии будущей городской электрички S-Bahn, по воле «железного канцлера» Отто фон Бисмарка преображается улица Курфюрстендамм, будущее место прогулок русских эмигрантов после революционной волны.

Вечерняя гостья

Вечером 3 октября 1870 г. в квартиру знаменитого немецкого профессора математики Карла Вейерштрасса (1815—1897) постучали. На пороге стояла миловидная девушка с умными глазами. Было видно, что она очень смущена, но голос ее звучал твердо. Она просила профессора о частных уроках.

Вейерштрасс — тогда первый математик Западной Европы, о теореме которого знает сегодня каждый инженер, — был человек доброго склада, но именно в этот период переживал полосу личных неурядиц и почти никого не принимал. К тому же он отрицал необходимость женского образования. Чтобы отвязаться от «нахалки», он дал ей несколько трудных задач. Он даже не запомнил ее лица. Как же был удивлен маститый ученый, когда через неделю посетительница принесла все задачи решенными. Причем решенными изящно и красиво. Уставший от одинокой, замкнутой жизни профессор почувствовал искреннюю симпатию к этой бесспорно талантливой, как показало испытание, гостье и согласился с ней заниматься. Это была приехавшая из России Софья Васильевна Ковалевская (1850—1891).

Профессор Карл Вейерштрасс, учитель Софьи Ковалевской

В Берлин через Гейдельберг

Российская «принцесса математики», будущая звезда русской науки, первая женщина — член-корреспондент Петербургской академии наук Софья Ковалевская (урожденная Корвин-Круковская) с раннего детства проявила выдающиеся способности к математике, но до-

ступ женщинам в Петербургский университет тогда был закрыт. Поэтому в 1869 г., вступив, чтобы обрести свободу, с В.О. Ковалевским в фиктивный брак (ставший позже фактическим), Ковалевская вместе с мужем и подругой Юлией Всеволодовной Лермонтовой (впоследствии первой русской женщиной — доктором химии) уезжает учиться в Германию.

Нельзя не сказать, что Германия была для Ковалевской чужой страной. Мать Софьи Ковалевской — немка по рождению (фамилия Шуберт) и воспитанию — была протестантского вероисповедания, но очень уважительно относящаяся к православию, *«дом ее во всех отношениях был поставлен на русскую ногу»*. В жилах Ковалевской текла также частица венгерской королевской крови, а по линии отца у нее в роду были цыгане.

Путь Ковалевской лежал сначала в Гейдельберг, отучившись здесь один семестр в местном университете, она годом позже переезжает вместе с подругой в Берлин. Однако в Берлинский университет она не была принята, хотя в Гейдельбергском университете благодаря своему математическому таланту приобрела большую известность. Ее выделял знаменитый Кирхгоф. Говорят, «*матери показывали на нее детям на улице*».

Заботливый Вейерштрасс

Получив отказ в приеме, скромная и стеснительная по характеру девушка делает решительный шаг, уповая на удачу и полагаясь на свое обаяние и умение убеждать людей. Ковалевская узнает адрес знаменитого профессора Карла Вейерштрасса, приходит к нему домой с просьбой о частных уроках и добивается своей цели.

Занятия с Вейерштрассом продлились четыре года. Занимались у него на дому и у Ковалевской на съемной квартире, где она жила с Юлией Лермонтовой. Вейерштрасс прорабатывал с русской ученицей содержание лекций, которые читал студентам, проводил практические занятия, руководил ее научной работой. А учиться у Вейерштрасса было нелегко. По свидетельству одного из современников профессора, *«его интеллектуальное превосходство скорее подавляло его слушателей, чем толкало их*

на путь самостоятельного творчества». Но выдающийся талант Ковалевской, ее упорство и целеустремленность делали ученицу вполне достойной своего учителя. «*Что касается математического образования Ковалевской, то могу заверить,* — писал он, — *что я имел очень немногих учеников, которые могли бы сравниться с нею по прилежанию, способностям, усердию и увлечению наукой*».

Результатом упорного труда стали три написанные в Берлине самостоятельные работы, каждая из которых заслуживала докторской степени. Вейерштрасс представляет их в Геттингенский университет, где в 1874 г. Ковалевской присуждается степень доктора философии «с наивысшей похвалой». За эти годы не раз поднимался вопрос о приеме Ковалевской в Берлинский университет. За нее хлопотали и сам Вейерштрасс, и другие научные светила, такие как Дюбуа-Реймон, Вирхов, Гельмгольц. Но ученый совет был непоколебим. Даже через 14 лет Ковалевская, будучи доктором Геттингенского университета и профессором Стокгольмского университета, не получила полноценного права учиться в Берлинском университете, который тремя десятилетиями раньше члены кружка Станкевича считали очагом свободомыслия и символом прогресса. Только в 1906 г. женщины во всей Германии получили право на образование.

В 1874 г. Ковалевская вернулась в Россию. Она хотела работать на родине. Но получить место в Петербургском университете не смогла, не разрешили ей сдавать магистерские экзамены и в Москве, не дали даже читать лекции на учрежденных при ее горячем участии Высших женских курсах.

Тем временем шли письма из Берлина, куда ее неустанно приглашал преданный друг Вейерштрасс. Сохранилось несколько десятков его писем к любимой ученице, которую он называл «третьей сестрой». В одном из них он писал: «*Дорогая Соня, будь уверена, я никогда не забуду, что именно я обязан моей ученице тем, что обладаю не только моим лучшим, но и единственным настоящим другом... Ты можешь быть твердо уверена: я всегда буду преданно поддерживать тебя в твоих научных стремлениях*».

Свидетельство очевидца

Повседневная жизнь Ковалевской в Берлине, как писала ее современница Е.Ф. Литвинова[1], была «*...однообразной и уединенной... целые дни [она] проводила за письменным столом. Ковалевская все время была в каком-то подавленном и грустном расположении духа, она не выходила из дома и забыла о существовании театра, к которому всегда имела влечение. На Рождество добродушный Вейерштрасс устраивал елку, на которой обе подруги непременно должны были присутствовать. Ковалевская чувствовала себя младшей сестрой в доме своего учителя* (он жил с сестрами. — *Авт.*), *где только что не носили ее на руках, но дружба с Вейерштрассом не могла наполнить всей ее души: он был намного ее старше, к тому же, как немец, он не понимал многих особенностей... русской жизни. Например, он никак не мог понять отношений Ковалевской к мужу, и она не пыталась даже объяснять ему их; не надо быть гениальным, но необходимо быть русским, чтобы понять все это. Она отдавалась самой усиленной умственной работе, на какую только была способна, очень мало спала по ночам, и сон ее всегда был неспокоен. Она отличалась чересчур нервным темпераментом и большой стремительностью... Из-за непрактичности обеих подруг им очень плохо жилось в Берлине: они всегда жили на дурной квартире, питались дурной пищей, дышали дурным воздухом и не пользовались никакими развлечениями. Все это, вместе с утомительной работой, подточило здоровье Ковалевской. Она похудела до того, что лицо ее из круглого сделалось овальным и глаза смотрели грустно и утомленно».*

Назначение в Стокгольм

В 1881 г. в Стокгольме открывается новый университет, и шведский друг Вейерштрасса профессор Миттаг-Леффлер начинает хлопотать там о месте доцента для Ковалевской. Чтобы оказаться ближе к месту событий, она снова приезжает в Берлин и селится вместе с доче-

[1] Биографический очерк «Софья Ковалевская. Женщина-математик, ее жизнь и ученая деятельность», 1894 г.

рью Соней недалеко от своего учителя. Пока идут переговоры о ее трудоустройстве, начинает работать. Помимо математики занимается и физикой, усердно изучает закономерности преломления света в кристаллах. Ее интересует электричество, она несколько раз встречается с Сименсом. Софья Васильевна живет ожиданием нового, благотворного поворота в жизни. В то же время ее мучают сомнения, не слишком ли озаботила она собой своих благодетелей, не навлечет ли она на них неприятностей. В июле 1881 г. она пишет из Берлина письмо Миттаг-Леффлеру:

«Приношу вам живейшую благодарность за все ваши хлопоты о моем назначении в Стокгольмский университет. Что касается меня, я всегда с радостью приму место доцента университета. Я никогда и не рассчитывала ни на какое другое положение и, признаюсь вам в этом откровенно, буду чувствовать себя менее смущенной, занимая скромное место; я стремлюсь применить свои познания и преподавать в высшем учебном заведении, чтобы навсегда открыть женщинам доступ в университет; теперь, как бы то ни было, этот доступ есть исключение или особая милость, которой всегда можно лишить, что и произошло в большинстве германских университетов. Хотя я и не богата, но располагаю средствами для того, чтобы жить вполне независимо; поэтому вопрос о жалованье не может оказать никакого влияния на мое решение. Я желаю главным образом одного — служить всеми силами дорогому мне делу и в то же время доставить себе возможность работать в среде лиц, занимающихся тем же делом, — это счастье никогда не выпадало мне на долю в России; я пользовалась им только в Берлине. Все это — мои личные желания и чувства. Но я считаю себя обязанной сообщить вам также следующее. Профессор Вейерштрасс, основываясь на существующем в Швеции положении дел, считает невозможным, чтобы Стокгольмский университет согласился принять женщину в число своих профессоров, и, что еще важнее, он боится, чтобы вы не повредили сильно сами себе, настаивая на этом нововведении. Было бы слишком эгоистично с моей стороны не сообщить вам этих опасений нашего уважа-

емого учителя, и вы, конечно, поймете, что я пришла бы в отчаяние, если бы узнала, что вы за меня поплатились какой-нибудь неприятностью. Я полагаю поэтому, что теперь, быть может, было бы неблагоразумно и несвоевременно начинать хлопотать о моем назначении: лучше подождать до окончания начатых мною работ. Если мне удастся выполнить их так хорошо, как я рассчитываю, то они послужат к достижению намеченной цели».

Миттаг-Леффлер не оставил хлопот, но для достижения желанного результата понадобилось два года. В течение этого времени она пишет две очень важные для нее работы, живет в Берлине, в Париже, в России, путешествует с дочерью по Европе... В 1883 г., наконец, открывается должность в Стокгольмском университете и она уезжает в Швецию. Годом позже Софья Васильевна становится здесь профессором на кафедре математики. В Стокгольме она и закончила свой жизненный путь в возрасте 41 года. Во время траурной церемонии были произнесены такие проникновенные слова: «*Софья Васильевна! Благодаря Вашим знаниям, Вашему таланту и Вашему характеру, Вы всегда были и будете славой нашей родины. Недаром оплакивает Вас вся ученая и литературная Россия... Вам не суждено было работать в родной стране. Но, работая по необходимости вдали от родины, Вы сохранили свою национальность, Вы остались верной и преданной союзницей юной России, России мирной, справедливой и свободной, той России, которой принадлежит будущее».*

Предвоенное обострение

К началу Первой мировой войны в берлинских учебных заведениях училось около 500 студентов из России, в основном в университете. Предвоенное обострение германо-российских отношений резонировало и в академической сфере. В 1913 г. вслед за мощной антироссийской кампанией в прессе вышло решение имперского министра просвещения, которым запрещалось впредь принимать русских студентов в германские университеты. Впрочем, русскими многих можно было назвать лишь условно. Еще в 1901 г., как отмечает историк А.Е. Иванов

в своей работе «Российское студенческое зарубежье. Конец XIX — начало XX вв.», антироссийски настроенные студенты-корпоранты Берлинского политехникума, выступая против засилья в нем выходцев из России, с иронией называли свой институт «полакиум» (вместо «политехникум»), возмущаясь по поводу избытка студентов польского происхождения — тогда официально подданных Российской империи и, следовательно, «русских». Точно так же в Западной Европе через сто лет называли русскими всех выходцев из стран СНГ.

Приезжие из России были лишены сословной спеси, и члены немецких корпоративных студенческих организаций негодовали, что русские *«низводят университет с его аристократической традицией с высокого пьедестала и стремятся сблизить его с грязными представителями рабочих кварталов»*. Кроме того, как отмечает также А.Е. Иванов, *«нелюбовь к "русским" коллегам со стороны немецкого студенчества выражалась в антисемитизме — неприятии "русских" студентов-евреев, составлявших большинство в академических колониях российскоподданной молодежи»*. Еще в 1890 г. немецкие студенты Шарлоттенбургского политехникума подавали ректору петицию с требованием *«удалить русско-еврейских студентов и не принимать более ни одного из них»*. Не добившись своего от ректора, они переправили петицию в Министерство просвещения, правда, также безрезультатно. В последующие годы эти шовинистические настроения заметно усилились. В феврале 1913 г. состоявшийся в Берлине съезд российского студенчества констатировал, что *«враждебность немецких студентов к "русским", особенно учившимся на медицинских факультетах университетов, имеет откровенно антисемитскую подоплеку»*.

Вместе с тем студенты-корпоранты отнюдь не представляли настроения всего немецкого студенчества в целом. Они *«не были свойственны*, — пишет А.Е. Иванов, — *той части немецких студентов, которые не входили в корпорации... Это была демократическая по своему происхождению и материальному достатку молодежь, которая поддерживала дружественные отношения со сво-*

ими товарищами по учебе из других стран. Однако ее влияние на академическую жизнь было неизмеримо меньшим, чем корпорантов».

Среди студентов было немало таких, которые весьма нуждались в средствах, некоторые реально вели полуголодное существование. Это было характерно не только для Берлина. «*...Русские в большинстве своем бедствуют здесь. Многие живут в скверных и холодных комнатах у рабочих*», — писал один российский студент немецкого происхождения, прибывший на учебу в Германию. «*В предвоенные годы русское студенческое объединение "Помощь" предлагало русским студентам в Берлине материальную помощь. Студенческое объединение снимало лекционный зал на улице Линиенштрассе. Читальня "Салтыков" недалеко от Бранденбургских ворот имела большую библиотеку. Здесь был центр встреч и контактов русских студентов в Берлине. Рядом с читальными залами располагалась студенческая столовая. Обед из трех блюд стоил 70 пфеннигов, неимущие студенты получали еду бесплатно*»[1].

БОМБИСТЫ-СОЦИАЛИСТЫ

В конце XIX в. Берлин стал своего рода столицей российской политической эмиграции. Здесь находили убежище представители всех оппозиционных партий России: эсеры, большевики, меньшевики, анархисты, бундовцы, либералы... Одни жили подолгу, другие бывали наездами. В Берлине проводились невозможные в России партийные мероприятия, печатались запрещенные на родине газеты, брошюры, книги. В Берлине выходил, например, «орган петербургских рабочих» газета «Рабочая мысль».

В немецкой столице российские революционеры хранили закупленное в Европе оружие, которое потом тайно вывозилось в Россию. Между 1895-м и 1917 г. в Берлин десять раз приезжал Владимир Ильич Ленин (1870—1924), не менее двух раз в немецкой столице был Иосиф

[1] Русские в Германии. Берлин, 2008.

Виссарионович Сталин (1878—1953). Многие российские революционеры останавливались в доме Карла Либкнехта и его гражданской жены Розы Люксембург, основателей Коммунистической партии Германии. Далеко не все связанное с пребыванием российских революционеров в Берлине известно, поскольку во времена подпольной работы огласка не требовалась, да и потом оставалось такое, о чем не стоило распространяться.

Одним из мест, где часто встречались российские эмигранты, был дом Александра Парвуса — «купца революции», через которого проходили огромные партийные суммы, поступавшие из разных источников. Ряд историков утверждает, что через него РСДРП финансировалась немецкими спецслужбами. Судя по всему, революция была для него глобальным коммерческим проектом. Часть полученных средств уходила в партийную кассу, остальное он присваивал. Ко времени Октябрьской революции на его счетах в разных странах находилось несколько миллионов марок. В Берлине он жил под именем господина Ваверки, подданного Австро-Венгрии. В его доме бывала, например, Александра Михайловна Коллонтай (1872—1952), которая в 1908 г. эмигрировала из России и жила в немецкой столице в фешенебельном пансионе недалеко от Унтер-ден-Линден. Она была хорошим оратором, прекрасно знала немецкий язык и нередко выступала на рабочих собраниях. *«Блестящий вид светской дамы,* — писал один из видевших ее в Берлине старых революционеров, — *и нарядный костюм странно контрастировали с ее пролетарским кредо»*. С Берлином у Коллонтай оказались связаны два романа. Сначала с Петром Масловым, степенным экономистом, состоявшим в законном браке, но потерявшим голову от любви и последовавшим в Берлин за своей возлюбленной, прихватив туда и свою семью. Ее вторым избранником стал революционер-пролетарий Александр Шляпников, с которым Коллонтай познакомилась на похоронах видного марксистского теоретика Поля Лафарга во Франции. С обоими она поддерживала отношения до самого конца. Шляпников был расстрелян в 1937 г., Маслов умер своей смертью в 1946 г.

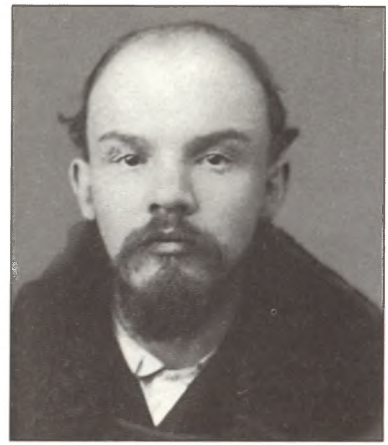
Немецкая полиция весьма внимательно следила за российскими эмигрантами и при случае не отказывала себе в удовольствии дать им острастку. Один из них, Е.Л. Ананьин, был, например, арестован по совокупности обстоятельств как подписчик немецкой социал-демократической газеты «Форвертс», за частые посещения рабочих собраний и переписку *с* «группами содействия» с целью выступления в разных городах Германии с литературным докладом. Отсидев некоторое время в «Полицей-Гефэнгнис» (своего рода СИЗО) на Александерплац, он был выслан из Пруссии, получив на сборы всего 24 часа. В своих воспоминаниях он писал: *«Полицейский режим в "свободной" Германии мало чем отличался от нашего отечественного (особенно в отношении к иностранцам). "Полицей-Гефэнгнис" была местом временного заключения, и там сидели по большей части уголовные. Внутренний распорядок в этой тюрьме меня особенно поразил по сравнению с Домом предварительного заключения в Петербурге. Помню одну подробность: стола не полагалось и пищу заключенный должен был вкушать на полу (!). В сравнении с этим Дом предварительного заключения казался Эдемом!»*

Иногда русские эмигранты, оказавшись под арестом немецкой полицией, пытались объяснить ее служащим, что являются врагами царского правительства, но не Германского государства. На немцев это впечатление не производило.

Господин Ульянов-Ленин

В августе 1895 г. в Берлинской Королевской библиотеке появился приехавший из России новый читатель — герр Ульянов, 25 лет. Хотя, возможно, он был записан под одним из своих партийных псевдонимов. Это была первая поездка будущего вождя Октябрьской революции за границу. Он выехал из России в мае. Сначала побывал в Швейцарии, потом во Франции, почти весь август провел в Берлине. Главной политической целью заезда сюда были встречи в Вильгельмом Либкнехтом и его сыном Карлом, который занимался организацией юношеского социалистического движения в Германии. Он знакомит-

ся здесь с другими деятелями немецкого рабочего движения, почти сразу после приезда участвует в открытом собрании в одном из берлинских рабочих клубов.



В.И. Ульянов в 1895 г.
Фото из полицейского архива

Из Берлина молодой русский революционер собирался в Лондон к Энгельсу, но, уже находясь в немецкой столице, он узнает, что 5 августа Энгельс ушел в мир иной. Под впечатлением горестного известия Владимир Ульянов пишет: *«После своего друга Карла Маркса (умершего в 1883 г.) Энгельс был самым замечательным ученым и учителем современного пролетариата во всем цивилизованном мире. С тех пор, как судьба столкнула Карла Маркса с Фридрихом Энгельсом, жизненный труд обоих друзей сделался их общим делом...*

Большую часть времени пребывания в Берлине Ульянов проводит в Королевской библиотеке, где работает с книгами, недоступными в России. Он интересуется культурной жизнью Берлина, посещает Немецкий театр, но смотрит не абы что, а идейно близкий спектакль Герхарта Гауптмана «Ткачи», посвященный восстанию силезских ткачей 1844 г. Некоторые его произведения впервые были опубликованы в берлинских издательствах.

Город Ульянову понравился. В конце августа он писал из Берлина своей матери: *«Живу я по-прежнему в Берлине и пока доволен. Чувствую себя совсем хорошо... Занимаюсь по-прежнему в Konigliche Bibliothek, а по вечерам обыкновенно шляюсь по разным местам, изучая берлинские нравы и прислушиваясь к немецкой речи».* В начале сентября 1895 г. Ульянов вернулся в Россию.

Позже он побывал в Берлине около десятка раз. Неоднократно встречался там с вождями революционного

Читальный зал, где работал В.И. Ульянов.
Фото: Штурм Хорст (1970)

рабочего движения: с Розой Люксембург, Августом Бебелем и другими деятелями немецкой социал-демократии. Виделся здесь с Максимом Горьким, с русскими социалистами. Без преувеличения предвоенную Германию можно назвать центром русской либеральной эмиграции.

В конце апреля 1907 г. в Берлине, перед Пятым (Лондонским) съездом РСДРП, по-видимому, состоялась важная полусекретная встреча Ленина и Сталина. Полусекретная — потому что впоследствии ни Ленин, ни Сталин, не скрывая ее факта, не рассказывали подробностей.

Не все историки, однако, согласны, что встреча вообще состоялась, мотивируя это тем, что ее участники могли обсудить все необходимые вопросы в Лондоне в дни съезда. Трудно с этим согласиться. С точки зрения революционной тактики для решения важных вопросов намного удобнее было встретиться в спокойном Берлине, чем в Лондоне в напряженные дни работы съезда, включая, в конце концов, возможность его срыва или переноса, как это получилось в июле 1903 г., когда полиция не допустила открытия Второго съезда в Брюсселе и его делегатам пришлось перебираться в Лондон. Да и Пятый съезд сначала плани-

ровалось провести в Копенгагене, но местные власти под давлением российского правительства запретили его проведение, не дали согласия Швеция и Норвегия, наиболее либеральной оказалась Англия, и тогда съезд был опять перенесен в Лондон. Плюс к тому: на съезд могли проникнуть тайные агенты царских спецслужб.

Но для чего понадобилась эта особая встреча? Ряд историков считает, что Ленин специально вызвал Сталина в Берлин, чтобы обсудить возможности работы боевых ячеек партии в период послереволюционного спада, после событий 1905 г. В предварительной повестке дня съезда стоял вопрос о прекращении вооруженной борьбы, и большевики, как утверждается, предполагали, формально проголосовав за роспуск боевых дружин, продолжить акции и экспроприации на местах. Говорили только о нападениях на склады с оружием.

Железный Камо

Примерно через два месяца после берлинской встречи — 26 (13) июня 1907 г. — произошла знаменитая тифлисская экспроприация, во время которой на Эриванской площади в Тбилиси (бывший Тифлис) группа боевиков напала на инкассаторский кортеж Государственного банка России. По казачьему караулу был открыт шквальный огонь, не оставляя шансов на сопротивление, в охрану полетели бомбы... Площадь заволокло дымом, нападавшие в считаные мгновения захватили перевозимый груз и, прикрываясь револьверной стрельбой, скрылись. По разным источникам, общая сумма похищенного составила от 250 до 350 тысяч рублей. Незадолго до этого на площади появился высокий молодцеватый полицейский пристав с лихо закрученными усами. Решительно распоряжаясь, он быстро освободил площадь от мелких торговцев и праздношатающейся публики, и когда на площадь въехал фаэтон с деньгами, она была почти пуста. Поле было приготовлено для боя. Большевики не хотели ни лишних жертв, ни свидетелей, хотя есть версия, что во время нападения погибло около пятидесяти человек. Что, по мнению автора, маловероятно с учетом того, что мы сегодня знаем о терактах. Как сомнительно и утвержде-

ние Эдварда Радзинского, что «кассу брала» «банда» числом пятьдесят человек — безумная цифра в условиях тогдашней вооруженной борьбы.

Историк А. Авторханов называет эту операцию самым дерзким в истории царской России бандитским налетом. Считается, что организатором экспроприации был Сталин, возможно лично участвовавший в нападении на инкассаторов. Командовал группой абсолютно преданный Сталину, бесстрашный революционер Симон (Семен) Аршакович Тер-Петросян (1882—1922) — партийный псевдоним Камо. За тифлисскую экспроприацию Коба (партийный псевдоним Сталина) был исключен из партии решением меньшевистского Бюро Закавказской организации РСДРП. ЦК партии, состоявший в основном из большевиков, этого решения, однако, не утвердил.

Размышляя по принципу «после того — значит вследствие того», ряд историков считает, что боевая подпольная работа партийных ячеек, включая подобные экспроприации, была главной темой встречи Ленина и Сталина, а также предположительно Камо.

Тифлисская операция имела огромный резонанс. О ней много писали в западных газетах. Ее коммерческий успех, однако, оказался невелик. Все банкноты оказались крупного достоинства — по пятьсот рублей, с переписанными номерами. В России ими пользоваться было рискованно. Несколько попыток разменять деньги за границей оказались неудачными. *«В Париже,* — пишет Н.К. Крупская, — *при этой попытке попался Литвинов — будущий нарком иностранных дел, в Женеве подвергся аресту и имел неприятности Семашко — будущий нарком здравоохранения. Впрочем, часть добычи удалось реализовать... Чтобы не было в Европе компрометирующих партию новых попыток размена экспроприированных пятисоток, в 1909 г., по настоянию меньшевиков, оставшиеся неразменянные билеты решено было сжечь»*[1].

Царские спецслужбы развернули тотальную охоту за участниками экспроприации на Эриванской площади. Надежнее всего было скрыться за границей. Камо уез-

[1] *Валентинов Н.* Малознакомый Ленин. СПб., 1991.

жает в Берлин, но здесь почти сразу по приезде 5(18) ноября 1907 г. его по наводке провокатора задерживает германская полиция. Как писала на следующий день газета «Русское слово», *«в его чемодане с двойным дном найдено 8 пакетов с взрывчатыми веществами и 200 электрических запалов».* По документам задержанный был австрийским страховым агентом Дмитрием Мирским. Он отказался давать о себе сведения и объяснить цель хранения взрывчатых веществ. Настоящее имя арестованного удалось, однако, быстро установить. Немецкие и российские жандармы сотрудничали между собой, в Берлине с согласия германских властей действовали агенты царской полиции.

Поначалу, когда царские спецслужбы начали формировать агентурную сеть в Берлине, местная полиция увидела в этом угрозу своему государству. Русские, однако, убедили немцев, что намерены лишь следить за своими неблагонадежными гражданами, выезжающими за границу, а не строить козни против Второго рейха. *«Отношения с местной полицией установились настолько "дружеские"*, — писал начальник Заграничного отдела Департамента полиции П.К. Рачковский, — *что полицейский комиссар Винен стал оказывать русским "негласные услуги за денежное вознаграждение"».* Например, в сентябре 1907 г. газета «Русский голос» писала, что «*в Берлине цензура запретила представление на сцене Нового театра пьесы фон-Лемана, носящей название "Чудеса" содержанием которой послужили русские политические и общественные события, изображенные в отрицательном виде и с персонажами из русского сановного мира*». Запрет был вызван вмешательством российского посольства, что вызвало «*сильное волнение в берлинских литературных и артистических кругах*».

Камо был заключен в тюрьму Моабит. Осенью того же года в Берлин приезжают Сталин и Красин, куда их вызвал Ленин. Участники встречи никогда подробно о ней не рассказывали, есть версия, что планировалась попытка вооруженного освобождения Камо из берлинской тюрьмы. Но активных действий, как мы знаем теперь, не последовало.

Между правительствами России и Германии было соглашение о взаимной выдаче политических преступников, признанных таковыми по суду. Чтобы избежать судебного процесса и выдачи российским властям, Камо инсценировал сумасшествие. Два года за ним наблюдали ведущие психиатры-криминалисты Берлина. Обследование проводилось с немецкой обстоятельностью, а поскольку пациент демонстрировал симптомы умопомешательства, когда человек полностью теряет чувствительность к боли, было назначено испытание иглами и огнем. Сначала были просто уколы — испытуемый не выказал никакой реакции, потом ему загнали иголку под ноготь, жгли раскаленным докрасна железом, пропускали электроток — он по-прежнему оставался спокоен. Врач наблюдал за глазами «пациента». По зрачкам можно было определить, действительно ли человек невероятным напряжением воли терпит боль — в этом случае зрачки непроизвольно расширяются, или действительно ее не чувствует, и тогда зрачки остаются в нормальном состоянии. Тюремный медик видел — зрачки в ответ на боль расширялись. Но насколько же сильна была воля этого человека, если он не выдал себя ни единым стоном или жестом! «Эксперимент» прекратили. Тюремный консилиум *«после продолжительного, почти двухнедельного наблюдения врачебным персоналом тюремной больницы Моабит, больницы в Герцберге, а также клиники в Бухе»* вынес следующее решение: *«1) Тер-Петросян представляет собой человека с недостаточными умственными способностями, с истерико-неврастенической организацией, могущей перейти в состояние явного помешательства. 2) О преднамеренной симуляции не может быть и речи. 3) Тер-Петросян в настоящее время не способен к участию в судебном разбирательстве и не будет к этому способен. 4) Тер-Петросян в настоящее время не способен отбывать наказание и не будет способен в будущем».*

В течение двух лет российские власти требовали выдачи Камо. Немцы сомневались. Не сдавать русского «анархиста» требовали местные либералы, шумели социал-демократические газеты, утверждавшие, что российского

революционера довели в немецких застенках до сумасшествия. Издававшаяся тогда в Берлине газета «Русское слово» в феврале 1908 г. писала: *«Процесс анархиста Мирского отложен на неопределенное время, впредь до исследования врачами состояния его умственных способностей. Говорят, что тюремный режим сильно расстроил здоровье подсудимого, повлияв на его рассудок».*

И все же в сентябре 1909 г. Камо доставили на пограничную станцию Вешен-Стрелково и передали представителям царских спецслужб. Прогрессивный Берлин кипел от возмущения. Министр иностранных дел клялся, что в России Камо не будет казнен. Ему действительно тогда удалось избежать смерти. Он погиб под колесами автомобиля в Тбилиси в 1922 г., где работал в ЧК вместе с Берией.

После ареста Камо-Мирского берлинская полиция нагрянула с обысками по местам, где собирались российские социалисты. *«При обыске в ресторане... Керфина, преимущественно посещаемого русскими, конфискован склад оружия, принадлежащего русским социал-революционерам,* — сообщала газета "Русское слово" (27(14).XI.1907). — *В сундуках находилось 15 револьверов с запасными частями, 3000 патронов, электрический двигатель, посредством которого предполагалось воспламенять на больших расстояниях электрические снаряды для взрыва зданий и мостов, затем два мешка со скрытыми в них карманами, наполненными революционными изданиями на русском языке. Карманы эти могли служить и для контрабандного провоза оружия. Склад помещался в двух необитаемых комнатах, переполненных террористической литературой и летучими листками. Конфискованные предметы увезены в двух мебельных фургонах».* На другой конспиративной квартире, писала несколькими днями позже та же газета, *«было найдено 1500 пудов бумаги с водяными знаками... употребляемой в России для печатания облигаций и акций государственных бумаг. Напечатанные произведения [были] снабжены печатью центрального комитета Русской социал-демократической партии».* Следствие установило, что русским террористам помогали германские социал-демократы. Спустя короткое вре-

мя стало известно об аресте 17 граждан России, принятых берлинской полицией за членов Центрального комитета Российской социал-демократической рабочей партии (ЦК РСДРП). И хотя быстро выяснилось, что к ЦК они отношения не имеют, всю группу выслали без суда за пределы Пруссии.

Такое развитие событий вывело русскую тему на передний план общественно-политической жизни Берлина тех лет. Один из депутатов рейхстага выступил с официальным требованием *«принять меры против наплыва русских студентов в германские учебные заведения и резко отозвался о русских заговорщиках, опасность от которых (была) ясно доказана обнаружением склада оружия»*.

Камо был далеко не единственным российским подданным, оказавшимся в тюрьме Моабит перед Первой мировой войной. В 1911—1912 гг. сюда был, например, заключен разведчик, капитан русского Генерального штаба Михаил Костевич, выкравший секретные чертежи тяжелой пушки.

Король провокаторов

В 1915—1917 гг. в Моабите сидел Евно Фишелевич Азеф (1869—1918) — один руководителей партии эсеров, возглавлявший ее боевую организацию, и одновременно «агент осведомительной службы» царской охранки, злой гений российской партии социалистов-революционеров, «двойной предатель», которого называют величайшим провокатором XX в. По образованию Азеф был инженером. Учился в Дармштадте, где в 1897 г. с отличием окончил Высшую электромеханическую школу, одну из лучших в Германии.

Пятнадцать лет Азеф вел блестящую двойную игру. Часть терактов готовил втайне от Департамента полиции, с которым сотрудничал с 1893 г. Как правило, они были успешными, что обеспечивало Азефу среди революционеров авторитет преданного борца, находившегося долгое время вне всяких подозрений. О других акциях, тщательно подстраховав себя, он сообщал в полицию.

Как агент охранки он предотвратил покушение на министра внутренних дел И.Н. Дурново, на царя Николая II

(было арестовано около 30 человек), выдал весь первый состав ЦК партии социалистов-революционеров, эсеров-боевиков Слетова, Ломова, Веденяпина, Якимову, Конопляникову и ряд других.

Как руководитель боевой организации эсеров организовал более 30 террористических актов, среди которых убийства шефа корпуса жандармов В.К. Плеве, петербургского генерал-губернатора Д.Ф. Трепова, генерал-губернатора Москвы великого князя Сергея Александровича, петербургского градоначальника В.Ф. фон дер Лауница, главного военного прокурора В.П. Павлова и многих других. При его участии во время Русской революции в августе 1905 г. в конце Русско-японской войны была предпринята попытка провоза морем в Россию из Англии большой партии оружия и боеприпасов, закупленной, как утверждается, на деньги, полученные из японских источников. Для операции был приобретен пароход «Джон Графтон», команду которого в основном составили латыши социалисты. «Джон Графтон» вез более 30 тысяч единиц стрелкового оружия канадского и швейцарского производства, патроны, динамит, пироксилин. Общая стоимость всего проекта составила около 100 тысяч рублей. Груз предназначался для боевых дружин эсеровских и большевистских организаций, которые осенью 1905 г. должны были активизировать вооруженную борьбу с целью силового захвата власти. Пароход, однако, сел на мель у финского берега, и большая часть оружия попала в руки российской пограничной стражи.

Охранное отделение платило Азефу за услуги около 1000 рублей в месяц. Для сравнения: во время работы во Всеобщей электрической компании в Москве он получал ежемесячное жалованье 175 рублей.

В 1908 г. Азеф был все-таки разоблачен. Важную роль в этом сыграл бывший директор Департамента полиции А.А. Лопухин. Спасаясь от вынесенного партией эсеров смертного приговора, Азеф скрывается на территории Европы. Получив от своих работодателей в царской охранке несколько настоящих заграничных паспортов, он отправляется вместе с супругой, немецкой певицей кабаре Хедди де Херо, в большое путешествие. Сначала

едут на юг — Италия, Греция, Египет... Затем на север — Швеция, Норвегия, Дания... Заметая следы, они любуются достопримечательностями. Подолгу нигде не останавливаются. Так прошел почти год. После чего было решено поселиться в Берлине. По паспорту Александра Неймайера, купца, обосновались в Вильмерсдорфе на Луитпольдштрассе (Luitpoldstrasse), 21, — в одном из лучших районов тогдашнего Берлина, в большой шестикомнатной квартире с роялем и дорогой обстановкой. Денег не жалели — состояние Азефа составляло около 200 — 250 тысяч марок. Очень солидная по тем временам сумма. Началась спокойная, размеренная жизнь. Азеф довольно успешно играл на бирже (по-крупному, но осмотрительно), завел полезные в новой среде знакомства. Иногда у него собирались гости за русским самоваром...

Между тем для его поиска в Берлине под руководством Карла Либкнехта была создана небольшая группа из русских и немецких социал-демократов. Но искала она его как-то вяло, так и не сумев вычислить предателя. Мало того, в 1912 г., предварительно распродав имущество и съехав с квартиры, Азеф встречается со своим разоблачителем, публицистом и революционером Владимиром Бурцевым. Здесь, по словам историка Б.И. Николаевского, «*Азеф пытался доказать, что объективно его деятельность все же приносила значительно больше выгод революции, чем полиции... держа маленькие ладони своих рук как чаши весов, он перечислял то, что дает перевес делу революции, и этому противопоставлял то из содеянного им, что выгодно было полиции*»[1]. В ответ на замечание Бурцева о безнравственности такой линии в глазах у Азефа отразилось такое удивление, такое «*искренне недоуменное непонимание*», что у его собеседника пропало всякое желание развивать эту тему.

«*Особенно настойчиво,* — пишет дальше Б.И. Николаевский, — *Азеф старался доказать, что уже давно не поддерживает никаких связей с полицией... Наоборот, он был бы рад, если бы своим рассказом о связях с пред-*

[1] *Николаевский Б.И.* История одного предателя. Террористы и политическая полиция, 1931.

ставителями полицейского мира мог оказать последнюю услугу революционному движению, а потому просил Бурцева взять на себя инициативу по организации суда над ним, особенно настаивая на том, чтобы об этом суде немедленно же было опубликовано в газетах, — не только русских, но и французских и немецких». При этом «король провокаторов» говорил, что готов покончить жизнь самоубийством, если таков будет приговор.

У Бурцева сложилось впечатление, что Азеф, видимо, «*действительно хочет суда над собой*», но одновременно он чувствовал, что тот ведет какую-то свою игру. И все же Бурцев считал необходимым организовать суд, а не убивать Азефа, «*как бешеную собаку, которую убивают везде, где только встретят: именно такое настроение в отношении к Азефу было в это время среди эмигрантов социалистов-революционеров».* Свою позицию Бурцев отразил в написанном им рассказе о встрече с Азефом, опубликованном во многих газетах. Но суд не состоялся, «*"старые товарищи" Азефа психологически не могли встретиться с ним, — хотя бы как с подсудимым, — и отказались от каких бы то ни было разговоров на эту тему*». Азеф, однако, сумел извлечь свою пользу из встречи с Бурцевым. Тот, как отмечает Б.И. Николаевский, поверил, что «*Азеф больше не имеет никаких сношений с полицией, — а вслед за Бурцевым этому поверил и весь мир. В результате настойчивость, с которой революционеры вели поиски Азефа, не могла не ослабеть. А для последнего это было самым главным».*

После встречи с Бурцевым Азеф снова около года колесил по Европе, но в 1913 г. вернулся в Берлин. Начавшаяся Первая мировая война подкосила его биржевой бизнес, старые накопления подошли к концу, и чтобы удержаться на плаву, Азеф открывает модное ателье, которое давало ему средства к существованию в первый год войны. Жить было тяжело, но сносно, пока в июне 1915 г. в кафе на Фридрихштрассе «короля провокаторов» случайно не опознал один из осведомителей немецкой уголовной полиции, знавший его как Азефа. Вскоре на станции метро «Гогенцоллерндамм» он был задержан. В тюрьме Азеф с удивлением узнал, что его арестовали

«не как агента русского правительства, а как опасного революционера, анархиста и террориста, который на основании международных полицейских конвенций подлежит по окончании войны выдаче России».

В тюрьме Азеф провел два с половиной года. Находясь в сырой, холодной камере, он тяжело заболел. В апреле 1918 г., через несколько месяцев после освобождения, Азеф умер в берлинской клинике Krankenhaus Westend от почечной недостаточности и был похоронен на кладбище в Вильмерсдорфе в безымянной могиле за № 446, до наших дней не сохранившейся. За гробом шла только Хедди де Херо, которую Николаевский называл госпожой N. Работая над книгой, он весной 1925 г. встретился с ней. Вместе они побывали на могиле Азефа. *«Длинные ряды могил. На каждой памятник, обычно, правда, очень скромный. На каждой же и табличка: здесь лежит такой-то, родившийся тогда-то и умерший тогда-то. "Упокой, господи, его душу!" Только на могиле Азефа ни таблички, ни памятника. Она не заброшена: обнесена железной оградой, обсажена зеленью — цветы, куст шиповника в цвету, две маленькие туи... Видна заботливая рука. Госпожа N. не забыла Азефа. О нем она вспоминает с большой любовью и, по ее словам, часто ходит на его могилу. Но на последней нет никакой надписи, только кладбищенский паспорт — дощечка с номером места: 446. Госпожа N... пояснила, почему она сознательно решила не делать никакой надписи:*

— Знаете, здесь сейчас так много русских, часто ходят и сюда... Вот видите, рядом тоже русские лежат. Кто-нибудь прочтет, вспомнит старое, — могут выйти неприятности... Лучше не надо...»

В 1909 г. корреспондент «Русского слова» встретился в Берлине с некоей госпожой Жученко, открыто объявившей, что она 15 лет была агентом царской полиции в рядах социалистов-революционеров (эсеров), но занималась этим *«не из корыстных целей, а вследствие своих монархических убеждений»*. К работе агента ее готовили в охранном отделении около года. Жученко была удивлена слепым доверием к ней со стороны ЦК. По ее словам, на каждых 10 эсеров приходилось три полицейских

агента. Жученко знала многих из них и нередко видела на крупных партийных мероприятиях.

Пожелтевшие страницы

«В Берлине имеется 9341 пивная, 3551 трактир с продажей вина. Всего 13 193 места для продажи питей (по одному на 157 жителей). Всего выпито в течение года 438 939 532 литра пива, 24 704 525 литров водки и 19 956 062 литра вина и заплачено за все это, включая на чай, около 250 млн марок (125 млн руб.); из этой суммы на пиво приходится 153 $^{1}/_{2}$ млн; на водку 26 $^{3}/_{4}$ млн, а на вино 25 $^{1}/_{2}$. На одного жителя Берлина приходится 214 $^{4}/_{5}$ литра пива, 12,09 литра водки и 9,53 литра вина; всего же спиртных напитков на жителя — 236 $^{1}/_{2}$ литра, на сумму около 100 марок (50 руб.). Статистика определяет ежегодный доход каждого жителя Берлина в 683 марки 20 пф., и, таким образом, около $^{1}/_{7}$ части дохода уходит на спиртные напитки. Параллельно этим громадным цифрам растет и преступность и наполняются больницы умалишенных. Среди преступников тюрьмы «"Plotzensee" более $^{1}/_{3}$ алкоголики; то же явление наблюдается в центральной больнице для душевнобольных».

«Голосъ Москвы», 15 (02) августа 1908 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО СЕРГЕЯ КУСЕВИЦКОГО

В петербургской газете «Новое время» 9 апреля 1909 г. было напечатано объявление: *«БЕРЛИН. Вчера открыло действия основанное проживающим в Берлине виртуозом Кусевицким и его женой Российское музыкальное издательство. Цель издательства — издание исключительно произведений русских композиторов. Супруги Кусевицкие пожертвовали на предприятие 1 млн марок и, кроме того, обязались давать ежегодно в течение 10-ти лет 80 000 марок. При издательстве имеется музыкальный совет».*

Семья Кусевицких поселилась в Берлине в 1905 г. сразу после свадьбы. Сергей Александрович Кусе-

вицкий (1874—1951) до этого 9 лет проработал в Большом театре, где завоевал признание как блестящий виртуоз-исполнитель на контрабасе. Надо сказать, что контрабасисты-виртуозы появляются, как говорят специалисты, раз в пятьдесят лет. Кусевицкий имел звание солиста императорских театров, много выступал с сольными концертами, а также с Шаляпиным, Рахманиновым и другими мегазвездами тех лет. Между тем обладавший идеальным слухом и безукоризненной музыкальной памятью Кусевицкий контрабасистом стал случайно. Изначально он мечтал быть дирижером и заниматься концертной деятельностью. Такая возможность открылась у него после женитьбы на пианистке Наталье Ушковой, дочери богатого чаеторговца-мецената. Молодая семья переехала в Берлин, где в январе 1908 г. Кусевицкий дебютировал как дирижер оркестра Берлинской филармонии. В 1909 г. при содействии Ушкова-отца он организовал в Берлине вскоре получивший большую известность симфонический оркестр и Российское музыкальное издательство с филиалом в Москве. Его главной задачей была пропаганда за рубежом творчества русских композиторов «нового поколения» — Скрябина, Прокофьева, Стравинского, Глиэра, Мясковского и др. В оркестре под его управлением впервые прозвучали «Прометей» Скрябина, «Скифская сюита» Прокофьева, «Симфония псалмов» Стравинского. В художественный совет издательства входили С.В. Рахманинов, Н.К. Метнер, Н.Г. Струве и др. Издательство, помимо всего прочего, служило целям защиты авторских прав, поскольку Россия не входила в Международную конвенцию по их защите. По инициативе Кусевицкого здесь впервые были опубликованы многие сочинения А. Скрябина, И. Стравинского («Петрушка», «Весна священная»), С. Прокофьева, С. Рахманинова и многих других. Произведения, напечатанные в этом издательстве, защищались авторским правом, за них выплачивались соответствующие гонорары. Позднее были образованы филиалы в нескольких других западных столицах. Издательство просуществовало до 1938 г., когда было куплено английской нотоиздательской фирмой «Бузи энд Хокс». В 1924 г., уже в иммиграции, Ку-

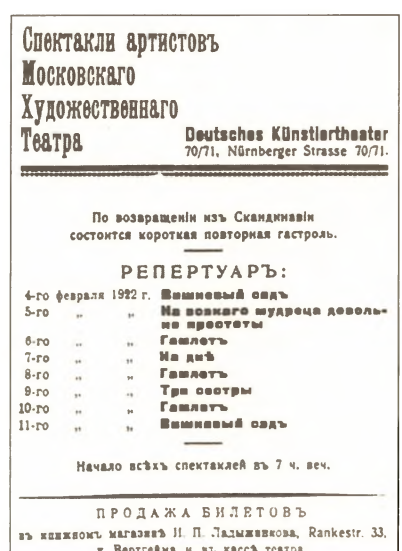
севицкий переехал в Америку, где возглавил Бостонский симфонический оркестр, который под его руководством обрел славу одного из лучших мировых музыкальных коллективов.

В годы Второй мировой войны Сергей Александрович организовал фонд по сбору средств в помощь Красной Армии, возглавил Комитет помощи России, был президентом музыкальной секции Национального совета Американо-советской дружбы, а после войны занял пост председателя Американо-советского музыкального общества.

БЕРЛИНСКИЙ ТРИУМФ

«Гастроли МХТ в начале XX в. привели в шок представителей берлинского театра. Это было невероятно, удивительно! Эти гастроли стали поворотным моментом в истории немецкого театра» (Томас Остермайер, художественный руководитель берлинского театра «Шаубюне», одна из ключевых фигур современного европейского театра).

Крупнейшим событием в театральной жизни предвоенного Берлина стали гастроли Московского Художественного театра (МХТ) в начале 1906 г. Художественным руководителем театра был гениальный режиссер, выдающийся реформатор русской сцены Константин Сергеевич Станиславский (1863—1938). Одним из мотивов поездки стало то, что в декабре 1905 г., во время вооруженного восстания, московские театры


Спектакли артистовъ
Московскаго
Художественнаго
Театра

Deutsches Künstlertheater
70/71, Nürnberger Strasse 70/71.

По возвращеніи изъ Скандинавіи
состоится короткая повторная гастроль.

РЕПЕРТУАРЪ:

4-го февраля	1922 г.	Вишневый садъ
5-го	„ „	На всякаго мудреца довольно простоты
6-го	„ „	Гамлетъ
7-го	„ „	На днѣ
8-го	„ „	Гамлетъ
9-го	„ „	Три сестры
10-го	„ „	Гамлетъ
11-го	„ „	Вишневый садъ

Начало всѣхъ спектаклей въ 7 ч. веч.

ПРОДАЖА БИЛЕТОВЪ
въ книжномъ магазинѣ П. П. Ладыжникова, Rankestr. 33,
у Вертгейма и въ кассѣ театра.

Одна из берлинских афиш МХТ

были закрыты. Председатель кабинета министров граф С.Ю. Витте был извещен о заграничных гастролях МХТ соответствующим письмом: «Московский Художественный театр, находя невозможным продолжать свои представления в Москве при тех условиях, в каких оказался театр после декабрьских революционных событий, предпринял заграничную поездку в полном своем ансамбле и с полной своей обстановкой, в числе 87 лиц и с пятью вагонами театрального имущества».

За границу повезли в основном русский репертуар. В него вошли «Царь Федор Иоаннович» А.К. Толстого, «Дядя Ваня» и «Три сестры» А.П. Чехова, «На дне» М. Горького. Плюс единственная пьеса западноевропейского автора — «Доктор Штокман» Г. Ибсена. Для Станиславского это была не первая поездка в Берлин. Впервые он побывал там, судя по всему, в июле 1897 г. Провел в городе четыре дня и отсмотрел четыре спектакля.

В начале февраля 1906 г. МХТ прибыл в Берлин. До этого русский театр большой берлинской публике был мало известен. К тому же предпринятая перед поездкой рекламная кампания оказалась неудачной. К.С. Станиславский писал, что плакаты художника В.А. Симова были «*чрезвычайно изящны, но потому недостаточно назойливы, чтобы бить в глаза и рекламировать нас*». Кроме того, определенная часть берлинских театралов и журналистов считала актеров театра российскими социалистами, что отчасти было верно, поскольку кое-кто из них на родине числился «политически неблагонадежным», утверждается даже, что среди них были члены РСДРП. Но немало берлинских театралов с большим интересом ожидали начала спектаклей таинственного для них русского театра. Многие немцы оказали российским дебютантам на берлинской сцене практическую помощь в подготовке гастролей. Несколько статей в местной прессе опубликовал известный немецкий переводчик Горького и Чехова А. Шольц, он же прочитал в Берлинском этнографическом музее лекцию об МХТ.

Многие берлинцы ожидали, что спектакли будут идти на немецком языке, и были искренне удивлены, узнав, что москвичи на сцене собираются говорить по-русски.

Русские артисты поначалу встретили в Берлине не только непонимание, но и откровенную корысть, что тревожило Станиславского в течение всех гастролей. *«Боюсь, что никаких сборов не хватит, чтоб покрыть эти невероятные расходы»*, — сокрушался русский режиссер.

Первый спектакль прошел 10 февраля 1906 г. МХТ дебютировал с пьесой «Царь Федор Иоаннович» — о последнем Рюриковиче на московском престоле. Интересно, что именно с этого спектакля началась 14 октября 1898 г. творческая биография МХТ.

В Берлине на премьеру приехал старейший немецкий актер Э. Хаазе, удостаивавший своим вниманием только избранные постановки. В зале присутствовали директора столичных театров, режиссер Немецкого театра (Deutsches Theater) Макс Рейнхардт, писатели и драматурги Герхарт Гауптман, Герман Зудерман, Артур Шницлер, знаменитые артисты, критики и другие важные персоны берлинской театральной общественности. Рейнхардт был потрясен реализмом режиссуры К.С. Станиславского. Русский режиссер, говорил он, достиг невероятного уровня в своем творческом методе: «*Станиславский нас превзошел. Он недостижим...*» В свою очередь русский режиссер позже писал об огромном влиянии, которое на него оказал его немецкий коллега.

Макс Рейнхардт встречает Константина Станиславского

Русский актер Михаил Чехов, который одно время работал в театре Макса Рейнхардта (Рейнгардта), описал в своей книге «Путь актера» его первую встречу с Константином Станиславским на ужине, который устроил Профессор (так называли немецкого режиссера) в честь своего русского коллеги:

«Предстояла встреча Рейнгардта со Станиславским, и я не на шутку испугался за моего любимого Макса Рейнгардта. Станиславский — гигант с львиной седой головой — и Рейнгардт — едва ли достигающий до его плеча — встанут рядом. Что будет? Неужели Профессор не выдержит сравнения?.. Приглашенных было не больше десяти человек. Тор-

жественная атмосфера ожидания. Множество фотографов. С изысканным вкусом накрытый стол во "дворце" Рейнгардта... Мой страх возрастал с каждой минутой. Обоих я любил глубоко и никому из них не желал торжества над другим. Маленький Рейнгардт сидел в большом кресле. Боже мой, как мал он казался мне в эту минуту! Как я умолял его, мысленно, встать! Как хотел, чтобы никто, кроме меня, не заметил этой несносно большой спинки с резной короной где-то высоко-высоко над головой Рейнгардта, делавшей его как бы старинным портретом, сползающим вниз в своей позолоченной раме. Громадный пустой зал еще больше подавлял моего маленького любимца, распятого на кресле. В соседней зале послышались голоса и шаги. Приехал Станиславский. Рейнгардт встал... (нет, мал, ужасно мал!) и медленно, очень медленно (молодец!) пошел к двери. Лакеи раздвинули тяжелые портьеры, и показалась фигура седовласого гиганта. Он остановился в дверях, щурясь подслеповатыми глазами и улыбаясь, еще не зная кому. Пауза. А Рейнгардт все шел и шел! Одна рука в кармане. Уже присутствующие, не выдерживая паузы, улыбались и неуверенно изгибались в полупоклонах. А Рейнгардт, не прибавляя шага, все шел и шел. Он уже подходил. Вдруг Станиславский разглядел его. Он бросился к нему навстречу, стал жать его руку и, не зная немецкого языка, бормотал очаровательную бессмыслицу. Левая рука Рейнгардта грациозно выскользнула из кармана и красиво повисла вдоль тела. Правая вдруг вытянулась и не то заставила на шаг отступить Станиславского, не то отклонила назад самого Рейнгардта. Образовалась дистанция. Рейнгардт поднял голову и взглянул вверх на Станиславского. Но как? Так, как смотрят знатоки в галереях на картины Рафаэля, Рембрандта, да Винчи — не унижаясь, не теряя достоинства, наоборот, вызывая уважение окружающих, любующихся "знатоком", пожалуй, не меньше, чем картиной. Несколько молчаливых секунд отсчитало мое бьющееся сердце. И чудо совершилось на глазах у всех: все еще держа дистанцию, Рейнгардт

стал расти, расти и вырос в прежнего, величественного, исполненного королевского достоинства Макса Рейнгардта! Маг и чародей победил! (Как мог я сомневаться в тебе!) Он повел своего гостя через залу, и чем суетливее вел себя Станиславский, тем медленнее и спокойнее двигался Рейнгардт. Оба были прекрасны: один в своем смущении и детской открытости, другой — в уверенном спокойствии "знатока". Все поняли тон, продиктованный встречей: надо быть Рейнгардтом, чтобы знать, кто такой Станиславский. Все стало легко и искренне радостно»[1].

«Царь Федор Иоаннович» получил исключительно хорошую прессу. Большинство критиков отмечали режиссерский талант Станиславского и замечательные декорации В. Симова, который был известен в Берлине по Международной выставке 1896 г., где он был удостоен золотой медали за картину «Митрополит Филипп». «*Успех мы имели громадный, гораздо больший, чем первый "Федор" в Москве*», — писал Иван Михайлович Москвин, игравший роль царя.

Через два дня после спектакля Станиславский отбил телеграмму в Москву: «*Успех небывалый в Москве и Берлине. Цвет немецкой литературы, печати, финансовой аристократии, русский посол и посольство... присутствовали. Отзывы печати восторженны. Полная победа. Овации, подношения. Горды, счастливы. Поклоны. Наш адрес: Unter den Linden, № 27*».

Спустя неделю в Москву ушло более подробное письмо, в котором Константин Сергеевич писал: «*Первый спектакль собрал такую публику, которую Берлин видит вместе не часто. Представители науки, литературы: Гауптман, Шницлер (приехал из Вены), Зудерман, Фульда и пр., Haase (100-летний актер), все антрепренеры театра, посольство, главные банкиры (Мендельсон и пр.), вся лучшая часть прессы, посольства, бургомистр, офицерство и пр., Барнай* (немецкий актер, директор импера-

[1] *Чехов Михаил.* Путь актера. М.: Транзиткнига, 2003. С. 162—163.

торских театров. — *Авт.*), *Дузе* (итальянская актриса. — *Авт.*) *(проездом). Публика была на* $^{9}/_{10}$ *немецкая. Вызовы такие же, как при первом приезде в Петербург. Когда в паузе, по приказанию полиции, опустили железный занавес, чтоб прекратить овации, публика не расходилась и стала хлопать еще сильнее. Нам, т. е. мне и Немировичу* (Владимир Иванович Немирович-Данченко, директор театра. — *Авт.*), *пришлось выйти в ложу. Тогда весь театр поднялся, и овации возобновились. Трудно поверить, что все газеты, без всякого исключения, захлебываются от восторга. Главные критики обрушились на немецкое искусство и кричат, чтобы актеры поскорее бежали учиться к русским. Русские, — пишут они, — отстали от нас в политической жизни, но мы испуганы и изумлены тем, что они обогнали нас на 20 лет в искусстве. Стыдно, но должно признаться, — пишет самый строгий критик* (Норден. — *Авт.*), *ругающий всегда все, — что то, чем мы любовались у Рейнгардта (здешний Deutsches Theater), есть первые детские шаги сравнительно с русским искусством, которое, судя по "Царю Федору", уже 8 лет тому назад достигло идеала. Словом, пресса захлебывается от восторга...*

По поводу стоявших в последующем репертуаре «Дяди Вани» и «Трех сестер» у руководителей театра и его актеров были сомнения относительно того, поймут ли их в Германии. Чеховские постановки, осуществленные до этого в Бреславле, Эссене, Мюнхене и Берлине, не нашли понимания у зрителя, в Германии создалось мнение, что пьесы Чехова «не сценичны». Поэтому, например, О.Л. Книппер-Чехова беспокоилась перед гастролями, что *«...не поймут немцы... красоты тоски русской, мечты о какой-то прекрасной жизни...»*.

Опасения оказались излишними. Русские смогли открыть Чехова для немецкого зрителя. Газета Tagliche Rundschau писала, что благодаря МХТ берлинским театралам «...*открылась новая страна, новая культура, народность, до сих пор остававшаяся чуждой*... Самый большой успех имел «Дядя Ваня»... В антракте спектакля Гауптман вышел в фойе и громогласно заявил собравшимся вокруг него зрителям: *«Это самое сильное из*

моих сценических впечатлений, там играют не люди, а художественные боги». После спектакля он долго сидел неподвижно, со слезами на глазах. Подошедшему к нему Немировичу-Данченко писатель промолвил: «*У меня нет слов*». Пьесы Гауптмана в репертуаре МХТ занимали третье место после Чехова и Ибсена. В Берлине артисты Художественного театра смогли познакомиться с выдающимся писателем и драматургом.

Чехов и сегодня остается трудным для немецкой сцены драматургом. *«Я бы хорошо подумал, прежде чем ставить пьесу какого-нибудь русского драматурга, не говоря уже о Чехове»*, — сказал в одном из интервью Томас Остермайер.

Невероятный успех ожидал в Берлине и спектакль «На дне» по пьесе А.М. Горького. Русский писатель и драматург был тогда невероятно популярен в Германии. В своем исследовании Ольга Огородникова пишет, что только «*с октября 1901 г. по май 1902 г. о Горьком было напечатано 24 статьи (для сравнения: о Толстом — 17, о Гоголе — 8, о Чехове — 2). Известность Горького в Германии стремительно росла, его произведения охотно издавали, некоторые по два-три раза за короткий промежуток времени. Показательно и то, что первое издание пьесы "На дне", которое по цензурным соображениям не могло быть осуществлено в России в неискаженном виде, вышло в Мюнхене под названием "На дне жизни" в 1902 г. Вскоре оно было переиздано на немецком языке в издательстве Ю. Мархлевского в переводе А. Шольца*».

В Берлине Сатина играл Станиславский и, как писала критика, «*превзошел всех исполнителей*». По достоинству была оценена и замечательная игра Москвина (Лука), Качалова (Барон) и других актеров. Высокую оценку получило режиссерское решение спектакля, в котором критики отмечали «восхитительную утонченность» деталей.

Спектакль «На дне» уже имел свою историю в Германии. Под названием «Ночлежка» он с аншлагами шел здесь с 1902 г. и ко времени прибытия МХТ в Берлин выдержал свыше пятисот постановок. Притом что некоторые критики называли спектакль «безнравственным».

В течение трех лет он стоял в репертуаре театра Макса Рейнхардта, где был сыгран около 300 раз. «Ночлежка» давала прекрасную кассу и в связи с этим оказалась замешана в довольно громком скандале в среде российских и германских социалистов. В центре истории оказался уже упомянутый ранее Парвус. По ходатайству Максима Горького издательство «Знание» выдало ему доверенность на получение гонорарных отчислений от постановок пьесы в немецких театрах. За четыре года набежала солидная сумма — более 100 тысяч марок. Из них 25 % должен был получить Горький, 20 % — Парвус за услуги, остальное предназначалось РСДРП. Парвус, однако, присвоил деньги себе и растратил всю сумму «на путешествие с одной барышней по Италии». Разборка дела заняла почти три года. В конце концов Парвуса наказали по партийной линии, но денег он так и не вернул.

Увидев «На дне» в постановке МХТ, берлинские зрители смогли сравнить его с «Ночлежкой». Берлинская версия вполне выдержала сравнение с московским оригиналом, хотя были отмечены заметные отличия в трактовке образов некоторых героев пьесы. Так, например, берлинский Лука по своему интеллекту и умственному развитию стоял явно выше своих соночлежников, в то время как в московском спектакле философствующий странник был просто наделен большим опытом и вынужденным умением приспособляться к различным жизненным ситуациям.

Если перед чеховскими спектаклями волновались русские артисты, то «Доктора Штокмана» (сценический вариант пьесы «Враг народа») Г. Ибсена с обеспокоенностью ждали некоторые берлинские критики и зрители. Получив на предыдущих спектаклях изрядное представление о художественном потенциале московской труппы, ее выдающемся умении овладевать материалом, мастерски подчинять его себе, они опасались, что «Враг народа» (оригинальное название пьесы, которое в Москве по соображениям цензуры было изменено на «Доктор Штокман») окажется слишком русским. Спектакль действительно был прочитан по-другому, нежели в Германии. Но версия не оказалась хуже. Бережно сохранив основную

канву произведения и главные характеристики образов, русские интерпретировали их по-своему, благодаря чему хорошо известная немецкой публике пьеса Ибсена заиграла новыми красками.

Берлинские гастроли МХТ завершились 11 марта 1906 г. спектаклем «Царь Федор Иоаннович». Вслед за ним последовали восторженные рецензии и статьи. «*Здесь есть критик Норден,* — писал в последнем письме из Берлина в Москву Константин Сергеевич. — *Он пишет критики только в исключительных случаях (местный Стасов) и всегда ругательного характера. Никогда он никого не похвалил. В сегодняшней маленькой статье написано приблизительно следующее: "В Берлине случилось событие. Приехали русские. На долю каждого поколения приходится встречать 6—8 больших художников. В этой труппе — все художники и все собраны воедино... Пусть идут в театр знакомиться с Россией не только артисты, но и дипломаты, политики и те, кто утверждает, что это погибшая страна. Народ, который создал такое искусство и литературу, — великий народ. У него есть культура... Она не похожа на нашу, но нам не мешает поближе ее узнать"*».

Сборы театра во время гастролей были максимально возможными. Но прибыльными они не оказались. «*Материальная часть для Берлина блестяща,* — писал Станиславский, — *и все диву даются, что мы делаем по 2500 марок в вечер. Самый популярный здесь театр — это Deutsches Theater, и он делает столько же. Но, увы, для нас это мало, мы едва покрываем расходы, которые, повторяю, ужасны... Хорошо еще, что успех оказался выше ожиданий, а если бы провал! Страшно даже подумать, как бы нас тут заклевали и съели*».

В этой закулисной коммерции своя правда, но тем ярче, контрастнее выглядит художественный триумф русского театра в Берлине. Немецкие интеллигенты искренне радовались этому. Антрепренеры приглашали театр в Вену, Мюнхен, Париж, Лондон, Брюссель, Амстердам... Последовали предложения о работе за рубежом и отдельным артистам. Художника Симова звали писать декорации для императорского театра. Русские были героями дня.

На заключительной встрече московских актеров с берлинской театральной общественностью руководителям и артистам в знак уважения к их мастерству были вручены лавровые венки. К.С. Станиславский и В.И. Немирович-Данченко стали кавалерами ордена Красного Орла, исполнители главных ролей получили ценные подарки.

С прощальной речью выступил директор Берлинского Королевского театра Ф. Бонн, который отметил, что благодаря МХТ в Берлине очень изменилось в положительную сторону мнение о русских. Предлагалось дать в Берлине еще несколько спектаклей. Аншлаги были обеспечены, но московский театр ждали в других городах Германии.

Следующий раз артисты МХТ оказались в Берлине в 1921 г., когда сюда приехала группа знаменитого актера Василия Ивановича Качалова (36 человек). В ее составе была, например, блистательная Алла Константиновна Тарасова, впоследствии народная артистка СССР, депутат Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда.

До этого качаловская группа гастролировала по Югу России, затем судьба забросила актеров в Болгарию, откуда группа перебралась в Берлин. Здесь часть артистов не захотела возвратиться в РСФСР. Некоторое время они выступали в немецкой столице как «берлинская группа», а позднее переехали в Прагу, после чего стали именоваться «пражской группой», которая впоследствии очень успешно гастролировала в Центральной Европе.

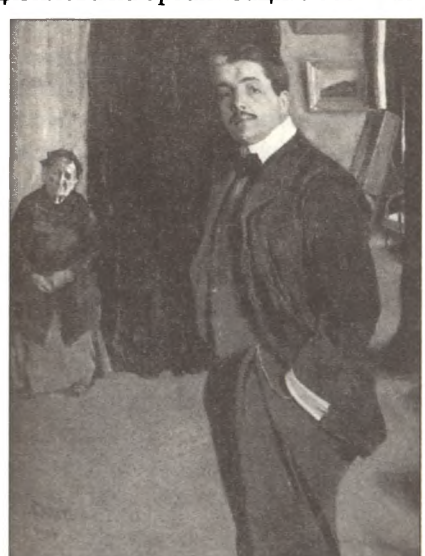
В полном составе МХТ снова приехал в Берлин в сезон 1922/23 г. Театр был представлен замечательным актерским ансамблем: играли К.С. Станиславский, В.И. Качалов, О.Л. Книппер-Чехова, А.К. Тарасова, И.М. Москвин, А.Л. Вишневский, В.В. Лужский... И опять гастроли прошли с ошеломляющим успехом. Давали «Гамлета», «На дне», «На всякого мудреца довольно простоты», пьесы Чехова.

«Первый спектакль Художественного театра в Лессинг-театре, — писала газета "Накануне", — *был сплошным торжеством для "художников" и артистов, и главным образом для гениального творца Художественно-*

го театра Константина Сергеевича Станиславского. В конце спектакля... публика устроила театру внушительные овации... Приезд в Европу и дальше Художественного театра в полном составе и со своим основным репертуаром можно приветствовать от всей души. То, что они привезли, те постановки, которые мы увидели здесь и которые они везут отсюда в Америку, составляют великую славную эпоху в русском театре».

РУССКИЙ ВЕРНИСАЖ

Как город крупных международных выставок, Берлин на рубеже XIX—XX вв. был одним из главных европейских центров притяжения для русских художников. Их первая групповая выставка прошла в немецкой столице в 1898 г. в картинной галерее Эдуарда Шульте на Унтер-ден-Линден совместно с их финскими коллегами, которых тоже можно назвать российскими художниками, поскольку Финляндия тогда входила в состав Российской империи. Сергея Дягилева на организацию этой выставки вдохновил Лев Самойлович Бакст, известный прежде всего как театральный художник. На выставке были представлены работы самого Бакста, а также Исаака Левитана, Серова, Коровина, Врубеля... Эту выставку называют «экспортным вариантом» художественной экспозиции, устроенной в Петербурге только что созданным при активном участии Дягилева объединением «Мир искусства», исповедовавшим поэти-



С.П. Дягилев в 1906 г. Портрет Л.С. Бакста

ку символизма и выступавшим как против академизма, так и против декадентства в искусстве.

В 1903 г. на выставке Берлинского сецессиона[1] были выставлены картины Валентина Серова (широко известного как автора знаменитой «Девочки с персиками») и Василия Кандинского, проживавшего к тому времени уже несколько лет в Мюнхене, а в Берлине выставлявшегося с 1902 г.

С большим успехом в 1904 г. в Берлине проходит выставка русского художника-символиста Виктора Эпильдофоровича Борисова-Мусатова. Ее устраивает известный издатель Поль (Павел) Кассирер. Выставка прошла с большим успехом. Это был один из немногих случаев в короткой жизни художника (он умер в 35 лет в 1905 г.), когда его работы получили восторженные отклики, а не были подвергнуты ядовитой критике или оскорблены равнодушным молчанием.

«Два века русской живописи и скульптуры»

В 1906 г. Дягилев устраивает в салоне Шульте еще одну глобальную экспозицию. Он привозит сюда после парижского Осеннего салона выставку «Два века русской живописи и скульптуры». На самом деле и во времени и по жанрам диапазон выставки был намного шире. Представлялись, например, древнерусские иконы XV в. Но основу экспозиции составляли работы современных российских мастеров, в основном мирискусников, так называли тогда членов объединения «Мир искусства». К тому времени его членами были почти все известные художники — А. Бенуа, К. Сомов, Л. Бакст, Е. Лансере, А. Головин, М. Добужинский, М. Врубель, В. Серов, К. Коровин, И. Левитан, М. Нестеров, Н. Рерих, Б. Кустодиев, К. Петров-Водкин, Ф. Малявин, М. Ларионов, Н. Гончарова и др. Выставка имела огромный успех как в Париже, так и в Берлине. В обоих городах многие были удивлены тем, что в России действительно существует современное искусство — яр-

[1] *Берлинский сецессион* — созданное в конце XIX в. свободное объединение берлинских художников и скульпторов, отвергавших академическое искусство.

кое, смелое, выразительное. Поначалу же ожидалось нечто в кокошно-сарафанном стиле. Выставка сопровождалась концертами и стала прологом к последовавшим затем знаменитым Русским сезонам Дягилева, прославившим русское искусство на всю Европу.

Михаил Врубель тогда выставлялся в Европе впервые. Но в полной мере испытать наслаждение от успеха он не смог. Художник уже тогда был серьезно болен. Его рассудок разрушала спинная сухотка — тяжелое психическое заболевание. В том же году Врубель ослеп и через четыре года умер.

В 1990 г. в Берлин приехал московский художник Дмитрий Врубель, потомок тех Врубелей. Тогда по случаю объединения Германии один меценат пригласил в Берлин 118 художников из 21 страны, чтобы они расписали один из участков Стены на темы, которые волновали бы их больше всего. Главным произведением стал «братский поцелуй» Брежнева и Хонеккера, выполненный Дмитрием. Этот рисунок обошел весь мир.

Первый немецкий осенний салон

За год до Первой мировой войны в берлинской галерее журнала «Штурм» (Der Sturm) его владелец Херварт (Герварт) Вальден устроил Первый немецкий осенний салон, на котором были представлены 336 работ 91 современного художника из 15 стран. Среди них — российские мастера: Александр Архипенко, открывший в 1921 г. школу-студию в Берлине, Давид и Владимир Бурлюки, Василий Кандинский, Алек-

Обложка журнала «Штурм»

сей Явленский, Михаил Ларионов, Марк Шагал... Практически все специалисты единодушно отмечают огромное значение салона для искусства XX в.

Первый осенний салон в Берлине стал местом, где состоялась последняя выставка художников-экспрессионистов творческого объединения «Синий всадник» (*нем.* Der Blaue Reiter), созданного в Мюнхене Василием Кандинским и Францем Марком в 1911 г.[1] В 20-х гг. XX в. отдельные представители объединения играли заметную роль в деятельности «Баухауза» (Кандинский, Клее, Фейнингер). Далеко не всем немецким художникам, прежде всего консервативно настроенным, пришлись по душе работы их коллег из России. Кроме идейных расхождений, была здесь и толика ревности.

Благодарный Шагал

Незадолго до войны, в июне 1914 г., в той же галерее «Штурм» состоялась первая персональная выставка Марка Шагала (Marc Chagall) (1887—1985). На ней были выставлены 34 живописные картины художника, а также 160 работ на бумаге. На открытие выставки специально приехал А.В. Луначарский.

Спустя три года, в октябре 1917 г., Вальден проводит еще одну персональную выставку Марка Шагала. Она называлась «Марк Шагал. Живопись и акварель. Рисунки» (Marc Chagall. Gemälde und Aquarelle. Zeichnungen). На выставке было представлено около 120 работ художника. Многие из них на время войны были оставлены Вальдену с правом продажи, но, когда в 1922 г., покинув Россию, художник приехал в Берлин, Вальден не вернул Шагалу картины, сказав: «С тебя достаточно и славы». Что касается вырученных от продажи денег, то, как пишет в биографии Марка Шагала его внучка Мерет Мейер, *«за это*

[1] В объединение входили (или участвовали в его выставках) немцы А. Макке, Г. Мюнтер, Г. Кампендонк и Л. Фейнингер, русские А.Г. Явленский, М.В. Веревкина, братья Д.Д. и В.Д. Бурлюки, швейцарец П. Клее, француз Р. Делоне, австриец А. Кубин и немецкий композитор-авангардист А. Шёнберг. Некоторые из мастеров объединения впоследствии обратились к абстрактному искусству — Василий Кандинский, Марк Шагал.

время инфляция значительно уменьшила сумму, полученную от продажи и отданную на хранение адвокату на время отсутствия художника. В аналогичной ситуации оказался и Василий Кандинский, который оставил галерее "Штурм" в 1914 г. 150 картин. Все они были проданы, но в 1922 г., когда Кандинский выехал в Берлин, оказалось, что почти всю выручку "съела" инфляция».

Шагалу в конце концов удалось получить у Вальдена три картины. Но, несмотря на этот инцидент, в 1928 г. по случаю 50-летия Вальдена Шагал пишет ему: «*Я благодарен... за первую встречу с Вами, когда Вы выступили как защитник нового искусства и в Германии представили высокую оценку моих работ*».

Шагал с семьей оставался в Берлине до октября 1923 г. Он участвовал в Первой русской художественной выставке, состоявшейся в Берлине в 1922 г. Годом позже в Берлине вышел альбом гравюр Шагала. Уже при нацистах в 1936 г. работы Шагала были представлены на выставке «Дегенеративное искусство», организованной по распоряжению Гитлера, чтобы продемонстрировать изъятые нацистами из немецких музеев «образцы вырождающегося искусства».

Судьба Вальдена

Херварт Вальден (Георгий Левин, 1878—1941), музыкант по образованию, талантливый импресарио, человек с тонким художественным вкусом, вошел в историю искусства как автор термина «экспрессионизм». Он был впервые выдвинут на страницах журнала «Штурм», основанного Вальденом в марте 1910 г. как «Еженедельный журнал культуры и искусства». Интересно, что первым немецким писателем, приехавшим в Советскую Россию, был близкий к экспрессионистам Альфонс Паке (Paquet). В 1919 г. в Германии вышла его книга «В коммунистической России» (Im kommunistischen Russland. Briefe aus Moskau. Jena, 1919).

Вальден был знаком со многими представителями российской творческой интеллигенции, среди них были Виктор Шкловский, Владимир Маяковский, Лиля Брик. Он неоднократно публиковал на страницах своего жур-

нала статьи прокоммунистической направленности. Его супруга Нелли Вальден писала в своих мемуарах, что «*"русский человек" притягивал Вальдена необыкновенно... Такой человек, как мой муж, мог считать, что спасение для искусства должно прийти с Востока*».

В 1932 г., понимая, что несет нацизм Германии и особенно евреям, Вальдены переезжают в Москву. Здесь до 1939 г. Вальден активно сотрудничает с выпускавшимся в России эмигрантским журналом «Слово» (Das Wort), в редколлегию которого входили Бертольт Брехт и Лион Фейхтвангер. В марте 1941 г. и Вальден, однако, попадает под колесо репрессий и в октябре 1941 г. уходит из жизни в тюрьме в Саратове.

Сомов — романтичный и эротичный

Одним из самых популярных русских художников в Германии начала XX в. был Константин Андреевич Сомов (1869—1939) — великолепный мастер ярких, сочнокрасочных романтических картин, пропитанных мотивами дель арте. О Сомове говорили, что он «жил» в XVIII в., в созданном его воображением мире галантных кавалеров, прекрасных дам, фантастических пейзажей, блестящего шелка, бантов, подвязок, фарфоровых статуэток, коломбин и арлекинов, игривых взглядов и масок. В то же время глубоко реалистичные портреты современников Сомова, среди которых А. Блок, относятся к лучшим художественным произведениям Серебряного века. Он входил в группу живописцев, сплотившихся в 90-х гг. XIX в. вокруг С. Дягилева и его журнала «Мир искусства».

Первый раз Сомов приехал в Берлин в 1901 г. Завел много полезных знакомств, посвятил немало времени изучению немецкой графики модерна. Годом позже он представил свои работы на выставке Берлинского сецессиона. Тогда же в Берлине состоялась его первая персональная выставка — было показано около 100 работ. Познакомившись с издателем и галеристом Паулем Кассирером, Сомов принимает участие в издании первого номера журнала Kunst und Künstler, который выходит с его обложкой, тисненной золотом. В 1908 г. в Берлине у

издателя Юлиус Бардта вышла первая монография художника.

Сомов известен также как автор иллюстраций к эротической «Книге маркизы», представлявшей собой антологию французской эротической поэзии и прозы XVIII в., составленной на основе произведений 50 авторов (в том числе Вольтера и Казановы). Книга вышла в Берлине в 1908 г. Художник сделал для нее 31 рисунок, но большинство из них цензура признала непристойными, и только шесть иллюстраций оказались разрешены к печати. В последующем эти рисунки легли в основу собрания из более чем 100 графических работ цикла «Книга маркизы», который в полном комплекте был издан только один раз в Санкт-Петербурге в 1918 г. В 2007 г. Константин Сомов «установил» рекорд стоимости русской живописи на лондонском аукционе Christie's — его картина «Радуга» была продана за 3,7 млн фунтов, годом раньше за «Русскую пастораль» дали 2,7 млн фунтов. И наконец, осенью 2008 г. коллекция из 122 эротических рисунков Сомова была продана на лондонском аукционе русского искусства McDougall's за 1, 2 млн фунтов. А все началось с признания в Берлине!

Одна из иллюстраций К.А. Сомова к «Книге маркизы»

«КАНИКУЛЫ» В БЕРЛИНЕ

После поражения декабрьского восстания 1905 г. обстановка в Москве стала «хуже военного лагеря». В городе на время закрылись многие культурные и образовательные учреждения. Приостановило свою работу Училище живописи, ваяния и зодчества, где преподавал

Леонид Осипович Пастернак (1862—1945), известный художник, автор иллюстраций к «Воскресенью» Льва Толстого, отец в будущем известного поэта. Эти «*каникулы*» побудили художника к длительной поездке в Берлин, где можно было переждать трудные времена. В начале января 1906 г. все семейство в количестве шести человек приезжает в немецкую столицу. «*Главное, все мы, слава Богу, здоровы и устроились несколько дней тому назад,* — пишет Леонид Осипович своему другу Павлу Эттингеру после приезда. — *Очень хороший пансион (Pansion Gebhardi, Kurfurstenstrasse, 113), на каковой адрес просим "почаще" и "щедрее" писать. Долго искал мастерскую. Случись, по счастью, над нами этажом выше милый, молодой (конечно, нуждающийся) художничек Eikman, который согласился мне уступить только три раза в неделю работать у него (за 40 марок в месяц). И вот ежедневно тащу туда и выношу холст свой, а остальное время думаю у нас в комнате работать. Он много занимается офортом, и я буду с ним тоже работать офорт... Напишите, голубчик, как обстоит дело в Москве и в России — "поинтимнее". Какая ужасная реакция, и чему можно завидовать — это что я перестал видеть этих зверей — солдат, городовых, рожи этих всех надоевших мне до галлюцинации в Москве. Если бы Вы видели при отъезде нашем на Николаевском вокзале! Хуже военного лагеря! Пировали казаки, всюду жандармы, казарменная вонь, дух опричнины. Не забуду никогда...*»

Отдых для души

Семья Пастернак прожила в Берлине до начала августа. Леонид Осипович много работал. Изучал технику графики, писал офорты, заказные портреты. Офорт Льва Николаевича Толстого, где автор «Войны и мира» был изображен на фоне предгрозового неба и деревенских изб, очень понравился Горькому, и художник подарил портрет ему.

Пастернак сразу почувствовал расположение к Горькому, впервые тогда приехавшему в Берлин. «*Мне он понравился в душе и в основе, очень симпатичный и настоящий русский парень*», — вспоминал впоследствии худож-

ник. Особенно привлекла его в Горьком влюбленность в искусство, вера в его великое значение. Пастернак с удовольствием пишет портрет писателя. Было сделано два рисунка. На первом Горький выглядел очень решительно, что не очень понравилось его гражданской жене Марии Андреевой. На втором Пастернак изобразил Горького задумчиво сидящим с книгой. Во время пребывания в Берлине был написан и портрет самого Пастернака. Его нарисовал Герман Штрук, известный художник-гравер, мастер офорта и литографии.

В Берлине Пастернак встречался со многими немецкими художниками, литераторами. Среди них видные представители немецкого импрессионизма Ловис Коринт и Макс Либерман, возглавлявший Берлинский сецессион. Либерман в те годы много внимания посвящал графике и карандашным рисункам, отчего общение с ним было вдвойне интересно Пастернаку. Хотя сам Либерман с некоторой настороженностью относился к многочисленным приезжим из России, нахлынувшим в то время в Берлин. В том числе и потому, что опасался конкуренции в области живописи. Фурор, произведенный в начале года Московским Художественным театром, давал тому основания.

На какое-то время квартира Пастернаков превратилась в небольшой литературно-музыкальный салон: супруга художника Розалия Исидоровна прекрасно играла на фортепиано. Здесь бывал, например, Александр Скрябин.

В немецкой столице Пастернак отдыхал душой. Здесь тоже царила монархия и страной правил император, но по столице ходила такая байка. «*Дом, принадлежавший Либерману, стоял в очень престижном месте, прямо у Бранденбургских ворот, к которым выходит главная улица Берлина Унтер-ден-Линден. Кайзер пожелал приобрести привлекшее его внимание красивое здание. Либерману было предложено продать дом. Он дал отказ. Последовали повторные предложения, которые настолько достали Либермана, что он заявил: "Передайте Кайзеру, что если он продаст свой дом (Королевский дворец), что стоит на другом конце Унтер-ден-Линден, то и я подумаю"*».

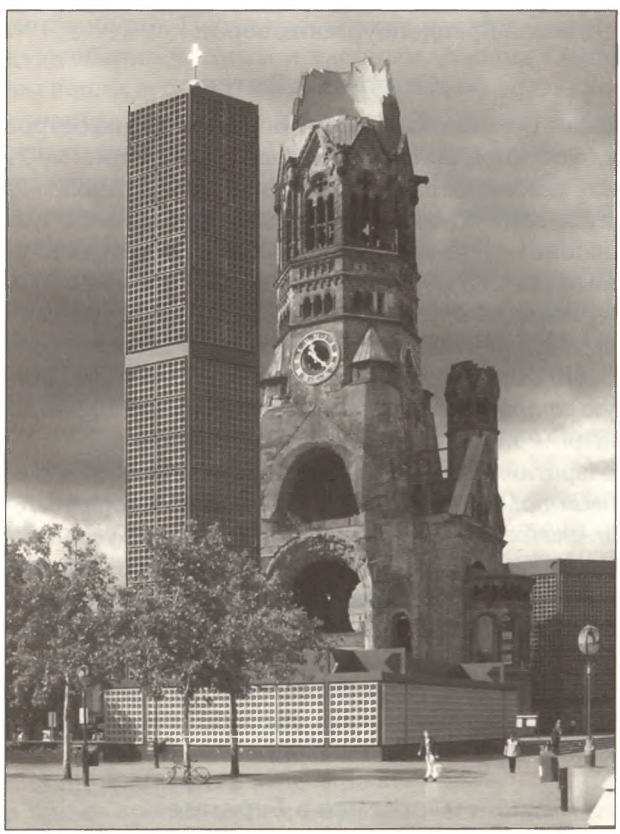
Борис и Александр

Братья Пастернак жили отдельно от родителей. Для них сняли комнату недалеко от пансиона. Каждый интенсивно использовал время сообразно своим наклонностям и пристрастиям.

Борис много занимался самостоятельно по школьной программе, чтобы не отстать в учебе от одноклассников в Москве. *«Я занимаюсь "науками" ежедневно по шести или семи часов, кроме того, музыкой и читаю много...* — писал он одному из своих друзей по гимназии. — *Перебывал*

Собор памяти кайзера Вильгельма (Gedachtniskirche) на Курфюрстендамм, куда братья Пастернак ходили слушать органную музыку

здесь во всех музеях и вообще очень близко познакомился с Берлином. Насколько здесь легко попасть на выставку, в музей или концерты, настолько трудно достать билет в оперу. Для всего Берлина есть только один Openhaus. У кассы стоят уже в шесть часов утра, и для того, чтобы достать какое-нибудь место, надо встать в пять часов утра и за отсутствием конок в такой ранний час идти пешком из Шарлоттенбурга в Берлин. Такой утренний моцион я проделал уже четыре раза». Жадные до впечатлений подростки посещали симфонические и фортепиан-



Собор памяти кайзера Вильгельма сильно пострадал во время Второй мировой войны и был сохранен в полуразрушенном состоянии. Фото: Null8fuffzehn

ные концерты, особенно те, где звучала музыка Вагнера, полюбившегося Борису, который к тому же брал в Берлине уроки музыки и одновременно давал их дочке владельца квартиры за право пользоваться хозяйским пианино.

Замечательным «открытием» для братьев стал готический собор Gedachtniskirche (церковь памяти кайзера Вильгельма. Стоит на Курфюрстендамм, сильно пострадала во время Второй мировой войны и была сохранена в полуразрушенном состоянии). Сюда молодые Пастернаки ходили слушать органную музыку Баха. Теплые дни они нередко проводили в огромном зеленом парке Тиргартен, возле Бранденбургских ворот.

Отпуск на Рюгене

В июне семейство отправилось отдыхать на остров Рюген, где остановилось на курорте Гёрен в трех меблированных комнатах виллы-пансиона Wilhelmshohe. Рюген славится замечательно красивыми пейзажами, главное украшение — увенчанные лесом ослепительно-белые меловые утесы, спускающиеся к великолепным пляжам. Пастернаки, однако, углядели здесь подобие российских видов. *«Прекрасное место: соединяет сходство с видом одесского моря (по крайней мере, с нашего балкона), а по другую сторону квартиры не менее чудный вид на холмы, лес, поля — пейзаж Звенигородского уезда».*

Возвратившись с курорта, начали думать об отъезде и в первой половине августа отправились в обратный путь. Уже после их отъезда в картинной галерее Эдуарда Шульте в середине сентября 1906 г. состоялась выставка произведений Леонида Осиповича совместно с работами финского художника Акселя Галлена. Среди работ Пастернака особенное внимание привлекли рисунки, связанные с Львом Толстым, а также детские портреты и семейные зарисовки. Похвальные берлинские рецензии были впоследствии перепечатаны другими европейскими газетами.

Остаемся в Берлине

В следующий раз семья Пастернак — Леонид Осипович, Розалия Исидоровна, дочери — Лидия и Жозефина — приехала в Берлин в 1921 г. О поездке ходатайство-

вал лично А. Луначарский. Для получения выездных документов официальной причиной отъезда было названо длительное лечение: Леониду Осиповичу требовалась глазная операция. Братья Борис и Александр остались в Москве. Поначалу семья не собиралась оставаться в эмиграции. Намеревались переждать, как и в первый приезд в Берлин, «смутное время» и вернуться. Но советская власть укреплялась, а в Берлине одна за другой открывались новые темы для работы. Поэтому было решено стать невозвращенцами.

На этот раз они поселились в небольшой квартирке в Шарлоттенбурге. После российских невзгод Берлин выглядел особенно уютным и удобным. Леонид Осипович быстро нашел себя в художественной атмосфере немецкой столицы. Он пишет портреты Альберта Эйнштейна, драматурга Герхарта Гауптмана, поэта Райнера Рильке, художников Ловиса Коринта и Макса Либермана... Встречается с русскими эмигрантами и гостящими в Берлине российскими гражданами Алексеем Ремизовым, философами Михаилом Гершензоном и Львом Шестовым, композитором Сергеем Прокофьевым, наркомом просвещения РСФСР Анатолием Луначарским... Пишет их портреты, а также городские пейзажи Берлина, выезжает в Баварию на пленэр.

Его работы демонстрируются на выставках Берлинского сецессиона. Художественный критик М. Осборн издает на немецком языке монографию о творчестве Леонида Пастернака, в которой было помещено около 150 репродукций его работ. Галерея Хартберга в 1927-м и 1932 гг. устраивает две персональные выставки художника. В 1932 г. в Берлине выходит монография Пастернака с его воспоминаниями о Льве Толстом и большой статьей Осборна. Из типографии, правда, удалось вывезти только небольшую часть тиража, остальное уничтожили нацисты. В 1937 г. власти запретили проведение выставки, посвященной 75-летию художника.

Во время пребывания в Берлине Пастернак активно обращается к еврейской тематике. Проявив себя незаурядным литератором, он издает на русском языке и иврите замечательную философскую монографию «Рем-

брандт и еврейство в его творчестве». Леонид Осипович руководит художественным отделом берлинского филиала иерусалимского издательства «Явне». В 1923 г. в этом издательстве отдельным альбомом выходит цикл его портретов евреев — видных деятелей культуры и науки: Ш. Черниховского, А. Эйнштейна, Х.Н. Бялика, М. Гершензона и многих других. В 1924 г. Пастернак участвует в историко-этнографической экспедиции в Палестину, после чего пишет картину «Палестинский ландшафт» и несколько других на эту тему.

Не скрывая своего еврейства, Леонид Осипович и Розалия Исидоровна смогли продержаться в Берлине до второй половины 30-х гг., когда нацисты стали высылать из Германии неугодных им выходцев из России. Взвесив все обстоятельства, Пастернаки уехали в Англию, где уже жила к тому времени их младшая дочь Лидия.

II. ИЗГНАННИКИ ОКТЯБРЯ

Перед Первой мировой войной численность русскоязычного населения Германии составляла от 18 до 20 тысяч человек. Вслед за убийством 28 июня 1914 г. в Сараеве австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда, которое спровоцировало Первую мировую войну, в Германии резко усилились антироссийские настроения. Еще до 1 августа, когда Германия объявила войну России, в Берлине «*разыгрались сцены, описываемые свидетелями: в полночь перед российским посольством на Унтер-ден-Линден разыгрался скандал. Толпа свистела и орала: "Долой Россию!"... Многие российские граждане были интернированы... <...> Газеты были полны невероятных обвинений в адрес русских, французов и бельгийцев. Один военный корреспондент утверждал в газете "Фоссише цайтунг" уже 11 сентября 1914 г., что русские поклялись "выколоть глаза каждому немецкому солдату-велосипедисту"*»[1]. Но, несмотря на объяснимый в условиях войны всплеск антироссийских настроений в германском обществе, оказалось возможным образовать в 1916 г. Общество помощи русским гражданам в Берлине. После Февральской революции 1917 г. началось братание между солдатами воюющих армий на Восточном фронте, потом был подписан Брестский мирный договор. Вслед за этим в Германию хлынула первая волна российской эмиграции.

НИЩЕТА В ПРИСТОЙНОЙ ОДЕЖДЕ

Послевоенный Берлин — столицу побежденной страны — безумная инфляция[2] превратила в город миллио-

[1] Русские в Германии. Берлин, 2008.

[2] В 1921—1923 гг. во время тяжелейшего экономического кризиса средний уровень инфляции в Германии составлял око-

неров и миллиардеров, которым зарплату выплачивали дважды в день, после чего было полчаса, чтобы забежать в ближайший магазин и что-то купить, пока полученные деньги не обесценились. Выплата репараций, безработица, дефицит топлива, продовольствия и повседневных товаров делали немецкую столицу нелегким для жизни городом. «*Версальский мир немцам казался чудовищной несправедливостью,* — писал один из летописцев "Русского Берлина", поэт и прозаик, бывший боец Добровольческой армии Вадим Леонидович Андреев (1903—1976), — *нарушением всех культурных принципов и законов гуманности; немцы проиграли войну, были нищи и озлоблены...*»

В рабочих районах местное население голодало. Но Берлин «держал удар». Утратив многое, его жители старались жить по-старому, окружая себя декорациями пристойной жизни, сохраняя в них традиции до лучших времен. Нищету здесь старательно упаковывали в привлекательную оболочку. Помогала продержаться и великодушная германская система социального обеспечения.

За Берлином тех лет внимательно наблюдал Илья Григорьевич Эренбург, прозаик, поэт и публицист, живший в немецкой столице с 1921-го по 1923 г. — в основном на улице Прагерштрассе (Pragerstrasse, 21). Он много печатался, сотрудничал с газетой «Накануне», журналами «Русская книга», «Новая русская книга» и другими изданиями. В Берлине вышли его книги на русском и немецком языках: «Любовь Жанны Ней», «Жизнь и гибель Николая Курбова», «Тринадцать трубок», «Шесть повестей о легких концах», «Трест Д.Е.», «Похождения Хулио Хуренито и его учеников», два сборника стихотворений. Берлину

ло 25 % в день, за три дня цены вырастали вдвое, за месяц — в тысячу раз. Новые банкноты, на которых постоянно росло количество нулей, печатались не реже 2 раз в неделю. В Германии каждый был «миллионером». Цены в магазинах менялись несколько раз в день. Гиперинфляцию остановили с помощью денежной реформы: в 1924 г. старая марка обменивалась на новую рентенмарк по курсу триллион к одному. 1 января 1920 г. доллар стоил в Германии 50 марок, 15 ноября 1923 г. — 4,2 трлн (4 200 000 000 000) марок.

тех лет посвящены многие страницы его интереснейшей мемуарной книги «Люди, годы, жизнь» (1961). Вместе с Романом Гулем и Вадимом Андреевым он принадлежит к числу главных летописцев «Русского Берлина» тех лет.

«В Берлине 1921 г., — писал Эренбург, — тогда все казалось иллюзорным. На фасадах домов по-прежнему каменели большегрудые валькирии. Лифты работали; но в квартирах было холодно и голодно. Кондуктор вежливо помогал супруге тайного советника выйти из трамвая. Маршруты трамваев были неизменными, но никто не знал маршрута Истории. Катастрофа прикидывалась благополучием. Меня поразили в витринах магазинов розовые и голубые манишки, которые заменяли слишком дорогие рубашки; манишки были вывеской, доказательством если не благоденствия, то благопристойности.

В кафе "Иости", куда я иногда заходил, бурду, именуемую "мокка", подавали в металлических кофейниках, и на ручке кофейника была перчаточка, чтобы посетитель не обжег пальцев. Пирожные делали из мерзлой картошки. Берлинцы, как и прежде, курили сигары, и назывались они "гаванскими" или "бразильскими", хотя были сделаны из капустных листьев, пропитанных никотином. Все было чинно, по-хорошему, почти как при Кайзере.

...Незадолго до моего приезда в Берлин исступленные националисты

«Согласен на любую работу»

убили одного из руководителей партии центра — Эрцбергера. Приверженцы монархического союза "Бисмарк" не стесняясь, одобряли убийство. Законники делали вид, что изучают параграфы уложения, социал-демократы стыдливо вздыхали, а будущие эсэсовцы учились стрелять в живую цель.

...Протезы инвалидов не стучали, а пустые рукава были заколоты булавками. Люди с лицами, обожженными огнеметами, носили большие черные очки. Проходя по улицам столицы, проигранная война не забывала о камуфляже. Газеты сообщали, что из ста новорожденных, поступающих в воспитательные дома, тридцать умирают в первые дни. (Те, что выжили, стали призывом 1941 года, пушечным мясом Гитлера...) UFA поспешно изготовляла кинокартины; они были посвящены всему, кроме минувшей войны».

И вот в этот переполненный своими проблемами город с вражеского еще год-полтора назад Востока хлынули десятки тысяч русских (под русскими здесь и далее следует понимать всех выходцев из России, говоривших по-русски). В России окончилась Гражданская война. Россия и Германия примирились. И Германия приняла изгнанников.

РУССКИЕ В ГОРОДЕ

После Октябрьской революции и Гражданской войны Россию покинули, по разным оценкам, 2—3 млн человек: дворяне, интеллигенция, купцы, промышленники, офицеры и простые солдаты. Для многих из них путь в Европу (или еще дальше) лежал через Берлин, который превратился для русской Белой эмиграции в перевалочный пункт на пути к новому пристанищу. А кто-то и остался. «*Если в 1919 г. в Германии находилось около 100 000 эмигрантов из России, то в 1922 г. только в Берлине "осели" уже 360 000 человек* (в целом в Германии до 600 тысяч. — *Авт.*)»[1]. Фактически каждый десятый житель Берлина тогда был выходцем из России.

[1] Русский Берлин. М., 2003.

Некоторая часть тогдашнего «Русского Берлина» не относилась к послереволюционной волне политической эмиграции. Эти люди попали в Германию по другим причинам, но возвращаться в Россию они не собирались, хотя довольно многие из них лояльно относились к советской власти.

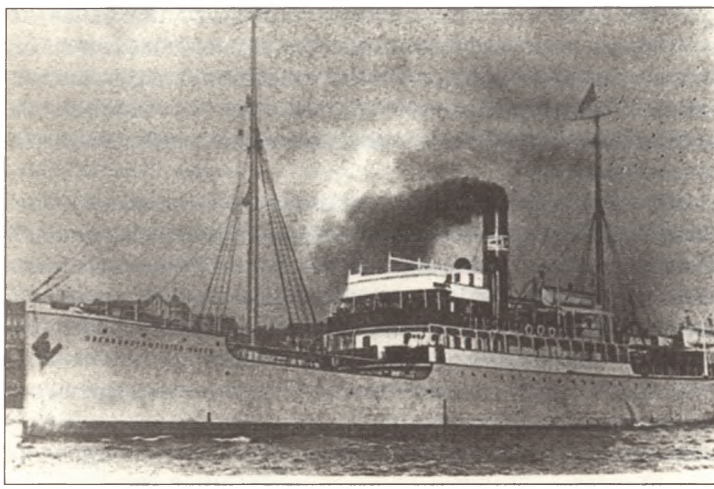
Немало было таких, кто оказался в Берлине вообще случайно. Как писал Илья Эренбург, «*среди эмигрантов было много людей, не понимавших, почему они очутились в эмиграции. Одни убежали в припадке страха, другие от голода, третьи потому, что уезжали их соседи. Кто-то остался, кто-то уехал; один брат ходил на субботники в Костроме, другой мыл тарелки в берлинском ресторане "Медведь", взгляды у них были одинаковые, да и характеры сходные. Судьбу миллионов людей решила простая случайность*».

Пассажиры «философского парохода»

Особое место в берлинской эмигрантской общине заняли пассажиры «философского парохода». Такое название получила группа эмигрантов, высланных из России осенью 1922 г. в организованном порядке. На самом деле в операции участвовали не один, а два корабля: «Обербургомистр Гакен» (Oberbürgermeister Haken) и «Пруссия» (Preussen), доставившие из Петрограда в Штеттин более 160 человек из числа российской интеллигенции, неугодных большевикам. В число пассажиров обоих судов входили не только философы, среди них были инженеры, литераторы, кооператоры, хотя философы составляли наиболее представительную группу. И наконец, высылка производилась не только морем, но и поездом.

По спискам ГПУ

В число высылаемых согласно спискам ГПУ вошли: философы и социологи Н.А. Бердяев, Б.П. Вышеславцев, И.А. Ильин, Л.П. Карсавин, И.И. Лапшин, Н.О. Лосский, С.Е. Трубецкой, П.А. Сорокин, Ф.А. Степун, С.Л. Франк; историки и правоведы А.А. Кизеветтер, В.А. Мякотин; писатели и литераторы Ю.И. Айхенвальд, Н.М. Волковысский, Е.И. Замятин, А.С. Изгоев-Ланде; экономи-



«Философский пароход» «Обер-бургомистр Гакен»

сты и финансисты С.Л. Зубашев, Н.Д. Кондратьев (Китаев), Д.А. Лутохин, И.Х. Озеров; математики, инженеры и естественники И.А. Артоболевский, А.Л. Байков, Н.Р. Брилинг, В.В. Зворыкин, И.И. Куколевский, М.М. Новиков, П.А. Пальчинский, В.В. Стратонов, И.И. Ушаков, А.И. Угримов, В.Е. Фомин, В.И. Ясинский; деятели кооперативного движения И.Ю. Баккал, Б.Д. Бруцкус, А.А. Булатов, А.Ф. Изюмов, В.М. Кудрявцев, Н.И. Любимов, И.П. Матвеев, А.И. Сигирский; медицинские работники И.Е. Бронштейн, А.Я. Гудкин, Е.С. Канцель, Н.Н. Розанов, Н.П. Ромодановский, Ю.Н. Садыкова и многие другие.

Медицинских работников, однако, было решено выслать не за границу, а на работу в голодающие районы России.

Обычно, объясняя причины этой акции, приводят слова Троцкого о «социалистической гуманности»: *«Те элементы, которые мы высылаем или будем высылать, сами по себе политически ничтожны. Но они потенциальные орудия в руках наших возможных врагов. В случае новых военных осложнений... все эти наши непримиримые и неисправимые элементы окажутся военно-политической агентурой врага. И мы будем вынуждены расстрелять их по законам войны. Вот почему мы предпочитаем сейчас,*

в спокойный период, выслать их заблаговременно. И я выражаю надежду, что вы не откажетесь признать нашу предусмотрительную гуманность...

Есть, однако, и другая, не столь пафосная, но намного более прагматичная версия, объясняющая происходившее банальной диалектикой смены элит, необходимостью «освободить места». Ее высказал никуда не высылавшийся, осужденный в 1930 г. на пять лет лагерей историк Н.И. Преферансов. «*Советская власть готовит свою интеллигенцию,* — писал он. — *Отсюда — процесс вытеснения старой интеллигенции. Положение этой старой интеллигенции я считаю безнадежным даже... когда эти интеллигенты хотят добросовестно работать с соввластью... новое поколение вытесняет старых, беспартийных интеллигентов... Социальные отношения в стране таковы, что старой интеллигенции все равно приходится уходить...*»[1].

Две рубашки и иностранная валюта

С высылаемых брали обязательство под страхом смертной казни не возвращаться в Советскую Россию и заявление о добровольном выезде за границу (при наличии средств это могло быть сделано за свой счет, соответственно с большими удобствами в отношении классности билетов).

Федор Степун рассказывал, что изгнанникам было разрешено взять: «*Одно зимнее и одно летнее пальто, один костюм, по две штуки всякого белья, две денные рубашки, две ночные, две пары кальсон, две пары чулок. Золотые вещи, драгоценные камни, за исключением венчальных колец, были к вывозу запрещены; даже и нательные кресты надо было снимать с шеи. Кроме вещей разрешалось, впрочем, взять небольшое количество валюты, если не ошибаюсь, по 20 долларов на человека; но откуда ее взять, когда за хранение ее полагалась тюрьма, а в отдельных случаях даже и смертная казнь*».

Но, видимо, не все было так однозначно строго. Высланный бывший кадет, публицист Михаил Ильин

[1] Цит. по: Русский Берлин. 1920—1945.

(Осоргин) рисует более либеральную, картину: *Легко сказать — ехать. А виза? А паспорт? А транспорт? А иностранная валюта? Это тянулось больше месяца. Всесильное ГПУ оказалось бессильным помочь нашему "добровольному" выезду за пределы Родины. Германия отказала в вынужденных визах, но обещала немедленно предоставить их по нашей личной просьбе. И вот нам, высылаемым, было предложено сорганизовать деловую группу с председателем, канцелярией, делегатами. Собирались, заседали, обсуждали, действовали. С предупредительностью (иначе — как вышлешь?) был предоставлен автомобиль нашему представителю, по его заявлению выдавали бумаги и документы, меняли в банке рубли на иностранную валюту, заготовляли красные паспорта для высылаемых и сопровождающих их родных. Среди нас были люди со старыми связями в деловом мире, только они могли добиться отдельного вагона в Петербурге, причем ГПУ просило прихватить его наблюдателя, для которого не оказалось проездного билета; наблюдателя устроили в соседнем вагоне. В Петербурге сняли отель, кое-как успели заарендовать все классные места на уходящем в Штеттин немецком пароходе. Все это было очень сложно, и советская машина по тем временам не была приспособлена к таким предприятиям. Боясь, что всю эту сложность заменят простой нашей "ликвидацией", мы торопились и ждали дня отъезда; а пока приходилось как-то жить, добывать съестные припасы, продавать свое имущество, чтобы было с чем приехать в Германию»*[1].

Возможность распродажи имущества с целью выручить за него определенную сумму подтверждает и Глеб Струве, который оказался свидетелем прибытия в Берлин пассажиров «философского парохода». В письме брату Петру он пишет: *«Материально они* (семья Франк. — *Авт.*) *более-менее обеспечены, т. к. продали все свое достояние, включая библиотеку, и купили — кто американскую, кто английскую — валюту. Поэтому за*

[1] *Осоргин М.А.* Времена. Париж, 1955. Цит. по: Русский Берлин. 1920—1945.

время путешествия они успели уже вдвое разбогатеть (благодаря инфляции. — *Авт.*)».

Любопытные выдержки из письма в Берлин религиозного философа Бориса Вышеславцева приводит в статье «"Летучий голландец" российской интеллигенции» доктор философских наук, редактор журнала «Скепсис» Нина Анатольевна Дмитриева: *«Я собираюсь отсюда <из России> уехать и слышал, что Вы организуете университет в Берлине. Если да, то имейте меня в виду <...> Вы спасаете этим живое воплощение остатков русской культуры для будущего, помимо спасения живого приятеля. Жизнь здесь физически оч<ень> поправилась, но нравственно невыносима для людей нашего миросозерцания и наших вкусов. Едва ли в Берлине Вы можете есть икру, осетрину и ветчину и тетерок и пить великолепное удельное вино всех сортов. А мы это можем иногда, хотя и нигде не служу и существую фантастически, пока еще прошлогодними авторскими гонорарами и всяк<ими> случайными доходами. Зарабатывать здесь можно много и тогда жить материально великолепно, но — безвкусно, среди чужой нации, в духовной пустоте, в мерзости нравств<енного> запустения. Если можете, спасите меня отсюда»*[1]. Письмо написано в начале октября и говорит о том, что уважаемый профессор очень торопился поспеть на корабль.

Переезд

Первыми в Ригу 23 сентября 1922 г. поездом выехали с семьями А.В. Пешехонов, П.А. Сорокин, И.П. Матвеев, А.И. Сигирский и др. Вслед за ними также по железной дороге, но уже в Берлин отправились Ф.А. Степун, Н.И. Любимов и др. И только после этого 29 сентября в море вышел «Обер-бургомистр Гакен», пассажирами которого были Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, И.А. Ильин, С.Е. Трубецкой, Б.П. Вышеславцев, А.А. Кизеветтер, М.А. Ильин (Осоргин), М.М. Новиков, А.И. Угримов,

[1] Из письма Б.П. Вышеславцева А.С. Ященко от 5.10.1922 г. См.: Русский Берлин. 1921—1923. По материалам архива Б.И. Николаевского в Гуверовском институте.

Проф. И.А. Ильин и кн. С.Е. Трубецкой.
Рис. И.А. Матусевича, сделанный на борту парохода (1922)

В.В. Зворыкин, Н.А. Цветков, И.Ю. Баккал, профессор МВТУ В.И. Ясинский и др. 30 сентября пароход прибыл в Штеттин. На борту находилось примерно 30—33 человека из Москвы и Казани, а также из других городов (с семьями примерно 70 человек).

На «Пруссии» 16 ноября из Петрограда в изгнание отправились Н.О. Лосский, Л.П. Карсавин, И.И. Лапшин и др. Всего 17 человек, с семьями — 44.

В Берлине к пассажирам «философского парохода» поначалу отнеслись радушно, хотя в Штеттине, куда первоначально прибыли изгнанники, их никто из берлинской эмиграции не встретил. Из газет «Русского Берлина» наибольший интерес к ним проявили «Руль» и «Дни». Довольно быстро, однако, между «старожилами» и вновь

прибывшими пролегла полоса отчуждения. Первые считали: именно они, «уходя с боями», сохранили честь Белого движения, вторые, наоборот, часто игнорируя его героические черты, утверждали свое право на особую гордость, поскольку оставались вместе с народом в тяжелые времена.

Спасибо Троцкому

Часть изгнанников осталась в Берлине, другие разъехались по Европе: в Париж, в Прагу, в Лондон... В немецкой столице обосновались философы Николай Александрович Бердяев, Иван Александрович Ильин, Семен Людвигович Франк...

По их инициативе, в первую очередь Н.А. Бердяева, при поддержке профессора-слависта Отто Хёча, германского правительства и Лиги Наций в Берлине в феврале 1923 г. был открыт *Русский научный институт* с отделениями духовной культуры, права и экономики, где русские философы получили трибуну для свободного изложения своих идей, а русские студенты возможность учиться. Профессор Хёч был единственным немцем в правлении института. Аудитории учебного заведения расположились на Шинкельплац (Schinkelplatz, 6) и Луизенштрассе (Luisenstrasse, 31a). К апрелю на три факультета и несколько эпизодических курсов был зачислен 581 студент.

Бердяев работал в Берлине до 1924 г. За это время вышли его работы «Смысл истории», «Миросозерцание Достоевского», «Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии», «Новое средневековье». В эти годы он знакомится с немецкими философами Шелером, Кайзерлингом, Шпенглером.

Ильин продержался в Берлине до 1938 г., но еще в 1934 г. был уволен с работы, став неугоден гестапо, хотя в некоторых своих работах определял фашизм как неизбежную и «здоровую» реакцию на большевизм. *...Гитлер... остановил процесс большевизации в Германии и оказал этим величайшую услугу всей Европе»,* — писал он в своей статье «Национал-социализм. Новый дух» в 1933 г. До 1937 г. жил в Германии и Семен Франк.

Часто пишут об огромной утрате, которую понесли наука и культура России в лице пассажиров «философского парохода». Безусловно, Ильин и Бердяев — великие имена. И не только они... Но что стало бы с ними и другими изгнанниками в России, когда по стране во всю силу покатилось колесо красного террора? «*Высылка была делом Троцкого,* — писал вице-председатель берлинского Союза русских писателей и журналистов писатель Борис Константинович Зайцев. — *За нее высланные должны быть ему благодарны: это дало им возможность дожить свои жизни в условиях свободы и культуры. Бердяеву же открыло дорогу к мировой известности*».

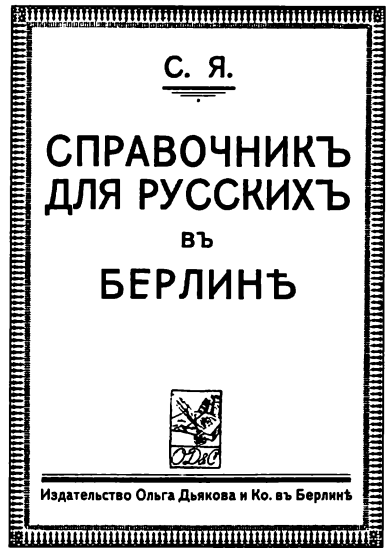
Послесловие

Экономист Н.Д. Кондратьев, в отношении которого высылка была отменена, до 1930 г. работал в народном хозяйстве, потом был арестован, приговорен к 8 годам заключения и в 1937 г. расстрелян.

Специалист в области теоретической гидравлики профессор И.И. Куколевский был также исключен из списка пассажиров «философского парохода». Впоследствии получил звание заслуженного деятеля науки и техники РСФСР, в 1943 г. был удостоен Сталинской премии.

ВДОЛЬ ПО НЭПСКОМУ...

Западную часть немецкой столицы за каких-то годполтора заселили российские эмигранты. Территорию тогдашнего «Русского Берлина» можно примерно локализовать в пределах улицы Кантштрассе (Kantstrasse) на западе, площадей Ноллендорфплац (Nollendorfplatz) и Прагерплац (Pragerplatz) на юге, площади Байришерплац (Bayerischerplatz) на востоке, парка Тиргартен (Tiergarten) на севере с бульваром Курфюрстендамм (Kurfuerstendamm) между ними. Район Шарлоттенбург россияне по аналогии с Петроградом называли Шарлоттенградом, Курфюрстендамм именовали «Нэпским проспектом» (производное от НЭП — новой экономической политики). Здесь гости любили прогуливаться как дома в «старое время». Одним из центров культурной жизни стала Пра-



герплац, где жили многие видные эмигранты. Некоторые по приезде впервые селились здесь в пансионе «Прагер»: Алексей Толстой, Марина Цветаева, Илья Эренбург и др. В этих местах группировались многочисленные магазины, издательства, книжные лавки, библиотеки, рестораны, парикмахерские...

Наиболее заметны в русской колонии были представители интеллигенции, люди культуры и искусства — писатели, журналисты, художники, артисты. Как и большинство остальных эмигрантов, они считали, что большевики долго не продержатся, жили ожиданием возвращения на родину, не стремились к ассимиляции. По некоторым оценкам, их было около тысячи человек. Собственно, именно эту часть эмигрантской общины обычно подразумевают под «Русским Берлином». Но их творческая аура, осеняя своей благородной тенью русское эмигрантское сообщество в целом, нередко подвигает молодых восторженных немецких журналисток видеть в каждом втором эмигранте Набокова и в каждом третьем Ходасевича.

Борщ с кашей

По списку Карла Шлёгеля, в «Русском Берлине» первой эмигрантской волны было около 20 ресторанов с русской кухней. Среди них — «Либерти» (первый русский бар-ресторан) на Нюрнбергерштрассе (Nuernbergerstrasse, 65) недалеко от магазина «КаДеВе», знаменитые «Ландграф» на Курфюрстенштрассе (Kurfuerstenstrasse, 75) и «Пражское кафе» (Prager Diele) на Прагерплац, «Кулинар» на Шаперштрассе (*Shaperstrasse*, 16), «Медведь» на Байришерштрассе (Bayerischerstrasse, 11), на Виттен-

бергплац (Wittenbergplatz), где подавали «*борщ с гречневой кашей во всякое время*», «Русский уголок» на Ной Винтерфельдштрассе (Neue Wintrefeldstrasse, 9), рядом с Ноллендорфплац...[1] Во многих заведениях русского общепита было не только русское меню. Там играли оркестры балалаек, звучали цыганские романсы, плясали разодетые в пух и прах казаки... В дорогих ресторанах можно было послушать цыганский хор князя Б.А. Голицына («Стрельна»), цыганские романсы в исполнении К.Л. Истоминой («Медведь»), солиста бывшего придворного оркестра И.Ф. Гиля («Русско-немецкий ресторан»)... В местах подешевле выступали ансамбли, составленные, например, из бывших юнкеров. Вот как описывает такой ансамбль в ресторане «Тары-бары» Роман Гуль: «*Все в красных сафьяновых сапогах, синих шароварах, белых широких русских рубахах, талии обмотаны красными кушаками. Инструменты — балалайки, гитары, домры, а один ударяет в бубен*». Как пишут, сольные партии на балалайке у них исполнял князь Мещерский, уланский офицер и георгиевский кавалер. Случалось, в ресторанах между эмигрантами вспыхивали скандалы, если, например, одна часть публики — монархисты — вставала при звуках «Боже, Царя храни!», а другая — сторонники Временного правительства — продолжала сидеть. Доходило до рукоприкладства. В советских фильмах о Белой эмиграции можно было видеть подобные сцены. Доведенные до гротеска, они, тем не менее, были не далеки от истины.

Неуемно любознательный Роман Гуль

Так же как Илья Эренбург, Роман Борисович Гуль по праву именуется летописцем берлинской эмиграции. Бывший офицер Добровольческой армии, ставший в эмиграции писателем, он быстро приобрел известность после публикации мемуаров «Ледяной поход (с Корниловым)», вышедших в 1921 г. Вслед за ними последовали еще около двадцати книг.

В Берлине Гуль оказался в 1920 г. Был сам по себе, с легким левым уклоном. Занимался журналистикой и пи-

[1] *Шлёгель Карл.* Берлин. Восточный вокзал.

сательской деятельностью. Сотрудничал с различными эмигрантскими газетами и журналами, такими как «Накануне», «Жизнь», «Время», «Русский эмигрант», «Голос России», и другими периодическими изданиями. Был корреспондентом нескольких советских газет. Написал по заказу московского Госиздата роман «Жизнь на фукса» (1927). Был знаком или встречался со многими видными деятелями эмиграции и приезжавшими из России в Берлин писателями, поэтами и общественными деятелями. Среди его визави — Керенский, Пастернак, Есенин, Замятин, Федин, Пильняк, Тынянов, Ходасевич, Ремизов, Осоргин, Степун, Вышеславцев, Белый, Цветаева и многие другие. Гуль был «неуемно любознательным» человеком. Он регулярно посещал собрания литературного кафе Дома искусств, что обогащало его новыми и разнообразными знакомствами и впечатлениями. Около половины книг Гуля посвящены русской эмиграции. В его летописных хрониках живут *«советские и эмигрантские литераторы и артисты, "осколки разбитой вдребезги" русской интеллигенции, театры и печать русского зарубежья, ночные таксисты — бывшие полковники и генералы»*. Среди его книг особенно выделяются мемуарные записки в трех томах «Я унес Россию. Апология эмиграции», где яркими, точными штрихами Гуль рисует картины эмигрантской жизни.

После прихода нацистов к власти Гуль был арестован и месяц провел в концентрационном лагере. Гитлеровцы усмотрели призыв к терроризму в его книге о Савинкове. Освободиться из лагеря русскому писателю помогла его жена, отыскавшая среди их знакомых одного деятеля нацистского движения, прибалтийского немца Гуго Менчеля, который работал простым дантистом, прекрасно говорил по-русски, но, как выяснилось, имел партийный билет №4, то есть вступил в партию раньше Гитлера примерно на 3—4 номера. Менчель, «на редкость добрый и отзывчивый человек», надел мундир, ордена, сходил в гестапо, и вопрос был решен.

Осенью 1933 г. Гуль уехал в Париж. После войны переехал в США, где покинул этот мир в 1986 г. Похоронен в штате Нью-Йорк.

Два города

Русская речь звучала повсюду, в эмигрантских районах часто преобладая над немецкой. Далеко не все российские гости владели немецким языком, нередко удивляясь, что «*мы уже здесь два года, а они (немцы) еще не выучили наш язык*». Отсюда, а не с Бронкса пришел этот анекдот.

Созданный эмигрантами «русский мир» со своими газетами, издательствами, выставками, кафе, ресторанами, театрами, школами и другими атрибутами культурной жизни был хорошо заметен на городском пейзаже. В Берлине образовался город внутри города со своими традициями и образом жизни. «*Два города,* — писал Вадим Андреев, — *немецкий и русский, — как вода и масло, налитые в один сосуд, не смешивались друг с другом*». Чаще всего именно так характеризуются отношения между берлинцами и эмигрантами в те годы. Но в «Русском Берлине» также жили и профессионалы, владевшие мастерством, которое было востребовано в немецкой столице. Врачи, как писала газета Berliner Tageblatt (24.12.1921), открывали частные кабинеты, адвокаты шли работать в немецкие конторы, представители технических специальностей устраивались на промышленные предприятия. Люди творческих профессий старались привлечь к себе внимание на выставках. Открывались кондитерские, комиссионные магазины. Для кредитования новых проектов берлинские банки организовали особые русские отделения, где работали эмигранты... В Берлине было шесть русских банков... Газета отмечала, что профессиональная деятельность русских достигла вершины в издательском деле и в книжной торговле... Стартовый капитал в этой области находился на уровне 230 тысяч марок. В то время как, имея иностранную валюту, можно было прожить в городе на 15 долларов.

«Наглядно» представить степень присутствия деловых объектов «Русского Берлина» на карте города поможет воображаемая прогулка по Фридрихштрассе (Friedrichstrasse), лежащей на окраине «занятой» русскими территории немецкой столицы. Здесь располагались книжный

магазин «Аргонавты» (д. 13), Русская табачная фабрика «Урал» (д. 24), комиссионный магазин «Братья Орловы» (д. 44), ювелирная мастерская А. Бабиченко (д. 44), меховой магазин А.И. Савича (д. 63), Союз бывших русских военнопленных и интернированных в Германии (д. 64), отель «Силезия» (д. 96), русский пансион «Rones» (д. 118), ООО «Берлинские драгоценные камни» (д. 168), ювелирный магазин «Геледер и Сие» (д. 168), торговый дом «Андромеда» (д. 203). Здесь же на Фридрихштрассе, 217 до 1921 г. находилась резиденция ЦК КПГ Германии[1].

Мирное завоевание

В 1923 г. корреспондент венской газеты «Русский иллюстрированный мир» писал из Берлина: «*Мы — старожилы — привыкли. А вот заезжему человеку чуть ли не странным кажется это обилие русских магазинов, кафе, ресторанов, кабаре и т. д. В самом деле: пройдешься в области "Вестена"* (магазин "Кауфхаус дес Вестнес"/"КаДеВе", крупнейший и по сей день универмаг города, расположенный в центре Западного Берлина, рядом с фешенебельной Курфюрстендамм. — *Авт.*) — *и зарябит перед глазами от великого множества вывесок, витрин, плакатов, реклам: "Здесь говорят по-русски" книжный магазин "Родина" ресторан "Медведь", кафе "Москва" концерт такого-то... русские парикмахеры, чуть ли не мозольные операторы!.. А в газетных киосках тоже бубнят о себе заголовки газет и журналов: "Дни" "Накануне" "Руль" "Сполохи" "Жар-птица" Вот уж подлинно — мирное завоевание! А немцы — ничего привыкли. Еще острят: будто через год этак можно будет в промежутке от Шарлоттенбурга до "Цоологише гартен"* (станция метро недалеко от Курфюрстендамм. — *Авт.*) *основать Русскую эмигрантскую республику, а Курфюрстендамм переиначить в "проспект Курфюрста"».*

Не все берлинцы, однако, были столь добродушны. В униженной военным поражением и отягощенной огромными репарациями стране вызревали и другие настроения. Немцев шокировали объявления на дверях ма-

[1] *Шлёгель Карл.* Берлин. Восточный вокзал.

Виттенбергплац — любимое место прогулок русских эмигрантов. На заднем плане хорошо виден собор памяти кайзера Вильгельма

газинов «Wir sprechen auch deutsch» («Мы говорим также по-немецки»). Случалось, писал Вадим Андреев, *«прохожие... услышав русскую речь, оборачивались и яростно кричали:*

— В Германии извольте говорить по-немецки!».

С окончанием Гражданской войны в Германии, и прежде всего в Берлине, стали часто появляться крупные писатели, художники, артисты, деятели искусства из Советской России. Это были не единичные выезды счастливчиков «за бугор», а то, что называют массовым явлениям (понятно, что в определенной социальной группе). Для достаточно известных представителей российской творческой интеллигенции тех лет Германия примерно до 1925 г. реально была «окном в Европу», через которое до поры лишь географически отдаленные части единой русской культуры свободно (или почти свободно) поддерживали двустороннюю связь.

Буря в стакане воды

В эмигрантской среде одни оставались монархистами и твердили о борьбе «За Веру, Царя и Отечество», другие по-прежнему гласили: «Вся власть Учредительному

собранию», распущенному большевиками, третьи призывали к «власти советов, но без коммунистов»... Кадеты (конституционные демократы. — *Авт.*) вместе с основателем этой партии бывшим министром Временного правительства Павлом Николаевичем Милюковым, склоняясь к примиренчеству, считали, что в новой ситуации необходимо проявить гибкость и создать «Всероссийскую политическую коалицию».

В Берлине писали, находим опять у Эренбурга, что «Россию погубили вечные ручки Ватермана и шампанское Купферберга, помеченные дьявольскими пентаграммами. Известный в дореволюционные годы журналист Василевский — Не-Буква (псевдоним. — *Авт.*) писал, что "большевики растлили Сологуба", ссылаясь на роман "Заклинательница змей", написанный до революции. Бурцев называл Есенина "советским Распутиным", К. Чуковского за статью "Ахматова и Маяковский" объявили "советским прихвостнем" Черносотенцы писали, что "Керенский сын известной революционерки Геси Гельфман, эсер Чернов на самом деле Либерман, а октябрист Гучков — масон и еврей по имени Вакье"

Не уступали журналистам и писатели с именем. Зинаида Гиппиус травила Андрея Белого, беллетрист Е. Чириков, который многим был обязан Горькому, написал пасквиль "Смердяков русской революции". Бунин чернил всех. Белые газеты, что ни день, объявляли о близком конце большевиков.

Все это было бурей в стакане воды, истерикой низверженных помпадуров, работой десятка иностранных разведок или бредом отдельных фанатиков».

Некоторые, озлобленные поражением, терзаемые невозможностью отомстить далекому врагу, находили виновников всех бед среди таких же, как они, изгнанников. Самые оголтелые хватались за оружие.

«Мщу за царскую семью»

В марте 1922 г. монархисты, белые офицеры Шабельский-Борк (настоящая фамилия Попов) и Таборицкий, совершили покушение на Милюкова. Это произошло на лекции «Америка и восстановление России»,

Владимир Дмитриевич Набоков, павший от руки фанатика монархиста

которую тот читал в Берлинской филармонии. После ее окончания Шабельский-Борк с криками «Я мщу за царскую семью» открыл стрельбу по Милюкову. Сидевший в президиуме доктор Аснес быстро среагировал и повалил Милюкова на пол. Нападавший продолжил стрельбу, но в этот момент его ударил по руке с револьвером, оказавшийся рядом Владимир Дмитриевич Набоков, один из руководителей кадетской партии, юрист и публицист, редактор берлинской газеты «Руль». Тогда Таборицкий выстрелил в Набокова. Пуля попала в сердце, Набоков погиб мгновенно. Во время покушения было ранено девять человек. Милюков не пострадал.

Шабельский-Борк был задержан собравшимися в зале. Таборицкого схватили уже в гардеробе. На момент покушения Шабельскому было 28, Таборицкому — 26 лет.

Состоявшийся суд приговорил Шабельского-Борка к 12 годам каторжной тюрьмы, Таборицкого — к 14 годам. Оба были освобождены через пять лет и остались в Германии. В годы нацизма работали в Управлении делами российской эмиграции, которым руководил В.В. Бискупский — один из идеологов так называемого «русского фашизма». У одного из террористов дочери убитого Ольге Набоковой пришлось подписывать свидетельство о расовой чистоте.

По некоторым данным, Бискупский в ноябре 1923 г., после мюнхенского путча, некоторое время укрывал у себя на квартире Гитлера. В 1941 г. Бискупский одобрил нападение Германии на СССР и пошел на сотрудничество с гитлеровцами. По некоторым сведениям, в 1944 г. он оказался причастен к заговору против Гитлера. Скрывался. Умер 18 июня 1945 г. По другим источникам, был арестован гестапо и умер в концлагере. Шабельский-Борк после Второй мировой войны переехал в Аргентину, где скончался в 1952 г. в возрасте 59 лет.

Таборицкий также возглавлял созданную им пронацистскую Национальную организацию русской молодежи, по некоторым данным, вступил в НСДАП. В годы войны в качестве руководителя «Русского представительства» в Германии занимался вербовкой русских эмигрантов в вермахт. Пропал без вести в 1945 г. во время штурма Берлина.

ЭМИГРАНТСКИЕ МИНИАТЮРЫ

Первыми проявлениями культурной жизни в «Русском Берлине» стали спектакли и представления, поставленные в Берлине силами эмигрантов в августе — ноябре 1919 г. Полупрофессиональная труппа представила на сценах Deutsches Theater, Theater des Westens и Brueder-Vereins-Saal «Осенние скрипки», «Роман», «Ревность», «Земной рай», «Три сестры», «Змейку» и «Науку любви». Одновременно открылось русское кабаре «Голубой сарафан». Однако уже к концу года по причине крайней убыточности спектакли прекратились, а кабаре закрылось. Приезжал малоуспешный Русский художественный передвижной театр из Риги.

Летом 1920 г. в Берлине создается «Шалаш русского актера», который, как писала газета «Голос эмигранта», *«обосновался в помещении ресторана при Theater des Westens и носил характер театра миниатюр с отдельными выступлениями и отрывками, на самодельной сцене, в примитивных декорациях».* По сходным с вышеназванными причинам «Шалаш» закрылся в конце года. Через

Сохранившийся до наших дней Theater des Westens, где шли первые спектакли русских эмигрантов. Фото: ВТМ

много лет, уже в современном Берлине, появился молодежный клуб «Шалаш», как бы принявший эстафету.

Дальнейшие попытки движения в этом направлении свелись опять-таки к созданию нескольких театров эстрадных миниатюр. Два начинания оказались достаточно успешными и относительно долговременными: «Синяя птица» и «Русский театр Ванька-Встанька».

Театром «Синяя птица» руководил Яков Южный. *«Этот театр,* — писал Роман Гуль, — *по своему стилю и репертуару был схож со знаменитой "Летучей мышью" Никиты Балиева, ставшей эмигранткой, улетевшей из советской Москвы в Париж, где Балиев с огромным успехом вел свой театр*[1]*... В "Синей птице" ведущие актрисы были Валентина Аренцвари, Е. Девильер и Юлия Бекефи, "потрясавшая" зрителей в "Рязанской пляске". В труппе были: режиссер И. Дуван-Торцов, сам Я. Южный, знамени-*

[1] Театр-кабаре «Летучая мышь» был образован в 1908 г. артистом МХТ Никитой Балиевым. Шутки Балиева тогда повторяла вся Москва. В 1920 г. труппа эмигрировала из России и впоследствии успешно гастролировала в Европе и Америке.

тый эстрадник (куплетист. — *Авт.*) *Виктор Хенкин, музыкальной частью ведал М.М. Шопелло-Давыдов, художественное оформление — три талантливых молодых художника: А. Худяков, Г. Пожедаев и П. Челищев, сделавший позже международную карьеру.*

Репертуар "Синей птицы" включал множество милых и остроумных музыкальных безделок — "Стрелочек", "Полночная полька" "Русский танец", "Вечерний звон", "Бурлаки" "Повариха и трубочист", "Рязанская пляска" "Крестьянские песни" "Лубки" "Как хороши, как свежи были розы" "Песенки кинто" — коронный номер Виктора Хенкина».

Роман Гуль оставил также интересное описание «Ваньки-Встаньки»: *«Душой... театра... был известный поэт-эстрадник Николай Яковлевич Агнивцев, автор вышедших в Берлине стихотворных сборников "Мои песенки" и "Блистательный Санкт-Петербург". Агнивцев... очень высокий, очень худющий, с некрасивым, но выразительным лицом, очень выпивавший... был воплощение бескрайней русской театральной богемы... Спесивые эстеты, разумеется, найдут в Агнивцеве и мелкотемье, и даже "пошлость". Но хорошо в свое время ответил Александр Блок о пьесах Леонида Андреева: "Пусть это пошлость, но это пошлость, которая меня волнует!" Вот и у Агнивцева есть такие "легкости", сквозь которые чувствуется несомненный талант милостью Божьей... свои отдельные строки Агнивцев мог бы с чистой совестью подарить и Есенину, и даже Блоку. Хотя бы эту: "Ведь это юность из тумана мне машет белым рукавом!"*

Театр... просуществовал недолго. В нем (как и в "Синей птице") давались разные интересные, талантливые безделки — "Русь эмигрантская", "В старой Москве", "Хоровод виз" "Бродячие комедианты" ...В Агнивцеве, сильно пившем, видимо, была какая-то неуравновешенность: в 1923 году он вернулся в РСФСР. Может быть, даже по пьяному делу, Бог его знает. Там у него сначала будто что-то пошло, выпустил более-менее "соответственный" сборник стихов — "От пудры до грузовика" выпустил две книжки "для юношества", стал сотрудником "Крокодила" Но вскоре власти поняли, что этот

Божьей милостью богемьен[1] — не подходящ. Из «Крокодила» его ушли. Двери издательств для него закрылись. Агнивцев опустился. Сидел в дешевых пивных, где за бутылку пива писал стихотворения, ноги были обуты в калоши, обмотанные веревками. И под конец умер, как босяк, — как говорится, "под забором" Но "забор" был не чужой, не бусурманский, конечно, а свой, расейский "забор", под ним, говорят, и умирать гораздо приятнее».

«СУПРУГИ» ЧЕХОВЫ

Одной из самых ярких театральных фигур первой половины XX в. был артист Михаил Александрович Чехов (1891—1955), племянник А.П. Чехова, сын его старшего брата Александра Павловича. Впервые он оказался в Берлине в конце лета 1922 г. в числе актеров студии МХТ, гастролировавшей тогда в немецкой столице. Критика однозначно выделяла Чехова среди студийцев как талантливого, «сочного» актера, обладавшего ярко выраженной индивидуальностью.

Михаил Чехов в роли Хлестакова. Фото: kino-teatr.ru

В 1928 г. Михаил Александрович снова приезжает в Германию «для лечения»,

[1] *Богемьен* — представитель богемы. *Богема* (от *фр.* bohéme, букв. цыганщина) — прослойка художественной интеллигенции — актеры, художники, музыканты, литераторы, ведущая беспорядочный, беспечный образ жизни.

но, оказавшись в Берлине, обращается в Главискусство с просьбой о предоставлении годового заграничного отпуска. Больше в Россию Чехов не вернулся. В 1929—1930 гг. он очень успешно снимался в Берлине в кино, играл в театре Макса Рейнхардта. Потом работал в Чехословакии, Франции, Латвии. Перед войной переехал в США, где основал свою актерскую школу, в которой учились мастерству Мэрилин Монро, Клинт Иствуд, Энтони Куинн, Юл Бриннер и многие другие голливудские звезды.

Ольга Чехова.
Фото: kino-teatr.ru

Михаил Чехов дал свою фамилию Ольге Константиновне Книппер (1897—1980), племяннице актрисы МХТ Ольги Леонардовны Книппер-Чеховой. Они тайно обвенчались в 1914 г. Прожили вместе, однако, только четыре года. В начале 1921 г. Ольга Чехова вместе с новым мужем приезжает в Берлин, где остается навсегда. Не имея актерского опыта, не зная языка, но обладая прекрасной внешностью, актерским талантом и упорством в достижении поставленных целей, она через десять лет сумела стать популярнейшей в Германии актрисой, «ученицей Станиславского», снявшейся более чем в сорока фильмах. В 1929 г. она как режиссер поставила фильм «Шут своей любви» с бывшим супругом Михаилом Чеховым в главной роли. Ольга Чехова взлетела в Германии на невероятную высоту. Во времена Третьего рейха она имела статус «государственной актрисы». В прессе публиковались ее фотографии рядом с Гитлером, который обожал ее, она дружила с Евой Браун, на равных говорила с Геббельсом, Герингом и другими нацистскими бонзами. Ее новый муж — военный летчик — сражается с англичанами и гибнет в воздушном бою. В статьях о Чеховой часто

высказывается удивление: как русская актриса смогла попасть в самый ближний круг гитлеровского окружения? Ответ прост: она не была русской по крови и происходила из семьи обрусевших немцев.

Войну Чехова прожила в Берлине. После победы над Германией ее допрашивают в НКВД, на три месяца привозят в Москву, где допросы продолжаются. А потом она возвращается в Берлин. Снова снимается в кино, играет на сцене. Одновременно появляются слухи, что Ольга Чехова — агент НКВД. Так считал, например, советский разведчик генерал-лейтенант Павел Судоплатов. В своих мемуарах Ольга Чехова не дала ответа. Ее тайна до сих пор не раскрыта.

РОССИЙСКИЕ БАЛЕТНЫЕ

Первой русской яркой балетной звездой на берлинской сцене стала Анна Павловна (Матвеевна) Павлова (1881—1931). В 1907 г. она приезжает в Берлин во время своего первого европейского турне. Этот год считается началом ее международного признания. Павлова первая из русских балерин еще до Русских сезонов С.П. Дягилева обрела мировую славу. Из Берлина она поехала с балетной труппой в Лейпциг, Прагу и Вену, где танцевала в «Лебедином озере». Позже Павлова присоединилась к труппе Дягилева. Через два года на гастролях Мариинки в Берлине она танцевала «Жизель» вместе с Николаем Легатом. В 1913 г. в Берлине вышел сборник статей, посвященный ей, в который также вошли написанные балериной биографические заметки. Тогда же Анна Павлова выступила в Берлине в роли манекенщицы и приняла участие в проведенной в немецкой столице демонстрации меховых изделий. Многие танцовщицы Дягилева не отказывали себе в удовольствии поработать в качестве манекенщиц парижского Дома моды. Начало Первой мировой войны застало Павлову в Берлине, где она была на короткое время задержана как «русская шпионка». Довольно скоро балерина вернулась в Россию, после чего отправилась вместе с труппой на гастроли по Северной и Южной Америке.

В эмигрантском Берлине 1920-х жили многие известные балетные артисты. На городской театральной сцене они занимали наиболее устойчивые и долговременные позиции. Балетные в силу специфики своего творчества, где не требовалось знание языка, были глубже других эмигрантов интегрированы в культурную жизнь «немецкого» Берлина. В 1920 г. они создали Союз русских сценических деятелей со своим печатным органом — журналом «Театр и жизнь» с подзаголовком «Журнал, посвященный пропаганде русского сценического искусства за границей». При союзе также существовала биржа актеров, занимавшаяся их трудоустройством.

Среди русских балетных выделялась Евгения Платоновна Эдуардова (1882—1960). Обладая скромными средствами, она создала русскую балетную школу, которая приобрела большой авторитет не только в «русском», но и в «немецком» Берлине. Как танцовщица и хореограф Эдуардова оказала большое влияние на развитие классического балета в Германии. Ее пригласили на должность режиссера в Берлинский государственный театр, где она проработала, одновременно преподавая в школе, до 1938 г., когда переехала в Париж.

Одним из самых долгосрочных творческих проектов стала балетная труппа «Русский Романтический театр», которой руководил известный артист петербургского Мариинского театра Борис Георгиевич Романов (1891—1957). Одним из основателей театра был Анатолий Ефимович Шайкевич (1879—1947), сын миллионера — крупного заводчика и банкира, председателя Русского общества всеобщей компании электричества и Санкт-Петербургского коммерческого банка, юрист, балетный критик и просто эстет, а также друг Бердяева, находившийся с 1918 г. в эмиграции. Как критик он писал для русских эмигрантских изданий «Театр», «Театр и жизнь», «Русские новости».

Декорациями занимался театральный художник Павел Федорович Челищев (1898—1957), одна из наиболее фундаментальных фигур среди художников русской эмиграции. Он также сотрудничал с театром «Синяя птица», оформлял постановки «Золотой петушок»

Н.А. Римского-Корсакова и «Савонарола» для Берлинской оперы. Кроме него, с «Романтическим театром» сотрудничали художники Ф. Гозиасон, Л. Зак, В. Боберман и Г. Пожедаев.

Труппа много гастролировала по Европе. «Русский Романтический театр» был очень популярен у эмигрантов и немцев и продержался в Берлине до 1926 г. Его наиболее значительной постановкой на берлинской сцене стала «Жизель». Шли также «Петрушка», «Любовь-волшебница» и другие спектакли. Прима-балериной была выдающаяся танцовщица Мариинского театра Елена Александровна Смирнова, жена Романова. Ее танец отличался безукоризненной техникой, отточенностью исполнения, уверенными вращениями. Мастерство Смирновой с удовольствием описывал эмигрантский критик Андрей Левинсон. После распада труппы Романов некоторое время работал балетмейстером у Анны Павловой, пока не уехал с женой в Америку, где в 1938 г. стал балетмейстером Метрополитен-опера в Нью-Йорке.

БЕРЛИНСКИЙ ФЕНОМЕН

Беспрецедентного размаха достигла в «Русском Берлине» издательская деятельность. С 1920-го по 1922 г. в Берлине выходило почти 60 русских газет и журналов. За период с 1919-го по 1924 г. в немецкой столице увидели свет около 2200 наименований книг на русском языке — больше, чем в Москве и Петрограде. Издания распространялись не только в Германии, но и в других странах Европы, в России, а также в Америке. В эти годы из европейских стран в Германии были наиболее благоприятные условия для книгоиздательской деятельности. В политическом смысле это объяснялось наилучшими, по сравнению с другими странами, отношениями между Германией и Советской Россией. С точки зрения экономики этому способствовали, с одной стороны, вызванные гиперинфляцией относительно дешевая рабочая сила и стоимость типографских работ, с другой стороны, традиционно высокий уровень полиграфии в стране. Плюс к этому высокий спрос на русскоязычную продукцию

среди эмигрантов, а также печать части продукции для России под твердые заказы. За десять лет — с 1918-го по 1928 г. — в Берлине в разное время и с разным успехом суммарно существовало не менее 87 эмигрантских издательств (по некоторым источникам, с учетом «однодневных» проектов до 200). По данным германской статистики, в 1922 г. годовая продукция книг на русском языке превышала количество изданий, выпускавшихся для немцев. Подобного феномена в издательской деятельности как по количеству, так и по разнообразию продукции не было ни в одной другой русской диаспоре Европы.

Издательства и издатели

Еще в 1856 г. в Берлине открылась русская типография К. Шультце, в 1857 г. — типография «Трович и сын». Перед Первой мировой войной в немецкой столице существовало издательство И.П. Ладыжникова, открытое еще в 1905 г. по решению ЦК РСДРП(б) для издания марксистской литературы за рубежом. Ладыжников долгие годы сотрудничал с А.М. Горьким. В 1918 г. издательство приобрел Б.Н. Рубинштейн (во время войны погиб-

В эмигрантском книжном магазине. Фото: Ullstein

ший в газовой камере), но до конца своей деятельности оно сохраняло первоначальное название. Ладыжников после революции руководил советскими государственными книготорговыми обществами в Берлине «Книга» и «Международная книга».

В 1919 г. в Берлине появился русский книжный магазин «Москва» А.С. Закса. Потом в местах, где селились и часто бывали русские эмигранты, стали появляться другие книжные магазины. Поначалу книги обычно поступали в них из «Москвы», которая стала городским центром распространения книжной продукции. Через год при «Москве» открылась библиотека, затем — одноименное издательство, в котором с 1921 г. стал выходить в маркетинговых целях критико-библиографический журнал «Русская книга». Позже открылся филиал магазина в Нью-Йорке, затем крупные партии книг стали поступать во Владивосток и далее в Китай, в обосновавшуюся там русскую диаспору. Продукция на русском языке, издававшаяся в Германии, появилась на прилавках книжных магазинов в Польше, Прибалтике, России.

Только за 1921 г., помимо «Москвы», в Берлине возникло 15 крупных издательств («Мысль», «Слово», «Врач», «Геликон», «Литература», «Скифы», «Огоньки», «Русское творчество», «Эпоха», издательства Гржебина, Дьяковой, Бергера, Гликмана и др.). Здесь печатали русскую классику, прозу и поэзию эмигрантов и советских авторов: произведения А. Аверченко, А. Белого, С. Есенина, О. Мандельштама, Вяч. Иванова, Л. Лунца, В. Маяковского, И. Северянина, В. Набокова, Б. Пастернака, Б. Пильняка, А. Ремизова, И. Соколова-Микитова, А. Толстого, Вл. Ходасевича, М. Цветаевой, С. Черного, В. Шкловского, И. Эренбурга... В огромных количествах выпускались разные мемуары, религиозная литература, справочники, пособия, поваренные книги...

В апреле 1922 г. был образован Союз книгоиздателей, который учредили представители 25 издательств и книжных магазинов. Своей главной задачей они видели формирование единой книгоиздательской политики на книжном рынке в Германии, а также в целом в Европе, принимая во внимание и Америку.

Издательство З.И. Гржебина (Лютцовштрассе/Luetzowstrasse, 27) занимало первую позицию на русскоязычном книгоиздательском рынке по количеству, разнообразию, качеству текстов и оформлению книжной продукции. За время существования издательства с мая 1922-го по октябрь 1923 г. были выпущены книги 225 наименований.

Зиновий Исаевич Гржебин, издатель с дореволюционным стажем и большим опытом, уехал из России в 1921 г. вместе с А.М. Горьким. В Берлине основанное им издательство выпускало до поры при моральной поддержке Горького и финансовой помощи Советского правительства книги серии «Берлин — Петроград», адресованные прежде всего российскому читателю. В редсовет издательства входили А.М. Горький, А. Бенуа, академик С.Ф. Ольденбург и профессор А.П. Пинкевич. Под маркой «Берлин — Петроград» были изданы четырехтомник Лермонтова, десятитомник Н.В. Гоголя, произведения К. Бальмонта, И. Бунина, Ф. Сологуба, Е. Замятина, А.Н. Толстого, М. Горького, Б. Пильняка, Б. Зайцева, А. Чапыгина, А. Ремизова, А. Белого, Б. Пастернака, Н. Гумилева, В. Ходасевича, Г. Иванова, М. Цветаевой, книги серии «Жизнь замечательных людей»... Часть книг выпускалась по заказу российского торгпредства в Берлине.

Гржебиным была предпринята попытка издания исторического журнала «Летопись революции» со статьями авторов из противоборствующих лагерей. *«Я готов печатать от Ленина до Шульгина и еще правее,* — говорил Гржебин, — *если это будет талантливо и правдиво... Я совершенно независим и печатаю то, что нахожу нужным. Я не могу оторваться от России, хочу, чтобы мои книги попали в Россию...»* Однако введенный запрет на ввоз в Россию книг, изданных за рубежом, последовавшее за этим прекращение финансирования со стороны советского торгпредства договора и начало общего спада книгоиздательского дела в Германии разорили Гржебина. В конце 1923 г. он переехал с семьей в Париж, где скончался в 1929 г. в нищете.

Критик и переводчик Евгений Германович Лундберг основал в 1921 г. издательство «Скифы», поначалу пе-

чатавшее в основном издания политического толка, отражавшие позицию левых эсеров, а потом значительно расширило свою деятельность в сторону философских, исторических, литературоведческих книг, сборников современной поэзии, а также научно-популярной и учебной литературы. Часть книг этого направления издавалась по советским заказам. Издательство работало до середины 1920-х гг. «*"Скифы"* — рассказывает Роман Гуль, — *левые эсеры... прибыли в Берлин в 1921 г. во главе с бывшим наркомюстом И. Штейнбергом и А. Шрейдером. Въехали они в Берлин шумно, с хорошими деньгами, и сразу — на широкую ногу! — открыли большое издательство, назвав его "Скифы"... Говорилось, что всех их выслали. Но я так и не понимаю, почему и как их выслали и почему они приехали с такими деньгами — после подавления большевиками левоэсеровского восстания в Москве в июле 1918 г. левые эсеры ведь оказались "врагами народа" Это были... хорошие, симпатичные люди... но политически, по своему "революционному романтизму" — какие-то несерьезные. Странно, что эта группа "скифов" состояла почти вся из евреев, которые по своему национальному характеру, я думаю, ни к какому "скифству" не расположены. Больше того, бывший наркомюст И.Штейнберг был... ортодоксальный еврей, соблюдавший все обряды иудаизма. Как он это увязывал со "скифством" — его "тайна" Шрейдер же... наоборот, был еврей, вдребезги испорченный Россией... и кончил в Париже... по-карамазовски: без ума полюбил... но, не получив на свою "безумную" любовь ответа, пустил себе пулю в лоб. Лундберг... был, по-моему, интересным и умным писателем... "Скифы" сразу же стали издавать левоэсеровский журнал "Знамя" И выпустили множество книг... Но кончились "Скифы" очень быстро, по-скифски: деньги все пропустили. Шрейдер (как я сказал) застрелился, Лундберг возвратился, а Штейнберг уехал в Америку. Выпущенные Штейнбергом мемуары для политического деятеля странно несерьезны, но для левых с-р., пожалуй, характерны. Вспоминая октябрьский переворот, Штейнберг пишет: "Тайной политической целью Ленина всегда была диктатура..."»*

Спустя десятки лет тайна «больших денег» «Скифов» выясняется. В заметке о Е.Г. Лундберге (Краткая литературная энциклопедия [КЛЭ]. Т.4. С. 453) сказано: «Изд-во "Скифы" — берлинский отдел Госиздата и Гостехиздата». Так вот в чем дело! Стало быть, деньги-то дала Москва. Но на свободе «скифы» начали «резвиться», издавая не «гостехиздат», а, например, полное собрание сочинений Льва Шестова, писания которого (так же как и Вл. Соловьева и Л. Толстого) были уже Надеждой Крупской изъяты из библиотек. Естественно, что деньги из Москвы прекратились и «Скифы» кончились, на прощание издав ценную книгу о начальном ленинском терроре — «Кремль за решеткой».

Издательство «Геликон», которым руководил Абрам Вишняк, выпустило в 1920—1924 гг. с очень высоким качеством около 50 наименований книг, в том числе произведения Ильи Эренбурга, Марины Цветаевой и Бориса Пастернака, Алексея Ремизова, Андрея Белого, Виктора Шкловского и др. Дом на Бамбергерштрассе (Bambergerstrasse, 7), где находилось издательство, сохранился до наших дней.

Для обеспечения твердых позиций на рынке основатель издательства «Слово» (Кохштрассе/Kochstrasse, 23/24), известный деятель кадетской партии, редактор газеты «Руль» Иосиф Гессен, заключил соглашение с крупным немецким издательством «Ульштайн». «Слово» печатало произведения русских классиков и современных авторов Марка Алданова, Владимира Набокова и др. Проект просуществовал, по-видимому, только четыре (или целых четыре!) года и закрылся в 1924 г. В исторической энциклопедии «Хронос», однако, отмечается, что *«издательство, по-видимому, работало до середины 1930-х гг. и было закрыто из-за прекращения финансирования со стороны издательства "Ульштайн" в связи с изменившейся политической ситуацией в Германии».*

Издательство Ладыжникова начало выпускать книги для эмиграции в 1920 г. и вошло в число немногих долгожителей русских книжных издательств в Берлине. Оно просуществовало до 1927 г., опубликовав на русском и немецком языках книги около 500 наименований. Среди них в

серии «Русская библиотека» вышли собрания сочинений Л. Толстого, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, Н.В. Гоголя, стихи А.К. Толстого, трилогия Д.С. Мережковского «Христос и Антихрист». В серии «Библиотека современного знания» выходили также научно-популярные книги.

Всех пережило издательство «Петрополис», открывшееся в Берлине в 1922 г. как филиал петербургского издательства. Получив в 1924 г. самостоятельный статус, оно продержалось до конца 1930-х гг. Издательство специализировалось на произведениях авторов из Советской России, в первую очередь тех, которые там нельзя было выпустить.

Газеты и газетчики

Три газеты выходили ежедневно («Накануне», «Руль», «Наш век»), пять еженедельно, не считая кратковременных малоуспешных проектов. «Руль» распространялся по всей Европе, в нем размещалась реклама, ориентированная на другие города, «Накануне» продавалась в Москве и Петрограде. Печатались литературные журналы, где на переднем плане была «Новая русская книга», выходившая в 1921—1923 гг.

Русская периодическая пресса в Берлине отражала весь диапазон партий и политических движений российского зарубежья — от монархистов («Русская правда» под редакцией С. Соколова и П. Краснова) до анархистов («Рабочий путь» и «Анархический вестник»). На деньги, поступавшие из Москвы, издавался просоветский «Новый мир», непримиримый к эмиграции в целом. Его издание прекратилось в апреле 1922 г., когда неэффективность такого прямолинейного подхода стала очевидной. Но немногим раньше по решению Политбюро РКП(б) от 9 февраля 1922 г. появилась газета «Накануне», стоявшая на позициях примиренчества между белыми и красными во благо новой России. Первый номер вышел 26 марта. Политбюро своим постановлением газету и закрыло через два года.

«Сполохи» возглавлял «белобандит» (по выражению Романа Гуля) Александр Дроздов. Его имя тогда было очень широко известно. Он не только издавал журнал, но и выпустил несколько книг. По его инициативе было соз-

дано литературное объединение «Веретено», призванное сплотить русских писателей независимо от их политической ориентации, как эмигрантов, так и живших в России. Попытка объединения, однако, обернулась тем, что группа его членов (среди них И. Бунин и В. Набоков) покинула «Веретено» по причине явного тяготения Дроздова к А. Толстому и примиренческой «Накануне». В 1923 г. Дроздов неожиданно вернулся в СССР, где работал в журналах «Новый мир», «Молодая гвардия», «Октябрь», а также написал роман о Белой эмиграции «Лохмотья», который тот же Гуль назвал «халтурой». Счастливо миновав лихолетье репрессий, Дроздов спокойно почил на родной земле.

Правые меньшевики-плехановцы группировались вокруг газеты «Заря». В 1921 г. в Берлине начал выходить журнал «Социалистический вестник», издававшийся Заграничной делегацией Российской социал-демократической рабочей партии (меньшевиков). Он печатался в Берлине, Берне, Париже, Льеже, Нью-Йорке и просуществовал до 1965 г. В лучшие годы издание имело хорошо налаженную связь редакции с корреспондентами в России.

Бывший комиссар Временного правительства при штаб-квартире Верховного главнокомандующего Владимир Станкевич (Станка Владос) в январе 1920 г. организовал в Берлине группу «Мир и труд». Она издавала газету «Голос России» и журнал «Жизнь». В них наряду с призывами покончить с Гражданской войной, примирить «Ленина и Врангеля» выражалась надежда на эволюцию новой власти в России в сторону демократии. Для этого она считала необходимым возобновление торговых и дипломатических отношений между западноевропейскими странами и Россией. Среди авторов этих изданий были лидер эсеров Виктор Чернов, поэт Саша Черный. «Жизнь» закрылась в 1921 г., а «Голос России» годом позже был преобразован в «Дни», где печаталась «бабушка русской революции» Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская (1844—1934). До 1925 г. газета выходила в Берлине, а потом переехала в Париж.

Группа «Мир искусства» с 1921-го по 1926 г. выпускала иллюстрированный литературно-художественный жур-

нал «Жар-птица», который редактировал Саша Черный. Выполненное на высоком полиграфическом уровне издание освещало художественную жизнь не только в Берлине, но в русском зарубежье в целом. Журнал распространялся также и в Париже. Всего вышло 14 номеров.

Было свое издание и у конструктивистов — журнал «Вещь» под редакцией Эля Лисицкого и Ильи Эренбурга. «Вещь» была заявлена как «*журнал с большой программой, призванный стать трибуной мирового авангарда*». Три номера в издательстве «Скифы» вышли в 1922 г. В первом номере раздел литературы открывался стихотворением В. Маяковского «Приказ № 2 армии искусств». Журнал издавался на трех языках — русском, немецком и французском; в нем печатались Пикассо, Ле Корбюзье, Маяковский, Мейерхольд и другие деятели левого искусства. Эренбург писал о своем коллеге: «Лисицкий *твердо верил в конструктивизм. В жизни он был мягким, чрезвычайно добрым, порой наивным; хворал; влюблялся, как влюблялись в прошлом веке,— слепо, самоотверженно. А в искусстве он казался непреклонным математиком, вдохновлялся точностью, бредил трезвостью. Был он необычайным выдумщиком, умел оформить стенд на выставке так, что бедность экспонатов казалась избытком; умел по-новому построить книгу. В его рисунках видны и чувство цвета, и мастерство композиции».*

Наиболее крупным и авторитетным периодическим изданием Берлина тех лет была русская демократическая газета «Руль», образованная в 1920 г. эмигрантами — членами кадетской партии И.В. Гессеном, А.Д. Каминкой и В.Д. Набоковым. Она просуществовала с ноября 1920-го до октября 1931 г. В 1923 г. объем газеты увеличился с 8 полос до 16, начинает выходить иллюстрированное приложение к ней «Наш мир». Отметив 10-летний юбилей, «Руль» прекратил существование.

Журнал «Новая русская книга»

Главный редактор этого журнала профессор международного права Александр Семенович Ященко (1877—1934) по статусу был не эмигрантом, а невозвращенцем. Он прибыл в Германию в составе советской делегации

Русские писатели в Берлине (1922). Слева направо сидят: А.С. Ященко (главный редактор «Новой русской книги»), В.А. Пильняк, А.Н. Толстой, стоят: И.С. Соколов-Микитов, А. Белый, А.М. Ремизов.
Фото: Bildarchiv Preussischer Kulturbesitz

в марте 1919 г. для работы над дополнительными протоколами Брестского договора. Оказавшись за границей, Ященко отказался вернуться в РСФСР и вскоре организовал журнал. Ответственным секретарем в нем работал Роман Борисович Гуль, к тому времени автор нашумевшего «Ледяного похода».

В первом номере вышедшей в январе 1922 г. «Новой русской книги», или «НРК», как часто называли журнал, А.С. Ященко писал: «*Мы поставили себе задачей собрать и объединить сведения о русской и заграничной издательской и литературной деятельности. По мере сил мы стремимся создать из "НРК" мост, соединяющий зарубежную и русскую печать...*

В предыстории «НРК» был уже названный журнал «Русская книга», выходивший в издательстве «Москва». Было издано девять номеров журнала, после чего, пишет Роман Гуль, «*издание перешло к издательству И.П. Ладыжникова... [новый владелец] перепродал его Б.Н. Рубин-*

штейну — русскому еврею, натурализованному немцу. Нам отвели удобное помещение на Аугсбургерштрассе. Это был какой-то склад книг, но для нас выделили и обставили хорошую комнату. Так началась "Новая русская книга"».

Журнал вел хронику литературной жизни, значительная часть его страниц отводилась рецензиям на произведения А. Белого, А. Горького, С. Есенина, Б. Зайцева, И. Куприна, В. Маяковского, Б. Пастернака, А. Ремизова, И. Северянина, А. Толстого, С. Черного и многих других.

«"НРК" — писал Гуль, — по-моему, был прекрасным журналом. А редакция его — интереснейшим местом. К нам приходило множество писательского народа: и высланные из Советской России профессора и писатели, и писатели-эмигранты, ставшие берлинцами, и писатели, приезжавшие из Советской России на время.

...Ходасевич... один раз меня крайне удивил, сказав Ященко: "Александр Семенович, только, пожалуйста... если будут у вас рецензии о моих книгах, чтобы никаких неприятных резкостей. Я же ведь хочу возвращаться" Ходасевич всерьез хотел вернуться в РСФСР, но из этого, помимо его воли, ничего не вышло. В Москве его разнес как "врага народа" какой-то казенный критик, а потом сам Лев Давыдович Робеспьер (имеется в виду Троцкий. — *Авт.*) *отозвался о Ходасевиче крайне презрительно. Так что, к счастью для русской поэзии (и для самого Ходасевича), положение в смысле "вернуться" пошатнулось. Вместо РСФСР Ходасевич из Берлина ездил по Германии, по Италии, а потом завалился гостить к Горькому в Сорренто, откуда в 1925 году в Париж. И там, став настоящим эмигрантом, Ходасевич дал русской поэзии прекрасную "Европейскую ночь", а русской прозе — "Державина" и "Некрополь"*

Очень часто в "НРК" приходил Алексей Толстой, переехавший в Берлин из Парижа. С Ященко они были старые, неразрывные друзья... Художественно-талантлив Толстой был необычайно. Во всем — в писании, в разговоре, в анекдотах... Он был необычайно трудолюбив, работал каждое утро, писал сразу на пишущей машинке, потом редактировал и переписывал... Здесь он переиздал три тома прежних вещей ("Хромой барин" "Лихие годы"

и др.), издал "Избранные сочинения" "Повесть о многих превосходных вещах" "Хождение по мукам" (ч. I), "Аэлита" "Рукопись, найденная среди мусора под кроватью", "День Петра" "Лунная сырость" "Утоли моя печали", "Китайские тени" "Любовь — книга золотая" "Горький цвет", "Нисхождение и преображение" и др.

...Бывал приезжавший из Советской России профессор А. Чаянов, выдающийся ученый, во времена Временного правительства назначенный товарищем министра земледелия, при большевиках — член коллегии Наркомзема. Чаянов был и писателем-фантастом ("Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии" и многое другое). Через несколько лет по сфабрикованному ГПУ процессу Чаянова арестовали, позднее расстреляли.

...Бывали в "Новой русской книге" приезжавшие из Советской России Борис Пастернак и Владимир Лидин. Приехавший в Берлин Вл. Маяковский дал свою автобиографию "Я поэт — этим и интересен" Из писателей, живших в Советской России, в "Новую русскую книгу" присылали и печатали статьи Э. Голлербах, Анд. Соболь, Инн. Оксенов, Н. Ашукин, А. Яковлев и др.».

Век «НРК», как и большинства русских периодических изданий в тогдашнем Берлине, оказался недолог. Но след в русской эмигрантской жизни этот журнал оставил очень заметный, став примечательным летописным документом русской культуры начала XX в. В конце 1990-х гг. в Санкт-Петербурге, как бы продолжая традицию, стал выходить журнал под таким же названием и примерно с такими же целями. Но и он продержался лишь около трех лет, закрывшись в 2002 г.

Газета «Накануне»

Еженедельная газета «Накануне», выходившая с 1922-го по 1924 г., отражала точку зрения идейно-политического эмигрантского течения «Смена вех», возникшего в начале 1920-х гг. Свое название оно получило от вышедшего в 1921 г. в Праге сборника «Смена вех», где были высказаны основные идеи этого течения. Сменовеховцы с оговорками признавали историческую закономерность Октябрьской революции, выступали за примирение и сотрудниче-

ство с большевиками, объясняя это тем, что новая власть в России «переродилась» и действует в национальных интересах страны. Их первый идеолог, которого также называют основоположником русского национал-большевизма, профессор Николай Васильевич Устрялов (1890—1937), в Гражданскую войну один из руководителей Бюро печати при правительстве Колчака, в эмиграции пришел к выводу, что только большевики могут восстановить Россию. Советский Союз — это как бы редиска, красная снаружи, но белая внутри, говорил он. Вслед за сборником «Смена вех» уже в Париже в 1921—1922 гг. было выпущено 20 номеров одноименного эмигрантского журнала. По некоторым источникам, он финансировался из СССР.

«Накануне» стала выходить в Берлине после закрытия «Смены вех» в 1922 г. Главным редактором газеты был профессор-юрист, кадет по политическим убеждениям, бывший товарищ министра иностранных дел Временного правительства, бывший министр иностранных дел в правительстве Колчака Юрий Вениаминович Ключников (1886—1938). В редсовет входили Алексей Толстой, уже упомянутый Александр Ященко, писатели Иван Соколов-Микитов и также упомянутый Александр Дроздов, литературный критик Нина Петровская, уехавшая из России еще в 1908 г., и другие хорошо известные в эмиграции авторы. Многие эмигранты, называя газету «примиренческой», относились к ней отрицательно, тем более что газету, как полагало большинство, финансировали советские власти. Многие вообще не считали ее эмигрантским изданием. И обоснованно. «Накануне» была единственной зарубежной русскоязычной газетой, имевшей свое представительство в Москве.

Впоследствии Дроздов и Соколов-Микитов, возвратившись в Россию, занимались там литературной деятельностью и смогли умереть своей смертью. Не такая судьба выпала Юрию Ключникову. Сначала Советское правительство предложило ему как корреспонденту «Накануне» и юристу-эксперту войти в состав делегации Советской России на Генуэзской конференции. Он блестяще справился со своими обязанностями и в августе 1923 г. вернулся на родину, где работал в отделе между-

народной политики Коммунистической академии, преподавал, консультировал в Наркомате иностранных дел, печатался в журнале «Международная жизнь», выпускал сборник под названием «Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях». Казалось бы, жизнь наладилась. Но в январе 1938 г., во времена «ежовщины», Ключников был расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР за «шпионско-террористическую деятельность».

«Накануне» издавала большое «Литературное приложение». Его возглавлял сначала Алексей Толстой, потом, когда он уехал в Россию, главным редактором стал Роман Гуль. Свою работу в качестве редактора «Приложения» Гуль начал в июне 1923 г. и проработал на этой должности около года, когда «Накануне», как отмечал впоследствии писатель, закрылась «за ненадобностью».

С «Литературным приложением» сотрудничали многие авторы из Советской России: М. Булгаков, М. Волошин, Э. Голлербах, С. Есенин, В. Иванов, В. Катаев, В. Лидин, О. Мандельштам А. Мариенгоф, А. Неверов, Н. Никитин, Л. Никулин, П. Орешин, Б. Пильняк, В. Рождественский, Ю. Слезкин, К. Федин, К. Чуковский и др.

Из эмигрантов в «Приложении» печатались А. Кусиков (Кусикян) — «кавказец, никогда не видевший кавказского кинжала», Юл. Марголин, в 1940 г. оказавшийся на занятой Красной Армией территории Польши, «загремевший» на пять лет в лагеря и написавший после этого книгу «Путешествие в страну зэка», поэт Г. Венус, вернувшийся в СССР и расстрелянный там через несколько лет, сын писателя Л. Андреева поэт Вад. Андреев, поэтесса А. Присманова, чьи стихи, загроможденные сложными метафорами, называли «трудной» поэзией, и др.

НЕЛЮБИМЫЙ ГОРОД

Владимир Набоков

В газете «Руль» регулярно печатался Владимир Сирин. Это был псевдоним молодого Владимира Набокова (1899—1977), ставшего известным после публикации в

Памятная доска на доме, где жили В. Набоков на Несторштрассе, 22. Фото: A. Pushkin

1926 г. в Берлине его первого романа «Машенька», а впоследствии крупнейший писатель русской эмиграции. В 1919 г. он эмигрировал из России вместе с отцом.

В Берлине писатель прожил до 1937 г. — пятнадцать «серых», как он говорил, лет. Немецкий писатель, профессор Карл Шлёгель — один из наиболее авторитетных в Германии специалистов по русской культуре XX в. — проследил основные адреса, по которым жил Набоков в Берлине. Эгерштрассе (Egerstrasse, 1, первый этаж) в Берлине-Груневальд в августе 1920 г. (у вдовы Рафаэля Левенфельда, переводчика Толстого и Тургенева, владельца обширной библиотеки); в сентябре 1921 года — переезд на Зехзишештрассе (Saechsischestrasse, 65 (67))

в Вильмерсдорфе (домовладельцем был один из потомков поэта Клейста), оттуда — в пансион на Траутенауштрассе (Trautenaustrasse, 9), затем на Луитпольдштрассе (Luitpoldstrasse, 13) в Шёнеберге, далее на Мотцштрассе (Motzstrasse, 31), после этого на Пассауэрштрассе (Passauerstrasse, 12) и оттуда снова на Луитпольдштрассе (Luitpoldstrasse, 27). Потом из-за нехватки денег Набоков перебирается в комнату в квартире семьи Кон по адресу: Вестфелишештрассе (Westfaelischestrasse, 29). Напоследок, в августе 1932 г., Набоковы переехали в дом по адресу: Несторштрассе (Nestorstrasse, 22, третий этаж). Здесь установлена памятная доска с надписью на немецком языке «В этом доме с 1932 по 1937 гг. жил писатель Владимир Набоков. 1899—1977». В 1937 г. Набоков переехал в Париж, где был опубликован его роман «Дар», рассказывающий о жизни русской литературной богемы Берлина 1920-х гг.

В своих произведениях Набоков нередко демонстрировал, скажем так, несимпатию к Берлину. Возможно, оттого, что, владея немецким на минимальном уровне, он чувствовал себя здесь неуютно. Бранденбургские ворота Набоков называл «тесными» и «грузными» (но разве кто-то назовет их легкими?), их колонны «холодными» (а разве они горячие?). В глазах берлинских чиновников он видел «мутную тошноту» (так это «природное» свойство всемирной бюрократии). Но именно по «*матовым улицам*» этого города бежал герой его романа «Дар», и «*предчувствие чего-то невероятного, невозможного, нечеловечески изумительного обдавало ему сердце какой-то снежной смесью счастья и ужаса*». В этом городе с «*мертвыми глазами старых гостиниц*» Набоков познакомился со своей будущей женой Верой Слоним, которая стала ему и «*супругой, и музой, и литературным агентом*». Здесь в 1934 г. у них родился сын Дмитрий. «*И всё это мы когда-нибудь вспомним,* — пишет Набоков, завершая «Дар», — *и липы, и тень на стене, и чьего-то пуделя, стучащего неподстриженными когтями по плитам ночи. И звезду, звезду*».

Кроме «Машеньки», в берлинский период у Набокова вышли повесть «Николка Персик» (перевод на рус-

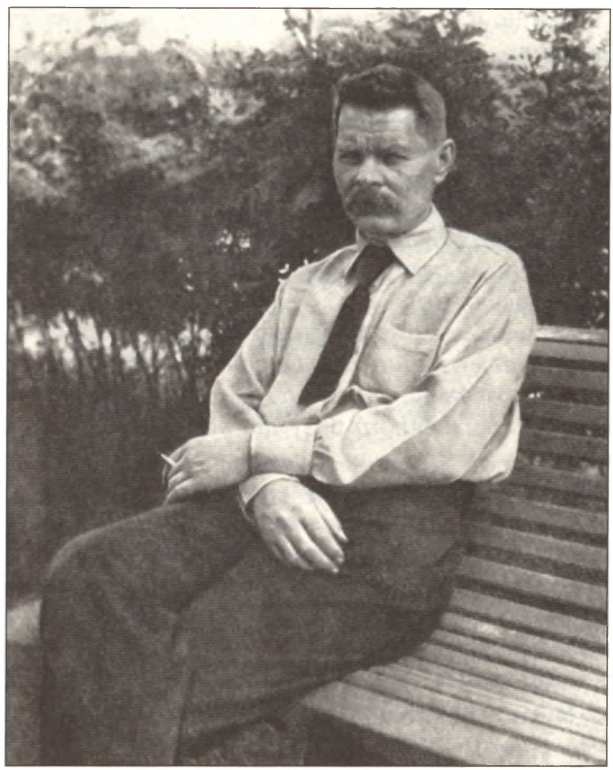
ский повести «Кола Брюньон» Р. Роллана); поэтические сборники «Гроздь» и «Горный путь»; романы «Защита Лужина», «Подвиг» и «Отчаяние»; сборник рассказов «Король, дама, валет». Он участвовал в собраниях Писательского клуба, основанного профессором истории русской литературы Ю.И. Айхенвальдом, писал скетчи для русского театра «Синяя птица» на улице Хольцштрассе (Holzstrasse).

Будучи оторван от родины, вне которой, как писал Набоков, *«язык, мне данный, скудеет, жара не храня, вдали живительной стихии»*, он оценивал эмиграцию как подарок судьбы, благодаря свободе творчества, которую он обрел вне Советской России. В 1927 г. в посвященной десятилетию Октябрьской революции статье «Юбилей», опубликованной в газете «Руль», Набоков писал: «*Прежде всего, мы должны праздновать десять лет свободы. Свободы, которой мы пользуемся, не знает, пожалуй, ни одна страна в мире. В этой особенной России, которая невидимо окружает нас, оживляет и поддерживает наши души, украшает наши сны, нет ни одного закона, кроме закона любви к ней, и нет власти, кроме нашей собственной совести... Когда-нибудь мы будем благодарны слепой Клио за то, что она позволила нам вкусить эту свободу и в эмиграции понять и развить глубокое чувство к родной стране...*

ЗАГУБЛЕННАЯ «БЕСЕДА»

Максим Горький

Сразу после революции и в начале 1920-х гг. между эмиграцией и представителями Советской России шло довольно оживленное общение, если не брать во внимание экстремально настроенных радикалов. Роль связующего звена часто выполнял Алексей Максимович Горький (1868—1936). Первый раз он, как уже говорилось, побывал в Берлине в 1906 г. В 1920-е гг. русского писателя уже хорошо знала германская читающая публика: с 1901-го по 1905 г. в стране вышло около 100 сборников его рассказов. Об успехе пьесы «На дне» уже сказано выше.



А.М. Горький в 1921 г. Фото: Проект А4

Второй раз Горький приезжает в Германию в ноябре 1921 г. и проводит здесь два года, периодически выезжая из Берлина на ближние и дальние курорты: Херингсдорф на острове Узедом на Балтийском море, Бад-Сааров в двух часах езды от столицы в сторону Польши, Шварцвальд на юго-западе Германии. В Берлине Горький жил на улице Курфюрстендамм, 203. Ныне по этому адресу располагается административное здание.

Бад-Сааров, куда Горький переехал в сентябре 1922 г., стал на время его пребывания там своеобразным литературным клубом. Сюда приезжали Ходасевич с Берберовой, Шкловский, Гржебин, Ладыжников, Белый... На Масленицу набралось около двадцати приглашенных из Берлина. Налепили полторы тысячи пельменей! Угости-

ли и хозяина, и горничную, и кухарку, и других знакомых немцев.

Помимо лечения другой официальной целью поездки Горького в Германию была организация помощи голодающим. Об этом его просил лично В.И. Ленин. Только за первые полгода пребывания в Берлине Горький написал 10 обращений и открытых писем в связи с голодом в России. В феврале 1922 г. в Берлине вышла брошюра Горького, Нансена и Гауптмана «Россия и мир», призывавшая помочь голодающим.

Приехав на лечение в Шварцвальд, Горький писал оттуда: *«...Хочется работать. Очень хочется. Здесь у немцев такая возбуждающая к труду атмосфера, они так усердно, мужественно и разумно работают, что, знаете, невольно чувствуешь, как растет уважение к ним, несмотря на "буржуазность"».*

С 1923-го по 1925 г. в издательстве Ладыжникова выходят восемь томов собрания сочинений Горького. В эти же годы Горький выпускал в Берлине в издательстве З.И. Гржебина «аполитичный» журнал «Беседа», где публиковались авторы, стоявшие на различных, нередко противоположных позициях. Страницы журнала были открыты и для эмигрантов, и для советских авторов. Публиковались произведения самого Горького, А. Белого, А. Блока, Ф. Сологуба, В. Ходасевича, А. Ремизова, Л. Лунца, В. Шкловского, Вл. Лидина, К. Чуковского и др. Отводилось место и «беспартийным» Джону Голсуорси, Ромену Роллану, Стефану Цвейгу и др. Но приоритетной была «русская тема».

Сотрудничество с «Беседой» требовало от эмигрантов известной смелости. Легко было оказаться записанным в «большевики». *«Эта несчастная политика,* — сокрушался писатель Алексей Ремизов, — *все перекрутила и перепутала, и ведь было время, когда здешние про нас, оставшихся в России, говорили: "Продались большевикам!"... А у нас, бывало, чуть что и "Продался мировому капиталу!"».*

Затевая «Беседу», Горький предполагал распространять журнал как за рубежом, так и в России, надеясь сблизить тех, кто остался, с теми, кто уехал, оказаться

каким-то образом над схваткой. Не вышло. Советские власти не устраивала либеральная политика Горького в работе с авторами. За три года — с марта 1923 г. по март 1925 г. — в нерегулярном графике вышло семь номеров журнала. Наладить его распространение в России так и не удалось, хотя в «бизнес-плане» по этой статье планировались существенные доходы. Считается, что, не пустив журнал в Россию, Москва разорила издательство Гржебина, в котором печаталась «Беседа», и погубила свободный, беспартийный журнал для свободных людей, о котором мечтал Горький.

ЗВЕЗДЫ ДОМА ИСКУССТВ

Главным местом (во всяком случае, наиболее часто встречаемым в воспоминаниях), где собиралась литературная богема эмигрантского Берлина, стал Дом искусств, образованный группой русских писателей и художников в 1921 г. Он стал «аналогом» подобной петербургской организации. В Доме работали три секции — литературная, изобразительных искусств и музыкальная. Здесь еженедельно проходили литературные вечера: поэты читали стихи, писатели — отрывки из своих книг, звучала русская музыка, люди спорили, ссорились, мирились, пили,

Нолендорфплац, где в кафе «Леон» находился литературный клуб «Дом искусств» (здание справа)

ели, флиртовали... Устраивались публичные лекции, концерты, театрализованные представления. Трибуна Дома была открыта для «проповедников» любых художественных и политических направлений и идеологий, кроме самых крайних. Инициаторами создания Дома называют А. Вугмана и Е.Г. Лундберга, основателя издательства «Скифы». Дом искусств собирался сначала в кафе «Ландграф» на Курфюрстенштрассе (Kurfuerstenstrasse, 75), затем обосновался на Ноллендорфплац в кафе «Леон» по адресу: Бюловштрассе (Bülowstrasse), 1. Сегодня на этом месте стоит жилой дом, где на первом этаже расположен продовольственный магазин Kaiser's. По другую сторону проходящей через площадь линии метро разместился ресторан «Авангард» с хорошей русской кухней и атмосферой.

Управлял Домом совет, избранный общим собранием членов. Председательствовал поэт-символист Николай Максимович Минский (1855—1937). «*В 1905 г.*, — пишет Илья Эренбург, — *Минский, как многие поэты-символисты, пережил увлечение революцией. У него имелось разрешение на издание газеты, и по иронии судьбы проповедник культа "абсолютной личности" стал официальным редактором первой легальной большевистской газеты "Новая жизнь" В редакционную работу он не вмешивался, но напечатал в газете стихи:*

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Наша сила, наша воля, наша власть.
В бой последний, как на праздник, собирайтесь.
Кто не с нами, тот наш враг, тот должен пасть».

Алексей Ремизов был избран товарищем председателя. В совете состояли: С.Т. Каплун-Сумский — секретарь, З.А. Венгерова — казначей, А. Белый, Н.Д. Милиоти, Ф.А. Гартман, А.Н. Толстой, И.А. Пуни и др. За время своего существования Дом выпустил два бюллетеня.

Как-то Ходасевич затеял в Доме «склоку», из-за которой Минский был смещен, а на его место неожиданно избран Белый — «непрактичный и безалаберный человек», как характеризовал его Александр Бахрах, известный

эмигрантский критик и мемуарист. Дом искусств пошел вразнос, и Минского вернули на его пост.

«Здесь, — рассказывает Эренбург, — *читали рассказы Толстой, Ремизов, Лидин, Пильняк, Соколов-Микитов. Выступал Маяковский. Читали стихи Есенин, Марина Цветаева, Андрей Белый, Пастернак, Ходасевич. На докладе художника Пуни разразилась гроза; яростно спорили друг с другом Архипенко, Альтман, Шкловский, Маяковский, Штеренберг, Габо, Лисицкий, я. Вечер, посвященный 30-летию литературной деятельности А.М. Горького, прошел, напротив, спокойно. Имажинисты устроили свой вечер, буянили, как в московском "Стойле Пегаса" Теперь мне самому все это кажется неправдоподобным. Года два или три спустя поэт Ходасевич... никогда не пришел бы в помещение, где находился Маяковский... Горького некоторые называли "полуэмигрантом" Ходасевич, ставший потом сотрудником монархического "Возрождения" редактировал с Горьким литературный журнал и говорил, что собирается вернуться в Советскую Россию. А.Н. Толстой, окруженный сменовеховцами, то восхвалял большевиков как "собирателей земли русской", то сердито ругался. Туман еще клубился».*

Эмигрантский Дом искусств посещали не только российские литературные звезды, но и крупные политики. Всевидящий Роман Гуль отследил здесь в один из вечеров видного большевика Алексея Ивановича Рыкова[1].

Яркими, оглушительно-победными стали выступления в Доме искусств Владимира Маяковского и Сергея Есенина. Непримиримые противники красных вообще и «красных поэтов» в частности встречали их свистом, криком, топотом... Хотя Есенин, «набрав градус», случалось, вел себя так, что обсвистать его было «не грех». Впрочем, он отвечал тем же: «*Лучше нас никто свистать не умеет!*»

---

[1] *Рыков А.И.* — советский политический и государственный деятель, народный комиссар внутренних дел (1917), председатель СНК СССР (1924—1930) и одновременно СНК РСФСР (1924—1929), сменивший на этих постах Ленина. Расстрелян в 1938 г.

Сергей Есенин. «Очень люблю революцию»

С 1 мая 1922 г. между Москвой и Берлином было открыто воздушное сообщение. И уже 10 мая из Москвы в немецкую столицу новомодным транспортом вылетели Сергей Александрович Есенин (1895—1925) и Айседора Дункан. Рейсы выполнялись самолетами советско-немецкой авиакомпании «Дерулюфт» по маршруту Москва — Кёнигсберг — Берлин. Название «Дерулюфт» было образовано из первых букв трех немецких слов — DEutsche RUssische LUFTverkehr — немецко-русское летное сообщество. С советской стороны официальным владельцем 50 % акций выступил Наркомвнешторг. Официально пассажирские рейсы начались в конце августа, но для Есенина было сделано исключение. Перелет занимал 8 часов 45 минут летного времени, тогда как поездом нужно было ехать два дня.

Есенин с Сидорой (так поэт звал Айседору) остановились на Унтер-ден-Линден в лучшем отеле города «Адлон». *«Они жили широко, располагая, по-видимому, как раз тем количеством денег, какое дает возможность пренебрежительного к ним отношения,* — пишет Наталия Васильевна Крандиевская-Толстая, супруга Алексея Толстого. — *Дункан только что заложила свой дом в окрестностях Лондона и вела переговоры о продаже дома в Па-*

Отель «Адлон» (1926), в котором останавливались С. Есенин и А. Дункан. Фото: Bundesarchiv

риже. Путешествие по Европе в пятиместном "бьюике" задуманное еще в Москве, совместно с Есениным требовало денег... Автомобиль был единственный способ передвижения, который признавала Дункан. Железнодорожный вагон вызывал в ней брезгливое содрогание...»

Издательские планы Есенина в Берлине в целом мало реализовались. Здесь у него вышли только три книги. В немецкой столице Есенин и Айседора пробыли до 5 июля, потом уехали в Париж, оттуда в Америку. В августе 1923 г. Есенин вернулся в Москву.

Фурор в Доме искусств

В Доме искусств Есенин и Дункан появились на третий день после приезда. Пришли поздно. О драматическом фуроре, который произвел Есенин, рассказывает Роман Гуль: «*В Доме искусств все уже знали, что в Берлин прилетел Сергей Есенин с Айседорой Дункан и они придут в Дом искусств. Народу собралось много. Шла обычная программа, но все явно ждали Есенина. И действительно, эти знаменитости приехали, но почти к концу вечера. По залу пробежали голоса: "Есенин, Есенин приехал"*

Он вошел в зал впереди Айседоры. Она — за ним. Это пустяк. И все-таки характерный: муж с женой так не ходят. Есенин был в светлом костюме и белых туфлях. Айседора в красноватом платье с большим вырезом. Есенина встретили аплодисментами. Но далеко не все. Произошло какое-то замешательство, в публике были поклонники и противники Есенина. Во время этого замешательства и общего шума один больше чем неуравновешенный (умопомешанный) эмигрант (крайне правых настроений) вдруг ни с того ни с сего заорал во все горло, маша рукой Айседоре Дункан: "Vive L'Internationale!" Это было совершенно неожиданно для всех присутствующих, да, наверное, и для Айседоры. Тем не менее, она с улыбкой приветственно помахала рукой в сторону закричавшего полупомешанного и крикнула: "Споемте!" Общее замешательство усилилось. Часть присутствовавших запела "Интернационал" (тогда официальный гимн РСФСР), а часть начала свистать и кричать: "Долой! К черту!" Н.М. Минский неистово звонил, маша председательским

колокольчиком, Есенин почему-то вскочил на стул, что-то кричал об Интернационале, о России, о том, что он русский поэт... И, заложив в рот три пальца... засвистал, как разбойник с большой дороги. Свист. Аплодисменты. Покрывая все, Минский прокричал:

— Сергей Александрович сейчас прочтет нам свои стихи!

Свист прекратился, аплодисменты усилились. Стихли. А Есенин, спрыгнув со стула, подошел к председательскому месту и встал, ожидая полного успокоения зала. Оно воцарилось не сразу. Айседора села в первом ряду, против Есенина. И Есенин зачитал... Голос у Есенина был, скорее, теноровый и не очень выразительный. Но стихи захватили зал. Когда он читал: "Не жалею, не зову, не плачу, / Все пройдет, как с белых яблонь дым" — зал был уже покорен. За этим он прочел замечательную "Песнь о собаке" А когда закончил другое стихотворение последними строками: "Говорят, что я скоро стану / Знаменитый русский поэт!" — зал, как говорится, взорвался общими несмолкающими аплодисментами. Дом искусств Есениным был взят приступом».

Встреча с Горьким

Толстые по просьбе Горького организовали ему встречу с Есениным, как оказалось, последнюю для обоих. Для этого был устроен завтрак у Толстых на Курфюрстендамм. Поначалу беседа у двух «великих» не склеивалась. Было видно, что Есенин робеет. Но после кофе и чтения им стихов они разговорились. *«Я глядела с волнением на них, стоящих в нише окна,* — вспоминала потом Наталия Васильевна Крандиевская-Толстая. *— Как они были непохожи! Один — продвигался вперед, закаленный, уверенный в цели, другой — шел, как слепой, на ощупь, спотыкаясь, — растревоженный и неблагополучный... Она... накрутила на голую руку, как флаг [красный шарф], и, высоко вскидывая колени, запрокинув голову, побежала по комнате в круг. Кусиков* (поэт-эмигрант. — *Авт.*) *нащипывал на гитаре "Интернационал" Ударяя руками в воображаемый бубен, она кружилась по комнате, отяжелевшая, хмельная Менада! Зрители жались к стенкам. Есенин опустил*

голову, словно был в чем-то виноват. Мне было тяжело. Я вспоминала ее вдохновенную пляску в Петербурге пятнадцать лет назад. Божественная Айседора! За что так мстило время этой гениальной и нелепой женщине?»

«Исповедь хулигана»

Однажды Есенин исчез. Айседора трое суток искала его и, наконец, поздно ночью нашла в пансиончике на Уландштрассе (Uhlandstrasse). Есенин в пижаме сидел в столовой с бутылкой пива. Он играл в шашки с поэтом Кусиковым. Одетая в красный хитон, вооруженная хлыстом, взбешенная Айседора переколотила все аккуратно расставленные по полочкам кофейники, сервизы, вазочки и пивные кружки. Содержимое буфетов было вывалено на пол и растоптано. Когда бить стало нечего, Айседора вытащила из-за гардероба спрятавшегося там Есенина и увела его. Счет, предъявленный ей потом за погром, был «страшен».

Скандал, перешедший в овацию, случился в берлинском Шуберт-зале год спустя, когда Есенин — уже без Айседоры — возвращался из Америки в Россию. Его очень ждали в Берлине. И как поэта, и по причине разрыва с Дункан. Хотели посмотреть, каков он теперь. Зал был переполнен. И на этом вечере также побывал Роман Гуль: *«...Когда встреченный аплодисментами Есенин вышел на эстраду Шуберт-зала... он был вдребезги пьян, качался из стороны в сторону и в правой руке держал фужер с водкой, из которого отпивал. Когда аплодисменты стихли... Есенин вдруг начал... говорить какие-то пьяные несуразности... В публике поднялся шум, протесты, одни встали с мест, другие кричали: "Перестаньте хулиганить! Читайте стихи!" Какие-то человеки, выйдя на эстраду, пытались Есенина увести, но Есенин уперся, кричал, хохотал, бросил, разбив об пол, свой стакан с водкой. И вдруг закричал: "Хотите стихи?! Пожалуйста, слушайте!.."*

В зале не сразу водворилось спокойствие. Есенин начал "Исповедь хулигана" Читал он криком, "всей душой" очень искренне, и скоро весь зал этой искренностью был взят. А когда он надрывным криком бросил в зал строки об отце и матери: "Они бы вилами пришли вас зако-

лоть / За каждый крик ваш, брошенный в меня!" — ему ответил оглушительный взрыв рукоплесканий. Пьяный, несчастный Есенин победил».

Потом был вечер в клубе Союза немецких летчиков, где Есенин впервые читал «Москву кабацкую». Ему снова аплодировали. Не только как поэту, но и Есенину-танцору. Он плясал трепака. Великолепно плясал. По-деревенски: с вывертом, с коленцем, вприсядку. Там Гуль познакомился с Есениным. Когда уже под утро они шли по светавшему Берлину, Есенин, трезвея на воздухе, вдруг пробормотал:

«— *Не поеду я в Москву... не поеду туда, пока Россией правит Лейба Бронштейн.*

Один из сопровождавших спросил Есенина, не антисемит ли он?

Есенина взорвало.

— *Я — антисемит?!* — с яростью закричал он. — *Лейба Бронштейн — это совсем другое, он правит Россией, а не он должен ею править...*

И уже позже:

— *Я Россию очень люблю. И мать свою люблю. И революцию люблю. Очень люблю революцию...*

Владимир Маяковский. «Так вот — слушайте...»

Впервые поэт приехал в Берлин в октябре 1922 г. как участник Первой русской художественной выставки, где демонстрировались десять плакатов РОСТА его работы. Всего Владимир Владимирович Маяковский (1893—1930) побывал в Берлине семь раз. Читал стихи, доклады, лекции, участвовал в диспутах о поэзии, литературе, живописи, общался с самыми яркими представителями эмиграции и берлинскими деятелями культуры, например со ставившим Горького режиссером Эрвином Пискатором, создателем политического театра, с труппой театра М. Рейнхардта, с представителем немецкого политического и художественного авангарда Георгом Гроссом, познакомился с актером и певцом Эрнстом Бушем. Впечатления Маяковского от поездок отразились в очерках «Что делает Берлин?», «Сегодняшний Берлин», в стихотворениях «Два Берлина», «Москва — Кенигсберг». Он печатался в эмигрантских журналах «Вещь», «Новая русская кни-

га», в газете «Накануне». В 1923 г. в Берлине вышла книга «Маяковский. Для голоса», где Эль Лисицкий впервые применил свои методы визуально-пространственного конструирования книги.

В.В. Маяковский в 1924 г. Фото: архив Музея В.В. Маяковского

Поселился Маяковский в гостинице Kurfuerstenhotel на Курфюрстенштрассе, 105, где потом всегда останавливался, когда бывал в Берлине. Обедать и ужинать ходили в самый дорогой ресторан «Хорхер», знаменитый изысканной кухней. По причине инфляции немецкой марки приехавший с твердой валютой Маяковский чувствовал себя богачом. *«Маяковский платил за всех,* — писала Лиля Брик[1], — *я стеснялась этого, мне казалось, что он похож на купца или мецената. Герр Хорхер и кельнер называли его "герр Маяковски", старались всячески угодить богатому клиенту, и кельнер, не выказывая удивления, подавал ему на сладкое пять порций дыни или компота, которые дома в сытые, конечно, времена Маяковский привык есть в неограниченном количестве. В первый раз, когда мы пришли к Хорхеру и каждый заказал себе после обеда какой-нибудь десерт, Маяковский произнес: "Их фюнф порцьон мелоне и фюнф порцьон компот. Их бин эйн руссишер дихтер, бекант им руссишем ланд, мне меньше нельзя" («Я пять порций дыни и пять порций компота. Я русский поэт, известный в России, мне меньше нельзя")».*

К прогулкам по городу Маяковский, однако, не был расположен, предпочитая проводить время в номере за игрой в карты с русскими знакомыми. Любимой Лиле покупал цветы прямо с вазами в цветочном магазине отеля, где они жили.

[1] *Брик Лиля* — близкая подруга В. Маяковского.

В сто сорок солнц закат...

С необыкновенным успехом прошло первое выступление Маяковского в Доме искусств в кафе «Леон» на Ноллендорфплац 20 октября 1922 г. Сначала был доклад, в котором «*Маяковский...* — писала "Накануне", — *бесцеремонно разделался с несимпатичными ему течениями русской поэзии*». Потом он читал стихи. Вадим Андреев был потрясен мощной харизмой поэта, «неудержимым размахом» его стихов, «сверхчеловеческой» силой их воздействия на публику в живом исполнении:

«В тот вечер... длинная зала кафе была переполнена... Официанты... с ловкостью эквилибристов разносили пивные кружки... Маяковский возник... внезапно и решительно. Уже в том, как он шагнул и одним шагом уничтожил пространство, отделявшее его от посетителей кафе, большой, красивый... одним шагом он утвердил себя как Маяковского-трибуна... Те, кто не слышал самого Маяковского, никогда не смогут вполне оценить его стихи во всем их неудержимом размахе.

Маяковский произнес заглавие стихотворения скороговоркой, как будто спеша добраться до сути:

— "Необычайное приключение... бывшее с Владимиром Маяковским на даче..."

И вдруг:

В сто сорок солнц закат пылал...

Слова невидимыми глазу глыбами падали к подножью горы:

...жара плыла... —

это уже последние отзвуки грохота. Потом, в наступающей тишине, совсем обыденное, сказанное разговорным голосом:

...на даче было это.

И дальше все тем же поясняющим, прозаическим голосом:

Пригорок Пушкино горбил Акуловой горою...

Но вот снова наливается тяжестью и крепнет огромный голос:

...а за деревнею дыра,

и в ту дыру, наверно...

"Наверно" становится настолько зримым и вещественным, что мелькает мысль: такое слово должно писаться через "ять", букву твердую, как гранит.

...спускалось солнце каждый раз...

Голос звучит из-под земли, из самых недр ее:

...медленно и верно.

Но вот слова начинают освобождаться из-под придавившего их каменного пласта, как рабочие, выходящие из горла шахты, и поднимаются все выше, до:

...я крикнул солнцу: Слазь!

Выше уже некуда — выше обрывистый склон вершины, но голос продолжает подниматься, не считаясь с законом земного притяжения, до невероятного:

...ко мне на чай зашло бы...

Гроза разражается в безоблачном небе, с молниями и громом:

...Что я наделал! Я погиб!

Нет, это не стихи, во всяком случае, не то, что мы привыкли называть стихами, это нечто новое, не укладывающееся ни в какие рамки, нечто, чему нельзя подобрать точного определения, но что неопровержимо в своем самоутверждении и сверхчеловеческой силе...

После долгих аплодисментов... Маяковский прочел "Рассказ про то, как кума о Врангеле толковала безо всякого ума" — [он] не забывал, что... читает стихи в Берлине и что перед ним эмигранты, бежавшие из Советского Союза. Он решительно плыл против течения... Стихотворение произвело на русских жителей Берлина такое впечатление, что оно потом долго цитировалось по самым непредвиденным случаям: меняя доллары на черном рынке, говорили:

— Наш-то рупь не в той цене, наш — в мильон дороже...

Примирение с Пастернаком...

В этот же день состоялось примирение Маяковского с Пастернаком. По словам присутствовавшего при этом Эренбурга, оно «было столь же бурным и страстным, как разрыв». Пастернак читал свои стихи после Маяковского и был награжден аплодисментами, но Маяковский был

первым на пьедестале. В тот вечер в зале находился и приехавший на короткое время в Берлин из Эстонии Игорь Северянин. Позже вместе с Маяковским он выступал на вечере Русского студенческого союза.

Пастернак с Маяковским еще не раз встречались в Берлине. «*Он [Маяковский]*, — писал потом Пастернак, — *был... как малый ребенок... растроган и восхищен живою огромностью города, романтической подоплекой истинно немецкой... стихии, больше же всего теми штуками* (метро и электрички. — *Авт.*), *которые, ныряя под землю или летя поверх крыш железнодорожных вокзалов etc. etc., отпускает подземная железная дорога. Такой, чудный и трогательный, ходил он больше недели*».

...и другие встречи

В первый приезд Маяковский выступал пять раз. В Доме искусств он участвовал в острой дискуссии, развернувшейся после доклада И. Пуни «О современной русской живописи и русской выставке в Берлине». В споре участвовали также Андрей Белый, Виктор Шкловский и Натан Альтман, чьи работы были представлены на выставке. В один из вечеров в Доме искусств Маяковский демонстративно покинул зал в знак протеста против хулиганского поведения одного из присутствующих.

Кроме Дома искусств, мощный голос Маяковского звучал в полпредстве СССР на торжественном мероприятии, посвященном 5-й годовщине Октябрьской революции (там же читал стихи Северянин), в Шубертзале — на вечере, организованном Объединением российских студентов в Германии. Он встречался с И. Эренбургом, дадаистами Т. Тцарой и Р. Делоне, завязал деловые отношения с литераторами, группировавшимися вокруг издательства «Малик», привечавшего экспрессионистов и дадаистов. Много занимался с Лисицким подготовкой книги «Для голоса».

В конце октября — начале ноября поэт встречался с композитором Сергеем Прокофьевым и антрепренером Сергеем Дягилевым. Маяковский хотел побывать в Париже, но без связей получить визу было непросто. У Дягилева, наоборот, все было «схвачено», и 18 ноября Мая-

ковский уехал во французскую столицу. Вернувшись из Парижа в Москву, он выступил в декабре в Политехническом музее с докладом «Что делает Берлин?», где выразил свою точку зрения на берлинское эмигрантское сообщество.

Доклад «Что делает Берлин?»
(конспект, в сокращении)

Около 20 декабря 1922 г.

Общая картина Германии.

Основное впечатление, что Германия, поскольку Берлин может ее представлять, тяжело больна, агонизирует, чахнет. В Берлине есть поле, и на нем — огромное количество новеньких аэропланов. Однако это поле — сплошное кладбище, ибо у всех его аэропланов разбиты моторы. «Культурные» французы ходили и разбивали их молотками. Рабочие, строившие эти машины, плакали — но победителей это, конечно, мало трогало. Одно из двух: или вся Германия надолго превратится под пятой победителей в подобное кладбище, или ее вырвет из цепких лап болезни пролетарская революция.

400 тысяч русских.

Более 400 тысяч русских — в Берлине. Отношение немцев к приезжающим из России самое предупредительное. Нередки случаи, когда комната, стоящая 7—8 тысяч марок, отдается русскому за 1½ тысячи. Большая часть русской колонии состоит из эмигрантов — в последний год сильно изменивших свое отношение к РСФСР. На одной из берлинских улиц их живет так много, что улица эта теперь шутя называется: Нэпский проспект.

Эмигранты.

Русская эмиграция состоит из нескольких больших групп. Самая объемистая — сменовеховцы. К этим последним принадлежит и Ал. Толстой, собирающийся въехать в Россию... «на полном собрании своих сочинений».

К другой группе принадлежит Иг. Северянин, воспевающий не то белоголовку, не то красноголовку, но вообще нечто водочное. Несмотря на то что вся заваруха в России — по словам Северянина — началась едва ли не по вине Маяковского и Д. Бурлюка, он, увидав Маяков-

ского, пытался броситься ему в объятия и убеждал последнего помочь ему вернуться в Россию...

Третья группа — и в том числе известный теоретик лингвокритической школы В. Шкловский, убежавший из России, с огромной болью переживает разлуку с ней и мечтает вернуться в ее лоно какой угодно ценой.

Самая злобная группа — это те, кто первые годы революции прожил в России, а теперь черносотенствует за границей и вешает на шею советской власти всех собак.

А. Белый... жалуется на перенесенные им в России неудобства и недоедание, как будто Советская Россия специально устраивала неудобства для А. Белого! На одном из собраний в Доме искусств он, председательствуя, не дал говорить Маяковскому в тот момент, когда какой-то хулиган оскорбил русского художника. Белый дипломатично заявил, что он ничего не слышал. Маяковский и за ним почти вся аудитория ушли...

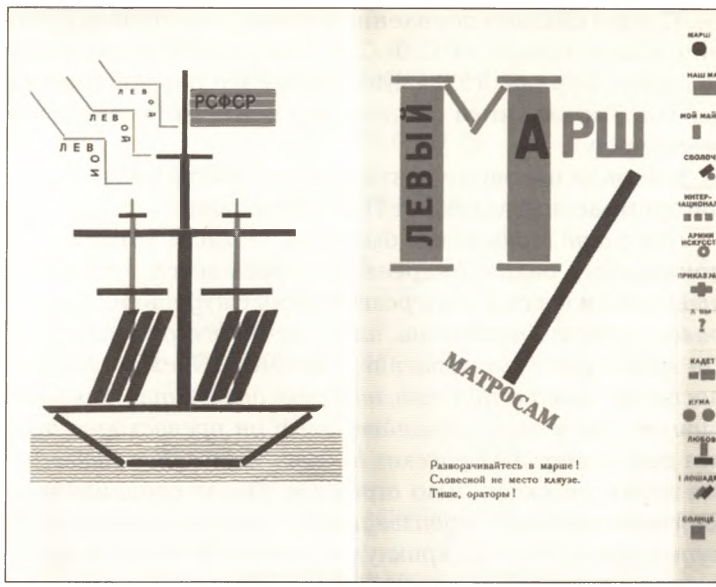
Время кофтам и время пиджакам

На следующий год вместе с Лилей и Осипом Брик[1] Маяковский летел самолетом в Берлин через Кёнигсберг. В дороге произошел забавный случай, о котором поэт рассказал в предисловии к сборнику «Вещи этого года». *«Аэроплан, летевший за нами с нашими вещами, был снижен мелкой неисправностью под каким-то городом. Чемоданы были вскрыты, и мои рукописи взяты какими-то крупными жандармами какого-то мелкого народа».*

Под впечатлением перелета было написано стихотворение «Москва — Кенигсберг». В Германии Маяковский на этот раз провел три месяца — с июля по сентябрь. Сначала около трех недель с компанией отдыхал во Фленсбурге, затем в Нордернее на Северном море.

Во время этой поездки в издательстве «Накануне» был сдан сборник стихов «Вещи этого года». К тому времени в типографии «Лутце и Фогт» (Lutze & Vogt G.m.b.H.) вышел оригинальный сборник стихов (13 произведений) «Для голоса», не просто сверстанный, а сконструирован-

[1] *Брик Осип* — писатель, литературовед.



Один из разворотов книги «Для голоса», изданной в Берлине в 1923 г. Архив Музея В.В. Маяковского

ный Элем Лисицким. Конструктивистский стиль оформления издания очень органично сочетается с ритмикой поэзии Маяковского. Вырезная лесенка-регистр, позволяющая быстро отыскивать нужное стихотворение, делает книгу похожей на небольшой каталог. На вырезах регистра помещены сокращенные названия стихотворений — «Марш», «Кума», «Солнце»... с пиктограммами из кружков и прямоугольников. В книге использованы три цвета: белый (цвет бумаги), красный и черный.

Фронтиспис книги — композиция в виде окружности с треугольником, кругом, квадратом и буквам Л Ю Б — является посвящением Лиле Юрьевне Брик (Л.Ю.Б.), возлюбленной Маяковского. Если прочитать надпись против часовой стрелки, получается «ЛЮБЛЮ». Книга стала одним из лучших образцов русского авангарда в книгоиздании.

У Москвы для издания сборника не было ни желания, ни денег. Поэтому при поддержке представителя Наркомпроса З.Г Гринберга его отпечатали в Берли-

не. С этим связано появление на одной из первых страниц книги грифа «Р.С.Ф.С.Р. Государственное издательство. Берлин, 1923». Москва на это разрешение не давала. Тираж книги составил не менее двух тысяч экземпляров.

В первой половине сентября поэт выступал на Лейпцигерштрассе недалеко от Потсдамерплац.

«На сцене Маяковский был один, — писал потом в воспоминаниях Вадим Андреев, — *и весь вечер... заполнил чтением своих стихов и разговорами с аудиторией, стараясь сломать неприязнь, что ему не всегда удавалось. Он начал свое выступление словами: "Прежде чем напасть на Советский Союз, надо вам послушать, как у нас пишут. Так вот — слушайте",— и он превосходно прочел замечательный рассказ Бабеля "Соль" Впечатление от этого рассказа было огромное. После сравнительно недолгого чтения... произведений... начались разговоры с аудиторией. Кто-то крикнул — почему вы больше не надеваете желтой кофты? Маяковский ответил сразу, не задумываясь:*

— Вы хотите сказать, что я на революции заработал пиджак?

В зале засмеялись. Маяковский улыбнулся и, переменив тон, очень серьезно начал объяснять, что всему свое время — было время кофтам, а теперь вот пиджакам, так как советская литература занята теперь гораздо более серьезным делом, чем дразненьем буржуев».

Потом Маяковский побывал в Берлине весной 1924 г. Ехал, как писали в газетах, «проездом в Америку», но не сложилось с визами. Он провел в городе около двух недель: выступал на собраниях писателей, художников и артистов, на вечерах, организованных Германским отделением Всероссийского союза работников печати и Объединением русских студентов в Германии. На встрече с сотрудниками издательства «Литература и политика» говорил, что «*хотел бы иметь возможность прочесть в оригинале*» стихотворения экспрессионистов Бехера, Толлера или Мюзама и сатиру дадаиста Вальтера Меринга. Творческим результатом поездки стало стихотворение «Два Берлина».

Два Берлина

Авто
Курфюрстендаммом катая,
удивляясь,
раззеваю глаза —
Германия
совсем не такая,
как была
год назад.
На первый взгляд
общий вид:
в Германии не скулят.
Немец —
сыт.
Раньше
доллар —
лучище яркий,
теперь
«принимаем только марки».
По городу
немец
шествует гордо,
а раньше
в испуге
тек, как вода,
от этой самой
от марки твердой
даже
улыбка
как мрамор тверда.
В сомненья
гляжу
на сытые лица я.
Зачем же
тогда —
что ни шаг —
полиция!
Слоняюсь
и трусь
по рабочему Норду,

Нужда
худобой
врывается в глаз.
Толки:
«Вольфы...
покончили с голоду...
Семьей...
в каморке...
открыли газ...
Поймут,
поймут и глупые дети,
Если
здесь
хоть версту пробрели,
что должен
отсюда
родиться третий —
третий родиться —
Красный Берлин.
Пробьется,
какие рогатки ни выставь,
прорвется
сквозь штык,
сквозь тюремный засов.
Первая весть:
за коммунистов
подано
три миллиона голосов.

Последний раз, на пути в Париж к Татьяне Яковлевой[1]. Владимир Маяковский побывал в Берлине в феврале в 1929 г. На этот раз он провел там всего четыре дня. Успел, наконец, заключить договор с издательством «Малик» на издание пьес и прозы на немецком языке (до этого здесь считали, что Маяковский не поддается переводу), выступил в одной из аудиторий в Газенхейде. *«На вечере вместе с друзьями Маяковского, писателями и литературно искушенной публикой присутствовали и многочислен-*

[1] *Яковлева Татьяна* — близкая знакомая поэта.

ные рабочие. Маяковский читал свои стихи по-русски, не беспокоясь о том, что лишь немногие в зале понимали по-русски. Но воздействие его динамической личности было так огромно, что слушатели были захвачены этим непонятным для них, но верно почувствованным исполнением. И когда в заключение он кинул в зале своим звучным, богатым, глубоким голосом "Левый марш" — все в зале встали».

Борис Пастернак. «Здесь все перессорились»

В триумфальный для Маяковского вечер 20 октября, когда поэт был усыпан аплодисментами в Доме искусств, там, как уже было кратко сказано, выступал Борис Леонидович Пастернак (1890—1960). Он приехал в Берлин в конце августа 1922 г. Об эмиграции речь не шла. Борис Леонидович хотел познакомить родителей со своей молодой женой художницей Евгенией Лурье и поработать в спокойной обстановке. Поначалу было даже намерение поселиться не в Берлине, а в Марбурге или Геттингене, в стороне от «берлинской литературной шумихи».

С собой везли несколько ящиков книг. Добирались морем, 17 августа пароход «Гакен» вышел из Петрограда. До этого у Пастернака состоялась получасовая встреча с Троцким. Беседовали в основном о литературе. Троцкий посетовал, что Пастернак сторонится в своих произведениях общественной тематики. Тот, отвечая, говорил о необходимости защиты «индивидуализма истинного, как новой социальной клеточки нового социального организма».

Отправляясь в Берлин, Пастернак надеялся встретить там Цветаеву. Не сложилось. Месяцем раньше она уехала в Прагу. С этого момента началась их долголетняя переписка. «*Я был очень огорчен и обескуражен,* — писал Цветаевой в первом письме поэт, — *не застав Вас в Берлине. Расставаясь с Маяковским, Асеевым, Кузминым и некоторыми другими, я в той же линии и в том же духе рассчитывал на встречу с Вами и Белым».*

Планы у Пастернака были обширные. Как сообщала «Новая русская книга», он собирался издать в Берлине «Темы и вариации», «Детство Люверс», перевод «Прин-

ца Гамбургского». В издательстве Гржебина должно было выйти второе издание «Сестры моей жизни». Было много другой работы.

Синий пиджак и красный галстук

На памятном вечере 20 октября в Доме искусств Борис Леонидович читал стихи из «Сестры моей жизни». Тогда его впервые услышал Вадим Андреев.

«Пастернак, — пишет Андреев, — *стоял несколько боком к залу, невысокий, плотный, сосредоточенный. Еще полный отзвуками голоса Маяковского, я не сразу услышал его... Синий пиджак, сильно помятый, сидел на нем свободно и даже мешковато. Яркий красный галстук был повязан широким узлом и невольно запоминался — впрочем, этот галстук у него, вероятно, был единственным: сколько я потом ни встречался с Борисом Леонидовичем в Берлине, всякий раз мне бросался в глаза острый язык пламени, рассекавший его грудь...*

Пастернак произносил слова стихов ритмично и глухо. Почти без жестов, в крайнем напряжении и абсолютной уверенности в музыкальной точности произносимого слова...

Так сел бы вихрь, чтоб на пари
Порыв паров пути
И мглу и иглы, как мюрид,
Не жмуря глаз снести.

...я не понимал таинственного сцепления слов и уж, конечно, прослушав стихотворение один раз, не мог пересказать его содержания.

Не он, не он, не шепот гор,
Не он, не топ подков,
Но только то, но только то,
Что — стянута платком.
И только то, что тюль и ток,
душа, кушак и в такт
Смерчу умчавшийся носок
Несут, шумя в мечтах...

Я слушал с величайшим напряжением, и вдруг "зал, испариной вальса запахший опять", встал передо мною музыкальным видением. Образы... накладывались один на другой... создавая неповторимую гармонию. Я верил Пастернаку "на слово", не мог не поверить его... абсолютной искренности.

Глуховатый голос зажигал произносимые слова, и строка вспыхивала, как цепочка уличных фонарей. Лицо Пастернака было сосредоточенно, замкнуто в самом себе. Я подумал, что таким было лицо Бетховена, сквозь глухоту вслушивающегося в свою музыку...

В один и тот же вечер я услышал — в первый раз! — Маяковского и Пастернака; Маяковский потряс, возвысил и уничтожил меня: уничтожил нечто, казавшееся незыблемым; в стихи Пастернака я влюбился без памяти».

Позже Андреев не раз встречался с Пастернаком, говорил, что, восхищаясь музыкой его поэзии, он не все стихи понимает:

Им, им — и от души смеша,
И до упаду, в лоск,
На зависть мчащимся мешкам,
До слез — до слез!

Смущаясь, Андреев объяснял, «*что именно кажущаяся непонятность... стихов — прекрасна, что трудность их восприятия оправданна и даже необходима, что автор имеет право ждать от читателя встречного усилия, труда и внимания...* Это был узловой парадокс поэзии Пастернака: нередко его стихи любили, не понимая их. В Берлине, как писал позже сын поэта Евгений, Борис Леонидович окончательно понял это. «Я пишу, а мне все кажется, что вода льется мимо рукомойника... Я хочу, чтобы мои стихи были понятны...»

«Может быть, стану самим собой»

В Берлине Пастернак любил бывать на станции метро «Гляйсдрайек», в одной остановке от «Ноллендорфплац» — крупном транспортном узле, месте пересадки на городскую электричку, где поезда грохотали по виаду-

Транспортный узел «Гляйсдрайек», где любил бывать Б. Пастернак

кам. Его очень впечатляли высокие лестницы, платформы на разных уровнях, разводки железнодорожных путей внизу. С высоты открывалась замечательная городская панорама, особенно красивая на закате. Пастернак приводил сюда Маяковского, приходил с секретаршей издательства Гржебина Надеждой Залшупиной и посвятил ей стихотворение.

Gleisdreieck
Надежде Александровне Залшупиной

Чем в жизни пробавляется чудак,
Что каждый день за небольшую плату
Сдает над ревом пропасти чердак
Из Потсдама спешащему закату?

Он выставляет розу с резедой
В клубящуюся на версты корзину,
Где семафоры спорят красотой
Со снежной далью, пахнущей бензином.

В руках у крыш, у труб, у недотрог
Не сумерки, — карандаши для грима.
Туда из мрака вырвавшись, метро
Комком гримас летит на крыльях дыма.

30 января 1923, Берлин

В первые месяцы пребывания в Берлине Пастернак часто бывал в кафе «Прагердиле», в издательствах Гржебина и «Геликон», в Доме искусств. Он встречался с Ильей Эренбургом и Виктором Шкловским, Борисом Зайцевым и Романом Якобсоном, Андреем Белым и Владиславом Ходасевичем, с другими обитателями «Русского Берлина». *«Нам очень хорошо тут живется,* — писал он в конце ноября брату Александру, — *и я доволен Берлином, как местом, где я опять так могу проводить время, и, может быть, стану снова собой».* Он, однако, сторонился участия в эмигрантской периодической прессе. Лишь в литературном журнале «Струги» за весь берлинский период у него появилось стихотворение «Матрос в Москве». Не вступил, как ожидалось, в Союз русских писателей и журналистов. Занимался прежде всего изданием своих книг. Осенью Пастернак почувствовал, что отношения с местным литературным миром стали тяготить его. Вышел конфликт с Ходасевичем. В январе 1923 г. Борис Леонидович пишет поэту Сергею Боброву в Москву: «*...Приехал я без предвзятых приязней и неприязней. Без предубежденья заговорил со всеми. Послушать их, так они всем скопом на редкость как хорошо ко мне относятся. Но Ходасевич, спервоначала подарив меня проницательностью "равного", вдруг, по прочтеньи Колина отзыва в "Нови", стал непроницаемою для меня стеной с той самой минуты, как на вопрос об Асееве я ему ответил в том единственном духе, в каком я и ты привыкли говорить об этом поэте».* Речь идет о том, что Пастернак положительно отозвался о поэте Николае Асееве, который до этого критиковал поэтический сборник «Счастливый домик» Ходасевича, вышедший в журнале «Красная новь».

Домой

«Здесь все перессорились», — пишет Пастернак Марине Цветаевой в ноябре. Ему претит участие в длинном ряду «*"гражданских" свар и потасовок, без которых эмиграции, очевидно, не жизнь*». Тем более что «*...все... словно сговорившись, покончили со мной, сошедшись на моей "полной непонятности"*». Берлин начинает казаться ему

«безличным Вавилоном». Кажется, пора домой... Он возобновляет активную переписку с российскими друзьями. Брату пишет, что думает вернуться в начале марта. В феврале, чтобы замкнуть круг, едет с женой в Марбург, Гарц и Кассель, где ему открывается *«страшный ракурс»* послевоенной провинциальной Германии. *«Германия голодала и холодала, ничем не обманываясь, никого не обманывая, с протянутой временам, как за подаяньем рукой (жест для нее несвойственный) и вся поголовно на костылях...»*

Во второй половине марта 1923 г. Борис Леонидович и Евгения Владимировна выехали из Берлина в Москву. Отец поэта так и не смог закончить портрет сына, позировать тому было некогда. Договорились увидеться в следующем году и портрет закончить. Но больше им не довелось встретиться.

Андрей Белый. Неистовый танцор

Аполитичный и в конце концов вернувшийся в Россию поэт, прозаик, литературовед, мемуарист Андрей Белый (Борис Николаевич Бугаев, 1880—1934) впервые побывал в Берлине в 16 лет. Потом приехал в 1921 г. и прожил два года. Сначала поселился в пансионе д'Альберт напротив бокового фасада и по сей день крупнейшего в Берлине магазина «КаДеВе» по улице Пассауерштрассе (Pension d'Albert; Passauerstrasse, 3). С мая по сентябрь 1922 г. он жил под Берлином, в деревушке Цоссен (Zossen), где-то в 10 километрах к югу от нынешней берлинской кольцевой дороги. Неблизко и для наших дней. Оттуда выезжал на курорт на остров Узедом. Потом вернулся в Берлин и поселился в пансионе Крампе на Виктория-Луизе-плац (Viktoria-Luise-Platz), где жили и другие эмигранты.

Печатный лист за один день

В Берлине Белый много писал. Всех, знавших его, удивлял необыкновенной работоспособностью. За день мог настрочить чуть ли не печатный лист. Здесь вышли в разных издательствах в новой редакции его романы «Петербург», «Серебряный голубь», «Глоссолалия. Поэма звуков», повесть «Возраст», «Путевые заметки», не-

Магазин «КаДеВе», справа от которого жил А. Белый. Фото: ВТМ

сколько поэм и литературных сборников. Сотрудничал с журналом «Беседа», газетами «Голос России», «Дни».

Белый активно занимался издательской деятельностью, самым крупным проектом был литературный альманах «Эпопея». Он выходил в издательстве «Геликон», которое возглавлял А.Г. Вишняк. В альманахе печатались произведения самого Белого, вышли написанные в Берлине «Воспоминания о Блоке», были опубликованы поэма в прозе «Всеобщее восстание. Временник» Алексея Ремизова — хроника событий революции и домашней жизни в Петербурге-Петрограде 1917—1921 гг., повесть «Метель» Бориса Пильняка. С альманахом сотрудничали М. Цветаева, В. Ходасевич, В. Шкловский...

В четвертом номере «Эпопеи» Белый, однако, опубликовал открытое письмо, в котором слагал с себя обязанности главного редактора. После этого он еще некоторое время печатался в журнале, пока в октябре 1923 г. не вернулся на родину. За несколько месяцев до отъезда прекратила существование и «Эпопея».

Эмигрантом Белый себя не считал. Впрочем, как и многие жившие в Берлине русские. В 1921 г. в Германию он приехал не из политических соображений, хотел спасти свою любовь, встретиться со своей первой женой Асей Тургеневой, которая, к слову, как-то сказала, что она и не жена ему вовсе. Здесь же в Берлине Белый пережил окончательный разрыв с супругой.

«*По своей литературной и общественной позиции,* — писал В. Андреев, — *А. Белый занимал какое-то время промежуточное положение между убежденными антибольшевиками, сменовеховцами и просоветскими кругами. В этом его личные настроения совпадали с общей атмосферой берлинской жизни, характеризовавшейся относительным материальным благополучием и возможностью какое-то время не определяться в политическом отношении*».

Некоторое время Белый был председателем берлинского отделения совета «Вольфилы» (Вольная философская ассоциация) и даже, как уже говорилось, возглавлял совет Дома искусств.

«Не проживешь без фокстрота»

Каждый литератор, приезжавший из России, стремился встретиться с ним, увидеть необыкновенного человека, ставшего самой русской достопримечательностью эмигрантской богемы. Этому способствовали не только его литературный талант, известность, но и эксцентричное поведение. Белый танцевал! Он посещал модные берлинские танцзалы и с упоением там танцевал. Старался освоить все, что тогда было в моде: джаз, шимми, фокстрот. Прежде всего фокстрот, «*не проживешь без фокстрота*». Танцевал неистово, исступленно, стараясь забыться, ввести себя в состояние безумного транса, во время которого, как писал В. Ходасевич, «*танец в его исполнении превращался в чудовищную мимодраму, порой даже непристойную... Иногда он пил. Как-то, увидев на квартире у Марины Цветаевой фотографию царской семьи, он схватил ее, со словами: "Какие милые... милые, милые, милые!.. люблю тот мир..."*».

В июне 1922 г. в Берлин приехали супруги Владислав Фелицианович Ходасевич и Нина Николаевна Берберова. Они поселились в пансионе Крампе напротив дома, в котором жил Белый, и не раз с ним встречались. «*... В ту минуту, когда Белый вошел в дверь,* — писала Берберова об одном из его визитов, — *все кругом преобразилось. Он нес с собой эту способность преображения. А когда он ушел, все опять стало, как было: стол — столом и кресло — креслом. Он принес и унес с собой что-то, чего никто другой не имел*».

«Дайте хлеба духовного!»

Уехав из России, Белый тосковал по новым, необычным людям, ставшим заметными там. Они были малограмотны, носили простую одежду, плохо ели, но жадно тянулись к новому, ранее для них недоступному, их интересовало все: наука, культура, литература, поэзия... Они были очень благодарными слушателями. Читая свои лекции о культуре в Москве, Белый ощущал сладостное единение со всем залом и с каждым слушателем в отдельности, с наслаждением перебирая невидимые нити напряженного внимания, тянувшиеся к нему. Не то было в Берлине.

«Увы, — писал Белый уже в 1921 г. в горьковской "Беседе", — *[я] понял ненужность теперешних выступлений в Берлине. Работа культурная здесь представляется... вряд ли возможной... молодежь современной России (интеллигенческая и рабочая) мне понятна...; я был с ней в контакте; никто мне не ставил вопросов о степени коммунистичности или белогвардейства в моих убеждениях; и не казался чужим и оторванным я; здесь, в Берлине, я чувствую часто чужим себя, непонятным, ненужным; и молодежи — не знаю; настроение русской публики кажется мне "курфюрстендаммным" каким-то; а лекции кажутся отнимающими драгоценное "кафе-ландграфное" "прагердильное" время; аудитория моя мне казалась пришедшей ошибочно... Уже в 8 часов запираются двери в Берлине; и — ни к кому не пойдешь: после дня трудового естественно отдохнуть в разговоре; и отогреться в духовном общении... Естественно, что идешь к представителям русской культуры, к писателям-братьям, к художникам, критикам, собирающимся в какой-нибудь "Diele"* (кафе. — *Авт.*)*; ходил в одно; там просиживал ряд вечеров; и... и... и... — не припомню я ни одного разговора, которым бы можно мне отогреться. О чем говорилось? О гонорарах, о вкусе мороженого, о текущих малюсеньких дрязгах, о сплетнях; и более — ни о чем... С отчаяния отдавался я пиву, чтобы почувствовать что-нибудь, чтоб не воскликнуть в отчаяньи:*

— Господа! Да нельзя же: совместное чавканье для сокрытия совместной зевоты. Ну, разойдемся: ну, будем

зевать в одиночку; и в одиночку отчавкаем... От хлеба я сыт и от пива я пьян, но я... голоден, голоден: дайте мне хлеба духовного! Холодно мне в этом "тепленьком" месте культуры "берлинской России"

За столиком русско-берлинской богемы я ощущал — не одиночество даже, не "ноль": минус ноль... — внедрение в душу каких-то дряннейших субстанций... отнимающих у меня очень малые силы, какие в себе ощущаю еще; эти силы — Россия "российская", мне не дававшая перьев, бумаги, возможности тихо работать, но заряжавшая силами.

...Баловала Россия — не по заслугам: вниманием к темам моим; полупустая и неизвестная аудитория встретила: здесь, в Берлине. Обычно в России через пятнадцать минут разбираешься... в составе аудитории; по глазам, по... жестам я знал, кто — со мною, кто — против; кто следует за течением мысли и кто — отстает... иногда себя чувствовал вовсе не лектором я: дирижером сознаний пришедших... этой вот девушке, тихо застывшей, сказать надо то-то, а этому красноармейцу — вот это: и ткани доклада... распестрялися этими (синими) нитями слов для товарища красноармейца и этими (фиолетовыми) для внимающей девушки...

Русские лекции — не популярный доклад, а работа, тяжелая, действие вместе: содействие. Эту работу в Берлине проделывать невозможно; ничто не течет к тебе... с чем шел, с тем ушел... Я лекции бросил».

Белый уехал из Берлина в Россию 23 октября 1923 г. Сначала ему было отказано в визе. Вера Берберова в своих воспоминаниях писала, что уже на вокзале Цоо, откуда уходил поезд, в последнюю минуту Белый вдруг выскочил из вагона, бормоча: «Не сейчас, не сейчас, не сейчас!» — но кондуктор на ходу втянул его назад. Он старался еще что-то крикнуть, но уже ничего не было слышно. Свидетелем этого была поэтесса-эмигрантка Вера Лурье, которая провожала Белого.

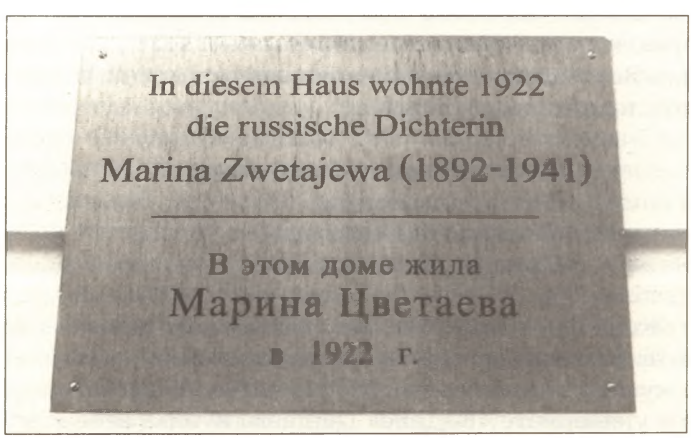
«Foxtrot белого рыцаря»

Очень подробно пребывание Андрея Белого в Берлине описано в книге Милы Полянской «Foxtrot белого рыцаря. Андрей Белый в Берлине» (издатель-

ство «Деметра», 2009). Книга посвящена трагическому эпизоду в жизни Андрея Белого в пору его последнего пребывания в Берлине (1921—1923), сопровождаемого танцами в немецких забегаловках, в основном вошедшим тогда в моду фокстротом. Автор исследует «танцевальную» ситуацию послевоенного Берлина времен потерянного поколения и своеобразную реакцию Белого на разрыв с женой Асей Тургеневой и с немецким антропософом Рудольфом Штейнером. В книге повествуется о писательском рекорде Белого во время двухлетнего пребывания в Берлине: шестнадцать опубликованных книг, о берлинских встречах с Н. Берберовой, М. Цветаевой, В. Ходасевичем, А. Толстым, И. Эренбургом и др. Использована хроника тех дней: берлинская периодика 1921—1923 гг., эмигрантские газеты, бюллетени, рекламы и журналы, повествующие о феномене русского литературного Берлина 20-х гг.

Марина Цветаева. Дом с балконами

О том, что она приехала в Берлин, эмигрантскую публику известили многие русские газеты. Статья Андрея Белого о Цветаевой в газете «Голос России» от 21 мая 1922 г. заканчивалась словами *«...Марина Цветаева —*



Памятная доска на доме с балконами, где жила М. Цветаева с дочерью, на Trautenaustrasse, 9. Фото: A. Pushkin

композиторша и певица... Мелодию предпочитаю я живописи и инструменту; и потому-то хотелось бы слушать пение Марины Цветаевой лично... тем более, что мы можем приветствовать ее здесь в Берлине».

Марина Ивановна Цветаева (1892—1941) приехала в немецкую столицу с девятилетней дочерью Ариадной (Алей), талантливой девочкой, которая во время эмиграции аккуратно вела дневник и сохранила будущему уникальные наблюдения, связанные с Мариной (так она звала свою маму). В Берлине Марина с Алей провели два с половиной месяца, после чего переехали в Прагу. Хотя поначалу планы были другие: *«Я в Берлине надолго, хотела ехать в Прагу, но там очень трудна внешняя жизнь»* (из письма Цветаевой к Пастернаку).

Квартира

Поначалу они поселились недалеко от Прагерплац (Pragerplatz) у Эренбургов, которые уступили им комнату. Потом переехали в пансион Элизабет Шмидт на Траутенауштрассе (Trautenaustrasse, 9), в дом с балконами. Он сохранился до наших дней, на фасаде установлена скромная мемориальная доска на русском и немецком языках. В этом доме жили и другие писатели-эмигранты, среди них — Владимир Набоков. Квартира была двухкомнатная с балконом, полюбившимся Але. На нем стоял горшочек в цветами, который девочка старательно поливала. Впоследствии этот балкон появился в стихах Цветаевой, написанных в Берлине.

Балкон. Сквозь соляные ливни
Смоль поцелуев злых.
И ненависти неизбывной
Вздох: выдышаться в стих!

Жена Эренбурга Любовь Михайловна помогала решить бытовые проблемы, водила гостей по магазинам. Покупали только самое необходимое. В числе прочего в универмаге «КаДеВе» Цветаева купила себе «бергшуэ» — грубые на вид, почти мужского вида ботинки для прогулок по горам. Они вошли в историю. О «мужских

ботинках» Цветаевой не раз писали потом в своих воспоминаниях эмигранты.

Германия не была чужой для Цветаевой, по матери — Марии Мейн — в ней текла немецкая кровь. *«Во мне много душ. Но главная моя душа — германская»*, — писала она в своем дневнике. Она владела немецким языком, еще в детстве она побывала в этой стране.

В Германию она ехала, чтобы встретиться с мужем Сергеем Эфроном, бывшим белым офицером, ушедшим вместе с армией в эмиграцию и учившимся тогда в Пражском университете. Прага недалеко от немецкой столицы, но Эфрон смог приехать к жене только через месяц после ее появления в Берлине.

Литература

Время в столице для Цветаевой оказалось очень насыщенным. Творческие встречи, выступления, поэтический труд (здесь она написала около 20 стихотворений), многочисленные письма, подготовка к публикации «Царь-девицы» и «Ремесла»... При участии Эренбурга в Берлине до приезда Цветаевой вышли ее «Стихи к Блоку» и «Разлука». Она ввязалась в скандал, связанный с публикацией А. Толстым в «Литературном приложении» к газете «Накануне» письма к нему Корнея Чуковского из Петрограда. Письмо было частным, в нем Чуковский хвалил Толстого, звал вернуться и одновременно нелицеприятно отзывался о многих своих российских коллегах по писательскому ремеслу, сообщал, что дармоеды «*поругивают Советскую власть*». Это взорвало Цветаеву. Как можно публиковать в прессе сугубо частные, доверительные письма? Бесчестно предавать гласности фамилии людей, которые от этого могут пострадать, обвиненные в неблагонадежности к большевистскому режиму. Она высказалась в «Открытом письме» Толстому, опубликованном 7 июня в «Голосе России». *«Или Вы...* — негодовала Цветаева, — *трехлетний ребенок, не подозревающий ни о существовании в России ГПУ, ни о зависимости советских граждан от этого ГПУ... Алексей Николаевич, есть над личными дружбами, частными письмами, литературными тщеславиями — круговая порука ремесла, кру-*

говая порука человечности. За 5 минут до моего отъезда из России (11-го мая сего года) ко мне подходит человек: коммунист, шапочнознакомый, знавший меня только по стихам. "С Вами в вагоне едет чекист. Не говорите лишнего". Жму руку ему и не жму руки Вам».

Любовь

В Берлине Цветаева пережила стремительное бурное увлечение Абрамом Григорьевичем Вишняком, директором берлинского русского издательства «Геликон», женатым человеком, имевшим маленького сына. Когда Эфрон приехал из Праги, ему не составило большого труда об этом догадаться. Но он любил жену по-своему, хорошо понимал ее влюбчивость и многое прощал ей, хотя и очень остро переживал увлечения супруги. В одном из писем он писал своему другу, поэту Максимилиану Волошину: *«Отдаваться с головой своему урагану для нее стало необходимостью, воздухом ее жизни. Кто является возбудителем этого урагана сейчас — не важно. Почти всегда (теперь так же, как и раньше), вернее всегда, все строится на самообмане. Человек выдумывается, и ураган начался. Если ничтожество и ограниченность возбудителя урагана обнаруживается скоро, М[арина] предается ураганному же отчаянию... Вчерашние возбудители сегодня остроумно и зло высмеиваются (почти всегда справедливо)... Ненужная зола выбрасывается, а качество дров не столь важно...*

Нечего и говорить, что я на растопку не гожусь уже давно. Когда я приехал встретить М[арину] в Берлин, уже тогда почувствовал сразу, что М[арине] я дать ничего не могу. Несколько дней до моего прибытия печь была растоплена не мной. На недолгое время...

С Вишняком Цветаеву познакомил Эренбург, многие книги которого вышли в «Геликоне». Высокий, стройный черноволосый молодой человек эстетского вида с первой встречи пробудил в ней яркое, проникновенное чувство. Он любил искусство, издавал русских поэтов. Насколько был «роман» взаимным, трудно судить. Они почти каждый вечер встречались, беседовали, читали стихи. Вернувшись домой, Цветаева с нетерпением тянулась к перу

и начинала писать Ему письма. За три недели — с 17 июня по 19 июля — было отправлено девять писем, последнее, десятое прямо перед отъездом в Прагу. Пришел только один ответ. В последнем послании Цветаева писала: *«От Вас как от близкого я видала много боли, как от чужого — только доброту... Родной! Вне всех любезностей, ласковостей, нежностей, бренностей, низостей — Вы мне дороги. Но мне с Вами просто нечем было дышать»*. Что, впрочем, неудивительно, «роман» с Цветаевой развивался у Вишняка на фоне семейной драмы — измены жены Веры (Ревекки) Лазаревны. Знала об этом Цветаева или не желала замечать, неизвестно.

Берлинские письма Цветаевой к Вишняку и его «плавный» ответ легли в основу романа «Флорентийские ночи», написанного через десять лет. Название, видимо, связано с тем, что, как издатель, Вишняк предложил поэтессе перевести повесть Гейне «Флорентийские ночи».

«Флорентийские ночи в Берлине»

В книге «Флорентийские ночи в Берлине, лето 1922» (Голос-Пресс; Геликон, 2009) Мина Полянская повествует об эмиграции, трагическом «русском беге» с транзитом в Берлине, и о десяти неделях Марины Цветаевой в немецкой столице летом 1922 г. Под этой обложкой читатель также найдет повесть об Андрее Белом, повествование о необычной судьбе Алексея Толстого и его парадоксальной репутации.

«Сияющий» Белый

Первым эмигрантским поэтом, не считая Эренбурга, с которым встретилась Цветаева в Берлине, был Андрей Белый. Произошло это в эмигрантском кафе Pragerdiele на Прагерплац в один из первых дней (если не в самый первый) после ее приезда в Берлин. *«Столик Эренбурга, обрастающий знакомыми и незнакомыми,* — писала позже Цветаева. — *Оживление издателей, окрыление писателей. Обмен гонорарами и рукописями. (Страх, что и то, и другое скоро падет в цене.) Сижу частью круга... И вдруг через все — через всех — протянутые руки — кудри — сияние:*

— Вы? Вы? (Он так и не знал, как меня зовут.) Здесь? Как я счастлив! Давно приехали? Навсегда приехали? А за вами, по дороге, не следили? Не было такого... (скашивает глаза) брюнета?.. Заглядывания в купе: "Виноват, ошибся!" И через час опять "виноват", а на третий раз уж вы — ему: "Виноваты: ошиблись!" Нет? Не было? Вы... хорошо помните, что не было?»

На следующий день после встречи от Белого пришло письмо:

«Zossen, 16 мая 22 г.

Глубокоуважаемая Марина Ивановна.

Позвольте мне высказать глубокое восхищение перед совершенно крылатой мелодией Вашей книги "Разлука" Я весь вечер читаю — почти вслух; и — почти распеваю. Давно я не имел такого эстетического наслаждения.

А в отношении к мелодике стиха, столь нужной после расхлябанности Москвичей и мертвенности Акмеистов, Ваша книга первая (это — безусловно). Пишу — и спрашиваю себя, не переоцениваю ли я свое впечатление? Не приснилась ли мне Мелодия?

И — нет, нет; я с большой скукой развертываю все новые книги стихов. Со скукой развернул и сегодня "Разлуку". И вот — весь вечер под властью чар ее. Простите за неподдельное выражение моего восхищения и примите уверения в совершенном уважении и преданности.

Борис Бугаев»[1].

Потом они не раз встречались, много беседовали, продолжали обмениваться письмами, Цветаева приезжала к Белому в Цоссен под Берлином, где он тогда жил. Здесь даже помыться негде, жаловался Белый. На время берлинской дружбы им выпало около полутора месяцев. У Белого тогда были большие личные неприятности, и он нуждался в поддержке такого искреннего и понимающего человека, как Цветаева. Она, в свою очередь, находила в нем ту высшую духовность, которую столь страстно, безоглядно искала. Он был как «*...душа, которая тревожит и отнимает покой и поднимает человека от себя...* Эти слова Аля (Ариадна) отнесла к матери. Но они рав-

[1] *Бугаев Борис* — настоящее имя поэта Андрея Белого.

но подходят и к Белому. Свое эссе памяти Андрея Белого Цветаева назвала «Пленный Дух».

Андрей Белый познакомил Марину Ивановну с Марком Слонимом, сотрудником пражского журнала «Воля России», ставшим впоследствии одним из самых близких друзей Цветаевой.

Обстоятельный Гуль

Знакомого со всеми Эренбурга поэтесса попросила организовать ей встречу с Романом Гулем. Тот пришел: *«Постучал в дверь комнаты. Услышал — "войдите!". Вошел. Марина Ивановна лежала на каком-то странном предмете, по-моему, на сундуке, покрытом ковром. Первое, что бросилось мне в глаза, — ее руки — все в серебряных браслетах и кольцах (дешевых), как у цыганки.*

Разговор начался — с Москвы, с ее приезда. Свое первое впечатление от облика Цветаевой я ярко запомнил. Цветаева — хорошего (для женщины) роста, худое, темное лицо, нос с горбинкой, прямые волосы, подстриженная челка. Глаза ничем не примечательные. Взгляд быстрый и умный. Руки без всякой женской нежности, рука была скорее мужская, видно сразу — не белоручка... Платье на ней было какое-то очень дешевое, без всякой "элегантности" Как женщина Цветаева не была привлекательна. В [ней] было что-то мужественное. Ходила широким шагом, на ногах — полумужские ботинки (особенно она любила какие-то "бергшуэ").

Помню, в середине разговора Марина Ивановна неожиданно спросила:

— Вы любите ходить?

— Люблю, много хожу.

— Я тоже. Пойдемте по городу?

И мы вышли из пансиона. Пошли, помню, по Кайзераллее, шли долго, разговаривая... Я предложил зайти в кафе. Зашли. Кафе было странное — большое, белое, с гремящим негритянским джаз-бандом. Негры в Берлине были редкостью. Откуда они сюда залетели?

В кафе мы просидели, проговорили долго. Марина Ивановна прочла мне свои последние стихи... она была внимательный и наблюдательный собеседник... отношения

у нас сложились сразу дружеские. Говорить с ней было интересно обо всем: о жизни, о литературе, о пустяках. В ней чувствовался и настоящий, и большой, и талантливый, и глубоко чувствующий человек. Да и говорила она как-то интересно-странно, словно какой-то стихотворной прозой, что ли, каким-то "белым стихом"»[1].

После отъезда Цветаевой из Берлина она какое-то время переписывалась с Гулем. Потом их отношения постепенно увяли, но Гуль старательно пересылал ей письма Пастернака, с которым Цветаева «вживую» так и не познакомилась, хотя очень ждала его в Берлине. Не успел. Она уехала в Прагу. Но с полученной по почте книгой Пастернака «Сестра моя жизнь» с дарственной надписью. Уже из Чехии Цветаева писала ему: *«Тогда было лето, и у меня был свой балкон в Берлине. Камень, жара, Ваша зеленая книга на коленях... Я тогда десять дней жила ею».*

Трагический конец

После Праги Цветаева долго жила с мужем во Франции. В 1937 г. Сергей Эфрон, пересмотревший в эмиграции свои взгляды и ставший агентом НКВД, участвует в похищении генерала Миллера и (по одной из версий) убийстве советского разведчика Игнатия Рейса (Порецкого), который остался на Западе. Под угрозой разоблачения Эфрон выехал в СССР. К тому времени там уже жила его дочь Ариадна. Летом 1939 г. вслед за мужем и дочерью возвращается на родину и Цветаева с сыном Георгием (Муром). Спустя короткое время после ее приезда были арестованы и дочь, и муж. Сергея Эфрона расстреляли в 1941 г., Ариадна получила 8 лет лагерей и потом еще семь лет ссылки. Была реабилитирована в 1955 г. На родине Цветаева почти не писала стихов, занимаясь переводами. В эвакуации она оказалась в отчаянном положении: не было работы, не было жилья, не было еды. Потеряв волю к жизни, 31 августа 1941 г. она покончила жизнь самоубийством.

Трагически закончилась жизнь и у Абрама Вишняка. В 1925 г., когда русский книжный бум в Берлине закон-

[1] *Гуль Роман.* Я унес Россию. Апология эмиграции. Т. 1. Россия в Германии.

чился, он с супругой переехал в Париж. Здесь они жили вплоть до июня 1941 г., полагая, что, даже будучи евреями, смогут пережить тяжелые времена, если будут следовать указаниям властей. Но в день нападения на СССР Вишняк был арестован, годом позже забрали и его жену. В 1944 г. Вишняк погиб в концлагере. Как и его жена.

ИСХОД

После денежной реформы 1923—1924 гг. и ввода твердой валюты рентенмарк жизнь в Германии изменилась. Страна вошла в стадию короткого, интенсивного расцвета в искусстве, культуре, архитектуре, литературе, светской жизни. Рестораны, кафе, театры были заполнены блестящей публикой. Особенно процветал Берлин, который тогда обрел статус одного из ведущих культурных центров Европы. Это славное время вошло в историю как «золотые двадцатые». Словно высшие силы дали стране возможность расслабиться перед погружением в мутные воды нацизма. Но русских на этом «празднике жизни» становилось все меньше. С проведением реформы финансово-экономические выгоды книгоиздательской и прочей коммерческой деятельности для эмигрантов исчезли. Русские стали покидать Германию. Одни возвращались в Россию, связывая свое будущее с Родиной, другие отправлялись во Францию, в Чехию, Югославию... В 1925 г. в городе *«официально зарегистрированы были лишь 10 293 российских гражданина и 10 042 лица без гражданства»*[1]. К 1930 г. численность российских эмигрантов в Германии снизилась до 100 тысяч человек.

Издательства одно за другим прекращали деятельность либо перебирались в другие страны. Часть из них пострадала из-за срыва российской стороной оплаты ряда работ по ее заказам. Есть малоубедительная, на взгляд автора, версия, что это была заранее спланированная акция с целью нанесения удара по Белой эмиграции. Так или иначе, из Берлина начался исход русской интел-

[1] Русские в Германии. Берлин, 2008.

лигенции, которому способствовали также нарождавшийся национал-социализм и сопутствующий ему антисемитизм. Хотя на этом горизонте в середине 1920-х гг. опасность сумели разглядеть только самые зоркие.

Одним из последних литературных эмигрантских объединений прекратил в 1933 г. свое существование Берлинский кружок поэтов. Правда, и образованный поздновато, в 1928 г. Основу кружка составляли молодые эмигранты, вывезенные из России в детском возрасте и выросшие на чужбине. Объединение возглавлял Михаил Генрихович Горлин (1909—1944), рафинированный интеллигент, всецело преданный поэзии, который «не умел ни плавать, ни кататься на велосипеде, ни даже бегать». Из Берлина вместе с будущей женой Раисой Блох он переехал в Париж, где работал в Институте славяноведения. Когда немцы пришли в Париж, супруги были арестованы как евреи и погибли в концлагере.

«Из газет в Берлине осталась одна ежедневная — "Руль", — писал Роман Гуль. — *Из журналов уцелел лишь "Социалистический вестник", ибо был связан с немецкой социал-демократической партией. Русские театры закрылись. Издательства, одно за другим, умерли. Остался только "Петрополис" выпускавший довольно много книг. Формально существовали еще два-три, но книг почти не выпускали. Общественные и научные организации одни прекратили свое существование, другие обеднели силами. Столица русского зарубежья перешла во Францию, в Париж*».

В октябре 1925 г., когда эмигранты уже разъезжались из Берлина, немецкий славист профессор Отто Хёч стал издавать русско-немецкий журнал «Восточная Европа». Долгое время это было единственное издание в Западной Европе, где можно было найти разностороннюю информацию о России. Тираж издания, однако, не превышал тысячи экземпляров, но его читали в посольствах, спецслужбах, министерствах и крупных организациях, работавших с Россией, где у него было несколько десятков подписчиков. Но с 1933 г. в журнале не печатали советских авторов, в 1939 г. он прекратил свое существование, а после войны возродился и существует до сих пор.

Мировой экономический кризис, укрепление нацистов и общий упадок Веймарской республики положили конец «золотым двадцатым». В 1933 г. в Берлине стала выходить абсолютно пронацистская русская газета «Новое слово», которую редактировал В.М. Деспотули. Германия уходила к национал-социализму.

«Blut muss fliessen!»

К приходу к власти гитлеровского режима в 1933 г. большинство российских эмигрантов разъехалось из Берлина. Их число в городе уменьшилось на порядок, официально не превышая 10 тысяч.

Сторонники твердой руки, эмигранты профашистской ориентации, поддерживали нацистов, полагая, что те помогут им вернуться на родину и взять власть. Другие, однако, полагали, что все установится и страшнее потрясения, испытанного не так давно Россией, быть не может. Большинство думали об отъезде, нужны были визы и деньги. Им было ясно — впереди тяжелые времена и надо все-таки уезжать.

Но, например, ученый-генетик Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский (1900—1981) сумел занять такую позицию, что немецкая репрессивная машина не затронула его. Вместе с семьей он с разрешения советских властей приехал в Германию в 1925 г. на работу по приглашению германского научного Общества кайзера Вильгельма. В 1937 г. ученый отказался вернуться в Россию, где к тому времени уже были арестованы два его брата. До окончания войны Тимофеев-Ресовский работал руководителем отдела генетики и биофизики в Институте исследований мозга в Берлин-Бухе. Находясь официально на положении интернированного иностранца, он помогал немецкому Сопротивлению, его старший сын Фома был арестован гестапо и погиб в лагере Маутхаузен. После войны ученый был арестован, депортирован в СССР и осужден как невозвращенец к 10 годам лишения свободы. В 1947 г. как специалист по радиационной генетике был направлен на работу в «шарашку». Потом он работал в Институте биологии УФАН СССР в Свердловске, читал лекции в Уральском университете, заведовал отделом ра-

диобиологии и генетики в Институте медицинской радиологии АМН СССР в Обнинске, сотрудничал с Институтом медико-биологических проблем в Москве. Жил в Обнинске.

На «излете» эмигрантского бума в Берлине оказался Александр Николаевич Вертинский (1889—1957). Он фактически был выслан сюда из Польши в связи с визитом туда румынского короля, поскольку ранее, во время проживания в Румынии, был объявлен там «советским шпионом». В немецкой столице Вертинский прожил с 1923-го по 1925 г. Здесь в 1924 г. его супругой становится очаровательная девушка из богатой еврейской семьи — Рахиль Яковлевна Потоцкая, с которой Вертинский познакомился в польском Сопоте. В свидетельстве о браке она была записана как Ирена Владимировна Вертидис. Семейная жизнь, однако, не заладилась.

В Берлине Вертинский выступал для русского населения, выезжал с гастролями в Дрезден, Данциг, Мюнхен, Кёнигсберг. В столице он открыл на улице Уландштрассе (Uhlandstrasse, 18) бар-ресторан «Черная роза» под девизом «Танцы — пение — настроение». На улицах Берлина он впервые видит гитлеровских штурмовиков. Из немецкой столицы Александр Николаевич вторично обращается к советскому правительству с просьбой о возвращении на родину, но получает отказ.

В 1930—1931 гг. берлинские фирмы «Парлофон» (Parlophon, после войны известная как британская Parlophone, на которой выпускались пластинки Beatles) и «Одеон» впервые записывают на грампластинки сорок восемь песен Вертинского. Обе фирмы принадлежали компании Carl Lindström, с которой у Вертинского был контракт. В конце 1932 г. он приезжает в Берлин, чтобы записать несколько песен и выступить с концертами. Весь совет директоров компании, однако, заменял теперь один нацистский функционер в униформе и при револьвере. Он заявил, что «иностранных» артистов им более не надобно, и цинично посоветовал подать в суд на бывших владельцев компании: «Если у вас есть контракт с ними, мы заставим этих "юде" заплатить вам все, что следует!»

Через пару дней Вертинского посетила в отеле делегация из нескольких русских немцев прибалтийского происхождения. Певцу по причине его *«известного среди русских имени и незапятнанной репутации»* было предложено возглавить некий союз *«национально мыслящих русских людей»*, у которых будут *«казачьи фуражки, но только коричневого цвета, и такие же, как у всех "наци" рубашки с повязками со знаком свастики на левой руке»*. Пообещав дать ответ позже, Вертинский в ту же ночь покинул Берлин.

> Старожилами «Русского Берлина» стали поэтесса Вера Лурье и писатель, врач Владимир Челищев (Линденберг). Они прожили в немецкой столице почти всю свою сознательную жизнь. Челищев при нацистах четыре года просидел в лагере. Он ушел в мир иной в 1997 г. в возрасте 95 лет, Лурье упокоилась в 1998 г., ей было 97 лет.

Через месяц после прихода Гитлера к власти, 26 февраля 1933 г., издательство «Петрополис» праздновало свое 15-летие (срок отсчитывался со дня создания издательства в Петрограде). В этот день нацисты подожгли Рейхстаг. Банкет в ресторане сразу прекратился. Через два с половиной месяца, 10 мая, нацисты устроили книжное аутодафе в центре Берлина. Жгли неугодные гитлеровскому режиму книги. В этом участвовали и студенты университета, одетые в форму СА. Свидетелем вакханалии стал Роман Гуль: *«Сожжение было устроено на красивой квадратной площади Оперы, прямо против старого Берлинского университета, где еще витали тени Гегеля, Шеллинга и других "учителей человечества"*

...Толпа чудовищная. Тревожно и разноголосо гудят сгрудившиеся автомобили, где-то, потеряв терпение, названивают застопорившиеся трамваи, все ночное движение пришло в замешательство. На тротуарах к домам жмется толпа. А по мостовой густыми колоннами маршируют, идут на Унтер-ден-Линден — коричневые рубахи с хакенкрейцами (свастиками. — *Авт.*) *на рукавах, с дымными, красноватыми факелами в руках.*

Ногу отбивают, как чугунные. В унисон поют национал-социалистическую песню с припевом: "Blut muss fliessen! Blut muss fliessen!" ("Кровь потечет! Кровь потечет!").

Мы все-таки протиснулись, прошли на Унтер-ден-Линден поближе к костру. Оранжево вздрагивая в окнах старинных домов, все кровавей разгоралось пламя громадного костра перед университетом. Бой барабанов, взвизги флейт, гром военных маршей. В темноте мечутся снопы сильных прожекторов. И вдруг, подняв правую руку к огнедышащему небу, толпа запела "Знамена ввысь!". А когда песня Хорста Весселя в темноте замерла, от костра в красноту ночи необычайной мощности громкоговоритель прокричал:

— Я предаю огню Эриха Марию Ремарка!

По площади прокатился гул одобрения, хотя, думаю, вряд ли "площадь" читала Im Westen nichts neues ("На Западном фронте без перемен"). Под этот многотысячный гул с грузовиков чьи-то красноватые (от огня) руки — множество рук! — стали сбрасывать в пылающий костер книги, и пламя внезапным прыжком подня-

Мемориальная плита на Бебельплац напротив Университета им. Гумбольдта на месте сожжения книг. Фото автора

лось в ночную тьму, и, как живые, закружились горящие страницы книг.

Общее ликование. И — с точки зрения зрелищной — это, пожалуй, захватывающе, как океанская буря, землетрясение, потоп, как извержение лавы темных человеческих страстей. Это было вроде разгула озверелой нашей солдатчины в Октябре. Только там — взрыв анархонигилистического разрушения мира. А тут — иная варварская сила — всемирного порабощения. Это совсем не вчерашняя свободная Германия, это взломали культуру страны вырвавшиеся из общественной преисподней варвары.

— Я предаю огню — Людвига Ренна!

Гул одобрения, но меньший, чем при сожжении Ремарка.

— Я предаю огню — еврея Альфреда Керра!

Крики ликованья! За Керром — Генрих Манн, Франц Верфель, Леонард Франк, громкоговоритель не успевал оповещать о сожженных. Из русских подверглись сожжению — Зощенко, Кузмин, Сологуб.

В небе, освещенном заревом костра, над площадью, как стая птиц, летали огненные страницы. Люди подхватывали обгорелые куски. Какая-то немка прятала в сумочку, вероятно, на память. Поймал и я полусожженный лист, но малоинтересный, из книги Берты Зуттнер "Долой оружие!" Старушка, вероятно, и не мечтала о столь пышной рекламе, устроенной ей доктором Геббельсом».

Короткая информация об этом позорном триумфе появилась без комментариев в «Русской неделе», которую начал издавать в 1933 г. Юрий Викторович Офросимов, когда-то дебютировавший со своими стихами в эмигрантской «Жизни». Текст сообщения приведен в справочнике «Русские в Германии»: «10 мая на Оперной площади состоялось сожжение 22 000 изъятых из библиотек книг, противных духу новой Германии». «Русская неделя» не продержалась и полугода.

Оперная площадь сегодня переименована в площадь Бебеля (Bebelplatz). Посредине нее в брусчатку вмонтирована мемориальная плита «Похороненная библиотека» (Versunkene Bibliothek) из небьющегося стекла. Сквозь стекло видны пустые книжные полки в подземном бункере глубиной несколько метров.

III. ПЕРВАЯ РУССКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА

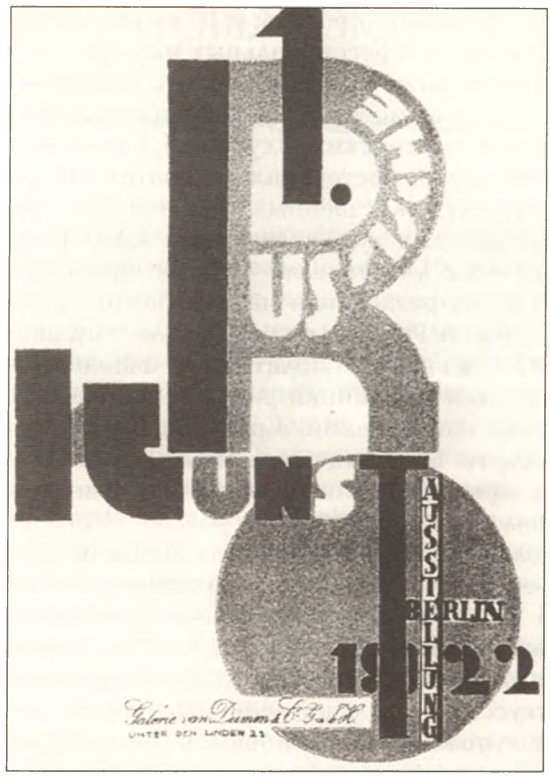
Для Советской России изначально были важны любые акции, направленные на укрепление ее позиций на международной арене. Крупнейшим событием культурной жизни Берлина стала прошедшая в середине октября 1922 г. в галерее Ван Димена на Унтер-ден-Линден, 21 Первая русская художественная выставка (Die erste russische Kunstausstellung). Географически галерея находилась недалеко от нынешнего Музея Гуггенхайма.

Выставка стала важным этапом в развитии отношений между Россией и Германией. Для России она символизировала прорыв кольца враждебного окружения молодой страны, для Германии — выход из изоляции, в которой она оказалась как страна, проигравшая в войне. Кроме того, средства от продажи произведений с выставки должны были пойти в пользу голодающих.

Большую помощь в подготовке выставки оказали созданная в Германии организация «Международная помощь рабочим» (Internationale Arbeiterhilfe), сокращенно «Межрабпом», и Отдел изобразительного искусства при Народном комиссариате просвещения (Наркомпросс) в Москве.

Обложку выставочного каталога исполнил Эль Лисицкий. В предисловии к каталогу выставки уполномоченный Наркомпроса художник Д.П. Штеренберг писал: *«Этим приездом мы преследуем цель показать Западной Европе все то, что может дать представление о творческих достижениях русского искусства военных и революционных лет».*

В выставке приняли участие около 180 авторов, из них 157 художников, среди которых — Натан Альтман, Юрий Анненков, Абрам Архипов, Александр Бенуа, Давид Бурлюк, Александр Веснин, Наум Габо, Станислав Жуков-



Обложка каталога Первой русской художественной выставки, выполненная Э. Лисицким. Галерея Ван Димена

ский, Наталья Гончарова, Василий Кандинский, Сергей Коненков, Борис Королев, Николай Крымов, Владимир Лебедев, Казимир Малевич, Павел Мансуров, Михаил Маторин, Владимир Маяковский, Константин Молчанов, Иван Клюн, Павел Кузнецов, Густав Клуцис, Любовь Попова, Иван Пуни, Лазарь (Эль) Лисицкий, Александр Родченко, Ольга Розанова, Сергей Светлов, Варвара Степанова, Владимир Татлин, Надежда Удальцова, Павел Филонов, Иосиф Чайков, Марк Шагал, Сергей Шаршун, Александра Экстер и др.

На страницах каталога были представлены 536 работ, среди них 237 картин, а также рисунки, резьба по дереву, оттиски на меди, плакаты, архитектурные и

театральные макеты, эскизы и 33 скульптуры. Кроме произведений профессиональных мастеров, посетители выставки могли познакомиться с образцами творчества студентов московских Высших художественно-технических мастерских (Вхутемас), Государственных учебно-трудовых мастерских декоративных искусств, Витебских художественных мастерских, работами учеников детских художественных школ и кружков. В экспозиции участвовали работы признанных художников без разделения на эмигрантов и художников Советской России, что отражало тогдашнюю направленность внешней политики большевистской России. Это были художники разных национальностей и творческих направлений, с различными политическими взглядами. Большинство произведений было создано в послереволюционные годы. Из Берлина выставка переехала в Амстердам.

В публикациях об этой выставке обычно подчеркивается ее важное культурно-политическое значение. Однако побывавший на выставке Маяковский, сам представивший на ней 10 работ, считал, что *«выставка не дала лучшего, что есть в области изобразительного искусства в России, так как главные вещи российских художников приобретены музеями; вывезено было только то, что могли дать художники сверх своих основных вещей... «Тем не менее,* — писал Владимир Владимирович в журнале "Красная нива", — *выставка пользуется за границей огромным успехом как факт первого прихода искусства Советской России в Европу... Конечно, по такой выставке нельзя судить о том, что делается в России. Главная наша сила не в картинах, даже очень хороших, может быть, а в той новой организации искусства, главным образом школы, промышленности, профдвижения, которая дает нашему искусству новое, не известное Европе движение. Необходимо всяческим образом показывать эту сторону работы РСФСР. Пытающаяся отстраниться от нас политически Европа не в силах сдерживать интереса к России, старается дать выход этому интересу, открывая отдушины искусства».*

IV. ЧТОБЫ ПОМНИЛИ

Значительно сократившись перед войной, к ее концу число русских в Берлине значительно возросло. К тому времени в столицу было ввезено около 100 тысяч «остарбайтеров» — советских граждан, угнанных на работу в Германию, и несколько тысяч военнопленных. Они содержались примерно в 300 лагерях на территории города, где получали полтора литра брюквенной баланды и 300 граммов хлеба в день. Для их лечения запрещалось применять медикаменты. В лагерях действовали группы подпольного Сопротивления, которые по мере возможности саботировали выполнение трудовых заданий, печатали листовки, некоторые имели связи с немецким и русским Сопротивлением. В этой борьбе активно участвовал 18-летний Фома Тимофеев-Ресовский, студент Берлинского университета, который возглавлял эмигрантскую подпольную группу, входившую в «Национальную организацию русской молодежи».

Наибольшая концентрация русских на единицу площади была в Берлине в первой половине мае 1945 г., во время штурма города советскими войсками и какое-то время после него. В операции приняли участие около 2,5 млн бойцов Красной Армии, в то время как население столицы на тот момент было как минимум на полмиллиона человек меньше, а Берлинский гарнизон составляли не более 250 тысяч солдат. В эти дни в побежденном Берлине «государственным» языком был русский. В истории «Русского Берлина» открылась новая глава.

ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН БЕРЛИНА

Еще за две недели до подписания капитуляции, 24 апреля, военным комендантом Берлина (ставка: Берлин-Лихтенберг) и командующим советским гарнизоном (дислокация Берлин-Карлсхорст) маршал Жуков назна-

Комендант Берлина генерал-полковник Н.Э. Берзарин (в центре). Фото: Олег Кнорринг

чил Героя Советского Союза генерал-полковника Николая Эрастовича Берзарина, командующего 5-й ударной армией, которая первой из советских соединений вошла в Берлин в районе Марцан и 29 апреля взяла рейхсканцелярию, штурмовала здания гестапо и имперского министерства авиации.

Берзарин очень много сделал для восстановления мирной жизни в немецкой столице. Федеральный министр ФРГ Эрнст Леммер в 1968 г. в своей книге *«Кое-что все-таки было иначе. Воспоминания немецкого демократа»* рассказывал о деятельности первого коменданта: *«Берзарин настолько серьезно относился к своему поручению и воспринимал его так естественно, как будто он должен был его проводить в своей стране».*

Постановление Военного совета 1-го Белорусского фронта о снабжении продовольствием населения Берлина № 063 11 мая 1945 г. *(выдержка)*

Во исполнение постановления ГОКО № 8450с от 8 мая 1945 г. Военный совет 1-го Белорусского фронта постановляет: 1. Исходя из установленных ГОКО норм снабжения продовольствием г. Берлина в среднем на одного человека в день: хлеба 400—450 г,

крупы 50 г, мяса 60 г, жиров 15 г, сахара 20 г, кофе натурального 50 г, чая 20 г, картофеля и овощей, молочных продуктов, соли и других продовольственных товаров по нормам, установленным на месте, в зависимости от наличия ресурсов.

Генерал проработал на должности коменданта всего 54 дня, но успел сделать очень много. Уже 13 мая суточный рацион выдачи населению хлеба был практически такой же, как в СССР: 400—500 г. В городе частично возобновились электроснабжение и движение на некоторых автобусных линиях и в метро, состоялись первые послевоенные концерты и спектакли Берлинского камерного оркестра, Берлинской филармонии, Оперного театра, Немецкого театра, прошел первый футбольный матч, заработало берлинское радио, на улицы снова вышла полиция, возобновились занятия в берлинских школах, состоялась первая еврейская религиозная служба, появились люди в праздничной одежде... В начале июня в городе продавалось пиво нескольких сортов, включая самое крепкое, девятиградусное, 15 июня Берзарин дал международную пресс-конференцию, где рассказал об успехах в восстановлении Берлина, говорил о планах на будущее. Но на следующий день он трагически погиб в автокатастрофе:

«Москва, Кремль. Товарищу Сталину

Сегодня, 16 июня, в 8 ч. 15 м. в Берлине от катастрофы на мотоцикле погиб Герой Советского Союза командующий 5-й ударной армией и комендант города Берлина Берзарин Николай Эрастович.

Смерть произошла при следующих обстоятельствах.

В 8.00 тов. Берзарин на мотоцикле с коляской выехал в расположение штаба армии. Проезжая по улицам Шлоссштрассе со скоростью 60—70 км, у перекрестка с улицей Вилхелмштрассе (нынешний угол улиц Ам Тирпарк (Am Tierpark) и Алфред-Ковалкештрассе (Alfred-Kowalkerstrasse), к северу от Карлсхорста. — *Авт.*), *где регулировщиком пропускалась колонна грузовых автомашин, Берзарин, не сбавляя скорости и, видимо, потеряв управление, врезался в левый борт грузовой автомашины "Форд-6"*

В результате катастрофы Берзарин получил пролом черепа, переломы правой руки и правой ноги, разрушение грудной клетки с мгновенным смертельным исходом. С ним вместе погиб находившийся в коляске его ординарец красноармеец Поляков.

Учитывая особые заслуги перед Родиной, а также нежелательность оставления могилы в последующем на территории Германии, прошу Вашего разрешения на похороны тов. Берзарина в Москве, с доставкою самолетом. Семья тов. Берзарина, состоящая из жены и двух детей, проживает в Москве.

Командующий войсками 1-го Бел. фронта маршал Советского Союза Жуков.

Член Военного совета 1-го БФ генерал-лейтенант Телегин.

16.6.1945 г.».

В последний путь генерала провожали свыше 10 тысяч горожан. В 1946 г. одна из площадей Берлина (Baltenplatz) и подходящая к ней улица Петербургерштрассе (Peterburgerstrasse) были названы в честь советского генерала, а в 1975 г. магистрат Восточного Берлина присвоил генералу звание почетного гражданина города.

На посту военного коменданта и командующего 5-й ударной армией Берзарина заменил Герой Советского Союза генерал-полковник А.В. Горбатов, один из лучших офицеров Красной Армии. Человек исключительно честный, прямой, мужественный, очень грамотный в военном деле. В 1938 г. он был арестован. Несмотря на жестокие пытки, виновным себе не признал и никого не оговорил. Был осужден на 15 лет лишения свободы, но после пересмотра дела в марте 1941 г. восстановлен в армии. В 1992 г. о Горбатове был снят художественный фильм «Генерал».

После объединения Германии первого коменданта в 1992 г. почетного гражданства лишили. Нашлись «историки», обвинившие генерала в том, что он в 1941 г. участвовал в депортации 47 тысяч латышей. Только в 1999 г. при активном участии историка Петера Яна, директора Немецко-русского музея в берлинском районе Карлсхорст, было доказано, что Берзарин был переведен в

Прибалтику в мае 1941 г., когда депортации уже закончились. Были также отвергнуты обвинения в том, что Берзарин был *«наместником кровавого диктатора Сталина»*. В экспертном заключении, составленном в 2000 г., подчеркивалось, что Николай Берзарин *«проявлял удивительную терпимость и милосердие, занимался благотворительностью, лично способствовал возрождению духовной и культурной жизни города. Благодаря этому человеку пищу и воду в разрушенном Берлине получили тысячи голодных немцев»*. «Николай Берзарин, — говорил председатель берлинского парламента социал-демократ Вальтер Момпер (СДПГ), — *был яростным и беспощадным борцом против фашизма... не просто советским генералом, но и искренним человеком, оказавшим реальную помощь берлинцам в трудное послевоенное время»*.

В целом на то, чтобы вернуть генералу почетное звание, понадобилось 12 лет. За это выступали все партии, представленные в городском парламенте, кроме одной. Окончательное решение было принято в феврале 2003 г., после чего в палате депутатов Берлина появились портреты почетных граждан Марлен Дитрих и Николая Берзарина. Всего в список входят около 40 человек. Из российских граждан, кроме Берзарина, в него включены император Николай I, летчик-космонавт Валерий Быковский и Михаил Горбачев.

Площадь Берзарина (Bersarinplatz) осталась на карте города, но улице Берзарина (Bersarinstrasse), которая шла к ней от станции метро «Франфуртер Тор» (Frankfurter Tor), что в конце аллеи Карла Маркса (Karl Marx Allee), вернули старое название Peterburgerstrasse. С апреля 2005 г. имя советского генерала носит мост Nikolai-Bersarin-Brücke в административном округе Марцан-Хеллерсдорф. На здании, где в 1945 г. располагалась комендатура, был установлен бронзовый барельеф генерала.

В КАМНЕ И МЕТАЛЛЕ

В память о 20 тысячах советских солдат, погибших при штурме Берлина, в городе построены три памятника-мемориала. Центральным мемориалом считается памят-

ник Воину-освободителю в берлинском Трептов-парке (Treptower-park), который одновременно символизирует победу над фашистской Германией. Второй мемориальный комплекс расположен в Тиргартене (Tiergarten), за Брандебургскими воротами. Еще один памятник павшим советским воинам находится в Шёнхольцер-Хайде (Schönholzer Heide) в районе Панков (Pankow). Все памятники в хорошем состоянии, относительно недавно они были капитально отреставрированы. Уход за ними определяется двусторонними соглашениями об уходе за воинскими захоронениями между Германией и РФ.

Мемориал в Тиргартене

Первый памятный военный мемориал в честь советских воинов, павших в битве за Берлин, был сооружен по решению Военного совета 1-го Белорусского фронта по проекту скульпторов Л.Е. Кербеля и В.Е. Цигаля и архитектора Н.В. Сергиевского в парке Тиргартен на тогдашнем *Шарлоттенбургском шоссе*, а ныне на улице 17 Июня (Strasse des 17 Junu). Он открылся уже 11 ноября 1945 г. Мемориальный комплекс устроен примерно в 400 метрах от Бранденбургских ворот. В день открытия перед мемориалом в парадных колоннах прошли подразделения всех четырех держав-союзниц.

Классическая колоннада полуохватывает установленную на высоком постаменте скульптурную восьмиметровую фигуру советского воина. Слева и справа от него — легендарные танки «Т-34» (на одном из них видна пробоина) и гаубицы времен Второй мировой войны. На колоннах высечены списки погибших солдат и сведения о различных родах советских войск. За колоннадой — военное кладбище, где под гранитными плитами находятся могилы 2500 советских солдат. При возведении мемориала использован мрамор рейхсканцелярии Гитлера.

Во время «холодной войны» эта часть территории Западного Берлина входила в британскую оккупационную зону, а территория, на которой располагается комплекс, была советским анклавом. До 22 декабря 1990 г. мемориал охраняли воины Советской армии. Днем у памятника выставлялся почетный караул с карабинами, ночью сол-

Военный мемориал в Тиргартене. Фото автора

даты несли службу способом патрулирования, вооруженные автоматами. Оружие было боевое. В ночь на 7 ноября 1970 г. советских солдат обстрелял неофашист по фамилии Вайль. Был дважды ранен рядовой Иван Щербак. Стрелявшего немедленно задержала немецкая полиция. Это был не единственный случай провокаций против советских воинов.

За памятником находилось караульное помещение. Пищу готовили сами. В состав суточного наряда входил повар, он же по боевому расчету пулеметчик, который в случае нападения на пост должен был занять огневую позицию на верхней площадке памятника.

Снятие охраны памятника было оформлено протоколом, в котором «*главнокомандующий ЗГВ уведомил сенат Берлина о том, что 22 декабря 1990 г. почетный караул у памятника в Тиргартене окончательно снимается. Представитель сената указал на статью 18 Договора о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве между СССР и ФРГ от 9 ноября 1990 г., в которой правительство ФРГ заявило, что сооруженные на немецкой земле памятники советским жертвам войны и тирании будут находиться под защитой немецких законов*». На посту у памятника в тот день наших солдат сменили немецкие полицейские.

Бронзовый солдат в Трептов-парке

За день по мосту Потсдамер брюкке (Potsdamer brücke) через канал Ландвер (Landwehrkanal), откуда рукой подать до небоскребов площади Потсдамерплац (Potsdamerplatz), проходят сотни человек. В делах, заботах, своих мыслях мало кто из них обратит внимание на медную памятную доску, укрепленную на решетке моста. Между тем надпись на ней указывает на непосредственную связь этого сооружения для преодоления водной преграды с величественным мемориальным комплексом в Трептов-парке, где стоит знаменитый памятник — бронзовая фигура советского солдата с мечом, попирающим фашистскую свастику, и девочкой на руке — памятник Воину-освободителю.

В конце апреля 1945 г. советские войска неуклонно продвигались к центру Берлина, сжимая кольцо окружения. На направлении к Рейхстагу южнее Потсдамерплац к каналу Ландвер вышел 220-й гвардейский стрелковый полк 79-й гвардейской стрелковой дивизии. Чтобы избежать ненужных потерь, перед взятием водного рубежа было решено сделать перегруппировку сил. На время стрельба с обеих сторон прекратилась. Русские готови-

Памятник Воину-освободителю в Трептов-парке. Фото: Андреас Штайнхофф

лись к атаке, немцы экономили патроны. Как вдруг в наступившей тревожной тишине послышался детский плач. «Мутти, мутти», — звал ребенок. По звуку, он был где-то около моста. Дрогнуло солдатское сердце. Спасти ребенка вызвался двадцатилетний сержант Николай Иванович Масалов (1922—2001), знаменщик из комендантского взвода. Командир дал добро. «Если что, прикройте огнем», — крикнул воин однополчанам и двинулся к мосту. Прошло пять, десять минут... Вот-вот должна была начаться артподготовка. «Иду назад. Прикройте огнем», — наконец раздался голос Масалова со стороны моста. И тут началась стрельба. «*Под мостом,* — рассказывал потом русский солдат, — *я увидел трехлетнюю девочку, сидевшую возле убитой матери. У малышки были светлые, чуть курчавые волосы. Она плача теребила мать за поясок. Раздумывать тут некогда. Я девочку в охапку — и обратно. А она как заголосит! Я ее на ходу уговариваю: помолчи, мол, а то откроешь меня. Тут и впрямь фашисты начали палить. Спасибо нашим — выручили, открыли огонь со всех стволов».*

Потом об этом боевом эпизоде узнал скульптор Евгений Вучетич, которому выпала честь возглавить творческую группу по создания ансамбля-памятника воинам Советской армии в Трептов-парке, где захоронены около 5000 солдат, офицеров и генералов, отдавших жизнь в последние дни войны в боях за Берлин. Мемориал был торжественно открыт 8 мая 1949 г. Место для размещения мемориала было выбрано в том числе и потому, что в 1920-х гг. здесь часто проходили митинги немецких коммунистов: выступали Эрнст Тельман, Карл Либкнехт, Клара Цеткин.

Входящие на территорию комплекса, миновав ворота, видят фигуру скорбящей Матери-Родины, высеченную из 50-тонного гранитного монолита. От нее широкая аллея ведет к холму-кургану, на котором стоит ключевая фигура композиции — скульптура *«Воин-освободитель»* высотой 11, 6 метра работы Вучетича. В основании монумента мемориальный зал, где изображены представители 15 республик, входивших тогда в Советский Союз. На потолке хрустальный орден Победы.

По обеим сторонам аллеи, ведущей к холму, склонились знамена из красного гранита с высеченными на них изречениями Сталина. Перед знаменами бронзовые скульптуры коленопреклонных красноармейцев, скорбящих о погибших товарищах.

Первым в печати о подвиге Масалова в середине 1960-х гг. рассказал маршал Чуйков. К Масалову пришла слава. Власти ГДР присвоили Николаю Ивановичу звание почетного гражданина Берлина. Ему не раз предлагали переехать жить в ГДР на полное государственное обеспечение, но он остался в родном Кузбассе, где и отошел в мир иной на 80-м году жизни. После объединения Германии сержант Масалов вместе с генералом Берзариным был исключен из списка почетных граждан немецкой столицы. Восстановить его в этом списке вместе с генералом Берзариным не удалось. Дело в том, что после войны долгое время прототипом бронзового солдата считали старшего сержанта Советской армии Трифона Лукьяновича, о котором был написан рассказ Борисом Полевым. Напротив станции городской электрички «Treptower-park», от которой к мемориалу идет аллея Пушкина (Puschkin Allee), был даже установлен памятный камень как знак того, что девочка была спасена на этом месте. Однако впоследствии выяснилось, что писатель вывел в рассказе обобщенный образ советского солдата-защитника. На самом деле сержанта Лукьяновича, совершившего такой подвиг, не существовало. Хотя, по словам директора русско-немецкого музея «Берлин-Карлсхорст», документально зафиксированы пять случаев спасения немецких детей советскими солдатами во время битвы за Берлин. И тем не менее, вызванного рассказом Полевого недоразумения оказалось достаточно, чтобы русский солдат Масалов не был восстановлен в списке почетных граждан столицы. Так же как и Михаил Егоров и Мелитон Кантария, водрузившие Знамя Победы над Рейхстагом. Здесь сыграли роль публикации в российской прессе в 1990-х гг., в которых эти воины неоднократно представлялись как официально назначенные на роль героев марионетки. Из списка почетных граждан был также исключен дважды Герой Советского Союза маршал Васи-

лий Иванович Чуйков. На его командном пункте командующий Берлинским гарнизоном генерал Вейдлинг подписал приказ о прекращении сопротивления.

Кладбище в Шёнхольцер-Хайде

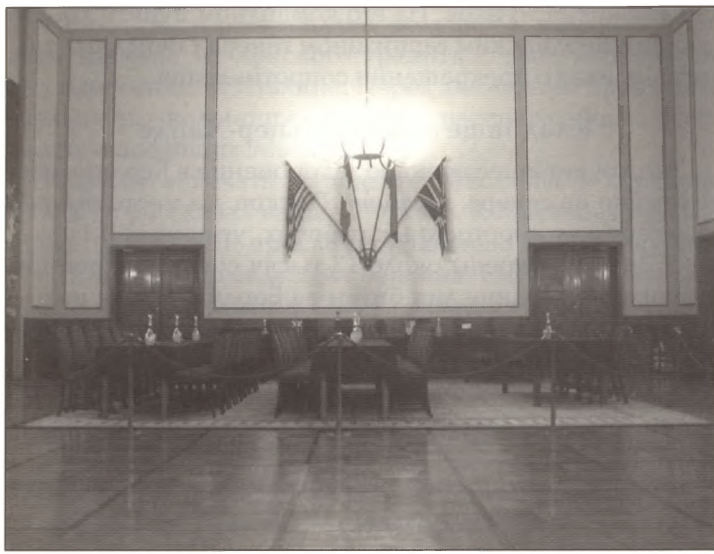
Это крупнейшее военное захоронение в Берлине расположено на севере, в районе Панков, на месте бывшего лагеря для иностранных рабочих, угнанных в Германию. Здесь упокоены около 13 тысяч советских воинов, павших в последние дни битвы за Берлин. Среди них — 120 женщин. В стену, окружающую мемориал, вмонтированы 100 бронзовых плит, разделенных символическими рельефными факелами. На плитах высечены фамилии, звания и даты рождения и смерти 2647 погибших советских воинов, более 10 тысяч опознать не удалось.

Мемориал, открытый в ноябре 1949 г., был построен по проекту скульптора И.Г. Першудчева и группы советских архитекторов К.А. Соловьева, М. Беларнцева и В.Д. Королева. По площади комплекс занимает примерно такую же территорию, как памятный ансамбль в Трептов-парке. От Германенштрассе к мемориалу ведет липовая аллея. В центре высится обелиск из серого финского гранита высотой около 30 метров. В цоколе из черного гранита мемориальный зал. На немецком и русском языках высечена надпись: «*Обнажите головы. Здесь покоятся советские солдаты, герои Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Они отдали свою жизнь за ваше будущее*».

Перед обелиском памятник «Родина-мать» — скульптура женщины, оплакивающей воина, покрытого боевым знаменем. Позади — монумент, установленный в память о советских узниках концентрационных лагерей.

Музей «Берлин-Карлсхорст»

В ночь с 8 на 9 мая 1945 г. в районе Карлсхорст, тогда ближайшем пригороде Берлина, сегодня — одном из его восточных районов, представители германского командования во главе с фельдмаршалом Кейтелем подписали Акт о безоговорочной капитуляции Германии. С советской стороны капитуляцию принял маршал Г. Жуков.



Зал капитуляции в германо-российском музее «Берлин-Карлсхорст». Фото автора

Процедура, прошедшая в здании офицерского клуба бывшей инженерной академии, началась в 24.00 по московскому времени и завершилась ровно через 43 минуты 9 мая. По среднеевропейскому времени, с разницей на два часа, это было еще 8 мая. Именно разницей во времени, а не какими-то политическими инсинуациями объясняется то, что в России (а раньше в СССР) День Победы празднуют 9 мая, а в Европе День освобождения отмечают 8 мая. Притом что Акт о капитуляции датирован 8 мая 1945 г. Впервые 9 мая Днем Победы названо в Приказе Верховного главнокомандующего по войскам Красной Армии и Военно-Морскому Флоту. Этим приказом И.В. Сталин объявлял о подписании Акта о капитуляции и приказал произвести салют в Москве «9 мая в День Победы... 30 артиллерийскими залпами из тысячи орудий». Правительственный указ был зачитан по радио 9 мая 1945 г. в 6 часов утра по московскому времени.

Впоследствии в здании клуба размещались административные учреждения советских оккупационных войск в Германии. С июня 1945 г. по октябрь 1949 г. здесь находил-

ся штаб Главнокомандующего советской военной администрации в Германии (СВАГ). После образования ГДР СВАГ была преобразована в Советскую Контрольную Комиссию, просуществовавшую до 1954 г. Позднее здесь расположилась советская военная комендатура. С ноября 1967 г. по май 1994 г. в здание размещался «Музей безоговорочной капитуляции фашистской Германии в войне 1941—1945 гг.». В мае 1995 г. он был преобразован в германо-российский музей «Берлин-Карлсхорст». Здесь представлена богатая коллекция экспонатов, связанных с периодом от Октябрьской революции до окончания «холодной войны»: уникальные фотографии, пропагандистские плакаты обеих сторон, листовки, газеты, фонограммы выступлений гитлеровских вождей, обмундирование, знаки различия, стрелковое оружие — такими, как они были в 1945 г. Сохранены Зал капитуляции и кабинет Жукова, где под стеклом выставлен мундир маршала.

До музея от станции электрички Karlshorst пешком идти минут пятнадцать. Сначала метров 200 по Трескоаллее (Treskowallee, влево по ходу поезда из центра), затем направо на Рейнштайнштрассе (Rheinsteinstrasse) и по ней до конца. Улица упирается в здание музея.

V. «ХОЛОДНАЯ ВОЙНА»

В Европе Берлин был самой горячей точкой «холодной войны». Здесь стояли войска стран-победительниц: США, Англии, Франции — в Западной зоне и СССР — в Восточном секторе. Западный Берлин во время «холодной войны» фактически являлся особым анклавом ФРГ на территории ГДР. В качестве валюты в городе с 1948 г. использовалась марка ФРГ. Но официально он никогда не был частью Федеративной Республики Германия. Здесь не действовала конституция ФРГ, город не считался федеральной землей, западноберлинцы не участвовали в выборах в германский бундестаг и были освобождены от службы в армии (последнее привлекало в город многих неформалов из ФРГ, не желавших служить в бундесвере). Законодательную власть осуществляла выборная палата депутатов (парламент), исполнительную — берлинский сенат (правительство), который возглавлял правящий бургомистр.

В целом статус Западного Берлина в период его существования определялся совокупностью договоров СССР, Великобритании, США и Франции. Но вплоть до 1971 г., когда было заключено Четырехстороннее соглашение по Западному Берлину, позиция Запада заключалась в том, Западный Берлин так или иначе является частью ФРГ со всеми вытекающими отсюда последствиями.

БЛОКАДА

Первым крупным противостоянием между бывшими союзниками стала блокада Западного Берлина. Советское правительство организовало ее в ответ на введение в 1948 г. в Тризонии (американской, английской и французской зонах оккупации) и Западном Берлине в обращение западногерманской марки. Такой шаг экономически отрывал Тризонию от советского сектора. Это было

нарушением Потсдамского соглашения, согласно которому четыре оккупационные державы имели коллективный суверенитет над Германией. В Восточную Германию хлынул поток обесцененных бывших рейхсмарок. К тому времени США, Великобритания, Франция и страны Бенилюкса договорились на Лондонской конференции о государственном управлении оккупационными зонами Западной Германии как единым политическим и экономическим целым. В марте 1948 г. на очередном заседании Контрольного совета маршал Соколовский потребовал информацию о лондонских переговорах. «Когда его западные коллеги дали уклончивый ответ, Соколовский покинул заседание Контрольного совета с тем, чтобы уже больше туда не возвращаться»[1].

В ночь на 24 июня 1948 г. СССР перекрыл возможность наземного сообщения между Западным Берлином и Западной Германией, прекратил снабжение западной части города электроэнергией и продовольствием из советской зоны (что в свою очередь также было нарушением Потсдамского соглашения). СССР намеревался воспользоваться ситуацией, чтобы распространить свое влияние на всю территорию Западного Берлина, тем более что появился благовидный предлог — введение западной марки в этой части города.

В ответ Запад организовал «воздушный мост», по которому с июня 1948 г. по май 1949 г. осуществлялось снабжение Западного Берлина. В дополнение к аэропортам Темпельхоф (в американском секторе) и Гатов (в британском секторе) всего за 90 дней во французском секторе был построен аэродром Тегель со всей необходимой инфраструктурой. Самолеты в Берлине садились в среднем каждые три минуты. В апреле 1949 г. был поставлен рекорд: за 24 часа было совершено 1398 рейсов и перевезено 12 849 тонн грузов. Всего было выполнено почти 280 тысяч рейсов. В таком напряженном режиме в результате катастроф при посадках погибли более 70 пилотов. За время блокады в Берлин по воздуху было пере-

[1] Германия. Факты. Франкфурт/Майн: Социетэтс-ферлаг, 2000.

везено 2,3 млн тонн грузов, в том числе 1,4 млн тонн угля, 0,5 млн тонн продовольствия и 0,16 млн тонн строительных материалов. Плюс к этому «изюмные бомбардировки» — сладости, которые летчики сбрасывали прямо с самолетов берлинским детям, заходя на посадку. Образ врага сменился образом партнера. Вместе с тем, несмотря на предпринятые беспримерные усилия, уровень снабжения населения Западного Берлина продовольствием был ниже, чем во время войны.

Запад доказал, что может снабжать город по воздуху. Восток же оказался в неприглядном виде, попытавшись задушить «костлявой рукой голода» свободу и демократию. Между тем в 2008 г. в латвийской газете Neatkarigas Rita Avize (26.06.2008) можно было прочитать, что в обмен на регистрацию в советской оккупационной зоне около 20 тысяч западноберлинцев получили богатые продовольственные наборы от советских властей.

Убедившись в неэффективности блокады, советское командовании ее сняло. Одним из главных итогов конфликта стало то, что Западный Берлин реально превратился в форпост западной политики и образа жизни, впоследствии превратившийся в витрину капитализма.

Почти одновременно с окончанием блокады земли, находившиеся в Западной Германии, объединились в Федеративную Республику Германия (ФРГ). Вслед за этим в октябре 1949 г. в советской зоне была создана Германская Демократическая Республика (ГДР).

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В БЕРЛИНЕ

От Бранденбургских ворот через парк Тиргартен тянется широкая улица имени 17 Июня (Strasse des 17 Juni). На эту дату пришлась кульминация массовых выступлений в ГДР в 1953 г. против резкого ухудшения условий жизни. До этого в стране был принят план ускоренного развития тяжелой промышленности. Власти ГДР, опираясь на опыт советского «старшего брата», намеревались сделать рывок, подобный тому, что совершил СССР в

1930-х гг., чтобы стать индустриальной державой. Все ресурсы страны, только начинавшей выходить из послевоенной разрухи, были направлены на решение этой задачи, в городах нормы выработки повысились на 10 % при неизменной, а то и пониженной зарплате, в деревнях по примеру «старшего брата» крестьян стали загонять в сельскохозяйственные кооперативы. На основе закона «Об охране народной собственности» в первом полугодии 1953 г. было осуждено до 60 тысяч человек. В ответ 226 тысяч немцев за тот же период ушли на Запад.

Попытка «переломить ситуацию через колено» пагубно сказалась на работе отраслей, выпускавших потребительские товары, и в сельском хозяйстве. Многие вещи повседневного спроса можно было получить только по карточкам. Начались перебои в снабжении населения продуктами питания, предметами первой необходимости, топливом, энергией, были повышены цены на продукты, содержащие сахар, в том числе и на мармелад, без которого немцы не мыслили свой традиционный завтрак. С Запада доносились сигналы о поддержке в случае выступления.

Советские руководители были серьезно обеспокоены создавшейся ситуацией и понимали ее даже лучше, чем власти ГДР. Со стороны оказалось виднее. Да и опыта было больше.

Советский танк на берлинской улице во время кризиса 17 июня

Г.М. Маленков, который тогда возглавлял Совет министров СССР, так вспоминал о событиях лета 1953 г.: «*В правительстве обсуждался германский вопрос. Речь шла о серьезном неблагополучии положения в ГДР. Мы все пришли к заключению, что в результате неправильной политики в ГДР наделано много ошибок, среди немецкого населения имеет место огромное недовольство, что особенно ярко выразилось в том, что население из Восточной Германии стало бежать в Западную. За примерно два последних года убежали около пятисот тысяч человек. Мы обязаны были трезво смотреть в глаза истине и признать, что без наличия советских войск существующий режим в ГДР непрочен*»[1].

В целях разрядки ситуации было выпущено Распоряжение Совета министров СССР «О мерах по оздоровлению политической обстановки в ГДР» (2.06.1953). В нем недвусмысленно отмечалось:

«*В настоящее время и на ближайший период в центре внимания широких масс германского народа... необходимо поставить задачи политической борьбы за восстановление национального единства Германии... Считать неправильным проводившуюся в последнее время пропаганду необходимости перехода ГДР к социализму, которая толкает партийные организации СЕПГ к недопустимо упрощенным и торопливым шагам как в политической, так и в экономической областях. В связи с этим руководству ГДР придерживаться курса на создание единой, целой и независимой Германии*»[2].

Но было уже поздно. Повышение норм выработки стало последней каплей, переполнившей чашу терпения. Первыми 16 июня выступили берлинские строители, работавшие на аллее Сталина (Stalinallee, ныне Karl-Marx-Allee). Объявленная забастовка переросла в массовые уличные демонстрации под лозунгами «Долой правительство! Долой народную полицию!», «Хотим быть свободными!», «Иван, домой!» и т. п.

Начались нападения на полицейские участки, здания партийных и государственных органов, киоски с комму-

[1] Немецкая волна. 13.06.2003.

[2] Там же.

нистическими газетами, уничтожались государственные символы, в том числе и советские флаги. Активисты отслеживали и избивали сотрудников Штази в штатском, которых опознавали по светло-коричневым ботинкам, которые, как считалось, были частью их гражданской одежды. Понятно, что кое-кто пострадал ни за что. Из Западного Берлина на помощь к митингующим подходили хорошо организованные группы людей. Именно с их стороны чаще всего звучали антисоветские лозунги, которые не находили активной поддержки у восточноберлинцев.

«*По данным советской разведки, накануне июньских выступлений численность американских и английских военнослужащих в ФРГ увеличилась на 12 тысяч человек. А с началом массовых выступлений осуществлялось демонстративное выдвижение к границам с ГДР танков, бронетранспортеров и другой тяжелой боевой техники. Американская радиостанция "РИАС" и армейские радиоустановки также переместились к границе и развернули широкую пропагандистскую кампанию против "социалистических порядков" в ГДР. Нередко они участвовали в координации действий повстанцев... американские ВВС начали распространять в Берлине, других восточногерманских городах и в местах размещения частей и подразделений ГСОВГ* (Группа Советских оккупационных войск в Германии. — *Авт.*) *всевозможные листовки и буклеты антисоциалистического и антисоветского содержания... "Над рядом советских объектов ежедневно на низких высотах пролетают военно-транспортные самолеты С-47, с которых сбрасываются листовки, содержащие враждебные выпады в отношении Советских Вооруженных Сил и социалистического строительства в Восточной Германии" — информировал американскую сторону и одновременно докладывал в Москву посол СССР в ГДР В. Семенов»*[1].

Ситуацию накалило то, что, кроме министра железнорудной промышленности Фритца Зельбмана, к митингующим не вышел ни один представитель высшего вос-

[1] *Лавренов С.Я., Попов И.М.* Советский Союз в локальных войнах и конфликтах. М.: АСТ-Астрель, 2003.

точногерманского руководства, которое укрылось в советском гарнизоне в Карлсхорсте. Зельбман пытался сообщить шумящей толпе, что Совет министров ГДР отменил повышение норм выработки... Но его уже никто не слушал. Рабочие скандировали: «Долой Ульбрихта! Долой СЕПГ! Свободные выборы!»

События стали развиваться по логике бунта. Толпу охватила эйфория свободы. Сотни тысяч людей вышли на Александерплац, на Потсдамерплац, к Бранденбургским воротам. Вместо красного флага над Бранденбургскими воротами был поднят бело-красный флаг с медведем — символом Берлина.

Теперь слово должны были взять советские танки и немецкая полиция. Группой советских оккупационных войск в Германии тогда командовал генерал-полковник А. Гречко. Для общего руководства из Москвы прилетел Лаврентий Берия. События 17 июня стали в Берлине вторым крупным эпизодом «холодной войны», когда советские войска привели в действие свою военную машину. В 13.00 17 июня в Берлине советский военный комендант объявил чрезвычайное положение.

«Чрезвычайное положение в Берлине

Для установления прочного общественного порядка в советском секторе Берлина приказываю:

С 13 часов 17 июня 1953 г. в советском секторе Берлина объявляется чрезвычайное положение.

Запрещаются все демонстрации, собрания, митинги и прочие скопления людей более трех человек на улицах и площадях, а также в общественных зданиях.

Запрещается всяческое передвижение пешеходов и транспортных средств с 21 часа до 4 часов.

Нарушители этого приказа наказываются по законам военного времени.

Военный комендант советского сектора
Большого Берлина.
Генерал-майор Диброви́ч».

Режим чрезвычайного положения был введен также в 167 из 217 административных округов ГДР. На улицы

Берлина вышли советские танки из состава 12-й танковой и 1-й механизированной дивизий. С ними стрелковые части и около 15 тысяч немецких полицейских. Была дана санкция на применение оружия «в исключительных случаях». В одном из источников приводится эпизод, когда пуля, выпущенная в танкиста, срикошетила от башни танка и ранила стоявшую недалеко девушку. В ответ танк орудийным выстрелом снес мансарду, откуда первоначально был открыт огонь.

Столкновения демонстрантов с советскими войсками и полицией длились до вечера 17 июня и продолжились на следующий день, но уже с заметно меньшим ожесточением. «*В Карлсхорсте тревогу вызвал инцидент с особенно непримиримыми манифестантами, арестованными в центре Берлина. Около 20—25 человек демонстрантов были доставлены в военный городок на грузовике под конвоем советских автоматчиков. При выгрузке задержанных один из немцев вырвал у растерявшегося солдата автомат... К счастью, стоявший рядом советский офицер ударом в затылок сбил немца с ног и обезоружил его. Всех арестованных, по указанию генерал-полковника Семенова, привели к нему в кабинет. Он остался с ними наедине, не считая переводчика, и после долгой беседы объявил, что они свободны. Генерал отпустил всех задержанных, каждому пожав руку*»[1].

Окончательно порядок был восстановлен к 23 июня. За образцовое выполнение поставленных задач многие офицеры и солдаты Группы советских войск были награждены орденами и медалями СССР и ГДР, удостоены благодарности главнокомандующего ГСОВ. Г.А. Гречко было присвоено воинское звание «генерал армии». Впоследствии появилась легенда о советских солдатах, которые отказывались стрелять в участников беспорядков, даже появился памятник с трогательной надписью. На самом деле случаев неповиновения приказам в советских войсках не было. И быть не могло. Совсем недавно закончилась война, принесшая неисчислимые страда-

[1] *Лавренов С.Я., Попов И.М.* Советский Союз в локальных войнах и конфликтах. М.: АСТ-Астрель, 2003.

ния народу СССР. Жизнь в стране, израненной фашистским нашествием, была невероятно тяжела, и как бы трудно ни приходилось в то время немцам, они, по твердому убеждению советских солдат и офицеров, тогда не имели права бунтовать. По последним данным, опубликованным в 1990 г., во время беспорядков с обеих сторон погибли не менее 125 человек, в Берлине — не менее 14 человек[1], многие сотни были ранены. (Напомним, что в Москве 3—4 октября 1993 г. во время конфликта между президентскими структурами и Верховным советом РФ в ходе вооруженных столкновений между их сторонниками, согласно официальной информации, были убиты 137 человек.)

«Силой оружия восстание было подавлено — и в Берлине, и в других городах ГДР. Радио ГДР торжественно возвестило: "Подразделения народной полиции и советские оккупационные власти всего за несколько часов разгромили путч. Проникшие из Западного Берлина провокаторы арестованы. Пресечена не демонстрация рабочих, пресечена акция бандитов" Некоторые уроки... руководство ГДР извлекло: если на прилавках пусто, никакие лозунги не помогут. Повышение норм выработки было отменено, и даже цены на многие товары снижены на 10—20 %... Власти решили в дальнейшем действовать кнутом и пряником. Впрочем, больше все же кнутом: по стране прокатилась волна показательных процессов. Но главный вывод... сводился к необходимости всячески укреплять органы госбезопасности и репрессивный аппарат»[2].

Бунт был подавлен, но жители ГДР однозначно показали властям — принимая многие условия нового режима, они не потерпят «социализма в нищете». В будущем они добились самого высокого уровня жизни в странах социалистического лагеря.

В ходе событий и по их завершении в адрес Запада со стороны ГДР и СССР выдвигались обвинения в провоцировании конфликта. В качестве аргументов выдви-

[1] Интернет-ресурс «17 Juni 1953».

[2] Немецкая волна. 17.06.2009.

гались и активизация воинских подразделений в Западной зоне, и подстрекательские передачи радио «РИАС» (радиостанция в американском секторе), и прибывавшие из Западного Берлина организованные группы поддержки. Возможная на тот момент помощь бунтарям со стороны Западного Берлина действительно оказывалась, но вызревшего в кабинетах западных спецслужб плана выступления, судя по всему, не было. Трудящиеся вышли на улицы стихийно. Многие документы говорят о том, что для Запада демонстрации на улицах Восточного Берлина оказались неожиданными. В западных спецслужбах, как утверждается, их поначалу даже приняли за хитроумную, с дальним прицелом, затею Кремля с целью расширения своего влияния и думали о том, как не «поддаться на провокацию» и одновременно извлечь из этой ситуации максимально возможные дивиденды.

ТАНКИ НА ФРИДРИХШТРАССЕ

После возведения Стены 13 августа 1961 г. Запад неоднократно демонстрировал свое несогласие с появлением этого стратегического объекта. Осенью 1961 г. разразился Берлинский кризис. Его кульминацией стал инцидент 27—28 октября, получивший впоследствии название «танкового противостояния», когда американцы намеревались преодолеть границу и разрушить пограничные заграждения. Для этого они подтянули свою военную технику к пограничному пропускному пункту «Чекпойнт-Чарли» на улице Фридрихштрассе (Friedrichstrasse). Боевая группа состояла из трех джипов с военными и гражданскими лицами, десяти танков и нескольких мощных бульдозеров. Это была чисто американская акция, к которой ФРГ и западногерманские власти не имели отношения.

С восточной стороны навстречу американцам выдвинулась 7-я танковая рота капитана Войтченко 3-го батальона 68-го советского гвардейского танкового полка, расквартированного в Карлсхорсте. Советские и американские танки простояли друг против друга всю ночь. Утром танки с красным звездами отошли. После этого были от-

ведены и американские танки. Сегодня в этом месте на Фридрихштрассе устроен Музей Берлинской стены.

> Общая протяженность Берлинской стены составляла 155 километров, из них 43 километра проходили внутри города, остальные 112 километров отделяли Западный Берлин от территории ГДР с внешней стороны. Видимого участия в строительстве Стены советские войска не принимали. По последним данным, за 28 лет ее существования на границе погибли 136 человек, из них около 10 пограничников ГДР, убитых выстрелами со стороны Западного Берлина или ошибочно застреленных своими.

В связи с 20-летием падения Стены на кафедре истории Рязанского университета была выпущена брошюра «Берлинская стена: как это было?»[1]. В ней приводится ранее не публиковавшийся, по словам авторов, фрагмент воспоминаний бывшего Генерального секретаря ЦК КПСС Никиты Сергеевича Хрущева, показывающий, как видели из Кремля инцидент на Фридрихштрассе, и открывающий некоторые подробности этого противостояния. *...Мы получили сведения, что готовится [акция] насильственным путем разрушить стену, которая была создана 13 августа... то есть восстановить свободный проход и с той, и с другой стороны в Берлине.*

Мы знали [как будет организована акция]: впереди будут идти джипы с пехотой, вооруженной стрелковым оружием, за джипами пойдут мощные бульдозеры, для того чтобы разрушить то, что планировалось разрушить, за бульдозерами пойдут танки, а там я уж не знаю, какие еще современные средства должны были быть привлечены для усиления танков. Мы тогда... разработали такую свою тактику: когда будут проезжать джипы с солдатами, — пропустить, пусть проходят. Потому что мы контроль установили для гражданских лиц,

[1] *Агарев А.Ф., Гроссер Р., Сизова И.В.* Берлинская стена: как это было? Ряз. гос. ун-т; Русское слово, 2009.

а для военных мы сохранили условия, которые определялись Потсдамским соглашением: западные военные — американцы, французы, англичане — могут посещать сектор Восточного Берлина, и наши военные могут посещать сектора Западного Берлина...

Мы обговорили, что в каких-то переулках будут стоять замаскированные наши танки и, когда западная пехота пройдет границу и бульдозеры будут подходить, тогда, не допуская, чтобы они подошли к границе и стали бы разрушать, сейчас же должны вывернуться из переулков наши танки и двинуться навстречу границе, то есть навстречу бульдозерам и навстречу американским танкам.

Так это и было сделано. Конев[1] потом докладывал, что как только прошли джипы с пехотой, наши танки вышли навстречу бульдозерам и танкам американским, которые двигались из Западного Берлина к границе. Те остановили движение, пехота развернулась на джипах и вернулась в Западный Берлин. Тогда и наши танки остановили свое движение... В таком положении прошла ночь...

Надо было найти выход. И я порекомендовал, и все со мной согласились:

— Товарищ Конев, вы отдайте приказ, чтобы наши танки развернулись и отошли, но недалеко, и остановились где-то в переулках, из которых вышли, там скрылись, чтобы не были видны американцам. Я уверен, что не больше чем через 20 минут получат американцы соответствующее распоряжение, уберут свои танки, потому что сейчас им неудобно убирать танки под дулами наших орудий; они сами влезли в эту историю и не знают, как выпутаться... Вот им будет выход: мы первые уберем свои танки, и они последуют нашему примеру.

Так Конев и распорядился, потом он мне докладывает:

— Да, действительно, как только наши танки отошли, не больше как через 20 минут развернулись американские танки и скрылись.

---

[1] *Конев Иван Степанович* (16 (28) декабря 1897 — 21 мая 1973) — советский полководец, Маршал Советского Союза (1944), дважды Герой Советского Союза, командовавший тогда Группой Советских войск в Германии.

Таким образом, это было уже признание статус-кво, то есть признание закрытия границы, признание разделения Берлина на две части: на Берлин Западный, капиталистический, и Берлин Восточный, социалистический, Берлин, который является столицей Германской Демократической Республики».

Спустя некоторое время с Запада стали поступать сигналы, что там в принципе готовы признать факт разделения Берлина и переход его восточной части под контроль ГДР. Впоследствии в качестве политического жеста американцы отозвали главу администрации американской зоны оккупации послевоенной Германии генерала Юлиуса Клея, в ответ Москва назначила вместо маршала Конева нового командующего Группой Советских войск в Германии. Так завершился берлинский кризис 1961 г., в котором приняли участие советские войска Берлинского гарнизона.

В НЕБЕ НАД БЕРЛИНОМ

Четырехсторонним соглашением по Берлину 1971 г. определялось, что западные секторы города Берлина не являются составной частью ФРГ и не могут находиться под ее управлением. Этим была снята напряженность, возникшая после возведения Стены. До этого Запад, например, считал приемлемым проведение официальных мероприятий властей ФРГ на территории Западного Берлина, несмотря на протесты правительства ГДР и советских представителей. В апреле 1965 г., например, стало известно, что в западноберлинском Зале конгрессов, расположенном рядом с Рейхстагом, должно пройти пленарное заседание западногерманского бундестага, что символизировало бы принадлежность Западного Берлина к политической системе ФРГ. На уровне ЦК КПСС и ЦК СЕПГ было решено дать военно-воздушный ответ этой провокации.

Звуковая атака советских асов

Предполагалось совершить имитацию авианалета на Зал конгрессов с преодолением над ним звукового барье-

ра, что, как известно, сопровождается сильнейшим звуковым ударом. Для этого министр обороны СССР приказал использовать 80 самолетов и выделить лучших пилотов.

Заседание было назначено на вторую половину дня 7 апреля. Ровно в 14.30 советские летчики получили команду на взлет. О том, как развивались события, через много лет рассказал журналу «Национальная оборона» маршал авиации, Герой Советского Союза, заслуженный военный летчик СССР Иван Иванович Пстыго, который в 60-х гг. командовал 16-й воздушной армией в Группе Советских войск в Германии.

...Было политическое решение двух ЦК — советского и восточногерманского: сорвать заседание западногерманского бундестага на территории Западного Берлина, поскольку это рекламное мероприятие не было предусмотрено ни одним соглашением. На 7 апреля 1965 г. в Западном Берлине, в Конгресс-халле, наметили проведение такого заседания. Депутаты туда съехались, прилетел председатель бундестага ФРГ Герстенмайер. На аэродроме он собрался сказать речь, а в это время пара наших истребителей перешла на сверхзвук. По инструкции можно делать это на высоте не ниже 11 тыс. метров. Но была такая погода, что слышно плохо. Давай — на две тысячи ниже. Тоже жидковато! Перешли на 7 тысяч. Я говорю: "Ниже не надо" Как бабахнули, первые стекла полетели. Герстенмайер закрыл рот, подождал, пока утихнет грохот, опять открыл рот — снова гром. Никогда штурманская служба ВВС не обеспечивала такую точность пролета — до секунды! Спикер нырк в свою машину, поехал в Конгресс-халле.

Полковник Бабаев, специально за этим наблюдавший, сделал смотровую площадку на крыше соседнего дома и по телефону мне докладывал: "Товарищ командующий, на крыше Конгресс-халле человек сто собралось, половина с треногами для фотоаппаратов и кинокамер!" Я говорю: "Сдуть!" Пошла четверка Су-7Б комэска Сурнина. Этот мог, образно говоря, в одно окно влететь, в другое вылететь. Подвел самолеты, а потом резко — в набор высоты. Бабаев тангенту телефона забыл в волнении отпустить, я слышу раздирающий душу звук. "Сдул?" —

спрашиваю. "Как приказали. На крыше осталось три треноги" "А люди?" "Куда-то подевались, не знаю" Я тогда вместо запланированных министром обороны 80 самолетов поднял 400.

Итог "налета" на Конгресс-халле был такой: трое умерли в зале, 18 человек отвезли в госпиталь, остальные на "сверхзвуковой" скорости на машинах по проселочным дорогам вместо автобанов удирали за границу».

Таким образом, как писали советские газеты, «реваншистская затея» была сорвана. На следующий день «Правда» вышла с заголовком «Провокаторы терпят провал». Сбылась мечта уже опального тогда Хрущева показать «западникам кузькину мать».

Штурм Конгресс-халле проходил в условиях очень плохой видимости, над городом стояла большая облачность и плотная пелена промышленных дымов. Маршал говорит о минимальной высоте полета 7 тысяч метров. Здесь старый вояка лукавит. На такой высоте описанного эффекта не добиться. Во время перехода звукового барьера до земли донесется лишь негромкий хлопок. Тем более не может быть речи об ударной волне, «сдувающей» людей с крыши. В немецких источниках, в частности в информационной справке Авиационного музея г. Финовфурта, пишут, что красные асы проносились над Берлином на высоте всего ста метров, преодолевая скорость звука прямо над Залом конгрессов и затем взмывая «свечкой» вверх, направляя мощную газовую струю от двигателей вниз на землю. Об этом рассказывал автору его дядя, участник лихого налета на Берлин подполковник авиации Александр Иванович Воробьев, то же самое поведал в интервью газете «Дуэль» летчик-истребитель В.Г. Иванников. *«...Южнее Берлина была установлена зона ожидания — "воздушная этажерка"; в пригороде Берлина — приводная радиостанция и пара прожекторов, а на одной из прилегающих к "объекту" крыш — командный пункт заместителя командующего Александра Ивановича Бабаева... Прежде всего надо занять верхний эшелон "этажерки". А наверху голубое небо, ниже блестит на солнце звено "сухих". Но расслабляться не дают... По команде с КП постепенно снижаемся: 8000, 6000, 4000 метров... Пере-*

ходим на связь с Бабаевым. Его хриплый бас не вызывает сомнения: "Там! — напряженка!", "Кто на боевом?" "Доверни влево!" "Плотнее!" "Ниже!" "Форсаж!" "Набор!" "Запрещаю повтор! Домой... Эшелон..." "Форсаж! Набор!" Чувствуется, что идет плотный поток "штурмующих". Курс — на Берлин.

Чем ниже, тем плотнее дымка. Вот уже засветились две точки прожекторов. Их створ — направление на "цель" впереди идущую четверку уже давно поглотила мгла... Пригород Берлина. Бросил взгляд на скорость: 1100 приборная. Околозвуковая, предел у земли. Теперь плотнее, все внимание ведущему! Лишь в поле зрения сплошная лента оранжево-красной, коричневой черепицы крыш, детали не разберешь... "Если не подскажут с земли, основной ориентир — Бранденбургские ворота — проскочим за милую душу" — думаю. "Вижу, — говорит Бабаев, — идете правильно, можно ниже!" Неприятное ощущение влияния земли: показания высотомера искажаются, он уже показывает минус, а еще можно "ниже!" "Форсаж! Набор!" — командуют с земли-крыши. Желто-оранжевый конус вырывается из сопла командира, рывок и... "Размазывать" здесь нельзя! Переломить траекторию так, чтобы суммарная струя исходящих газов прицельно била, разметая людей, ломая крышу, вырывая антенны, разбивая стекла...

Только на "штурмовку" было выполнено более 400 самолето-вылетов... Воздушная "стрельба", подобная артиллерийской канонаде, вызвала в городе панику. Жители выбегали на улицу, дети жались к взрослым, в школах прекращались занятия. Дрожали окна, звенели разбитые стекла, на проезжей части — пробки, отмечались случаи преждевременных родов. В какой-то момент фото- и кинокорреспонденты, решив запечатлеть "исторический момент" высыпали на улицу и крышу Конгресс-халле. И... по команде Бабаева очередное звено начисто сдувает всех...

Через пять дней в Доме офицеров Группы Советских войск в Германии для участников операции был устроен банкет. Поздравляя летчиков с «победой», главком ГСВГ П.К. Кошевой с удовольствием говорил: *...Ну, вы дали им перцу! Долго будут помнить! И чем больше войск*

в Западном Берлине, тем лучше. Они у нас в заложниках. Надо будет — прихлопнем всех, никто не уйдет!» Только через семь лет, в 1972 г., спустя 23 года после образования ФРГ и ГДР, обе страны заключили договор о признании суверенитета и границ друг друга.

С 1950-го по 1983 г. советские летчики в воздушном пространстве ГДР сбили или принудили к посадке 27 американских разведывательных самолетов. Еще 60 были атакованы. При этом погибли до 139 иностранных военнослужащих. Вместе с тем не зафиксировано ни одного случая пребывания советских военных самолетов в воздушном пространстве стран НАТО в эти годы с целью разведки.

Эпизод в Темпельхофе

Вдоль одного из отрезков южной части кольцевого маршрута берлинской городской электрички простирается территория бывшего аэродрома Темпельхоф. В 1948—1949 гг. он был одним из концов «воздушного моста». Весной 1965 г. сюда случайно залетел капитан советских ВВС Федор Зиновьев. Опытный пилот, почетный гражданин ГДР (это звание он получил за сбитый американский самолет-разведчик, вторгшийся в воздушное пространство ГДР), он был командиром группы, перегонявшей новые МиГ-21 для ВВС Национальной народной армии ГДР. Летели на аэродром в Темплине, расположенный где-то в 100 километрах к северу от столицы ГДР. Подлетая в Берлину, Зиновьев дал группе команду на приземление (все благополучно сели в месте назначения), а сам оторвался от нее и на какое-то время потерял ориентацию по местности. Между тем аэродромы Темплин и Темпельхоф сверху по конфигурации похожи друг на друга. И классный летчик, ас, при ясном небе перепутал их. Американцы с изумлением увидели — к ним садится советский МиГ. Провокация? Перебежчик? К уже гасившему скорость самолету немедленно помчался джип американской военной полиции с белой звездой на борту. Она и спасла советского пилота (возможно, и от трибунала)... Белая звезда! Американцы!! Фактически

со стоянки Зиновьев отрывает самолет от земли и снова поднимает его в воздух. Через короткое время он приземляется в Темплине. Еще на посадочной полосе у него останавливаются двигатели — кончилось горючее.

Скандал! Американцы заявляют протест. Советские дипломаты и военные извиняются. А Зиновьева главком ВВС в ГСВГ награждает эпитетом, который и приводить-то неприлично на книжных страницах.

Огромное небо одно на двоих

Во второй половине дня в воскресенье на Пасху 6 апреля 1966 г. с военного аэродрома Финов, расположенного рядом с городком Финовфурт в 40 километрах к северо-востоку от Берлина, поднялись несколько самолетов и взяли курс на юг. В составе группы были пять новых сверхзвуковых истребителей-перехватчиков Як-28П, которые тогда начали поступать в войска.

Военный аэродром близ Финовфурта существовал с 1929 г. В последние дни войны, когда советские войска изгнали отсюда гитлеровцев, после разминирования аэродрома перебазировалась советская авиачасть. Разминированием аэродрома руководил первый комендант Финовфурта лейтенант Николай Григорьевич Попов, получивший за это орден Красной Звезды. Авиачасть размещалась здесь вплоть до вывода российских войск из Германии.

Лейтенант Н.Г. Попов — первый военный комендант г. Финовфурт

Самолеты, взлетевшие с аэродрома Финов, прибыли туда тремя днями раньше из Союза. Дальше летчики должны были перегнать машины на аэродром в Кетен, находившийся пример-

но в получасе лета между Магдебургом и Лейпцигом. Эти двухместные самолеты имели мощное вооружение, включавшее ракеты с тепловыми и радиолокационными головками самонаведения и новейший радиолокационный прицел «Орел-Д». Двухместный самолет мог успешно выполнять перехват низколетящих целей, которым занимался летчик-оператор РЛС, сидевший позади командира. «*В те времена,* — пишет заслуженный летчик-испытатель, Герой Советского Союза, генерал-лейтенант авиации Степан Анастасович Микоян, — *радиолокаторы не могли обнаруживать цель на фоне земной или водной поверхности — для этого перехватчик должен был лететь ниже перехватываемой цели, чтобы не мешала засветка экрана радиолокатора от земли. Наличие оператора позволяет летчику все внимание уделять пилотированию самолета и контролю высоты, не занимаясь одновременно поиском цели по радиолокатору*». По ряду боевых параметров Як-28П превосходил аналогичные машины НАТО. Однако по летным качествам он имел существенные недоработки, в том числе и связанные с неустойчивой работой двигателей. В частности, С.А. Микоян был против поставки этих машин в войска. Официально самолет на вооружение принят не был, хотя много лет эксплуатировался частями ПВО, так сказать, в «состоянии доработки на месте».

В 15.30 авиагруппа пробила облачность и, выйдя на высоту 4000 метров, легла на заданный курс. Внизу начинался Берлин. В самолете ведущего находились командир — капитан Борис Владиславович Капустин и летчик-оператор РЛС старший лейтенант Юрий Николаевич Янов. Вдруг машина стала быстро терять скорость. Начались перебои с двигателями (один из них барахлил еще при перелете на аэродром Финов, и посадка там была вынужденной). Машина стремительно теряла высоту. Еще можно был успеть катапультироваться. Однако внизу находился густонаселенный район Шпандау. Траектория падения выходила на видневшийся впереди лес, но оказалось, что это кладбище, где по случаю Пасхи было много людей. Невдалеке поблескивали воды реки Хафель и какого-то озера. Надо было вытянуть самолет туда и попробовать приводниться. Пилот успел сообщить об этом

на землю. Ему дали добро, и связь оборвалась. Дальнейшее установлено по записям черного ящика, анализу повреждений самолета и свидетельству очевидцев.

— *Юра, тебе надо прыгать,* — отдал приказ Капустин.

Но выстрел катапульты Янова вызвал бы еще большую потерю высоты, и офицер ответил:

— *Я остаюсь, командир.*

Западноберлинский рабочий В. Шрадер рассказывал: *...Самолет я увидел... на высоте примерно полтора километра. Машина начала падать, затем поднялась, вновь падала и вновь поднималась. И так трижды. Очевидно, пилот пытался выровнять самолет».* («Красная звезда». 12.05.1966).

В последние секунды еще оставался шанс приводниться, Янов даже успел отстегнуть привязные ремни. Но на пути возник пятиполосный мост с мчащимися по нему автомобилями. Неимоверным усилием Капустин «перетащил» через него самолет, после чего машина окончательно потеряла скорость и рухнула в воду.

Самолет упал в озеро Штессензее (Stoessensee) на юго-западе Берлина, в английском секторе, относительно недалеко от внешней границы с ГДР. Сюда немедленно была направлена группа советских военнослужащих во главе с генералом Владимиром Булановым. Но англичане не допустили их к месту катастрофы. Дело чуть не дошло до перестрелки. Поднимавшиеся части советского секретного самолета тщательно исследовали натовские разведчики. Говорят, некоторые, особенно важные, блоки были немедленно доставлены самолетом в Великобританию, где имелась необходимая техника для их изучения. Через сутки их вернули в Берлин и вместе с другими частями самолета передали советским представителям. Спасательные работы западноберлинское телевидение транслировало в прямом эфире.

Останки летчиков советским военным передали 8 апреля. Для участия в траурной церемонии из Великобритании прибыл королевский оркестр. Все крупные города ГДР прислали свои делегации. Руководитель ГДР Эрих Хонеккер предложил советской стороне похоронить погибших пилотов в Трептов-парке, а их вдовам квартиры в Берли-

не и пожизненную пенсию. Советская сторона ответила на это вежливым отказом. Бургомистр Западного Берлина, будущий канцлер ФРГ Вилли Брандт сказал: «*Мы можем исходить из предположения, что оба они (Капустин и Янов) в решающие минуты сознавали опасность падения в густонаселенные районы и в согласовании с наземной службой наблюдения повернули самолет в сторону озера Штессензее. Это означало отказ от собственного спасения. Я это говорю с благодарным признанием жертве, предотвратившей катастрофу*».

Памятный камень летчикам Б.В. Капустину и Ю.Н. Янову на аэродроме авиамузея «Финовфурт». Фото автора

Ст. лейтенант Ю.Н. Янов

Капитан Б.В. Капустин

Через несколько лет композитор Оскар Фельцман и поэт Роберт Рождественский написали посвященную героям замечательную песню-балладу «Огромное небо». Ее знал каждый в Советском Союзе. Особенно ее любили в исполнении Эдиты Пьехи.

Сегодня в авиационном музее под открытым небом у городка Финовфурт, на том аэродроме, откуда взлетели 6 апреля 1966 г. Капустин и Янов, возле истребителя Як-28П, такого же, на котором они совершили свой последний полет, стоит памятный камень. На черном мраморе высечена надпись по-немецки: «*В память всех жертв холодной войны. Они отдали свои жизни ради спасения других людей. Старший лейтенант Янов. Капитан Капустин. 6 апреля 1966 г.*».

Памятная доска установлена и на мосту на озере Штессензее, где погибли советские летчики.

Песня-баллада «Огромное небо»

Об этом, товарищ, не вспомнить нельзя,
В одной эскадрилье служили друзья,
И было на службе, и в сердце у них
Огромное небо, огромное небо,
Огромное небо — одно на двоих.

Дружили, летали в небесной дали,
Рукою до звезд дотянуться могли,
Беда подступила, как слезы к глазам —
Однажды в полете, однажды в полете,
Однажды в полете мотор отказал...
И надо бы прыгать — не вышел полет!..
Но рухнет на город пустой самолет!
Пройдет, не оставив живого следа,
И тысячи жизней, и тысячи жизней,
И тысячи жизней прервутся тогда!
Мелькают кварталы, и прыгать нельзя...
«Дотянем до леса!» — решили друзья.
«Подальше от города смерть унесем.
Пускай мы погибнем, пускай мы погибнем,
Пускай мы погибнем, но город спасем!»
Стрела самолета рванулась с небес,
И вздрогнул от взрыва березовый лес!..
Не скоро поляны травой зарастут...
А город подумал, а город подумал,
А город подумал: «Ученья идут!»
В могиле лежат посреди тишины
Отличные парни отличной страны...
Светло и торжественно смотрит на них
Огромное небо, огромное небо,
Огромное небо — одно на двоих!

БЕРЛИНСКАЯ КАРЛОВКА

Карлхорст — тихий, спокойный район на востоке Берлина: аккуратные особняки под черепичными крышами, зеленые аллеи, парки, часть территории занимает дачный кооператив с небольшими домиками и прилегающими «шестью сотками» — место отдыха небогатых берлинских пенсионеров. Романтические мысли навевают названия улиц, связанные с немецкой мифологией: Лорелейштрассе/ ул. Лорелей (Loreleystrasse), Рейнгольдштрассе/ ул. Золото Рейна (Rheingoldstrasse), Рейнштайнштрассе/ ул. Рейнский Утес (Rheinsteinstrasse)... Хотя последняя во времена ГДР носила имя Героя Советского Союза, немецкого антифашиста Фрица Шменкеля.

Во второй половине 1930-х гг. в Карлсхорсте, на Цвизелерштрассе (Zwieselerstrasse), разместилась Академия военно-инженерных войск. В главном здании находились аудитории и служебные кабинеты, рядом подсобные помещения и жилые корпуса для слушателей и преподавателей. Отдельно был построен офицерский клуб, в котором 8 мая 1945 г. была подписана капитуляция.

Служба

В годы «холодной войны» в Карлсхорсте размещалась танковая бригада Советской армии, усиленная мотострелковыми частями и другими подразделениями. Часть района была превращена в советский военный городок с поликлиникой, госпиталем, вечерней школой для старшин и офицеров, Домом офицеров, средней школой № 113 в бывшем монастыре, русско-немецким детским садом «Дружба», библиотекой, магазинами, парком... Никаких ограничений на доступ сюда для немцев не было. По ночам, однако, кое-где выставляли часовых. В гарнизоне насчитывалось до двух тысяч человек, где около 800 человек составляли солдаты срочной службы.

Стоящий в конце улицы Рейнштайнштрассе, на ее пересечении с Цвизелерштрассе, германо-российский му-

На улице в советском гарнизоне в Карлсхорсте. Фото: архив Лены Погореловой

Советский и французский почетные караулы перед крепостью-тюрьмой Шпандау. Фото: архив Дмитрия Марченкова

зей «Берлин-Карлсхорст» тогда называли Маршалхаузом. За ним располагалась воинская часть с солдатскими казармами, стрельбищем, танковым полигоном. Там начиналась запретная зона, куда вход для посторонних был строго по пропускам. Но вездесущие мальчишки бегали на полигон за гильзами. Случалось и покататься на танках.

Временами рокот моторов и лязг гусениц по брусчатке извещали о том, что танки выходят на полигон. Сегодня в музейном парке устроена экспозиция военной техники: стоят танки, орудия, самоходные установки.

На Цвизелерштрассе в помещениях академии и других зданиях от дома № 5 до дома № 60 находились служебные и жилые помещения КГБ. В Карлсхорсте размещались и воинские подразделения, охранявшие советские военные памятники в Берлине, а также тюрьму в западноберлинском районе Шпандау, где сидели тогда семеро фашистских военных преступников. На охрану тюрьмы советские солдаты заступали в марте, июле, ноябре. То есть на каждую группу оккупационных войск приходилось по три месяца. В состав караула входили 29 военнослужащих. Советские солдаты обычно сменяли французов и сдавали охраняемый объект американцам. Начальники выстроенных друг против друга карау-

лов обменивались короткими рапортами, после чего первая смена часовых отправлялась на посты.

Из Карлсхорста разъезжались патрули советской военной автомобильной инспекции, которые несли службу на «КПП обвода города», располагавшихся на въездах в Берлин. В их задачу входило недопущение самовольного въезда в столицу ГДР советских военных автомашин. Кроме того, советские солдаты, служившие в Карлсхорсте, помогали местной полиции пресекать попытки выезда автомобилей иностранных военных миссий за пределы города. В то же время по Карлсхорсту время от времени проезжали (исключая запретные места) автомобили западных военных миссий (в основном американцы). Точно так же, согласно договоренности, советские военные инспектировали места расквартирования подразделений потенциального противника в Западном Берлине.

К моменту вывода советских (российских) войск в Карлсхорсте была расквартирована 6-я отдельная гвардейская мотострелковая Берлинская ордена Богдана Хмельницкого бригада.

Дружба

Советские обитатели Карлсхорста называли его на русский манер «Карловка», их дети — «Карликом». Некоторые одинокие офицеры снимали комнаты у местных жителей. Семьи военнослужащих иногда жили в одних домах с немцами. Были добрыми соседями. К Рождеству у порога квартиры, где жили офицеры с детьми, выкладывались подарки от всех жителей подъезда.

Немецкие дети свободно играли с советскими. Местные подростки приходили, например, погонять шары в бильярд в советскую библиотеку. Все вместе лазили на высоченные ореховые деревья, после чего несколько дней не могли отмыть руки от коричневого сока.

Зимой 1971 г. на Берлин навалился небывалый снегопад. Городской транспорт встал. Немцы обратились за помощью в советский гарнизон. Русские вывели на улицы... танки, на которые были навешены бульдозерные ковши-отвалы. Снег убрали быстро, а заодно «отчисти-

ли» трамвайные пути от стрелочных механизмов, которых не было видно под снегом.

Когда в продовольственный магазин самообслуживания завозили советское мороженое и конфеты, немцы срочно устремлялись туда. У русских в эти дни был полный восторг от любимых вкусностей и гордость за державу. В военторговском магазинчике время от времени выстраивалась очередь из немцев. Ждали печенку, с которой в ГДР были проблемы, русским предлагали пройти без очереди.

«У русских и немцев, которые жили рядом, в одних домах, были очень хорошие отношения, — говорит Бернард Ветцель, немецкий полицейский, всю жизнь проработавший в Карлсхорсте. Он прекрасно говорит по-русски и оттого особенно хорошо знает жизнь в этом особом районе Берлина. — *Те, кто близко знал русских в повседневной жизни, не видели в них оккупантов, они считали их такими же, как они, равными себе. Никаких предрассудков. Точно так же относилась к ним и берлинская полиция. Русские не были ангелами с крыльями, они были такими же, как немцы, обыкновенными людьми и в подавляющем большинстве вели себя достойно. Хотя как-то мне довелось задержать двух сверхсрочников в гражданской одежде, которые обворовали магазин с радиоаппаратурой и пытались стянуть магнитолу из автомобиля. Пришлось даже вытащить пистолет. Когда их допрашивали у нас в полиции, они сразу сознались в ограблении, но одновременно заявили, что "сделали это не преднамеренно" Мы в участке тогда здорово посмеялись. Один раз задержал подростка с чужим мопедом. Спрашиваю: "Где взял?" Отвечает: "Нашел" Тоже веселый ответ. Русские мальчишки часто ездили на советских велосипедах, привезенных из Союза. У них, обычно, не было ручных тормозов и задних стоп-сигналов. Нас, полицейских, это очень раздражало. Непорядок! Останавливали таких велосипедистов, свинчивали им ниппели.*

Немцев из Карлсхорста, недовольных присутствием русских, я не помню. Ворчали, мол, Красной Армии пора домой, обычно те, кто не был с ними близко знаком. Некоторые говорили: "Дружба хорошо — но расстояние

три метра" "Синдром победителя" со стороны русских по отношению к немцам иногда проявлялся у сверхсрочников. Неожиданно заносчиво, случалось, вели себя люди из КГБ».

Что и как

Шампанское в военторге стоило 25 марок (но было не всегда), бутылка водки — вдвое дешевле. Туфли — 50 марок. Солдаты получали 25—28 марок ГДР, офицеры 700—800, генералы где-то вдвое больше, плюс в Союзе еще шла зарплата в рублях. После объединения сверхсрочники получали 350—400 DM, прапорщики — 450—650 DM, офицеры — около 1000 DM.

В холодные дни над Карлсхорстом стоял теплый уютный запах дыма от угольных брикетов, которыми топили печи. По ночам улицы Карловки освещал тусклый бледно-зеленый свет старых газовых фонарей. Карлсхорст и сегодня не очень ярко освещен, а в дачном кооперативе ночью хоть «глаз выколи», есть улицы, где ухаб за ухабом...

По радио в Карлсхорсте слушали «Волгу» — радиостанцию ГСВГ, передачи радио ГДР, западные станции. В основном настраивались на музыку, хит-парады, особенно популярны были еженедельные хит-парады RIAS из американской зоны и радио «Люксембург». Но приемники крутили в основном офицерские жены и дети. Отцам чаще было не до того — служба!

Телевизоры, которые привозили из Союза, надо было переналаживать, чтобы принимать гэдээровские и западные программы. Для этого в городке были свои умельцы. Местные телевизоры на западные частоты не настраивались. В 1980-х гг. такой проблемы уже не было.

Телефоны-автоматы в Карловке одно время отличались приятной особенностью. Действуя определенным образом, по ним можно было звонить бесплатно. Квартирных телефонов было мало.

Деньги экономили, все расходы в марках были расписаны на два года вперед. По советским меркам ассортимент товаров в ГДР был богатейший: одежда, обувь, посуда, знаменитые фарфоровые сервизы «Мадонна»,

мебель. Особой популярностью у жен офицеров пользовался хрусталь.

Самые продвинутые покупали грампластинки — уже в 1960-х в ГДР можно было приобрести, например, записи Beatles, когда они еще аккомпанировали Тони Шеридану. Продавались открытки-пластинки с фотографиями гэдээровских эстрадных певцов.

Офицеры и прапорщики с удовольствием посещали местные пивные. В гаштеты ходили обедать семьями. Очень вкусны были «гольдбройлеры» — цыплята, по особому рецепту зажаренные на вертеле. Любимым местом семейного отдыха был расположенный недалеко «Зоопарк» (Tierpark), где животные содержались практически в естественных условиях. Он и сегодня считается самым большим ландшафтным зоопарком Европы. Занимая площадь в 160 га, он по территории почти в пять раз превосходит своего «коллегу» в Западном Берлине.

Удивляли русских жителей Карлсхорста городские дачные участки с не похожими друг на друга домиками, окруженными зелеными газонами. И никаких огородов, в отличие от российской традиции. В траве могли расти цветы, купленные в магазине уже выросшими и пересаженные в землю газона. Или можно было увидеть декоративное помидорное дерево.

В действующей церкви проходили органные концерты, которые ходили слушать и советские жители Карлсхорста. Для семей офицеров устраивались экскурсионные поездки. Чаще всего в Дрезден и Мейсен.

«Часть немецкой истории»

Сегодня комплекс жилых и служебных помещений инженерной академии в Карлсхорсте объявлен архитектурным памятником. Компания Desakon GmbH под рекламным слоганом «Станьте частью немецкой истории» решила возродить этот район, обустроив в сохранившихся домах квартиры премиум-класса. Стоимость жилья — около 2000 евро за квадратный метр. В главном и нескольких боковых зданиях комплекса разместятся 340 квартир — от однокомнатных апартаментов площадью 43 квадратных метра до пятикомнатных свы-

ше 100 квадратных метров. На начало 2010 г. было продано 60 будущих квартир. Как сообщила радиостанция «Немецкая волна», *«двухкомнатная квартира на первом этаже площадью 66,1 квадратный мерт с террасой и садиком предлагалась за 137 488 евро»*. Рядом со зданиями бывшей академии намечено построить несколько особняков типа таун-хаус.

Часть военнослужащих Группы Советских войск в Германии после ее расформирования стараются поддерживать между собой связь через сайт www.gsvg.ru, где можно узнать об истории группы, дислокации частей, почитать статьи и рассказы, посмотреть фильмы на эту тему. Несколько сайтов создали уже ставшие взрослыми дети военнослужащих ГСВГ. Много интересной информации есть на сайте http: //pjanovsl.narod.ru/index.html, объединяющем бывших учеников советской школы №113 в Карлсхорсте. Ресурс поддерживает Сергей Леонидович Пьянов, чей отец служил в Берлине в 1960—1970-х гг.

ПРОЩАЙ, ГЕРМАНИЯ!

Вывод российских войск из Германии завершился 31 августа 1994 г. Для участия в торжественных мероприятиях в Берлин днем раньше прибыл Б. Ельцин. Ночью с ним случилась бессонница, которую он пытался преодолеть с помощью силовиков П. Грачева, А. Коржакова и М. Барсукова. Просидели почти всю ночь, и утром президент был очень «плох». На торжественной церемонии на площади Жандарменмаркт (Gendarmenmarkt) он заявил, что «в войне России с Германией не было ни победителей, ни побежденных».

Во время последовавших торжественного заседания в театре «Шаушпильхаус» и церемонии возложения венков к монументу Воину-освободителю в Трептов-парке Ельцин держал себя в рамках протокола, но затем его снова «понесло». После обеда с президентом ФРГ и принятия горячительных напитков президент России, пошатываясь, появляется на публике. Рассыпая собравшимся воздушные поцелуи, он отбирает у дирижера палочку,

и, видимо завидуя президенту-саксофонисту Клинтону, пытается дирижировать полицейским оркестром г. Берлина, пробует петь... Не сознавая значимости мероприятия, в котором ему выпало принять участие, президент России своим поведением продемонстрировал безразличие к памяти героических предков, пренебрежение к великой исторической роли, которую сыграл Советский Союз/Россия в победе над фашизмом.

Покидая Германию, солдаты пели:

Прощай, Германия, прощай!
Нас ждет любимый отчий край.
Давно угас пожар войны,
Друзьями расстаемся мы...

Приказом министра обороны РФ от 5 сентября 1994 г. Западная группа войск была упразднена. Из Германии ушли 338 тысяч военных, а также члены их семей, из них 90 тысяч детей. Страну покинули 115 тысяч единиц боевой техники, в том числе 4 тысячи танков, 11,5 тысячи бронемашин, 4 тысячи орудий... Было вывезено 2,5 млн тонн материально-технических средств. Немецкая сторона выделила на вывод российских войск 12 млрд марок, из которых $^{2}/_{3}$ на строительство домов для офицерских семей. Для офицеров Западной группы войск на территории России, Белоруссии и Украины было построено около 45 тысяч квартир. Но этого было явно недостаточно. Войска нередко выводили в поле, в степь, и офицеры с семьями жили в палатках возле боевых машин. Недвижимость ЗГВ стоимостью около 10,5 млрд немецких марок перешла Германии, Россия только выручила деньги за оставленное имущество.

VI. ПОСЛЕДНЯЯ ВОЛНА

Сегодня количество русскоговорящих жителей немецкой столицы соизмеримо с числом эмигрантов из Советской России в начале 20-х гг. прошлого века. Русская речь слышна повсеместно, но чтобы попасть в русский магазин или ресторан, нужно, как говорится, места знать. Ныне «Русский Берлин» не прорисован столь ярко на городском ландшафте Берлина, как в 20-е гг. прошлого века.

НЕМЦЫ-ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

В Берлине и его окрестностях в наши дни проживают около 300 тысяч человек, говорящих по-русски, из них $^{2}/_{3}$ — в столице, среди которых 70—75 % составляют российские немцы-переселенцы (Aussiedler). Подавляющее большинство из них переехали в Германию после 1992 г. — их называют «поздними переселенцами», в отличие от просто «переселенцев», которые перебрались в Германию раньше. Возвращение этнических немцев из Советского Союза в Германию разрешено с 1950 г. По данным Федерального статистического управления ФРГ, в 1951 г. из СССР в Германию выехал 1721 человек. За последущие годы до перестройки из Советского Союза в ФРГ переехали около 100 тысяч немцев-переселенцев. Оказывается, в «железном занавесе» была «калитка», через которую российским немцам удавалось выбираться на Запад. Основной поток немцев-переселенцев пришелся на 1990-е гг.: в Германию выехали около 1, 8 млн человек. Всего, включительно по 2007 г., из СССР и постсоветских государств в ФРГ прибыли около 2,35 млн человек. Около половины из них относительно молодые, социально активные люди в возрасте до 50 лет. Порядка 70 % переселенцев имеют высшее образование. В последние годы эмиграционный поток сильно сократил-

ся. На 2007 г. пришлось всего 5695 человек, почти столько же, сколько и на 1975 г. Обратно в Россию вернулись примерно 14 тысяч человек.

ЕВРЕИ ЭМИГРАНТЫ

Еще одну волну эмиграции из СССР/России в Германию наполнили евреи. В 1990 г. ГДР открыла свои границы для советских евреев, предоставив им право постоянного жительства в Восточной Германии. Этому они обязаны восточногерманским комсомольцам («Свободная немецкая молодежь»/Freie Deutsche Jugend, или FDJ). Главный московский раввин Адольф Шаевич в интервью молодежной газете Junge Welt рассказал в начале 1990 г. о всплеске антисемитимизма в СССР[1]. Еврейское культурное объединение Берлина (Der Juedische Kulturverein Berlin) моментально отреагировало и выступило с инициативой предоставить в ГДР убежище евреям из СССР. После этого парламент ГДР признал (18 марта 1990 г.) ответственность обеих немецких государств за геноцид евреев во время войны и необходимость компенсации причиненного ущерба. За этим последовало решение правительства страны от 11 июля 1990 г., согласно которому преследуемые евреи получали «право на постоянное местожительство в ГДР по гуманным соображениям». Первыми этим правом воспользовались советские евреи, находившиеся в Германии с гостевыми, туристическими или деловыми визами. Для новых эмигрантов МВД ГДР организовало 27 приемных лагерей и общежитий. К концу 1990 г. в них находились около 3700 советских евреев[2]. Притом что число евреев, живших тогда в Берлине и входивших в общины, составляло около 6,5 тысячи человек.

«Прибывавшие обеспечивались ночлегом, питанием, карманными деньгами, а также пятилетним видом на жи-

[1] В Узбекистане, например, в конце 1980-х гг. националисты давали евреям всего полгода на то, чтобы покинуть республику. Лозунг был полуграмотный, но хлесткий: «Евреи — полгод, русские — год».

[2] *Полян Павел.* Очерки истории еврейской эмиграции из бывшего СССР в нынешнюю Германию.

тельство с правом на получение паспорта ГДР, что приравнивало их к гражданам ГДР... Их положение было несравнимо лучше, чем тех, кто подался, скажем, не в Восточный, а в Западный Берлин, где боннское правительство принимало их наравне с прочими "соискателями статуса беженца" (Asylbewerber). Вместо вида на жительство им давали лишь "дульдунг" (Duldung) — как бы отсрочку от высылки, необходимую для выяснения всех обстоятельств и принятия решения, к тому же без права на трудовую деятельность и языковые курсы. Для того же, чтобы получить удостоверение перемещенного лица (Vertriebenenausweis), а главное — социальную помощь (Sozialhilfe), требовалось еще доказать и свою принадлежность к кругу немецкой культуры»[1].

Перед Второй мировой войной в Германии проживало около 600 тысяч евреев, из них в Берлине — более 160 тысяч, 90 тысяч эмигрировали, 55 тысяч убиты, 7 тысяч покончили жизнь самоубийством, около 8 тысяч пережили невзгоды и дождались в городе конца войны. Сегодня еврейская диаспора Германии (Kontingentfluechtling) составляет свыше 200 тысяч человек. Из них до 13 тысяч зарегистрированы в общине Берлина. Они исполняют религиозные обряды и ведут в целом богоугодный образ жизни. На $^{2}/_{3}$ община состоит из иммигрантов из бывшего Советского Союза. Это самое крупное еврейское сообщество Европы. В городе 10 синагог (официальных и частных), есть кошерные рестораны, магазины, еврейские центры и школы. Вместе с тем число евреев, не связанных с общиной, по-видимому, достигает нескольких десятков тысяч человек, поскольку многие из них либо не испытывают потребности в особом проявлении религиозных чувств, либо считают себя русскими.

РУССКИЕ И ПРОЧИЕ

Третий слой русскоязычной эмиграции составляют, как говорится, «и другие». К ним относятся солдаты и офицеры, дезертировавшие из стоявшей в Германии рос-

[1] *Полян Павел.* Очерки истории еврейской эмиграции из бывшего СССР в нынешнюю Германию.

сийской армии, русские женщины, вышедшие в разное время замуж за немцев, «новые русские», граждане России, имеющие право на работу в Германии или находящиеся в Германии нелегально. Кроме того, полагает главный редактор газеты «Русский Берлин» Борис Фельдман, в городе постоянно находятся около 70 тысяч приезжих, которые говорят по-русски: друзья, родственники «русских берлинцев». В целом русские как этническая группа в «Русском Берлине» являются национальным меньшинством. Но как бы то ни было, в целом многонациональная колония проживающих в Берлине выходцев из бывшего СССР и постсоветских государств называется «Русским Берлином» по объединяющему их языку общения. Количественно русскоговорящая диаспора спорит со старейшей в городе турецкой общиной.

Расселение «Русского Берлина» по районам города, тыс. чел.[1]

Марцан/Хеллерсдорф	35 000
Шарлоттенбург/Вильмерсдорф	26 000
Нойкёльн	23 000
Веддинг /Тиргартен /Мите	20 000
Темпельхоф/ Шёнеберг	19 000
Целендорф/ Штеглитц	17 000
Трептов / Кёпеник	16 000
Хоэншёнхаузен / Лихтенберг	13 000
Шпандау	10 000
Кройцберг / Фридрихсхайн	8000
Панков / Вайсензее /Пренцлауэр-Берг	8000
Райникендорф	5000
	200 000

Как и в 20-е гг. прошлого века, новые «русские берлинцы» создали здесь свой мир: общественные организации и туристические бюро, отели и рестораны, магазины и транспортные фирмы, адвокатские конторы и медицинские кабинеты, дискотеки и ночные клубы, газеты и журналы, музыкальные группы и театры... Эмигранты из Советско-

[1] По данным Rusmedia, 2008.

го Союза/России участвуют в формировании облика нового многонационального Берлина. Некоторые из них достигли всегерманской известности: около 20 престижных зданий в городе построено или реставрировано по проектам архитектора Сергея Чобана, культовым немецкоязычным писателем стал основатель Russendisco Владимир Каминер, балетной труппой Государственного театра оперы и балета Staatsoper на Унтер-ден-Линден руководит выдающийся танцор современности Владимир Малахов, к наиболее необычным музыкантам-импровизаторам Европы относят Сашу Пушкина, крупными русскоязычными издательскими домами руководят Николай Вернер и Борис Фельдман, в Совет по вопросам интеграции при берлинском сенате была избрана руководитель клуба «Диалог» Татьяна Форнер...

НОВАЯ РУССКАЯ ПРЕССА

Для 300 тысяч русскоговорящих жителей Берлина и его окрестностей сегодня издаются две крупные газеты и около десятка журналов. На порядок меньше, чем в «Русском Берлине» 1920-х гг. Принципиальная разница между берлинской послереволюционной русскоязычной прессой и сегодняшними изданиями в том, что раньше читателями были изгнанники, не по своей воле покинувшие Родину, а ныне добровольные эмигранты, чей отъезд не происходил под трагической звездой. Тяжелой эмигрантской тоски по Родине в нынешней русской прессе Берлина нет.

В отличие от многоцветия 1920-х гг., сегодня почти всю прессу «Русского Берлина» выпускают два крупных издательских домах. Книги на русском языке (в основном путеводители) иногда выходят в немецких издательствах. На Кантштрассе расположен магазин «Русские книги», у которого есть филиал в Российском доме науки и культуры на Фридрихштрассе. Там продаются книги, напечатанные в России. В некоторых немецких магазинах есть отделы русской книги. Время от времени возникают малоформатные проекты, но век их, как правило, недолог. В Берлине работает русское радио. Для многих

Магазин «Русские книги» на Кантштрассе.
Фото: Денис Светиков

эмигрантов основным средством получения информации стал Интернет.

Русскоязычные газеты продаются в газетных киосках, в метро и кафе, распространяются по подписке. В городе продаются наиболее известные российские газеты и журналы, например «Московский комсомолец» (германский выпуск), «Аргументы и факты» (международный выпуск), «Известия», «Литературная газета», «Комсомольская правда», «СпидИнфо»...

«Везде, где можно жить, можно жить хорошо»

Профессиональная русскоязычная пресса последней эмигрантской волны началась в Берлине с газеты «Европа центр/EZ». Ее первый номер вышел 27 мая 1993 г. Свое название она получила в честь известного торгового и делового центра в Западном Берлине. Издавали газету супруги Юрий Зарубин (работал до этого в газетах «Труд» и «Гудок», в журнале «Советский экран») и Светлана Брезницкая («Вечерняя Москва», «Московская правда»). Издавалась газета под девизом: «Везде, где можно жить, можно жить хорошо».

Газета выходила объемом 18—24 полосы два раза в месяц и распространялась по всей Германии. В лучшие

дни ее тираж доходил до 70 тысяч, из них около 40 тысяч распространялось в Германии, остальное в России, Израиле и США. Редакция располагалась в очень престижном месте, в красивом угловом здании в стиле модерн на Кайзердамм (Kaiserdamm, 95), наверх вели винтовая лестница и громыхающий старомодный лифт. В рабочей атмосфере, особенно в общении с авторами, органично сочетались русское гостеприимство с немецкой деловитостью. Несмотря на ограниченные возможности, в газете публиковались очень добротные материалы, хороши были статьи на исторические темы, здесь умели избегать проходных тем, разнообразной информацией всегда был наполнен блок новостей, которые разверстывался по темам в колонках на нескольких полосах. С «Центром» сотрудничали Андрей Битов, Владимир Войнович. Газету было интересно читать не только в Германии, но и в России. «Европа центр» не так много писала о проблемах немцев-переселенцев, но здесь всегерманским монополистом была газета «Восточный экспресс», издававшаяся на юге страны. Распространялась газета только по подписке или продавалась в редакции, в немецких газетных киосках купить ее было нельзя.

Вслед за EZ в Берлине начался газетный бум, схожий с тем, что происходил в 1920-х гг. Выжили немногие. При том что среди эмигрантов было много квалифицированных журналистов, готовых работать в силу обстоятельств за небольшие деньги.

«Наше отечество — русский язык»

Сейчас неизвестно, в какую сумму обошелся основателям газеты «Европа центр» выход издания на рынок в 1993 г., но тремя годами позже, по словам главного редактора газеты «Русский Берлин» Бориса Фельдмана, чтобы запустить проект Rusmedia Group понадобилось 250 тысяч марок. «Русский Берлин» была первым этапом создания одного из крупнейших русскоязычных медийных холдингов Западной Европы, которым сегодня стала Rusmedia Group.

Основателями «Русского Берлина» были бывшие жители Латвии Светлана Леках, Дмитрий Надь, братья Борис

Главный редактор газеты «Русский Берлин» Борис Фельдман

и Дмитрий Фельдманы. Борис Фельдман до этого работал в рижской газете «Советская молодежь». Сегодня он главный редактор «Русского Берлина» (он же президент Германской ассоциации российских соотечественников), Дмитрий Надь возглавляет управление издательством, в этом же подразделении работают Светлана Леках и Дмитрий Фельдман.

Тогда в Берлине было 70—80 тысяч русскоязычных эмигрантов. Их мало что связывало, разве что членов еврейской общины, куда входили несколько тысяч человек, и прихожан православных церквей. Было понятно, что русскоязычная газета может стать и объединяющим фактором, и коммерческим проектом. Первый номер вышел 18 июня 1996 г. Его объем составлял 12 черно-белых полос, тираж — 10 тысяч экземпляров. Спустя 10 лет, по случаю юбилея газеты, Борис Фельдман писал: «*Тот июнь был... жарок и сух. И стенды берлинских киосков, еще не знавшие местной еженедельной русской газеты, подставляли солнцу свои ребристые бока; зеленая шапка "РБ" под золотым потоком лучей смотрелась, как на параде. Но выгорать наши страницы не успевали: газету с первых недель раскупали бойко*».

Сегодня, когда в Берлине и его окрестностях проживают около 300 тысяч человек, говорящих по-русски, объем одного выпуска «Русского Берлина» (тираж 35 тысяч экземпляров) доходит до 50 полноцветных страниц. Помимо него, на территории Германии Rusmedia Group издает еженедельные газеты «Русская Германия», «Рейнская газета», телевизионный еженедельник «7+7я» (100 тысяч экземпляров) и ежемесячный журнал «Рецепты здоровья» (65 тысяч экземпляров). Примерно треть изданий распространяется по подписке, остальное отправляется

в киоски и русские магазины, которых в Германии чуть больше тысячи. Со свежим номером «Русской Германии» всегда можно познакомиться в Интернете, где выкладываются основные материалы выпуска.

Rusmedia Group представлена и в берлинском эфире. С 2003 г. работает входящая в холдинг первая и единствен-

В НОМЕРЕ – ПРОГРАММА РОССИЙСКИХ И НЕМЕЦКИХ ТЕЛЕКАНАЛОВ С 23-го ПО 29-е ИЮНЯ

Русский Берлин

Всегерманская независимая еженедельная газета

№25(53)

23 - 29 июня

№25 2,20 DM

Операция "Трест": Гестапо и НКВД сыграли её в "четыре руки". Уникальные документы войны Стр. 4-5

За этим истребителем охотилась половина разведок мира. Другая охраняла его... Стр. 10

Булат Окуджава – маленький реквием Стр. 11

Филипп и Алла в Берлине Стр. 18

"RUSSKIJ BERLIN" № 53 1997 Wochenzeitung, wird in allen Bundesländern vertrieben ISSN 1431-3650

ШПИОНСКИЕ СТРАСТИ

Человек, который продал «ферму»

Окончание на стр. 12

Пророк в чужом отечестве

–"Снесите эту стену, мистер Горбачев!"

Эти слова американского президента Рональда Рейгана, произнесенные им десять лет назад на многолюдном митинге в Западном Берлине 12 июня 1987 года, ... прозвучали, как гром среди ясного неба, но и стали причиной серьезных дипломатических трений между СССР и США. В те летние дни никто не думал, что призыв президента, всегда отличавшегося экстравагантностью, уже в ноябре 1989-го станет реальностью...

Окончание на стр. 2

ПАРАД ФАКТОВ

БЕРЛИН

МОНТЕ-САНТУ (БРАЗИЛИЯ)

СТАМБУЛ

ВАШИНГТОН

ГРОЗНЫЙ

ВАРШАВА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ЖЕНЕВА

МОСКВА

МОСКВА

ГРОЗНЫЙ

ЗАГРЕБ

ПЕТУШКИ, ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛ.

К ЧИТАТЕЛЯМ

«РУССКИЙ БЕРЛИН» БУДЕТ ПРИРАСТАТЬ «РУССКОЙ ГЕРМАНИЕЙ»!

НА ЭТОЙ НЕДЕЛЕ «РБ» ИСПОЛНИЛСЯ ГОД. А ЕЩЕ ЧЕРЕЗ НЕДЕЛЮ ВО ВСЕХ ГАЗЕТНЫХ КИОСКАХ СТРАНЫ И ЗА РУБЕЖОМ ПОЯВИТСЯ В ПРОДАЖЕ ЕГО СЕСТРА-БЛИЗНЕЦ «РУССКАЯ ГЕРМАНИЯ». И ТОЛЬКО В СТОЛИЦЕ К ЧИТАТЕЛЯМ ПО-ПРЕЖНЕМУ БУДЕТ ПОСТУПАТЬ «РУССКИЙ БЕРЛИН»

Редакция «РБ/РГ»

Ankauf - Verkauf AUTO-SALON MARK Автомобили Mercedes, BMW, Jeep

Spandauer Damm 60 - 64
14059 Berlin
200 метров от замка Шарлоттенбург
Telefon: 030/ 321 61 52
Tel. + Fax: 030/ 321 61 53
Funk: 0172/ 318 83 20

ЧАСТНЫЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ - ДОСТУПНО, ЛЕГКО И БЕСПЛАТНО. СТР. 7

ная в Европе полноформатная русскоязычная радиостанция «Русский Берлин 97,2 FM» (www.radio-rb.de). Даже в Израиле русскоязычное вещание началось позже.

«Русский Берлин» передает музыку всех стилей и направлений, новости из Берлина, Германии и всего мира, репортажи, интервью, сообщает информацию о погоде и актуальной ситуации на дорогах. Передачи идут с 7.00 до 17.00, в Интернете круглосуточно (в часы, когда нет воздушного эфира, передается музыка). Радио «РБ» слушают около 35 тысяч человек. Всего в Берлине 34 радиостанции. И с точки зрения четко таргетированной (целевой) аудитории «Русский Берлин» находится в лидерах, поскольку остальные вещатели заняли более узкие ниши.

Радиостанция внесла весомый вклад и в развитие клубного движения в русскоговорящей немецкой столице. На ее счету немало собственных крупных музыкальных мероприятий, «РБ» постоянно поддерживает рекламой различные клубные проекты.

Кроме того, с июня 2008 г. компания является эксклюзивным представителем в Германии крупнейшего в России телевизионного канала «Первый канал. Всемирная сеть», а с декабря 2009 г. — эксклюзивным представителем главного коммуникационного портала российского Интернета — mail.ru.

«Наша основная аудитория, — говорит Борис Фельдман, — *немцы-переселенцы. Они составляют 70—75 % от общего числа русскоговорящих жителей Берлина. В целом по стране до 90 %. В то же время, по немецкой статистике, их вроде бы и нет. Германские власти считают "русских" в Берлине и в целом по стране по своему счету. Немцев-переселенцев они в этот список не включают, хотя далеко не все из них владеют немецким языком. В последнее время, правда, при получении разрешения на переезд требования в этой части ужесточились».*

В начале редакция располагалась на Потсдамерштрассе, 100. С 2004 г. все подразделения Rusmedia Group — в штате около 140 человек — сосредоточены в здании медиаконцерна Axel-Springer, расположенного в центре города на улице Руди Дучке (Rudi-Dutschke Strasse), недалеко от знаменитого КПП «Чекпойнт-Чарли».

Rusmedia Group не ограничивает свою деятельность пределами Германии. С 2005 г. в Киеве открылся ее филиал: издательский дом «7+7Media», издающий журнал «7+7я», а также журнал-триптих «10 дней», выходящий в трех форматах: «10 дней Эксклюзив», «10 дней Компакт» и «10 Tage&Days». Есть филиал и в Москве.

Несмотря на устоявшиеся с 20-х гг. словосочетания, такие названия, как «Русский Берлин» или «Русская Германия», до сих пор кое у кого вызывают недоумение. *«Нам часто задают вопросы на эту тему,* — рассказывает Борис Фельдман. — *Есть "Русский Берлин", есть "Русский Париж" есть "Итальянский Нью-Йорк" Но речь идет не о том, что русские захватили Берлин или Германию. Речь идет о русских в Берлине и о русских в Германии. А русскими мы называем всех, кто говорит по-русски. Границы изменились, сегодня они проходят не там, где когда-то были на карте, и сегодня понятие "национальность" тоже меняется. Лозунгом газеты мы взяли слова Бродского: "Наше отечество — русский язык" Но даже если бы они не принадлежали лауреату Нобелевской премии, все равно это очень славно сказано. Действительно, наше отечество — это русский язык. Та страна, где жили приехавшие из бывшего Союза люди, в общем-то исчезла, как Атлантида (ведь Россия сегодня — это совсем не Советский Союз, и Казахстан сегодняшний, и Латвия, откуда приехал я, — это совсем разные страны), той страны, которая была, в прямом смысле слова нет, будем считать, что она ушла под воду. Хотя осталось что-то от нее, от нее остался огромный культурный слой, от нее остались все мы, каким-то образом объединенные. А каким образом мы объединены? Только русским языком».*

Rusmedia Group, работая в русскоязычном секторе медиарынка Германии, принадлежит к так называемым нишевым компаниям. По словам Бориса Фельдмана, до конца 1990-х гг. местные рекламодатели не относились к изданиям Rusmedia Group как к серьезным участникам рынка, поэтому в первые пять лет проблема выживания стояла очень остро. И только в начале 2000-х гг., когда Россия оправилась от кризиса 1998 г. и в Германию нача-

ла приезжать обеспеченная публика, готовая много тратить, ситуация стала меняться и немецкие рекламодатели почувствовали в Rusmedia Group выгодного партнера. Сегодня 90 % доходов от рекламы в изданиях Rusmedia Group поступают от немецких партнеров. По оценкам специалистов, покупательная способность трех миллионов русскоговорящих жителей Германии составляет около 40 млрд евро. Впечатляющая сумма!

Если в середине 1990-х гг. для выхода на рынок понадобилось четверть миллиона марок, то сегодня, говорит Борис Фельдман, чтобы потеснить два ведущих русскоязычных издательских дома — наш и Werner Media Group — понадобится десять—двенадцать миллионов.

«Экспресс» Николая Вернера

В 2001 г. в Германию окончательно переехал бывший заместитель губернатора Красноярского края Александра Лебедя по печати и информации Николай Вернер и основал в Берлине издательский дом Werner Media. Для этого он объединил две крупнейшие тогда русскоязычные газеты «Европа центр» и «Восточный экспресс», вместо которых начал выходить информационно-аналитический еженедельник «Европа-Экспресс» (*www.euxpress.de).* Довольно быстро он стал самым высокотиражным русскоязычным периодическим изданием в странах ЕС, преодолев рубеж в 100 тысяч экземпляров. В 2006 г. планируемый оборот компании составлял 20 млн евро.

Издательский дом Werner Media Group

Владелец издательского дома Werner Media Group Николай Вернер (в центре) и главный редактор газеты «Европа-Экспресс» Михаил Гольдберг (слева) на встрече с министром иностранных дел ФРГ Франком Вальтером Штайнмайером

В 2004 г. Werner Media приобрел здание бывшей типографии в районе Мариенфельде к юго-западу от аэропорта Темпельхоф. Сегодня в целом объем рабочих площадей холдинга Werner Media Group и входящего в него издательского дома Werner Media составляет 6000 квадратных метров. В компании работают около 200 человек.

Вместе с еженедельником «Европа-Экспресс» издается телевизионное приложение «TV-Арена», четыре ежемесячных («Он», «Она», «Кухня», «Анекдоты, кроссворды и мелочи жизни») и одно ежеквартальное («Вояж») приложения. В холдинге также выходят на русском языке «Еврейская газета» — ежемесячная иллюстрированная газета (40 тысяч экземпляров), lifestyle-журнал «Вся Европа» (раз в два месяца, 90 тысяч экземпляров) и «Берлинская газета» — региональное издание еженедельника для Берлина и Бранденбурга.

«Еврейская газета» (www.e-gazeta.de) стала первым международным изданием, рассчитанным на русскоговорящую еврейскую диаспору во всем мире. Она рас-

пространяется не только в Европе, но и в США, Израиле и странах СНГ. Материалы газеты отличаются высоким уровнем аналитики, здесь поднимают самые острые вопросы, объективно, без самолюбования, рассматриваются проблемы еврейства, высказываются мнения, не всегда совпадающие с позицией руководства общин. В 2005 г. стала выходить Jüdische Zeitung (www.j-zeit.de) — единственная независимая общегерманская еврейская газета на немецком языке.

Глянцевый журнал «Вся Европа» (www.vsya-evtopa.de) позиционируется редакцией как издание, ориентированное «на русскоговорящих читателей, отличающихся высоким уровнем благосостояния и интересующихся эксклюзивными видами товаров и услуг». На страницах журнала печатаются репортажи о путешествиях и моде, изысканной кухне и косметике, новых направлениях в мире искусства, дизайна и многом другом. Журнал, однако, переполнен гламурными фотографиями, явно в ущерб содержательной части. В 2005 г. холдинг начал издавать специальные тиражи журнала «Вся Европа в России», «Вся Европа в Украине» и «Вся Европа в Казахстане».

В 2004 г. в состав компании вошла фирма Peterhof — ведущий оптовый поставщик в германские торговые сети продовольственных товаров, произведенных в странах СНГ.

Издательский дом Werner Media неоднократно выступал спонсором различных культурных, просветительных и спортивных проектов, фестивалей и конкурсов, связанных с русской культурой. Он поддерживает такие широко известные международные проекты, как теннисный турнир German Open или Europäischer Kulturpreis. В берлинском районе Марцан при финансовом и медийном участии Werner Media был сооружен памятник российским немцам — жертвам сталинских репрессий.

В 2009 г. в результате завершения первого этапа расширения офисно-производственной базы холдинг получил современный зал для проведения приемов и конференций, а также ресторан и дополнительные редакционные площади.

Берлинский «Изюм»

С апреля 2009 г. журнал «Изюм» существует только в онлайн-версии. До этого 10 тысяч экземпляров журнала каждый месяц бесплатно распространялись в местах, где часто бывают русскоязычные жители Берлина. Таких точек в городе было около пятисот. Среди них — магазины, рестораны, туристические бюро, кинотеатры, танцевальные и спортивные школы, салоны красоты, парикмахерские, клубы, дискотеки, книжные магазины и т. д. Редакция расположена по адресу: Nürnbergerstrasse, 27, в паре кварталов от знаменитого магазина «КаДеВе». Главный редактор — Владимир Байзель.

В печатном виде «Изюм» издавался с 2005 г. К декабрю 2009 г. вышло более 50 номеров. Изначально журнал ориентировался на русскоязычную молодежь Берлина, но его удобный формат и разнообразные интересные материалы способствовали тому, что его «можно было увидеть в руках у модной девушки, солидного дяденьки и пожилой женщины».

В журнале почти нет политики. Его темы — культура, история, достопримечательности немецкой столицы, выставки, вернисажи, клубная жизнь русскоязычного Берлина, специфические особенности города. Среди них выделяются три магистральные рубрики: «Прогулка», посвященная достопримечательностям и памятным местам города, «Клубок», где изначально подробно освещается клубная жизнь русскоязычного Берлина, и «Берлинцы», в которой рассказывается о знаменитых людях, чья жизнь оказалась связана со столицей Германии.

В «Прогулке» особенно интересны материалы, посвященные «Русскому Берлину» 20-х гг. прошлого века. Авторы пишут о живших тогда в городе писателях, поэтах, художниках из первой эмигрантской волны, рассказывают о побывавших в те годы в немецкой столице гостях из Советской России. Много внимания уделяется в журнале творчеству переехавших в Берлин в наше время русскоязычных писателей, художников, музыкантов. «Клубок» по объему информации может претендовать на статус энциклопедии клубной и дискотечной жизни «Русского Берлина» с середины 1990-х гг.

«Берлин для русских, русские для Берлина»

В 2000 г. в Сети появилась интернет-газета 007-berlin.de, которую выпускают русские и немцы на двух языках. Девиз газеты «Берлин для русских, русские для Берлина». Под словом «русские», как говорит живущий в Берлине с 1994 г. руководитель проекта Ильдар Назыров, «подразумевается русскоязычное население Земли». Сочетание 007 к знаменитому агенту британской разведки никакого отношения не имеет, это просто две первые цифры, которые набираются при телефонном звонке в Россию. 007-berlin.de информирует на русском главным образом о событиях, происходящих в Берлине, а на немецком — о русскоязычных мероприятиях в столице.

С 2003 г. существует сайт www.berlin-ru.net — официальный берлинский портал, предоставляющий информацию только на русском языке. Чрезвычайный и полномочный посол России в ФРГ Владимир Котенев в приветственном слове по случаю открытия ресурса сказал: *«В Германии портал может стать гидом для живущих здесь наших соотечественников, будет полезен и тем, кто изучает русский язык или готовится к сотрудничеству с российскими партнерами. В России он наверняка пригодится всем, кто интересуется Германией, ее наукой, культурой, рассчитывает завязать партнерские отношения с немецкими коллегами. Им смогут воспользоваться и российские туристы, планирующие поездку в германскую столицу».* Сайт обслуживает компания 007-берлин. Его посещаемость около 3000 человек в день.

Оба сайта предоставляют разнообразную информацию о культуре, искусстве, развлечениях, выставках, ресторанах, отелях, достопримечательностях, о политике и бизнесе, обществе и его традициях, о простых людях в Берлине. Здесь можно заказать экскурсию, взять машину в аренду, забронировать отель. Второй проект также возглавляет Ильдар Назыров.

На сайте www.pressaru.de бесплатно представлены более 30 газет и около 20 русскоязычных журналов,

выходящих в Германии на русском языке. С помощью «мышки» страницы изданий можно перелистывать, увеличивать для удобства чтения, распечатать.

«ДИАЛОГ» ПО-БЕРЛИНСКИ

В ноябре 1988 г. в Доме советской науки и культуры (сегодня Российский дом науки и культуры/РДНК) появились новоселы. В небольшой комнате обосновался клуб «Диалог». Изначально своими главными задачами он видел помощь землякам в интеграции в новую жизнь, создание плодотворных предпосылок для диалога двух культур — русской и немецкой, реализацию различных проектов в этих направлениях. Возглавила «Диалог» русская жительница Берлина почти с двадцатилетним стажем Татьяна Форнер, впоследствии бессменный руководитель «Диалога», ныне старейшей зарегистрированной общественной русскоязычной организации Берлина.

Татьяна Форнер родилась в Латвии в русской семье. Училась в МГУ на химфаке, познакомилась там со студентом из Берлина, вышла замуж и уехала в город на Шпрее. Здесь работала по специальности в Университете им. Гумбольдта, изучала философию и социологию, занималась переводами. В 1988 г. основала и возглавила клуб «Диалог», которым руководит и по сей день. Когда Германия стремительно пошла к объединению, «Диалог» не остался в стороне. Как представительница Независимого женского союза, Татьяна Форнер участвовала в работе «круглого стола» при правительстве ГДР. В 2003 г. за плодотворную деятельность в области развития взаимопонимания и интеграции «Диалог» удостоился премии «Союза за демократию и терпимость» (Bündnisses für Demokratie und Toleranz). Татьяна Форнер в 2000 г. была награждена Почетным крестом ФРГ, а в 2003 г. — орденом М. Ломоносова. В 2004 г. ее избрали в Совет по вопросам интеграции и миграции берлинского сената.

Объединение страны, увеличение еврейской эмиграции, прибытие очередной «волны» немцев-переселенцев очень изменило облик «Русского Берлина». Шире стал и спектр задач клуба. Сегодня сюда приходят и те, кто делает первые шаги в Берлине, и те, кто хорошо устроился и хочет пообщаться со «своими», и те, кто в Берлине давно, но до сих пор тянется к русской речи, литературе и музыке.

Члены клуба решают крупные и разнообразные задачи: реализуют социально-культурные и интеграционные проекты, проводят комплексную интеграционную работу в области образования и профессиональной ориентации, принимают активное участие в международных программах и многонациональной культурной жизни Берлина. Теперь помимо главного офиса, который по-прежнему находится в РДНК и занимает ныне почти полкрыла третьего этажа, «Диалог» имеет несколько филиалов в других районах города.

Совместно с МИД РФ и Посольством РФ в Германии «Диалог» провел осенью 2008 г. Региональную конференцию представителей российских соотечественников, проживающих в странах Европы, а также конференцию «Русскоязычная молодежь в Германии — проблемы, поиски, перспективы».

В клубе предоставляются консультации по социальным и юридическим вопросам, работают курсы немецкого, английского и русского языков, регулярно проходят встречи в секциях по интересам: «Женский взгляд», «Литературная студия», «Сфера», «Феномен», берлинское кафе любителей литературы и искусства (Kuenstlercafé).

Проводятся тематические семинары «Русские немцы и их история», «Миграция и интеграция из Восточной Европы», «Русский Берлин», читаются лекции по истории русской культуры и изобразительному искусству, а также организуются тематические экскурсии по Берлину.

Здесь побывало немало интересных людей. Среди них — Валентин Фалин, Владимир Войнович, Чингиз Айтматов, Лев Копелев, Даниил Гранин, Андрей Битов, Булат Окуджава, немецкие писатели Криста Вольф и Штефан Хермлин, психоаналитик Хорст-Эбергарт Рихтер, потомок «железного канцлера» Германии Отто фон Бисмар-

ка граф Клаус фон Бисмарк, публицист и политик Гюнтер Гаусс... На одной из стен клуба создан впечатляющий коллаж из фотографий многих из них.

В связи с недавним празднованием 20-летия падения Стены Татьяна Форнер провела серию встреч с известными немецкими журналистами, писателями и политиками под рубрикой «На перекрестке Востока и Запада — Берлин 20 лет тому назад и сегодня». Среди ее собеседников бывший премьер-министр ГДР Ханс Модров и автор монографий о России публицист Эвальд Бёльке.

Продолжая традиции литературных кафе послереволюционного «Русского Берлина», в «Диалоге» устраиваются выступления русскоязычных писателей и поэтов из России и Германии, лекции к памятным датам. Например, лекции о творчестве Андрея Платонова и Бориса Пастернака. К 210-летию со дня рождения А.С. Пушкина в июне 2009 г. «Диалог» провел Пушкинский праздник, в котором приняли участие около 500 человек.

В клубе выступают не только представители культуры — эмигранты, но и гости из России, такие как поэты Инна Ка-

Ангела Меркель, тогда еще министр по делам женщин и молодежи, в клубе «Диалог»

быш и Юрий Ряшенцев, режиссеры Виталий Мельников и Иосиф Райхельгауз. Здесь часто устраиваются вернисажи художников и фотографов, живущих в Германии.

Духовные беседы ведет отец Андрей Сикоев, приходской священник церкви Покрова Пресвятой Богородицы. Послушать его, задать вопросы приходят представители разных национальностей. Разговор идет не только на богословские темы, обсуждаются также вопросы истории, культуры, нравственности.

При поддержке «Диалога» создано и действует берлинское Общество им. М.И. Глинки, а Музыкальному салону в Российском доме науки и культуры присвоено имя композитора.

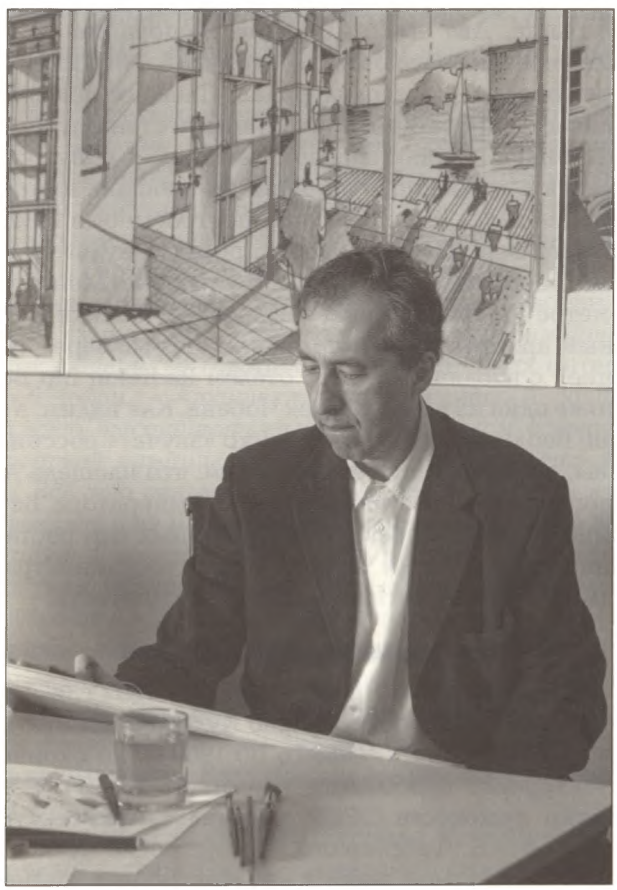
В январе 1994 г. для облегчения интеграции детей и подростков, приехавших в Берлин из стран бывшего Советского Союза, при «Диалоге» был создан молодежный центр «Шалаш». В своем названии и отчасти в целях и задачах он принял эстафету существовавшего в 1920 г. в Берлине театра миниатюр «Шалаш русского актера». Одно время «Шалаш» был единственным русскоязычным клубом для молодежи в Берлине. В новом «Шалаше» двери открыты для гостей всех национальностей. Здесь есть репетиторские курсы, кружки по интересам, детский театр, компьютерные курсы, секция тэквондо, школа танцев, молодежное кафе и т. д. В центре можно получить консультации по социальным вопросам, по вопросам школьного и профессионального обучения.

В 2000 г. в районе Марцан, где проживает большинство русскоговорящих детей и подростков Берлина, открылся социокультурный проект «Диалога» — «Шалаш-Ост», интересный и немцам-переселенцам, и коренным берлинцам.

Не так давно в районе Веддинг был открыт культурный центр «Диалог-Хаус». Там теперь базируются международный молодежный центр «Шалаш», Интеграционный колледж, где проходят занятия по программе профессионального обучения, а также субботний колледж для детей и Академия для родителей. А в клубе «АВИАТОР» проводятся праздничные вечера, презентации, встречи с интересными людьми и т. д. «Диалог» продолжается.

БЕРЛИНСКАЯ АРХИТЕКТУРА СЕРГЕЯ ЧОБАНА

Многие эмигранты послереволюционной волны приезжали в Берлин на Силезский железнодорожный вокзал (ныне Остбанхоф/Osrbahnhof/Восточный вокзал), подробно описанный Карлом Шлёгелем в книге «Берлин. Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1918—1945)». С этого вокзала начиналась для них немецкая столица.



Берлинский архитектор из Ленинграда Сергей Чобан

Сегодня авиапассажиры, прибывающие в Берлин через аэропорт Шёнефельд, проходят к расположенной в паре сотен метров от аэровокзала железнодорожной станции электрички и региональных поездов по дугообразной крытой галерее со стеклянной стеной. Она спроектирована Сергеем Чобаном, приехавшим в Германию из России в начале 1990-х гг. Таким образом, в наши дни «Русский Берлин» начинается сразу за дверями аэровокзала. С галереи в Шёнефельде, если считать от этого аэропорта, начинается и коллекция проектов архитектора-эмигранта Сергея Чобана, реализованных в немецкой столице. Две его следующие экспозиции встречаем уже через полчаса езды электричкой в историческом центре города на Александерплац. Слева от вокзала поблескивает синеватыми стеклянными стенами кинотеатр «Кубикс» (Cubix), справа стоит одно из двух сохранившихся с довоенного времени на площади зданий — «Беролина-хаус» (Berolina Haus), построенное в 1930-х гг. Кинотеатр Сергей Чобан проектировал «с нуля», историческая «Беролина» была реконструирована. Менее чем в километре отсюда, на берегу Шпрее, расположился уникальный архитектурный комплекс «ДомАкваре» (Dom-Aquaree), с входящим в него отелем Radisson Blu Berlin. Это тоже одна из работ Сергея Чобана. Как видим, в этом районе Берлина достаточно громко «звучат» российские мотивы, особенно в сочетании с тем, что площадь Александерплац названа в честь русского императора. Всего в Берлине около 20 объектов, построенных или реставрированных по проектам Чобана: жилые и административные здания, отели, магазины, галерея, кинотеатр.

От Ленинграда до Берлина

Сергей Энверович Чобан родился в 1962 г. в Ленинграде. В 1980 г. окончил среднюю Художественную школу им. Б. Иогансона. С 1986-го по 1989 г., по окончании архитектурного факультета Института им. И. Репина Академии художеств СССР, работал в Архитектурной мастерской В.Б. Фабрицкого. Потом, после нескольких лет самостоятельной работы архитектором в Ленинграде, переехал в ФРГ.

«Моя профессиональная деятельность в Германии началась в Гамбурге, — рассказывает Чобан. — *В 1992 г. я приехал туда с выставкой и вскоре стал работать в гамбургском архитектурном бюро NPS. Этому способствовало в том числе и то, что диплом Российской академии художеств был приравнен в Германии к аттестационным свидетельствам немецкой Академии. Вместе с тем некоторым конкретным основам реализации профессии архитектора в его западном варианте пришлось доучиваться на месте. В 1995 г., уже в статусе одного из руководящих партнеров переименованного в NPS Tchoban Voss бюро, я возглавил его берлинский офис, который существовал и до этого, но работал весьма вяло».*

С этого времени Сергей Чобан начинает активно работать в Берлине. Сегодня он член Союза немецких архитекторов (BDA), обладатель различных архитектурных премий и участник многих архитектурных выставок. Он по-прежнему верен компании, в которой началась его карьера в Германии. Очень успешная карьера! В ее развитии немаловажным было полноценное освоение немецкого языка. *«Язык нужен архитектору примерно так же, как актеру,* — говорил в одном из своих интервью Сергей Чобан. — *Архитектор должен уметь продвигать свою идею, отстаивать ее перед заказчиком, а зачастую и городской администрацией. Он должен уметь убеждать. Все это связано с языком. Этот простой языковой фактор, а не мои особые таланты помог мне в жизни на Западе. Я просто полюбил другой язык, выучил его хорошо, умею объяснить свои идеи и быть убедительным, что является важной составляющей успеха».*

Сейчас, когда говорят о выходцах из России, сумевших реализовать себя в Германии, вместе с культовым писателем и диджеем Владимиром Каминером, директором балетной труппы Берлинского государственного оперного театра Владимиром Малаховым называют и Сергея Чобана.

В портфолио бюро NPS Tchoban Voss престижные столичные заказы. По его проектам построены и реконструированы здания на самых известных улицах Берли-

на. Среди них — важнейшие городские артерии Унтерден-Линден, Тауэнциенштрассе (Tauenzienstrasse), Вильмердорферштрассе (Wilmerdorferstrasse)...

Самое любимое

«Из берлинских построек, — говорит Сергей Чобан, — *мне особенно дороги кинотеатр "Кубикс" и модернизированное нами историческое здание "Беролина-Хаус" на Александерплац, комплексы "ДомАкваре" и "Кронпринценкарре", а также синагога на Мюнстершештрассе».*

Возведенный в 2001 г. многозальный кинотеатр Cubix отмечен призом за лучшее интерьерное решение. Здание, облицованное черным гранитом, с большими стеклянными лентами-окнами особенно эффектно выглядит вечером, когда в нем зажигается освещение, и пять этажей светящегося куба сами становятся похожими на большой экран, на котором можно наблюдать внутреннюю жизнь здания.

Непростая задача стояла при работе над проектом реставрации архитектурного памятника немецкого ардеко — здания Berolina Haus. Время диктовало новые функциональные задачи этому зданию, в то же время надо было сохранить его исторический облик, адаптировав его к новому облику архитектурного ансамбля, который должен был образоваться на площади Александерплац в ходе ее реконструкции. Было решено, что к Berolina Haus вернутся его основные офисно-торговые функции (с 1993 г. здание пустовало). Теперь его основным арендатором стала крупная компания «C&A», специализирующаяся на торговле готовой одеждой. Первые этажи здания отданы под ее магазин.

Отель Radisson Blu Berlin занял особое место в современной архитектуре благодаря установленному в его холле самому большому в мире аквариуму цилиндрической формы, высотой 25 метров и объемом резервуара около 1 млн литров. Его строительство заняло два года и обошлось в 13 млн долларов. Внутри в декорациях подводного мира снуют свыше 2500 экзотических рыб. Время от времени к ним присоединяется аквалангист, который следит за порядком в «доме». Такого нет даже

Аквариум-гигант в отеле Radisson Blu Berlin, который проектировал Сергей Чобан

в знаменитых отелях дубайских шейхов. В середине башни-бассейна встроен стеклянный лифт, который за восемь минут поднимает пассажиров до верхней точки. Здесь можно выйти и обойти отель по внутреннему балкону. Весь проект обошелся в 500 млн евро. Помимо отеля в комплекс «ДомАкваре» входят еще три здания, группирующиеся вокруг внутриквартальной улицы-пассажа. Сергей Чобан подчеркивает, что *«никогда не стремился*

к созданию в Германии зданий в "русском стиле"». Но в атриуме отеля, по его словам, есть «*что-то от питерского принципа внутреннего двора, скажем, доходного дома, где все построено на работе заглублений, складок пространства*».

Архитектура для разных культур

«Мое российское происхождение — среда, в которой я вырос, полученное образование, образ мысли — все это сказывается в моем творчестве, — говорит Сергей Чобан. — *Но я не вижу в этом миссионерства. Я очень люблю Берлин, но мне также очень дорог мой родной город — Петербург, мне интересно работать в Москве... Я постоянно перемещаюсь между несколькими городами и странами, делаю разную архитектуру для разных культур — и вижу в этом преимущество моей профессии. Принципиального различия в работе, в подходах в работе архитектора в Берлине и в России я не вижу. Существенную роль и там, и там играет сочетание хорошей школы и многолетнего практического опыта».*

В берлинском бюро NPS Tchoban Voss работают порядка 50 человек. В основном это молодые немецкие архитекторы, графики и дизайнеры. Есть и несколько русскоговорящих сотрудников, что естественно для бюро, разрабатывающего проекты для России. Бюро расположено в одном из оригинальных районов Берлина — в историческом комплексе «Хакеше Хёфе» (Hackescher Höfe), находящемся недалеко от Острова музеев, рядом со станцией городской электрички «Хакешер Маркт» (Hackescher Markt). Здесь обширную анфиладу домов начала прошлого века в стиле модерн и ар-деко общей площадью 10 тысяч метров связывают в единый комплекс восемь проходных дворов. В них разместились театр-варьете, авангардные галереи, залы инсталляций, модные магазины, кафе, салон красоты, мастерская по реставрации мебели, велосипедный магазин, консалтинговая фирма, есть и жилые квартиры... В целом комплекс «Хакеше Хёфе» считается самым большим из подобных в Европе. Это особый, элегантный андеграунд по-берлински, где к тому же не так много зданий в стиле модерн.

Название комплекс получил по имени одного из комендантов Берлина, генерал-лейтенанта графа фон Хаке, создавшего в этом месте в середине XVIII в. район доходных домов, где помещения сдавались и под жилье, и, говоря современным языком, «организациям-арендаторам».

В 1906—1907 гг. комплекс был преобразован по принципу «здесь работаю, здесь и живу», характерному для берлинских рабочих кварталов начала XX в. Жилые помещения, мастерские и магазины группировались вокруг «главного дома», где размещались самые дорогие квартиры. После объединения страны архитектурный ансамбль был тщательно отреставрирован по старым эскизам. «Дворы» притягивают к себе молодежь, туристов, просто приезжих. Здесь постоянно проходят выставки и вернисажи современного искусства. Нередко галереи объединяются для проведения совместных акций, и публика в течение вечера постепенно перетекает из одного зала в другой, следуя сценарию действа. Одна из них — галерея Arndt — небольшой павильон со стеклянной стеной в третьем дворе — спроектирована в бюро NPS Tchoban Voss. Долгие годы это небольшое минималистское здание служило дополнительным павильоном для выставок архитектурной галери AEDES.

В России Сергей Чобан известен прежде всего как автор проекта «Федерация», самого высокого здания в Европе, состоящего из двух призматических стеклянных башен «Восток» (360 метров) и «Запад» (243 метра), сориентированных вокруг прозрачной мачты с панорамными лифтами. В одной из башен разместятся офисные помещения, в другой — гостиница. Разработанный Чобаном вместе с архитектором из Германии профессором Петером Швегером проект был признан лучшим из 40 работ, представленных на конкурс ведущими архитектурными мастерскими мира. Завершение строительства намечено на 2010 г.

Здания в центральной части Берлина, построенные или реставрированные по проектам Сергея Чобана

Галерея «Арндт» — Розенталерштрассе (Rosenthalerstrasse, 40/41), «Хакеше Хёфе» (Hackescher Höfe), двор 3;

Кинотеатр «Кубикс» — Ратхаусштрассе (Rathausstrasse,1);

Беролина-Хаус (реставрация и модернизация) — Александерплатц (Alexanderplatz, 1);

Комплекс «ДомАкваре» — Карл-Либкнехтштрассе (Karl-Liebknehtstrasse, 1—5);

Комплекс «Кронпринценкарре» — Райнхардштрассе (Reinhardstrasse, 48—52);

Офисное здание на Унтер-ден-Линден — Унтер-ден-Линден (Unter den Linden, 32—34);

Магазин «Сатурн» — Тауентциенштрассе (Tauentzienstrasse, 9);

Офисно-торговое здание — Тауентциенштрассе (Tauentzienstrasse, 18);

Здание на Курфюрстендамм (Kurfuerstendamm, 38/39);

Еврейский культурно-образовательный центр с синагогой — Мюнстерштрассе (Muensterstrasse, 6);

Здание на Мюллерштрассе (Muellerstrasse, 84);

Торгово-офисное здание на Вильмерсдорферштрассе (Wilmersdorferstrasse, 121);

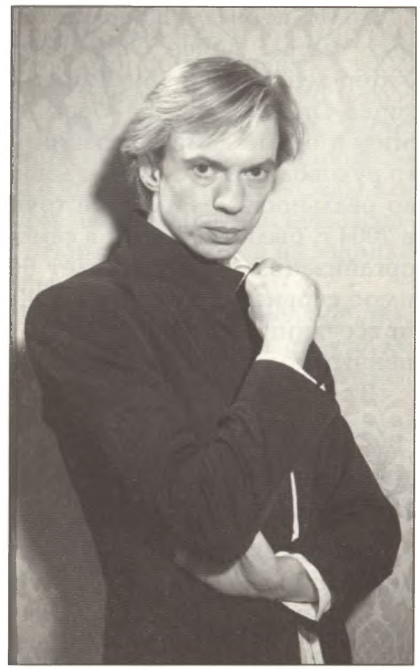
Здание на Штуттгартерплатц (Stuttgarterplatz, 1).

РУССКИЙ ДИРЕКТОР БЕРЛИНСКОГО БАЛЕТА

Первую позицию в берлинском балете занимает представитель России Владимир Анатольевич Малахов — танцор столетия и один из самых удачливых театральных менеджеров. В 2002 г. он был приглашен на работу художественным директором балетной труппы Берлинского государственного оперного театра на Унтер-ден-Линден (Staatsoper Unter den Linden).

Малахов перебрался на Запад в 1991 г. Причем решение, рассказывал он в одном из интервью, было спонтанным: *«... Я и сам не думал, что уеду, — это получилось случайно. Все шло прекрасно: меня все любили* (в России. — *Авт.*), *все у меня было — и квартира, и партии интересные, мне все давали танцевать и отпускали на любые гастроли* (до этого он танцевал ведущие партии в Государственном академическом театре «Классический балет» под руководством Наталии Касаткиной и Владими-

ра Василёва, где провел "пять счастливых лет" — *Авт.*). *И вдруг на гастролях в Америке пришла мысль: а почему бы не поработать на Западе? И я остался — с русским паспортом и без знания языка. У меня был тогда контракт с театром в Штуттгарте, я работал в классах, учил язык, танцевал "Видение розы", и тут позвонили: "Хотите танцевать "Ромео и Джульетту" в Венской опере?" — "Конечно, хочу!" Станцевал, был большой успех — и сразу заключили контракт. Проработал там четыре сезона».* В 1994 г. он танцевал в Национальном балете Канады, в 1995 г. дебютировал в Метрополитен-опера в Нью-Йорке.



Директор Staatsballet Berlin Владимир Малахов Фото: Андрей Глюсгольд

Поначалу Владимир Малахов думал о том, чтобы стать директором в Вене, в 1994 г. он получил австрийское гражданство. Но сложилось так, что его пригласили в Берлин. Это оказалось, по словам Владимира, к лучшему. В Вене, по его словам, став директором, он был бы вынужден увольнять своих друзей, с которыми долго проработал вместе, чего ему не хотелось делать. В Берлине Малахов работал наездами, и здесь в этом смысле было проще.

Сегодня у Малахова свой дом в Вене, квартиры в Берлине и Нью-Йорке. Он владеет английским, немецким, немного японским, понимает итальянский. Не забывает и русский. Но думает уже нередко по-английски.

До его переезда в Берлин там были три оперно-балетных театра: Дейче Опер (Deutsche Oper), Штатсопер Унтер-ден-Линден (Staatsoper Unter den Linden) и Комише Опер (Komische Oper). Идею объединить их под эгидой одной администрации и одного художественного руководства обсуждали давно. При Малахове это стало реальностью. Балетные труппы двух первых театров в 2004 г. были выделены в самостоятельную творческую организацию — Штатсбалет Берлин (Staatsballet Berlin) плюс сервисная компания Ballet GmbH. Позднее к ним присоединились танцовщики Комише Опер. Объединенный коллектив возглавил Владимир Малахов.

В результате объединения прекратилась конкуренция между площадками, открылись новые возможности планирования репертуара. Берлинский Штатсбалет дает до ста спектаклей в год плюс несколько премьер. Оперные труппы по-прежнему работают отдельно друг от друга, при этом технические службы шьют костюмы и делают декорации для всех подразделений.

С приходом Малахова в Берлинскую оперу на ее афишах часто стали появляться русские фамилии. Их более десятка. Среди них москвичка Полина Семенова (Семионова) — одаренная балерина, которую, как говорит Малахов, он «*украл прямо из школы*» (имеется в виду московская балетная школа при Большом театре). Причем в Берлине Малахов взял ее сразу на ведущие роли. Теперь немцы приходят на спектакли с участием русской балерины, чтобы «*увидеть, как танцует это чудо*». Надежда Сайдакова работала с Малаховым еще в «Классическом балете». Людмила Коновалова — в прошлом ведущая солистка московского театра «Русский балет». Артем Шпилевский и Диана Вишнева танцевали до Берлина в знаменитой Мариинке...

Как балетмейстер Владимир Малахов много экспериментирует, он формирует репертуар из разных по стилю и направленности спектаклей. Здесь идут постановки довоенного Джорджа Баланчина, послевоенных Джона Крэнко и Кеннета Макмиллана, современных Иржи Килиана и Уильяма Форсайта... Одной из наиболее ярких работ артиста стала новая версия балета Бориса Эйфма-

на «Чайковский», где Малахов исполнил главную партию. Им был поставлен новаторский балет «Кольцо Нибелунгов», который длится долго, по-вагнеровски, пять часов. В нем исполнители не только танцуют, но и разговаривают, поют. В 2008 г. Штатсбалет Берлин сыграл «Спящую красавицу» в Гранаде на 57-м Международном фестивале музыки и танца в дворцовом парке «Сады Хенералифе», самом красивом месте мавританской Испании. Зал был устроен под открытым небом, а на заднике стояли настоящие кипарисы.

Помимо классики («Лебединое озеро», «Щелкунчик», «Золушка», «Жизель») в Штатсопер идут и спектакли старинной хореографии — «Маркитантка», «Пахита», «Сильфиды»...

Руководя труппой, Малахов много работает как танцовщик и делает это не менее успешно, чем раньше. Он позирует для художественной фотографии, снимается в кино, моделирует балетные костюмы.

В берлинской балетной компании сегодня примерно 15—20 % представителей России. Довольно много русскоговорящих из бывших социалистических стран, владеют русским восточные немцы и даже японки. Ведь многие учились в России. Вместе с английским русский язык можно назвать вторым рабочим языком коллектива.

В Берлине Малахов живет один, его родители не хотят уезжать из Кривого Рога, где родилась будущая звезда мирового балета, но часто бывают в Германии в гостях у сына. В немецкой столице артисту нравится, хотя он и назвал ее как-то *«тяжелым городом»*. Но *«мне здесь уютно»*, — говорит он.

WAEHLEN SIE KAMINER!

Когда в 1990 г. ГДР открыла двери для советских евреев как гуманитарных беженцев, Владимир Каминер, ныне культовый писатель, чьи книги на немецком языке пользуются необыкновенной популярностью в Германии, решил, что это его шанс... поехать в Данию. Там, пока в годы перестройки он служил срочную службу в ракетных войсках Советской армии, оказались многие

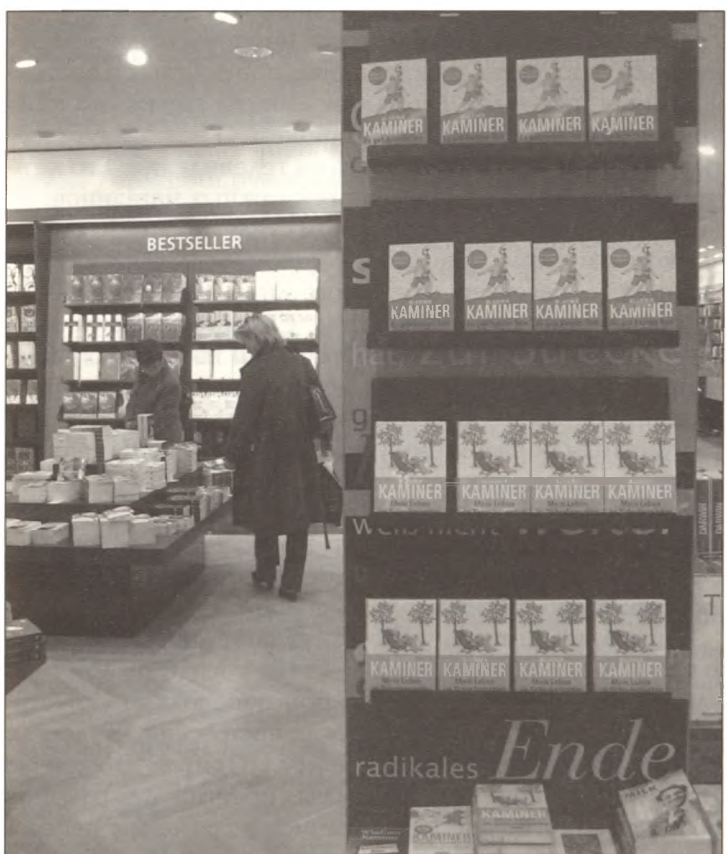
Владимир Каминер, писатель, основатель Russendisko. Фото автора

его друзья. После демобилизации Владимир работал в театральных мастерских российского Союза театральных деятелей. У него не было особых проблем с властью или с проявлениями антисемитизма. Хотя как-то раз он постоял с друзьями перед московской синагогой с плакатом «Пустите нас в Израиль». Владимир Каминер захотел уехать просто потому, что почувствовал себя свободным и решил посмотреть мир.

Отправившись в ГДР по гостевой визе, он «сдался» там в Красный Крест, провел какое-то время в лагере для беженцев, а потом поселился в районе Пренцлауэр-Берг, из которого тогда немцы один за другим выезжали на Запад. Еще до объединения Германии он получил гражданство ГДР. По его словам, он никогда не видел Стену в ее первозданном виде. Когда он появился в Берлине, ее уже почти разобрали. *«Все как-то очень быстро сложилось,* — рассказывал потом Владимир. — *В первые два месяца появились и своя квартира, и какая-то интересная работа, и место в университете... Легко и быстро. В России эту квартиру дурацкую пришлось бы ждать полжизни...»* В Данию его, правда, поначалу с паспортом беженца не пустили. Он поехал туда позже, после объединения Германии, прожил пару месяцев, заскучал и вернулся в Берлин.

Трудовую деятельность в Германии Владимир начал с того, что перепродавал пиво на вокзалах. Потом устроился в небольшой русскоязычный театр заведующим литературной частью. Приобрел известность, когда выступил с докладом о русской культуре в одном берлинском лите-

ратурном кафе, за что получил первый гонорар в 500 марок. Выступление оказалось очень успешным. На Владимира обратили внимание, и процесс пошел. Появились новые приглашения, новые лекции, выступления перед публикой с рассказами. Спустя несколько лет Владимир освоил немецкий язык настолько, что стал печататься в немецких газетах и журналах, у него появились рубрика в программе «Утренний журнал» (Morgenmagazin) второго телеканала немецкого телевидения ZDF и передача на Multi-Kulti, международной радиостанции, трансли-



Книги Владимира Каминера являются в Германии национальными бестселлерами. Фото автора

рующей свои передачи на языках основных национальностей, представители которых проживают в Берлине. В 1999 г. вместе с Юрием Гуржи он открыл ставшую широко известной дискотеку Russendisko.

Годом позже Каминер написал сразу на немецком языке одноименную книгу, которая была переведена на 10 языков, включая русский (но плохо), и распродана тиражом 500 тысяч экземпляров. Писатели пишут на неродном языке очень редко, и в этом смысле Каминера сравнивают с Набоковым, который жил в Берлине и писал на английском языке (тот, правда, знал его с детства).

Сегодня он уже автор 15 книг (пишет в основном по-немецки) и входит в десятку самых популярных и востребованных писателей Германии. Общий тираж его книг приближается к полутора миллионам. О нем пишут газеты и журналы, он частый гость на телевидении. Его книгами уставлены полки немецких книжных магазинов.

Каминер пишет в разговорном стиле, простым, ясным языком, с мягким, душевным юмором. Большая часть его историй — рассказы от первого лица, адресованные и немцам, и русским эмигрантам. Скупыми характерными мазками прорисовывая образы, он избегает оценок, непринужденно играя роль добродушно-ироничного и немного наивного постороннего наблюдателя. Каким-то чудесным образом ему удается донести до немецкого читателя символику таких фраз, как, например, *«чудна Шенхаузер Аллее при любой погоде, да только не всякий автобус с туристами долетит до ее середины»*. Его рассказы, как правило, имеют счастливый конец. Он объездил Германию с ними вдоль и поперек.

Героями Каминера часто выступают друзья-эмигранты, турки, вьетнамцы, его немецкие соседи по дому, по улице. Он говорит, что его район переполнен сюжетами. Здесь живут люди творческих профессий, студенты, алкаши, безработные, иностранцы... Притом что сейчас Пренцлауэр-Берг — один из самых престижных районов Берлина. Многие рассказы Каминера связаны с переездами. В увлекательные путешествия с приключениями в его рассказах превращаются и поездки в городской электричке на три остановки. А может случиться так, что его

герои, собираясь в Париж, в конце концов просто идут в кино. Каминер пишет не только о Германии, но и о России, а приезжая на первую родину, нередко воспринимается как проводник немецкой культуры.

Он талантливый рассказчик. Просто, без лишних слов, он излагает небольшие истории, умело выделяет из жизни смешные сюжеты. Как рассказчик ездит по миру, много выступает. Перед нападением американцев на Ирак съездил в США, чтобы принять участие в акциях протеста. Номинирует себя как носитель советской культурной традиции. Сегодня Владимир Каминер, пожалуй, самый известный представитель русской эмиграции в Германии. Говорят, он как-то заявил, что собирается в 2011 г. выставить свою кандидатуру на должность правящего бургомистра Берлина. А почему бы и нет? Если Америкой правит чернокожий президент, а правительством Германии руководит бывшая комсомолка из Восточной Германии... И коль скоро Владимир Каминер примет участие в избирательной кампании, призываю: Waehlen Sie Kaminer! Голосуйте за Каминера!

ЭКСПРОВИЗАЦИИ САШИ ПУШКИНА

Он впервые вышел на сцену в восемь лет. В 22 года выступал перед аудиторией в 10 000 человек. Сейчас он один из наиболее уважаемых пианистов-импровизаторов Европы. Его пытаются сравнивать с американским корифеем сольных импровизаций Кейтом Джарретом, но уникальный талант Пушкина по аналогии с известной фразой о рекламе «*в сравнении не нуждается*».

Саша Пушкин переехал в Берлин из Санкт-Петербурга в начале 1990-х гг. Мультикультурная атмосфера города активно способствовала раскрытию его разнообразных талантов. На берлинской сцене он впервые появился в 1994 г. и спустя год создал свою группу. В 1997 г. участвует в подготовке проекта SKIF — первого берлинского фестиваля, посвященного памяти ленинградского концептуалиста Сергея Курехина, с безвременной смертью которого российская современная музыка потеряла ВСЕ. В 1999 г. Пушкин успешно выступает на берлинском поэтическом слэм-

Экспровизатор Саша Пушкин

фестивале. Годом позже выступает как организатор и участник русско-немецкого фестиваля берлинских эмигрантских музыкальных групп «Потемкин»...

Называть Сашу Пушкина сейчас эмигрантом неверно, он, скорее, берлинский музыкант с российскими корнями. Сам себя он считает «просто человеком мира». И это очень ярко прослеживается в его необычном творчестве.

Его музыка с трудом вписывается в понятие какого-то формата или стиля. Он много экспериментирует и часто сотрудничает с другими музыкантами. Его композиции как бы рождаются из общей атмосферы вечера, представляя собой непрерывно меняющуюся мозаику причудливых музыкальных картинок, в которых каждая вновь

рожденная нота влечет за собой другую, извлекаемую в свою очередь особым образом из инструмента.

Саша не только сочиняет музыку и поет, но выступает также в качестве электронщика-программиста. Со своим творческим партнером — африканцем Сулейманом Туре — Саша подмешивает арабо-африканскую ритмику в песнопения Бориса Гребенщикова во время его первого квартирника в Берлине, играет фьюжн с венгром Андрашем Тиборцем и легкий фри-джаз с тувинкой Саинхо Намчилак, с немцем Тобиасом Фетаке работает в области концептуальной электроники... Внедряется в классику и сочиняет музыку для кино. Экспериментирует с фольклором. Не забывает о детях, для которых делает программу «Пушкин о Пушкине», где читает стихи, превращая их в музыкальные картинки, импровизируя на фортепиано.

Весной 2002 г. в берлинском клубе «Ваффенгалери» (известном также как «Гараж») состоялся оригинальный концерт. Песни звучали на квеле (Qwelя), забавном языке, пародирующем причудливую русско-немецкую смесь, на которой изъясняются некоторые эмигранты из СНГ. На созданном к тому времени сайте было заявлено, что *«Саша Пушкин — выдающийся немецкий народный музыкант из Санкт-Петербурга, мастер по классу аккордеона, таптама, рояля и гитары, в 2001 г. за свои средства организовал этнографическую экспедицию в глухие малообследованные уголки берлинского района Neuкölьн. Переживая невероятные трудности и лишения, он составил драгоценный словарь квели в том виде, как его употребляют аборигены»*. В словарь вошли 135 слов, встречающихся в самых распространенных ситуациях повседневной жизни.

Вот несколько примеров:

— бар — наличные (зачем картой? заплачу баром);

— шпуры — следы (он уже идет по шпурам);

— ангебот — предложение (совсем дешевый ангебот);

— абшлёпать — оттащить (и машину еще абшлёпали);

— наххер — потом (а остальное — наххер!);

— квачить — болтать (посидели мы, поквачали);

— айнпрегать — впечатлять (ваша песня меня очень айнпрегала);

— клевенький — умненький (у вас очень клевенький сыночек).

Шуточная квеля стала одним из экспериментов Саша Пушкина — музыканта, художника, писателя и поэта. На этот раз в музыкально-литературной области.

Один за другим Пушкин открывает новые проекты: Pushkin Boom Beat, «Пушкин читает», «Пушкин Соло»... Один из последних — Pushkinsound Systems — открытая живая лаборатория звука. Проект с участием музыкантов из разных стран, в котором сочетаются как сиюминутные электронные сольные наигрыши, так и студийные записи. Рецепт создания оригинального звучания не ограничен стилистическими рамками, но в число основных ингредиентов этого пикантного блюда входят интенсивные современные ритмы: Drum & Bass, Electro, Trip Hop, Jungle, Reggae, Dance Hall, Electrotango, Rap, Worldmusic, Boom Beat и т. д. Поиск звучаний, идей и композиционных решений идет не только в студии, но и на глазах у публики. Соединяя элементы «диджейского» подхода, freestyle, исполнительское мастерство музыканта и вокалиста, Саша каждый раз создает свой личный и всегда новый синтез.

Еще один проект — Live Soundtracking — реализуется в формате киноконцерта. Зритель становится свидетелем уплотненного процесса создания живого звука, отслеживая вместе с музыкантом на сцене происходящее на экране. Подобно таперам немого кино, Саша использует современные электронные технологии для создания звукоряда фильма, смешивая при этом музыкальные стили и способы звукоизвлечения. Одной из таких работ стал полнометражный фильм Tuvalu — абсурдистская фантасмагория в монохроме, цвет которого меняется от серо-синего и ржавого до черно-белого... Эта неординарная картина немецкого режиссера Файта Хельмера неоднократно была номинирована на международных кинофестивалях и обрела свой культовый статус в области нестандартного кино.

Саша Пушкин выступает не только в Германии, но в других европейских странах, включая Россию. Он открыт всем стилям и жанрам, исповедуя им же созданную

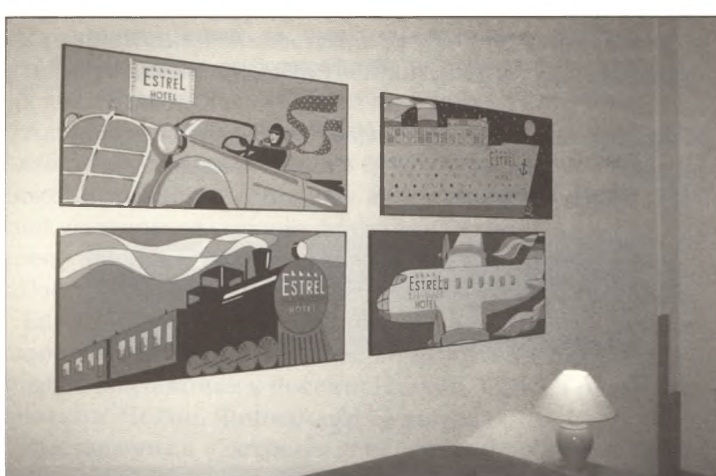
доктрину «экспровизации», которую определяет как неповторимое смешение красок, настроений и стилей.

О себе музыкант говорит так: «*Я крут и велик! Я творец мирового масштаба. Я, правда, не обладаю мировой популярностью. И имею свои не звездные странности, но это для меня совсем не показатель... Я не выпендриваюсь... Я себя таким ощущаю. И мне есть с чем сравнивать!*»

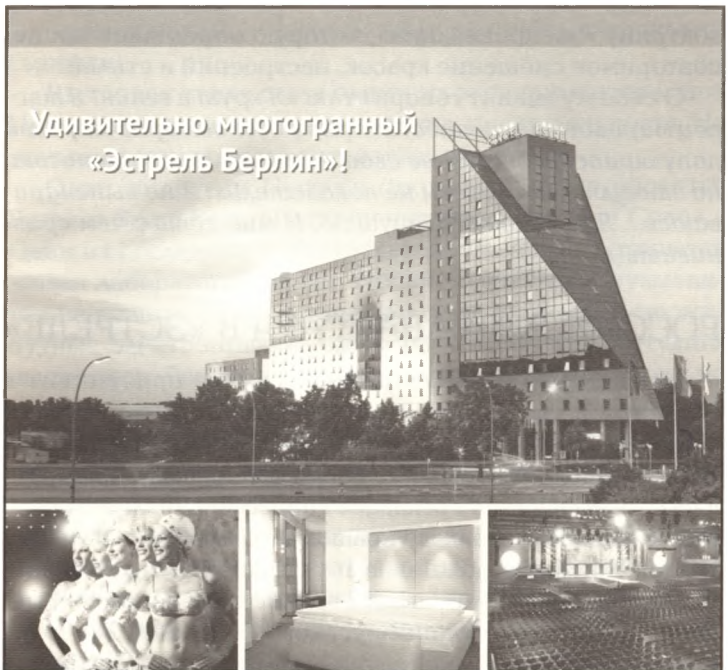
РОССИЙСКИЙ АВАНГАРД В «ЭСТРЕЛЕ»

Неожиданно обнаруживается русское присутствие в берлинской гостинице Estrel Residence & Congress 4* — самом большом отеле Германии (1125 номеров), который как *крупнейший в Европе конгрессно-гостиничный комплекс занесен в Книгу рекордов Гиннесса.* Стены его номеров, коридоров и холлов украшают около двух тысяч картин российских художников авангардного направления.

В конце 1994 г. крупный берлинский бизнесмен, меценат и эстет, поклонник русского авангарда Эккерхад Штрелецки предоставил группе московских художников трехмесячный грант на пребывание в Германии с бес-



Стены берлинского отеля «Эстрель» украшают картины современных российских художников. Фото автора



Гостинично-развлекательный центр Германии №1!

В отеле: исключительный сервис на уровне «четыре звезды»! В концертном зале: бесподобное музыкальное представление лучших в мире двойников суперзвезд шоу-бизнеса – Элвиса Пресли, Мадонны, Элтона Джона, Луи Армстронга и других. Живой звук, волнующая атмосфера встречи с великими хитами!

Размещение + «Шоу Пакет»

Размещение в двуспальном номере, включая завтрак и билет на концерт

96 € с чел./в сутки

ESTREL
BERLIN

ESTREL BERLIN · SONNENALLEE 225 · D-12057 BERLIN
TEL. +49 (0)30 6831-0 · FAX +49 (0)30 6831-2345
HOTEL@ESTREL.COM · WWW.ESTREL.COM

платным пансионом и оплатой бытовых и профессиональных расходов, а также поездок на внутригерманские и международные выставки. Изначально было оговорено, что созданные за это время работы художников будут выкуплены и размещены в отеле господина Штрелецки. О том, что должно быть нарисовано, речи не шло, предполагалась полная свобода творчества. Единственное, о чем просил заказчик, — чтобы, проснувшись в номере, гость не испугался изображенного на картине.

В результате отель Estrel превратился в галерею современного российского авангарда. В 1996 г. в отеле прошла выставка картин в рамках берлинского «Европейского художественного форума». В центре внимания оказалась «неоновая» скульптура «Леда и лебедь», ставшая первой совместной работой художников из Москвы в Берлине со времени объединения двух Германий.

Имена многих художников — участников проекта «Эстрель» — такое название за этой акцией закрепилось в среде искусствоведов — сегодня на слуху.

К примеру, Артем Киракосов — в отеле выставлены 79 его работ — выступает как организатор выставок, на которых представляет графику, тексты, скульптуру, инсталляции, фотографии, живопись, работает как художник разных специальностей, в различных направлениях музейного дела и художественной жизни, как реставратор, как педагог.

Активно выставляется Александр Дедушев, участник более 50 выставок в России и за рубежом. Его работы также находятся в собрании «Восточной галереи» (Москва), частной коллекции Маннинг Гудвин (Лондон), галерее «Герцева» (Москва) и в других частных коллекциях России, Германии, Англии, Бельгии, Франции и США.

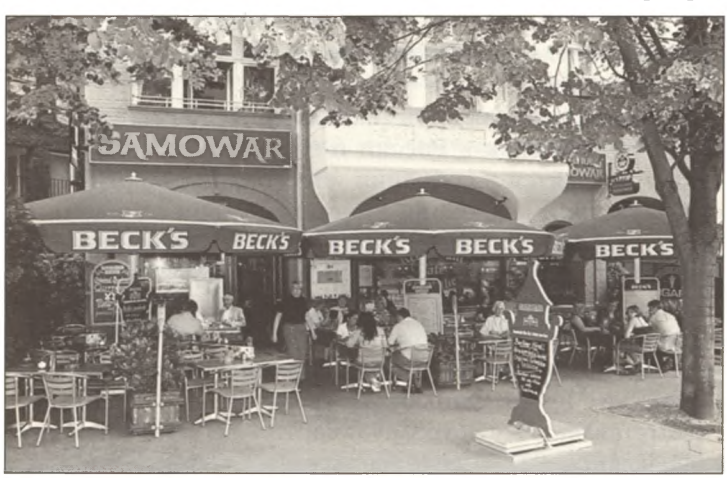
Еще один участник проекта — Юлия Федорова из подмосковного Красногорска. Ее работы представлены в частных коллекциях в России, Италии, США, Голландии, Словакии, Чехии, Финляндии, Бельгии.

Выставлены в «Эстреле» и картины Владимира Трямкина из поселка Пески Московской области. Его полотна также хранятся в частных коллекциях в России, Германии, Англии, Италии, Испании, США, Франции.

РУССКОЕ МЕНЮ

Во времена ГДР самым большим русским заведением общепита в городе, да, видимо, и во всей стране был двухэтажный ресторан «Москва», построенный в 1964 г. немецкими архитекторами Йозефом Кайзером и Вернером Дучке на Карл-Маркс-Аллее. Фактически это был культурно-развлекательный центр, где на первом этаже размещались ресторан национальной кухни народов СССР, винный ресторан и сувенирный магазин, на втором — чайный и кофейный салоны, концертный и танцевальный залы, помещения для проведения спецмероприятий. В подвале находился ночной бар. На церемонии открытия кафе советский посол в ГДР П.А. Абрасимов подарил немецким товарищам точную копию первого советского спутника, которая была установлена на крыше здания.

После объединения Германии «Москва» обанкротилась, хотя, по субъективным мнениям некоторых берлинцев, число посетителей не уменьшилось. Просто центр закрылся и на некоторое время превратился в дом-призрак с пустыми глазницами окон, над которым, однако, по-прежнему гордо «парил» советский спутник. Затем в здании был сделан ремонт, и «Москва» превра-



Старейший в новейшей истории Берлина русский ресторан Samowar

тилась в один из престижных берлинских деловых центров, где проводятся презентации, торжественные приемы, выставки, конференции, семинары и вечеринки для солидных людей. В подвале устроен суперсовременный бар. При реставрации немецкие специалисты сохранили первоначальный архитектурный облик здания снаружи и внутри. Как и раньше, кириллицей написано название ресторана. Парадный фасад по-прежнему украшает мозаичное изображение дружной компании советских людей из разных республик СССР, радостно строящих коммунизм.

В «Москве» больше не подают русских блюд, но они есть в меню примерно двадцати русских ресторанов и кафе Берлина. Их количество постоянно меняется, в какой-то момент их было более пятидесяти. Практически неизменным во всех таких заведениях остается основной набор блюд в меню: борщ, котлеты по-киевски, бефстроганов, сибирские пельмени, украинские вареники, блины с икрой, биточки, пирожки, салаты, закуски... Правильная русская водка... В некоторых ресторанах и кафе продаются русские сувениры, устраиваются небольшие выставки, проходят литературные вечера.

Старейший из русских ресторанов новейшей истории — Samowar — расположен на Луизенплац (Luisenplatz, 3). Посредине зала на почетном месте большой самовар, украшенный знаменитым «Чаепитием в Мытищах», в углу бюст Николая II, в зале коллекция старомодных напольных и настенных часов, звучит русская музыка... В 2009 г. Samowar отметил тридцатилетний юбилей.

Некоторые из русских ресторанов стоят сегодня почти там же, где «гнездились» русские эмигранты или располагались их рестораны и клубы первой волны.

На Уляндштрассе (Uhlandstrasse) разместился ресторан «Зеленая лампа» (Gruene Lampe). В 2008 г. он возглавил список лучших русских ресторанов Германии, составленный авторитетным французским кулинарным путеводителем «Го Мийо». Как известно, одноименный литературно-поэтический кружок, существовавший в Петербурге в XIX в., был назван «в честь» зеленого абажура на лампе в комнате заседаний, что символизирова-

ло «свет и надежду». Висит скромный зеленый абажур и в зале ресторана. На барной стойке разложены буклеты и флайеры с информацией о выставках и театральных спектаклях «Русского Берлина». Здесь периодически устраиваются мини-экспозиции.

Уляндштрассе занимает особое место в истории «Русского Берлина». В 1925 г. на этой улице в доме № 18 Александр Вертинский открыл бар-ресторан «Черная роза». Здесь же в одном из домов Есенин как-то трое суток скрывался от Айседоры Дункан. На Уландштрассе также в годы послереволюционной эмиграции размещались: русские кустарные мастерские «Кустпром» (д. 42), Комитет помощи русским гражданам в Германии (д. 156, II), Союз взаимной помощи офицеров бывших Российской армии и флота (д. 158), книжный магазин «Век культуры» (д. 169/170).

Памятное место «выбрал» ресторан Avantgarde, разместившийся на Ноллендорфплац, где, как уже было сказано, в кафе «Леон» находился знаменитый Дом искусств. Avantgarde считается весьма престижным местом. Здесь бывают многие известные люди, приезжающие в Берлин из России. В том числе как-то отобедали представители Московской патриархии.

Культовое место — кафе «Пастернак» на Кнаакштрассе (Knaackstrasse). Пастернак известен в Германии примерно так же, как Лев Толстой и Достоевский. Отсюда и популярность кафе. Зал оформлен в стиле начала прошлого века, на стенах развешаны портреты поэтов и писателей — современников Пастернака. Здесь подают, например, такое блюдо, как «Колхоз» — яичницу-глазунью с русскими (?) сосисками, жареной картошкой и солеными огурцами. Предлагается и еда из еврейской кухни.

В некоторых русских ресторанах проводятся «воскресные шведские столы». Они длятся по нескольку часов, как, например, Kaviarbrunch с красной икрой с 10.00 до 15.30 в «Зеленой лампе». В меню до двадцати наименований блюд — от закусок и супов до главных блюд. Количество подходов к столу неограничено.

Владельцы ресторанов, предлагая русское меню, ориентируются не только на русскую публику. Наоборот,

многие хотели бы видеть в своих заведениях побольше немцев. Говорят, бизнес, ничего личного. Но при этом добавляют, что видят себя как бы в роли послов русского кулинарного искусства.

ДАВАЙ ROCK-N-ROLL

Во времена «холодной войны» полуофициальным послом советской эстрады в обеих Германиях был вокально-инструментальный ансамбль «Ялла» из Ташкента, очень профессиональный коллектив, который играл музыку в стиле мягкий фольк-рок, умело используя восточные песенные мотивы в современной (1970-х гг.) обработке. Было ощущение, что ансамбль «прописался» в Германии. «Ялла» пел и по-узбекски, и по-русски, и по-английски, и по-немецки. Несколько песен ансамбля в начале 1970-х гг. попало в первую десятку национального хит-парада ГДР. «Ялла» не раз выступали в Западном Берлине.

На рок-н-ролльном направлении в Германии движение Востока на Запад началось в 1988 г. Основоположниками почина стали несколько немцев-энтузиастов, которые на волне перестройки очень заинтересовались таинственной страной на Востоке. В то время как в Москве выступления Scorpions организовывал Госконцерт и с немецкими рокерами встречался Михаил Горбачев, в Германии концертами советских/российских рок-музыкантов занимались в основном любители или полупрофессионалы. Узловыми моментами стали первые выступления в Берлине ансамблей «Популярная механика» и «Аквариум». Когда-то в Берлине с триумфом шли спектакли МХТ, теперь туда едут российские группы.

Пришествие «Популярной механики»

Инициатива шла снизу, от тех немцев и других иностранцев, которые тогда серьезно «заболели» русским роком. «*Самой видной фигурой, конечно, была Джоан Стингрэй, которая открыла Америке "красную волну" советского рока, а потом увезла к себе домой мужа из "Кино"*», — говорит берлинец Бернар Друба. Во второй половине 1980-х гг. он полгода прожил в Ленинграде. Изучал

Афиша первого фестиваля русского рока в Берлине Transmission (1988)

русский язык, не раз бывал на концертах-квартирниках, в Ленинградском рок-клубе, познакомился с питерскими музыкантами первой величины. «*Одновременно,* — рассказывает Бернар, — *я неплохо изучил правила выезда советских граждан за границу и особенности въезда в СССР иностранцев. У нас тогда довольно многие считали, что если в СССР Горбачев делает перестройку, то все двери открылись и можно без проблем путешествовать туда и обратно. Но все было еще не так просто, и надо было, как говорят русские, ходы знать*». Вернувшись в Западный Берлин, Бернар Друба написал несколько статей о советской рок-музыке, и в городе о нем стали говорить как о специалисте по России.

В Берлине тогда был очень популярен своего рода человек-оркестр под псевдонимом WestBam, в котором соединились слова West (от названия земли, где он родился — Westafalen, и одновременно слова «Запад») и Bam, которое было взято из имени американского диджея Afrika Bambaataa, которого нередко называют первым рэпером в истории музыки. Реально это был Максимилиан Ленц, диджей и продюсер из Мюнстера, который в 1984 г. появился в Берлине и очень быстро стал популярен, выступая в знаменитых клубах Loft и Metropol, а впоследствии принявший активное участие в организации и проведении берлинских праздников техно-музыки под открытым небом Love Parade.

В 1987 г. WestBam побывал в Риге, где принял участие в фестивале «Дни нового искусства» и познакомился с Сергеем Курехиным — талантливым композитором, экспериментатором и концептуалистом, равного которому так и не появилось ни на советской, ни на российской сцене после его безвременной смерти в возрасте 42 лет. Сергей Курехин руководил «Популярной механикой», уникальным коллективом, который по своему мастерству и творческому потенциалу уже тогда реально соответствовал мировому уровню музыкального авангарда. Кроме рок-музыкантов и джазовой секции, в «Популярную механику» входил струнный состав, фольклорный ансамбль, «индустриальная группа» звуковых эффектов, мимы из труппы «Лицедеи», художники и актеры ленинградских театров. На сцене одновременно могли находиться до 50 человек... В дополнение к музыке по сцене бродили странные существа: один таскал на голове огромный башмак, опутанный проводами, другой — клетку с ящерицей... Работяги в спецовках собирали из труб, металлических пластин и стекла фантастическое сооружение, одновременно разрушая его со скрипом и скрежетом. В Риге WestBam выступил вместе с «Популярной механикой», после чего вышел совместный альбом WestBam meets EastBam, где частица East символизировала Восток. Следующим шагом должно было стать выступление «Популярной механики» в Берлине.

Одновременно в Берлине заполучить Курехина хотела также одна очень моторная девушка по имени Моника Дюринг, которая занималась промоушном немецких инди-групп (независимых ансамблей. — *Ред.*) для клуба альтернативной музыки Loft. Моника познакомилась с Бернаром Друбой, и они объединились в одном проекте для организации концертов советских рок-групп в Берлине и в Германии в целом.

Первой крупной акцией стал фестиваль Transmission-2, организованный в 1988 г. Он прошел в Темподроме — огромной палатке, разбитой недалеко от Рейхстага и вмещавшей пять-шесть тысяч человек. Из СССР приехали «Популярная механика» с Сергеем Курехиным,

На сцене «Популярная механика». Фото: Андрей Усов

группа «Сало с луком» (СССР/США), «Приблизительное искусство» (Ungefaehre Kunst), с немецкой стороны играли Einstuerzende Neubauten («Обрушивающиеся новостройки»), The Blech, Der Mann in Fahrstuhl, MUFTI, а также международный проект WestBam meets EastBam.

Экспериментальная группа Einstuerzende Neubauten представляла собой западный аналог «Популярной механики». Немцы задавали ритм своим композициям, используя листы железа, канистры, пластиковые бочки, катали по сцене тележки для покупок, добавляя к этому звуки традиционных музыкальных инструментов с ведущей партией бас-гитары.

В городском бюджете это мероприятие удалось провести по строке культурно-познавательных мероприятий, что покрыло значительную часть расходов. С советской стороны одним из соорганизаторов фестиваля также выступила фирма «Мелодия». Мало того, Монике удалось подключить к участию в фестивале советское посольство. Оно выделило автобус, который возил участников фестиваля из аэропорта Шёнефельд, расположенного в Восточном Берлине, через пропускной пункт «Чекпойнт-Чарли» в Западный Берлин.

В рамках фестиваля прошел вернисаж, на котором были представлены около 30 картин, выполненных членами Ленинградского рок-клуба и другими приближенными к нему питерскими неформалами, включая Сергея Бугаева (Африку). Неожиданно почти все картины оказались проданы. Африка, например, получил несколько тысяч марок. По тем временам — фантастическая сумма. За два дня фестиваля на концертах побывали не менее 10 тысяч человек. Оказывается, в Советском Союзе есть рок-музыка, удивлялись немцы.

Вслед за прорывом «Популярной механики» в Берлин и в Германию в целом стали приезжать с концертами советские, а потом российские рок-группы и поп-ансамбли. Аудитория был разная. На некоторых клубных концертах слушателей (в основном немцев) было немногим больше, чем музыкантов на сцене. Потом, когда эмигрантов стало больше и заработали русские фирмы, которые стали заниматься шоу-бизнесом, основной аудиторией музыкантов из России стали представители диаспоры. Начали появляться и эмигрантские музыкальные коллективы, а также смешанные русско-немецкие ансамбли. Старейший из них — «Аппаратчик» — выступает уже 20 лет.

«Аквариум». Первый концерт, первый альбом

Вечером 8 ноября 1999 г. в Берлин въехали три автомобиля. Немецкая столица встретила их фейерверком и лазерным салютом. Но праздничная иллюминация была не в их честь. Берлин уже оделся в праздничную расцветку по случаю 10-й годовщины падения Стены, которая отмечалась на следующий день. И все-таки символично, что начало торжеств совпало по времени с первым приездом в Берлин российской культовой рок-группы «Аквариум», члены которой были пассажирами маленькой автоколонны.

Немецкая столица была вторым городом в маршруте первого турне «Аквариума» по Германии. Поездка началась в Мюнстере. Инициатором приезда «Аквариума» стал главный, по словам Бориса Гребенщикова, аквариумист Германии, свободный продюсер Крис Ваксмут, с

которым одну команду составили тогда бард Павел Гайда из берлинского молодежного центра «Шалаш» и Андрей Сабельфельд.

Разместившись в гостинице, музыканты отправились в «Шалаш» на деловой ужин с прессой, который прошел под девизом «Русские эмигранты встречают своего кумира». По итогам пресс-конференции были опубликованы статьи в Junge Welt и Berliner Zeitung.

На следующий день было запланировано интервью на радиостанции Multi-Kulti, которая уже несколько дней крутила трейлер (рекламный радиоролик) «Стоп-Машина» — новой песни группы.

Эфир прошел замечательно, хотя переводчица несколько раз назвала «Аквариум» «АукцЬЮоном», именем другой популярной российской рок-группы.

Потом были достопримечательности, музыкальный магазин «2001» на Kantstrasse, вечером бары, клубы...

Концерт состоялся на следующий день, 10 ноября в 20.00, в культурном центре Traenenpalast («Трененпаласт»/ «Дворец слез»), в который после объединения превратили зал пограничного-таможенного досмотра на бывшем КПП «Фридрихсштрассе». Здесь, на месте прощания друзей и родных, во времена Стены пролилось немало слез. Отсюда и название. Сегодня этого исторического места уже нет на карте города. Но есть огромный концертный зал, построенный поблизости на Фридрихштрассе.

На концерт собралось около тысячи человек. На разогреве был берлинский «Аэроплан» Павла Гайды, который предоставил «Аквариуму» часть недоставшей аппаратуры.

«Аквариум» представил программу «Стоп-Машина». *«Публика была в восторге,* — рассказывает Крис Вакмут. — *На особо крутые посылы со сцены зал отвечал огоньками зажигалок. По моему впечатлению, немцев было больше, чем на концерте в Мюнстере. Звук, правда, был не очень хорошо выставлен. Сказалось отсутствие мониторного пульта. Группу вызывали на бис. Все было очень в кайф. В последних песнях, где Боб играл на губной гармошке, весь зал пел вместе с ним.*

Ближе к концу концерта Борис снял очки... "Аквариум" впервые выступил в Берлине! Нам не верилось! Но мы это сделали!»

На следующий день по старой, еще советской традиции состоялся квартирник. Местом стал подвал пустого магазина по адресу: Berlin Schönhauser Allee, 185, к которому имел отношение Макс Федеровский, сын Натана Федеровского, который был знаком с Гребенщиковым еще в 1970-х и эмигрировал в Западный Берлин где-то в 1980 г. Во время предыдущих приездов в Берлин БГ останавливался у Федеровского.

До начала концерта публика прогуливалась по магазину, как по галерее, разглядывая стоявшие в разных местах банки с краской, общим количеством около 50 штук.

В подвале поставили свечи, Борис завязал бандану. Началось... Было исполнено около 20 песен. На некоторых из них Гребенщикову подыгрывали на барабанах местные музыканты Сулейман Туре (Souleman Toure) и Саша Пушкин, эмигрант из Питера, очень известные фигуры берлинской альтернативной музыкальной сцены... Однако ожидаемой особой атмосферы квартирника не получилось. «*Все время звонил сотовый телефон, бегали дети, вдруг появилась пьяная немка... И мне в какой-то момент стало одиноко»*, — вспоминает Крис Ваксмут.

Впоследствии Борис Гребенщиков, говорил об этой поездке: «*...старый наш приятель, аквариумист-немец Крис Ваксмут, устроил гастроли как бы "на живую нитку" и они получились замечательные...* Во время этой поездки появилась идея следующих гастролей, которые предваряли бы выпуск очередного альбома, как это обычно практикуется в западном шоу-бизнесе. Гастроли состоялись, на фирме Rubel Records был выпущен альбом Territory. Планировалось перевести все песни на немецкий язык и напечатать переводы в буклетике-приложении к пластинке. Но не сложилось, были сделаны только переводы на английском. Альбом, как это было указано на обложке, «не предназначался для распространения на территории СНГ». Так в Германии, в Берлине, вышел первый альбом «Аквариума».

НОЧНОЙ БЕРЛИН ПО-РУССКИ

К середине 90-х гг. прошлого века в Берлине проживало уже не менее 60 тысяч выходцев из бывшего СССР. Около 10 тысяч из них были молодыми людьми. В этом городе им предстояло начать новую жизнь и обзавестись новыми знакомыми. Вырванная из привычной среды молодежь, как никто из эмигрантов, нуждалась в общении. Молодым людям, оказавшимся в чужой стране, изобилие новых впечатлений поначалу заменяло активное общение со сверстниками. Притом что большинство из них не знали немецкого языка или владели им недостаточно для свободных контактов с коренными жителями. Пообвыкнув, молодые эмигранты нередко стали чувствовать себя довольно тоскливо, общаясь только со своими близкими или случайными знакомыми. А в этом возрасте так интересно знакомиться! И с новыми друзьями, и с новыми подругами.

Надо было срочно искать «своих». Но где? Это сегодня в Берлине есть и «русские» продуктовые магазины, и клубы, и бары... Это сегодня в городе еженедельно проходят десятки русских вечеринок, которые ведут русскоязычные диджеи. Тогда, в середине 1990-х гг., *«на весь Берлин был один молодежный клуб "Шалаш" и какое-то турецкое кафе в Кройцберге вблизи остановки метро Hermanplatz, где по выходным почему-то играла русская музыка»*, — говорит берлинский диджей Alexander Pushkin (фамилия — псевдоним, который Александр получил за кудрявые волосы), входящий в десятку лучших русскоязычных клубных ведущих немецкой столицы. Александр в возрасте 20 лет переселился в 1994 г. в Берлин из казахстанской Кзыл-Орды и уже через год начал диджейскую карьеру в одной из первых крупных русскоязычных дискотек Берлина. Сегодня Alexander Pushkin (www.pushkin.cc) — один из наиболее авторитетных русскоязычных house-диджеев Берлина, закрепившихся на немецкой столичной клубной сцене. Созданная под его руководством промо-группа BIGMAN Production стала в «Русском Берлине» на практике единственной творческой организацией, интенсивно занимающейся продвижением house-клаббинга, про-

водя качественные клубные, «не попсовые» вечеринки с участием немецких и отечественных клубных деятелей. Александру принадлежит серия публикаций в берлинском журнале «Изюм», посвященная истории русскоязычной клубной субкультуры в немецкой столице. Он согласился стать комментатором в путешествии по ночному «Русскому Берлину», которое предстоит совершить в этой главе. По времени оно охватит около полутора десятков лет — с середины 90-х гг. прошлого века до наших дней.

«Упомянутый "Шалаш" играл роль берлинского "дворца пионеров" с дневными кружками по интересам, языковыми курсами и музыкальными занятиями для детей и подростков. По субботам "Шалаш" превращался в молодежный центр с русским уклоном, где разрешалось устраивать легкие танцульки до 12 часов ночи под музыкальный центр с двумя колонками. Небольшие дискотеки "под магнитофон" устраивались тогда и в некоторых общежитиях, где на первое время после приезда, до распределения по местам постоянного жительства, власти селили приезжих переселенцев и эмигрантов. Многие пробовали ходить в немецкие клубы, но там не было самого главного — русскоговорящей публики и стопроцентного понимания».

Alexander Pushkin

Русско-турецкая «любовь»

Формирование русской клубной субкультуры в Берлине оказалось связано с турецким этносом, который за полвека неуклонной миграции в Германию образовал в многонациональной немецкой столице самую крупную общину. С ней сейчас сравнился «Русский Берлин», который, возможно, уже превосходит турецкую колонию по численности.

Уже упомянутое турецкое кафе с русской музыкой находилось в районе Кройцберг, где компактно проживает самая большая в Европе турецкая община. Через полтора месяца «русских вечеров» кафе было закрыто после драки посетителей с местными охранниками турецкого происхождения.

Диджей Alexander Pushkin

Следующие пять лет развития русской молодежной субкультуры в немецкой столице прошли в основном в районе Веддинг (Wedding), где значительную часть местного населения также составляют турки. С привыкшими к иноязычной публике владельцами кафе и ресторанов в «турецких» районах было легче договориться об открытии русской дискотеки или клуба. С другой стороны, между молодыми русскими и молодыми турками возникали конфликты, которые в дополнение к внутренним разборкам, случавшимся в среде «клубящейся» молодежи, обычно приводили к закрытию русскоязычных клубных заведений. Удивляясь такому поведению молодых эмигрантов, не следует забывать, что они уехали с родины в переполненные насилием 1990-е гг., когда на территории бывшего СССР торжествовали «эстетика» малиновых пиджаков и «этика» крепкого кулака. В такой обстановке формировались характеры многих будущих переселенцев, которые при переезде перенесли на новую родину традиции борьбы за территорию и привычку к жестким способам решения конфликтов. Понадобилось время, чтобы такая молодежь «отогрелась» в Берлине и научилась жить по-другому. Некоторые, правда, так и остались в «отмороженном» состоянии. На «отогрев» понадобилось около десяти лет, за которые русская клубная субкультура эволюционировала от любительских дискотек с водкой и драками до роскошных клубных вечеров с участием звезд первой величины.

Летом 1995 г. Александр с двумя друзьями из числа переселенцев отыскали в Веддинге, в парке Реберге, заведение берлинского общепита Sportkafe Rehberge, стоявшее на краю громадного поля, окруженного зеленым массивом. Летом берлинцы играли здесь в футбол, катались на велосипедах или просто валялись на травке. До этого тройка энтузиастов объехала не один десяток немецких клубов, ресторанов и баров, но везде получила отказ. В Sportkafe, однако, все сложилось, поскольку дела у его хозяина, «к счастью», шли вяло. Потому он и согласился по выходным пускать к себе «русскую дискотеку». На первую вечеринку собралось около 70 человек, на вторую — более 500, на третью — до 700. Так прозвучал первый «клубный гудок».

«Из "аппаратуры" у хозяина была новогодняя гирлянда и три цветные лампочки. Мы заняли около двух тысяч марок и приобрели минимально необходимые звук и свет: 4 колонки и усилитель мощности 1,5 KW, стробоскопы, прожектора, дымовую машину, CD-проигрыватель, а также кассетный магнитофон. Впоследствии он очень пригодился, когда гости стали просить прокрутить свои кассеты. Плюс пригласили пару знакомых коренастых ребят в качестве охранников на входе. Заработок со входа уходил к организаторам, прибыль с бара — к владельцу заведения. По этой схеме и сейчас работают почти все русские клубы города. Вход стоил пять марок (сегодня это 2,50 евро). Затраты на рекламу были нулевые, молва сама разносила "вести о приятном месте" Привлекали и низкие цены в баре. Спустя месяц рядом с кафе заработала настоящая шашлычная с турецким мангалом. Чуть позже появился дополнительный "сервис": возле входа можно было прикупить за полцены для разогрева бутылку популярной тогда водки "Горбачев", украденной ценителями с близлежащей заправочной станции Aral. Люди приезжали к нам не только из берлинских районов, но и из Потсдама и Бранденбурга. Скоро мы докупили недостающую технику и дело пошло».

Alexander Pushkin

Музыка в клубе звучала разная: от русского шансона до тяжелого техно. Как только в колонках начинало играть что-то типа «Coco Jambo», «Семь тысяч над землей» Сюткина или «Мальчишника», на столы с визгом взбирались переполненные радостью и водкой девушки. На вечеринках в Sportkafe можно было встретить и студентов, и эмигрантов, и переселенцев, и азюлянтов (лиц, претендующих на гражданство), и нелегалов. Поначалу все было ласково и пушисто. Довольно быстро обозначилась группа постоянных посетителей.

«Однако месяца через три, когда многие перезнакомились и большинство посетителей знали друг друга в лицо, небольшие конфликты, случавшиеся время от времени, превратились в еженедельные "массовки" с телесными повреждениями. Машины "Скорой помощи" и полицейские автобусы приезжали каждую субботу. Самая яркая битва между соперничающими районными русскоязычными общинами общим числом до 80 человек произошла на поле, возле которого стояло кафе. После чего поле стали звать "Куликовым"».

Alexander Pushkin

Клуб в парке Rehberge продержался девять месяцев и затем был закрыт городской комиссией по культуре и отдыху. Но всего через три недели та же инициативная группа, включая владельца закрытого кафе, отыскала опять же в Веддинге пустующий клуб на улице Панкштрассе (Pankstrasse). Уже на первую вечеринку собралось более 300 посетителей. Закрутилась та же карусель и с тем же финалом. Через два месяца руководству клуба было предъявлено заключение строительной экспертизы о том, что в клубе не могут находиться одновременно более 30 человек по причине слабости стен и пола. Такой вердикт был равносилен распоряжению о закрытии заведения.

Сходная биография оказалась и у нескольких других русских клубов, работавших в Веддинге в конце 1990-х гг. Дольше всех — около трех лет — продержалась дискотека на Вольташтрассе (Voltastrasse) и закрылась просто по-

тому, что люди перестали туда ходить. Стычки между посетителями клуба здесь случались редко, но он приобрел славу непримиримого бастиона в борьбе гостей заведения с местной турецкой молодежью. (Об одном из столкновений напоминает пороховой шрам на шее у Александра, оставшийся от выстрела в упор из газового пистолета.)

Несмотря на усобицу, русских упорно тянуло к туркам. В заселенном турками Кройцберге в небольшом турецком ресторане нашла пристанище в конце 1990-х гг. дискотека «Тусовка». И здесь не обошлось без проявления молодецкой удали.

Марцановская «Калинка» и «Рай» в Шпандау

Громкую славу быстро обрела «Калинка» — невероятно популярная «экстравагантная» русская дискотека конца XX в. Находилась она в районе Марцан (Marzahn), значительную часть населения которого составляли российские немцы-переселенцы, в большинстве своем абсолютно адекватные и порядочные люди, но со своими, сложившимися на советской родине нравами.

«Одним из мифологизированных образов Марцана стал тип в спортивных штанах, кожаной куртке, с бритым затылком, бутылкой водки за пазухой и с постоянным желанием настучать кому-нибудь по "фейсу" Появилось даже выражение "марцановские" Доля правды в этом, может быть, и была, но не настолько, чтобы равнять всех переселенцев под одну гребенку. Сегодня парни в спортивных штанах — большая редкость, но выражение "марцановские" нет-нет да и проскакивает в разговорах для описания некоей специфической публики. Из "Калинки" приходили слухи, что там то кого-то подстрелили, то подрезали. Но реально побывавшие там люди нередко удивлялись и вежливой охране, и спокойной обстановке. В чем мне и самому довелось убедиться. Хотя и в "Калинке" бывало всякое».

Alexander Pushkin

Самым долгоиграющим проектом, открывшимся на рубеже XX—XXI вв., оказался клуб Paradise («Рай»), про-

работавший более пяти лет в районе Шпандау на улице Сименсдамм (Simensdamm). Он работал по пятницам, и в этот день там было не протолкнуться. Основной контингент составляли поздние переселенцы в возрасте от 17 до 23 лет. Клуб относительно успешно продержался до февраля 2006 г., когда, уже под названием «Майами Бич», официально закрылся. На последнюю вечеринку собралось более 700 человек.

Знаменательным в истории клубного движения Берлина стал проект с романтическим названием «Белые ночи Берлина» (www.weissenaechte.de). Его основали в середине 2003 г. два бывших охранника с большим опытом по обеспечению безопасности во многих известных клубах столицы. На их вечеринках был безупречный порядок. Первая «белая ночь» прошла в клубе «Medias» в очень привлекательном районе Хакешер-Маркт (Hackescher Markt). Потом прошла целая серия мероприятий в таких престижных немецких клубах, как Oxymoron, Coxorange, S-Club и Safe-T-Club, где на «белых ночах» отработали почти все русскоговорящие диджеи столицы. В начале 2005 г. «Белые ночи» превратились в «Красную жару» и окончательно закрепились в помещении S-CLUB в районе Лихтенберг на улице Зигфридштрассе (Siegfriedstrasse, 132). Но на плаву по причине непосещаемости удалось продержаться лишь около года.

Несмотря на отдельные проявления молодецкой удали, в целом в начале XXI в. формат общения на русскоязычных дискотеках и в клубах стал приобретать более цивилизованные очертания. Период адаптации к западному образу жизни молодежи, выросшей в других социальных условиях, подходил к концу. К тому времени в Берлине число выходцев из бывшего СССР приблизилось к 150 тысячам новых граждан Германии. Клубы начали постепенно разделяться и по музыкальным интересам, и по социальным признакам.

Эмигрантский гламур

Одним из первых мест отдыха, где изначально удалось обойтись без суровой прозы выяснения отношений, стал открывшийся в середине 1999 г. первый в го-

роде ночной русскоязычный клуб на Уландштрассе. Место для него было выбрано подальше от турецких кварталов, в самом центре Западного Берлина, рядом с элегантным бульваром Курфюрстендамм. За музыкальное сопровождение отвечала неподражаемая DJ Аленушка. Здесь был введен легкий фейс-контроль и уже попахивало гламуром. Мальчиков и девочек с элементами спортивной одежды, а также изрядно подогретых алкоголем вежливо просили оставаться на улице. В этом заведении была другая публика: благоухающая дорогим парфюмом, в одежде от Armani, Gucci, Joop и Versace... Интересам подобных господ, которых притягивал пафос вечеринок с дорогими сигарами, в окружении дамочек из модельных агентств, отвечали открывшиеся позже клубы C-4 (он же впоследствии «Кучибуквак») на Литценбургерштрассе (Lietzenburgerstrasse) все с той Аленушкой и C-Club на Бисмаркштрассе (Bismarckstrasse). Оба в престижном районе Шарлоттенбург... Эмигранты попроще ехали в более отдаленные от центра места, где и цены были пониже, и охранники не особо придирчивые к внешнему виду и состоянию, да и люди в какой-то мере хотя и с более жесткими взглядами на жизнь, но все же более открытые.

Электроника для русских

В 1999 г. клуб с простецким названием «Три поганки» организовал первую в Берлине официально заявленную интернациональную вечеринку с преобладающим количеством альтернативно настроенной русскоязычной публики, отдающей предпочтение электронной музыке. Надо сказать, что Берлин неофициально считается ее европейской столицей. Именно отсюда родом такие корифеи этого направления, как Клаус Шульц и группа Tangerine Dream, известные с 1960-х гг. прошлого века. Германию вообще можно назвать родиной электронной музыки, уходящей своими корнями в немецкий краут-рок, где делался упор на инструментальные композиции с пульсирующим ритмом, на основе которого строились красивые «космические» мелодии. За полвека существования стиль заметно видоизменился, мелодиче-

ская структура упростилась и на передний план вышел монотонный, нередко туповато-навязчивый ритм, подкрашенный «квакающими» звуковыми спецэффектами с подачей на максимально возможной громкости.

«Для большинства молодых эмигрантов из числа переселенцев такая музыка была чужой и непонятной. Хотелось раз уж плясать, то хотя бы под родное, российское, где нет-нет да и подпеть можно. А тут еще и ностальгия... Но уже тогда появились первые эмигрантские тусовки, где отвергался клубный отдых "по-русски": с шансоном, песнями про любовь и разлуку и массовыми драками.

Изначально "Три поганки" были группой единомышленников, состоявшей из диджеев, музыкантов, художников и просто "сочувствующих", неровно "дышавших" в направлении "Psychodelic- и Goa-trance" — электронной музыки, тесно связанной с восточной культурой, уходящей корнями в далекие края Индии и Тибета. В сообщество входили около 20 человек. Коллектив долгое время базировался на улице Кирхштрассе (Kirchstrasse), на квартире одного из участников. В этом проекте начинали свою карьеру такие известные ныне фигуры диджей мира, как DJ Sasha Demon, DJ Jarilo (Алекс Рау), DJ Olexa (Алекс Голубь)...

"Три поганки" стали одним из самых ярких представителей русской клубной электроники. За время своего существования они организовали серию эффектных трансовых мероприятий и шоу на открытом воздухе, с "живыми" выступлениями и затейливыми "сказочными" декорациями, сделанными собственными руками. Этот сплоченный и абсолютно некоммерческий коллектив просуществовал до 2003 г. и оставил за собой длинный шлейф приятных воспоминаний.

Сегодня некоторые из участников тогдашних "Трех поганок" выступают под новыми брендами PsyRussen и Antigravity.

Немало музыкальных шедевров в стиле Deep House сотворил электронный кудесник Олег Белолипецкий, больше известный немцам как Neoleg на лейбле SOVA Records.

Он выпустил несколько собственных произведений на пластинках, два из которых послужили саундтреками к немецким фильмам. Он же основал промо-группу White Cube (www.nomoreless.de), ориентированную в основном на немецкую публику.

Не забудем и Андрея Хабарова, берлинского музыканта и промоутера, одного из организаторов электронных вечеринок под названием BOMZH Party и основателя лейбла BOMZH Records, также выпустившего в Германии свою пластинку».

Alexander Pushkin

Значимым электронным явлением стал проект Wanderlife, образовавшийся в 2000 г. Под его эгидой прошло около 30 мероприятий в стиле House, Techno и Electro в разных клубах города. В этих событиях нередко участвовали «специальные гости»: немецкие и российские диджеи, в большинстве случаев из Москвы — такие как Suhov, Polina, Fish, Spyder, Kubikoff, Sanches и т. д. Помимо организации почти ежемесячных вечеринок, проект сумел достойно поучаствовать в трех «Парадах любви» (Love Parade), грандиозных фестивалях техно-музыки, которые ежегодно проводились в Берлине с 1989-го по 2006 г. и собирали сотни тысяч молодых людей со всего мира. Рекорд был установлен в 1999 г. — почти полтора миллиона человек.

В 2004 г. Wanderlife появился даже на российском телевизионном канале ТНТ, год спустя он был преобразован в новый проект Explosive Night и сегодня продолжает продвигать в городе «хаус-клаббинг» для «наших» с легкой, почти домашней атмосферой. Под руководством Александра Пушкина промо-группа Explosive Night разрослась и закрепилась впоследствии под названием BIGMAN Production (www.bigmanpro.de). Налажены творческие контакты со многими берлинскими и отечественными клубами. В их вечеринках участвуют известные русские и немецкие диджеи. В проекте почти с самого начала участвует Кирилл Красовский (ведущий на радио «Русский Берлин»), известный за стенами радиостанции под псевдонимом DJ 2K.

Русская альтернатива

Характерной чертой 1990-х гг. стало разделение музыкального контента клубной жизни русскоязычного Берлина на «попсу» и «электронику». Но такое меню из двух блюд далеко не удовлетворяло вкусы русской диаспоры того времени. Нужно было что-то новое. И оно появилось. В нужном месте и в нужное время.

В конце 1999 г. почти в самом центре Берлина в центре альтернативной культуры «Тахелес»[1] (Tacheles) на Ораниенбургерштрассе (Oranienburgerstrasse, 54—56, ст. U-Bahn «Oranienburger Tor») прошла первая программа Russendisko[2] (www.russendisko.de), собравшая около 400 человек. Спустя короткое время это название превратилось в один из самых громких брендов Германии, популярный у немцев, пожалуй, даже больше, чем у русских. Авторы проекта Владимир Каминер и Юрий Гуржи вовремя поняли необходимость появления на берлинской клубной сцене альтернативы «попсе» и «электронике» и обогащения музыкального материала вечеринок на основе объединения разных стилей и направлений. В Russendisko зазвучали советские хиты 1960—1970-х гг. и

[1] Еврейское слово «ташелес» означает «откровенный разговор». Такое название почему-то имеет арт-центр современного авангардистского искусства, расположенный в заброшенном универмаге «Пассаж», построенном еще в 1900 г. Вскоре после его возведения он обанкротился и закрылся. В 1990 г. группа берлинских «неформалов» превратила бывший магазин в антибуржуазный центр альтернативного искусства, который привлекает неординарных творческих личностей со всего мира и множество туристов. Здесь свободно можно посетить мастерские художников и скульпторов-авангардистов, побывать на театральных постановках. На первом этаже, к примеру, находится цех скульптуры по металлу, где стоит закованный в железо работающий телевизор. Кроме творческих мастерских, здесь есть несколько ресторанов, баров, театров, впечатляющих своими интерьерами. Снаружи здание разукрашено граффити.

[2] В ГДР так называли танцплощадки, где, согласно предписанию Министерства культуры, 60 % времени звучала эстрадная музыка из стран социалистического блока.

такая специфическая для русскоязычного Берлина музыкальная экзотика, как Balalayka Rock'n'Roll, Klezmerska, Pank-rock, Gipsy Punk и многое другое.

Быстрому успеху Russendisko способствовала вышедшая в 2000 г. на немецком языке одноименная книга Каминера, переведенная на 10 языков, включая русский, и распроданная тиражом 500 тысяч экземпляров. «Русская дискотека» базируется в Kaffee Burger на улице Торштрассе (Torstrasse, 60). Клуб очень популярен. Из поп-звезд здесь видели, например, Мадонну. Русских на дискотеке меньше, чем немцев, которые с удовольствием приходят оторваться под «Ленинград» или «Вопли Видоплясова». В Russendisko отмечают и День 7 ноября, и День Победы, и День объединения Германии... А 22 ноября 2009 г. здесь отметили десятилетие клуба.

В нескольких сотнях метров от «Русской дискотеки» на Торштрассе, 136 собираются и «обитатели» клуба-квартиры «СССР», который, как и Russendisko, относится к альтернативным клубным заведениям столицы. Опознавательный знак — пятиугольник советского Знака качества над входом. Здесь бывают художники, музыканты,

Кафе Burger, где базируется Russendisko. Фото автора

артисты, журналисты, студенты. Большая часть — немцы. Поначалу, оказавшись в этом небольшом заведении, не видишь особых примет, связанных с СССР. Но с внутренней стороны входной двери вдруг обнаруживается солидных размеров вывеска Консульского отдела РФ в Берлине (говорят, раньше здесь был его филиал), а над ней табличка из социалистического прошлого великой державы с надписью «Квартира образцового содержания и высокой культуры быта». В дальнем углу под потолком редкая фотография Леонида Ильича Брежнева, по-мужски разглядывающего симпатичную стройную даму. Музыка звучит самая разная, в том числе и русская.

«Вторым после Russendisko по величине и значимости, оригинальности и экстравагантности стал клуб Waffengallery (его еще называли "Гараж"), также открывшийся в конце 1999 г. В этом проекте участвовал интернациональный коллектив, насквозь пропитанный духом андеграунда, который специализировался на организации небольших концертов с привозом отечественных, "альтернативных" "не попсовых" групп: Messer Chups, "Нож для фрау Мюллер" и многих других. "Гараж" успешно проработал до начала 2005 г., после чего многие участники проекта занялись организацией своих вечеринок...

Среди бывших "гаражников" была и Анна Павлова, миниатюрная девушка, на первый взгляд спокойная и беззащитная, но обладающая сильнейшим потенциалом, который в буквальном смысле "разрывает" ее на части, давая силы не спать по двое суток и успевать побывать на всех самых ярких вечеринках города, завязывая знакомства со многими представителями "альтернативной" прослойки общества. Свое собственное мероприятие — "Анна Павлова представляет" — девушка первый раз организовала в 2004 г. в "Гараже", затем была серия вечеринок в "СССР", а позже еще в нескольких небольших клубах города.

К фаворитам посещаемости относится и клуб Stellas HANGAR 49 (www.myspace.com/stella_berlin) — одно из самых уважаемых экстравагантных мест столицы, где собираются наши соотечественники. Здесь также про-

водятся выставки художников-авангардистов, "живые" выступления неформальных музыкальных коллективов.
Alexander Pushkin

В 2004 г. несколько опытных диджеев, успевших поработать почти на всех дискотеках «Русского Берлина», организовали очень успешный и существующий по сей день промо-проект «Русский вариант», направленный только на русскую публику. Здесь звучит коммерческая поп-музыка самых разных направлений: от русских клубных хитов до house и R&B. В проект входят DJ A-Ton, Dj Slav (www.dj-slav.de), DJ Grand, DJ AngeL (www.dj-angel.de) и DJ Sash. В их вечеринках неоднократно принимали участие звезды русской клубной поп-культуры из Германии. Среди них — «Руки вверх», «Quest Pistols», DE MAAR, D-VOICE, Drago, Maxi Boom, Ольга Поздняковская. На самой многолюдной вечеринке «Русского варианта» в дискотеке Kontrast собралось более 2000 человек. После нескольких перемещений по Берлину коллектив закрепился в клубе Voltage (www.russian-voltage.de) на Рибницерштрассе (Ribnitzerstrasse, 24), где вечеринки проходят и по сей день.

Rendezvous Party-Club

И наконец, Rendezvous Party-Club — фаворит, побивший все рекорды посещаемости, самый успешный элитный проект ночной клубной жизни «Русского Берлина». Его инициатором был бывший киевлянин Игорь Котяй. Первая официальная программа состоялась в мае 2002 г. в клубе Annabelle's. До этого Котяй держал модельное агентство, но решил переключиться на организацию гламурных вечеринок, где у любителей «боев без правил» не было бы никаких шансов. Он поставил на вход профессиональных адекватных охранников, с первого дня ввел фейс-контроль, интегрировал в музыкальный ряд демонстрации мод, яркие шоу, скетчи, создающие атмосферу праздника. Это сразу привлекло элитную эмигрантскую публику, которой хотелось отдохнуть в среде себе подобных. Рекорд посещаемости был побит 8 мая в 2004 г. в клубе Adagio, где собралось около 2500 человек. В каче-

стве гостей на вечеринках не раз присутствовали известные люди: Дитер Болен, Надя Ауерман, Джордж Клуни и многие другие.

«На столах лучшее вино и самая дорогая водка. Женщины фантастически красивы и одеты в наряды от лучших дизайнеров. Вытащить пробку из бутылки с шампанским в Rendevzous-Party (www.r-party-club.de) считается очень престижным в среде эмигрантской публики. Гости собираются свои, часто друг другу знакомые. Публика от 18 лет до возраста Рольфа Эдена. Эден — известный берлинский плейбой, которому уже далеко за 70. Он тоже бывает на "рандеву" Около половины посетителей — немцы. Всех объединяет гламур.

"Рандеву" проходят в лучших культовых и не всем доступным клубах столицы. Среди них Felix, 40 Seconds, Spindler & Klatt, Adagio, Annabelle's, A-Lounge, Sage, Club 90° "Rendezvous Party-Club" проводит программы с такими звездами российского шоу-бизнеса, как "Чайф" "Агата Кристи", "Руки вверх!", Вячеслав Бутусов, "Мумий Тролль", "ВИА-Гра", Шура... Изысканные вечеринки Rendezvous-International не раз проходили за пределами Берлина: в Мюнхене, Штутгарте, Барселоне, Римини... Сборы от проводимых мероприятий не раз передавались в благотворительные фонды на помощь детям, страдающим сердечными заболеваниями и СПИДом».

Alexander Pushkin

VII. БЕРЛИНСКАЯ ТЕРРИТОРИЯ РОССИИ

Весной 1945 г. во время штурма Берлина в городе был один объект, в бою за который артиллерию было разрешено применять только в крайнем случае, хотя он уже изрядно пострадал от бомбовых ударов союзников. Это было здание советского посольства на Унтер-ден-Линден в 300 метрах от Бранденбургских ворот.

ПО ВЕЛЕНИЮ ПЕТРА

Постоянная Российская дипломатическая миссия была основана в Берлине по указанию Петра I в 1706 г. Первым послом России царь назначил немца Альберта фон дер Лита, который до этого имел статус комиссара и корреспондента русского царя в Берлине. Спустя несколько лет его сменил граф Александр Гаврилович Головкин (1688—1760), долго и успешно работавший на этом посту в прусской столице. В число его обязанностей входил отбор ученых в Германии для работы в Санкт-Петербурге, в создававшейся тогда Академии наук. Головкин был первым русским, с которым знакомились немцы. Один из них, выступая позже в первом публичном собрании академии, говорил, что «*мы прониклись не только самыми добрыми надеждами, но и твердой уверенностью в том, что в России науки и ученых ожидает самая лучшая доля*». Немецкий язык Головкину преподавал основоположник немецкой славистики Иоганн Леонгард Фриш, ректор гимназии «У серого монастыря», — один из первых ученых в Германии, который занимался русским языком как наукой. У него также учились направленные Петром за границу на учебу представители знатных дворянских семей, брат и сын боярина Головина, Семен Нарышкин, князь Щербатов и др.

В 1732 г. офицер прусского генерального штаба Кристиан Людвиг Мюллер приобрел на Унтер-ден-Линден, там, где сегодня стоит посольство России, участок земли и через два года построил на нем двухэтажный дом, а потом заложил за ним сад. Впоследствии у образовавшейся усадьбы неоднократно менялись владельцы. Вдоль ее восточной границы был построен боковой флигель, за особняком второй дом, поэтому с западной стороны, включая примыкающие соседские постройки, образовался закрытый с четырех сторон внутренний двор.

С 1764-го по 1787 г. строение принадлежало сестре Фридриха Великого, принцессе Анне Амалии, и служило ей зимней резиденцией. Фридрих часто бывал здесь. В 1831 г. посол России, чрезвычайный посланник и полномочный министр при Прусском и Мекленбургском дворах Александр Иванович Рибопьер арендовал особняк герцогини Доротеи Заганской, принцессы Курляндской, на Унтер-ден-Линден, 7, там, где сегодня стоит российское посольство.

В 1837 г. Россия в лице императора Николая I приобрела Курляндский дворец (по имени его последней владелицы) вместе с землей и солидной окружающей территорией. Владеть берлинской недвижимостью тогда имел право только резидент города, поэтому русский царь получил статус почетного гражданина Берлина. На торжественное вручение ему роскошного свидетельства об этом собралось около 30 тысяч берлинцев. Через четыре года усадьба была перестроена в монументальный дворец. Из России доставили около 15 тонн жести для покрытия крыши, 13 огромных зеркал, на 149 подводах привезли чернозем, которым уложили часть внутреннего двора перед церковью Святого Владимира. Здание российского посольства стало самым большим среди иностранных миссий в Берлине — 101 комната на четырех этажах, приемные залы, вмещавшие до 700 человек. Служебные помещения находились на первом этаже. Вход в посольство открывали массивные чугунные ворота, справа от которых начиналась мраморная лестница. Она вела на второй этаж, в отделанные золотом и мрамором приемные залы. В первой половине XIX в. в посольстве работал

князь Александр Горчаков, выдающийся дипломат и государственный муж России, один из лицейских товарищей А.С. Пушкина.

КРАСНЫЕ ДИПЛОМАТЫ

Последним послом дореволюционной России в Берлине был С.Н. Свербеев. В августе 1914 г., когда началась Первая мировая война, посольство в полном составе было отозвано в Петербург. По просьбе России следить за зданием и оставшимся в нем имуществом согласилась Испания. Ее послу и были переданы ключи от здания.

В начале апреля 1918 г., через две недели после заключения Брестского мира, народный комиссар иностранных дел РСФСР Георгий Васильевич Чичерин направил испанскому послу в Берлине телеграмму, в которой благодарил его *«за любезность и дружелюбие, проявленные в заботах о сохранении в целости здания и прочего имущества Российского Посольства в Берлине»*, и просил передать ключи от здания гражданину России В.М. Загорскому, назначенному первым секретарем. Самому Загорскому предписывалось подготовить здание к приезду

Здание посольства России в 1938 г.

полномочного представителя Российской республики и персонала посольства.

По звучанию эта фамилия перекликается с названием подмосковного города Загорск. Более 60 лет он существовал на карте Советского Союза вплоть до смены политического строя в 1991 г., когда ему было возвращено старое имя — Сергиев Посад. Именно в честь Загорского город был в 1930 г. переименован советским правительством. Профессиональный революционер Владимир Михайлович Загорский (он же Юлий Михелевич Лубоцкий, партийный псевдоним Денис) перед войной жил как политический эмигрант в Лейпциге. В начале войны, как и другие русские эмигранты, был интернирован и находился в небольшом городке под Лейпцигом.

«Сотрудники германского внешнеполитического ведомства, — рассказывает в своей книге "300 метров от Бранденбургских ворот" бывший посол СССР в ГДР Петр Андреевич Абрасимов, — *не без труда разыскали "господина" Загорского. Представившись, они сообщили ему: "По поручению вашего правительства нам предписано доставить вас в Берлин" Они передали также В.М. Загорскому телеграмму Г.В. Чичерина на его имя. Первое, что сделал Загорский в своей новой должности по приезде в Берлин,— с мальчишеским задором полез на крышу бывшего царского посольства и собственными руками укрепил там древко с алым полотнищем».*

В Берлине В.М. Загорский получил присланный ему из Москвы дипломатический паспорт. *«Российская Федеративная Социалистическая Республика Советов,*— прочитал он, волнуясь, текст этого первого в своей жизни советского документа,— *объявляет всем и каждому, что предъявитель сего российский гражданин Владимир Михайлович Загорский является первым секретарем Полномочного представительства РСФСР в Берлине. Ввиду этого Совет Народных Комиссаров просит все Правительства дружественных народов и предлагает всем российским военным, гражданским и общественным установлениям, а также и должностным лицам оказывать ему всяческое содействие, предоставляя возможность свободного и кратчайшего проезда. По*

уполномочию Народного Комиссара по Иностранным делам: Л. Карахан. Москва, 16 апреля 1918 года».

Так В.М. Загорский вошел в историю как один из первых российских дипломатов. И уж точно первый, кто поднял советский флаг над Берлином. Вскоре он выехал в Москву и уже в конце июля занял должность ответственного секретаря Московского городского комитета РКП(б). Через год Загорский был убит взрывом бомбы, брошенной левыми эсерами в помещение МК РКП(б) в Леонтьевском переулке. Похоронен на Красной площади в Москве.

П.А. Абрасимов, в общей сложности 17 лет проработавший послом в столице ГДР, оставил нам описание здания посольства тех лет. «*Внешне дом советского полпредства ничем особенным не выделялся: трехэтажное здание с гладким фасадом и длинным балконом на уровне второго этажа. Окна первого и третьего этажей — с переплетом. На втором, где находились парадные залы, в рамах сверкали зеркальные стекла, поднимавшиеся почти до потолка. Снаружи дом был окрашен в блекло-зеленый цвет, вдоль крыши шла небольшая балюстрада. Но по роскоши внутреннего убранства, как считали многочисленные современники, ему уступал даже старый дворец рейхспрезидента на Вильгельмштрассе.*

Приобретенный Россией особняк на Унтер-ден-Линден, или, как его называли в начале XIX в., Курляндский дворец, был одним из самых популярных центров великосветской жизни Берлина и служил местом всевозможных торжественных приемов, увеселений и пышных празднеств. С того времени и вплоть до разрушения в годы минувшей войны большой парадный зал дворца по красоте отделки и изяществу оформления соперничал на равных со знаменитыми залами замка Сан-Суси в Потсдаме».

Первоначальный адрес российского посольства был Унтер-ден-Линден, 7, в 30-е гг. XX в. номер дома изменился на 63—65 и остается таким по сей день.

Первый официальный посланник Советской России Адольф Иоффе приехал в Берлин в апреле 1918 г. сразу после заключения «похабного», по словам В.И. Ленина, Брестского мира. Вместе с тем это был первый в истории

юридический акт, определявший межгосударственные отношения двух стран с противоположными социально-политическими системами.

На российского посла были возложены две основные задачи: закрепить перемирие между Германией и Россией и всемерно способствовать наступлению революции в Германии. Уже в мае в Берлине начались переговоры о возобновлении политических и экономических отношений между обеими странами, в рамках которых также детализировался порядок выполнения условий Брестского мира. Переговоры продлились за немногим все лето, и в конце августа был подписан так называемый Добавочный договор. Необходимо подчеркнуть, что в то время, как читаем у П.А. Абрасимова, *«западноевропейские страны, за исключением Германии, не признавали советских уполномоченных; они ставили их в изолированное положение, продолжая сноситься с послами царской России. Во второй половине 1918 г. из числа советских дипломатических представителей за рубежом продолжал выполнять свои функции только полпред в Берлине. Именно здесь, в Берлине, советской дипломатией были сделаны первые шаги на международной арене, приобретался первый опыт осуществления на практике ленинских идей о мирном сосуществовании государств с различным социальным строем».*

Однако в ноябре 1918 г. дипломатические отношения между РСФСР и Германией оказались разорваны. Это произошло после того, как 4 ноября на вокзале носильщики разбили ящик с дипломатической почтой для российского полпредства. Из ящика посыпались брошюры и листовки с текстами на немецком языке, призывавшими к революции. Российская сторона заявила, что это провокация, но немецкие власти немедленно выслали весь состав сотрудников советского посольства из страны. Со стороны России последовал симметричный ответ. И так «совпало», что через несколько дней в Германии действительно разразилась революция, довольно быстро, однако, потерпевшая поражение. Высылка советских дипломатов дала России удобный повод освободить себя от обязанности выпол-

нять условия Брестского договора. Решением ВЦИК от 18 ноября он был аннулирован.

В начале 1919 г. отношения между странами несколько улучшились и в Берлин был направлен профессиональный революционер Виктор Леонтьевич Копп. В связи с политической ситуацией он не имел статуса посланника, а прибыл в немецкую столицу в качестве уполномоченного Народного комиссариата иностранных дел (НКИД) и Народного комиссариата внешней торговли РСФСР. Его называли «полулегальным полпредом». Копп проработал в немецкой столице до весны 1921 г. Это было сложное время. Больших усилий требовала борьба с антироссийскими силами в образованной после крушения Германской империи в 1918 г. Веймарской республике. Надо было упорно заниматься вопросами возвращения русских военнопленных домой. Огромного внимания требовала работа по становлению экономической деятельности представительства. Существовали и кадровые проблемы. В целом среди «красных дипломатов» в России тогда было немало партийцев с дореволюционным стажем, живших в эмиграции, знавших языки, получивших образование за границей, знавших местную обстановку и быстро освоивших дипломатическую работу. Но были и такие, кто отвергал необходимость договариваться с «буржуями» (чтобы оградить себя от одного такого принципиального товарища, Кнопп даже пригрозил подать в отставку), другие, еще инфицированные революционной вольницей, пытались, нарушая инструкции, вести дела в обход берлинского полпредства, нередко терпя убытки. А кое-кто оказался и нечист на руку.

Союз на время

В деятельности Коппа была еще одна сторона, которая не афишировалась. России, находившейся в экономической блокаде, были нужны союзники, и тогда их можно было найти прежде всего в Германии, в частности в рейхсвере, так в то время называлась ее армия. В связи с этим российский посланник также занимался поиском нужных связей в среде немецкого офицерства, крайне недовольного условиями Версальского договора, подпи-

санного в июне 1919 г. В частности, он наладил тесные взаимоотношения с одним из адъютантов военного министра полковником Оскаром фон Нидермайером, который сыграл большую роль в развитии военного сотрудничества между Германией и Советской Россией. По одним источникам, Кнопп «завербовал» Нидермайера, который проникся симпатией к России, по другим — немецкий полковник был разведчиком. С 1921-го по 1930 г. он работал в Москве в представительстве специального отдела «Р» (Россия), образованного в начале 1921 г. в военном министерстве Германии для развития военного сотрудничества с Красной Армией. Инициатором его создания был генерал Ганс фон Зект — «отец рейхсвера». Своей главной задачей он видел сохранение немецкой армии в жестких условиях Версальского мира. Конечно, ему нужны были зарубежные союзники. Самым надежным партнером для Германии была тогда Советская Россия. *«Только в сильном союзе с Великороссией, — писал фон Зект, — у Германии есть возможность вновь обрести положение великой державы... Если Германия примет сторону России, то она сама станет непобедимой, ибо остальные державы... не смогут не принимать в расчет Россию».*

Зект в августе 1920 г. поставил перед своим правительством вопрос о необходимости срочной помощи вооружением Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА), которая ворвалась в Польшу и шла на польскую столицу. В частях РККА сражались против армии Пилсудского и немецкие добровольцы. Сокрушительное поражение красных войск под Варшавой прервало, однако, планы совместных действий против Польши.

В сентябре 1921 г. в Берлине прошли продуктивные переговоры с высшим руководством рейхсвера, для участия в которых прибыл сам нарком внешней торговли Советской России, старый подпольщик, «инженер революции» Леонид Красин. Немцам была нужна военная техника, которую они не имели права в соответствии с Версальским договором производить на своей территории, а советское государство нуждалось в технологиях и военных заводах, которые могли быть получены и по-

строены с немецкой помощью под заказы для германской армии. Об этом предварительно и договорились. Так было положено начало контактам в военной области, получившим активное продолжение после заключения в 1922 г. в итальянском городе Рапалло договора между РСФСР и Германией. Соглашением предусматривалось немедленное восстановление в полном объеме дипломатических отношений между обеими странами со всеми вытекающими отсюда последствиями в политике, экономике и в военной сфере (эта сторона была полусекретной). Активное взаимодействие в военной области продолжалось почти до прихода к власти Гитлера. Позже, в годы репрессий, контакты с немецкими военными для многих советских военачальников и дипломатов стали одним из главных мотивов для обвинения в шпионаже в пользу немцев. Из шести российских послов, занимавших эту должность в довоенное время, трое были расстреляны, к высшей мере были приговорены почти все офицеры, проходившие стажировку в Германии.

«Салон» Радека

В направлении сближения России и Германии работал в Берлине и журналист Карл Радек (Карл Бернгардович Зобельзон) — член РСДРП, заведующим отделом внешних сношений ВЦИК. В Германию он прибыл в конце 1918 г. для участия в Первом съезде Советов этой страны и в целом для поддержки немецкой революции. После ее январского поражения Радек был арестован и помещен в берлинскую тюрьму Моабит. Условия его содержания были вполне комфортными, а камера превратилась в рабочий кабинет, где проходили встречи не только с германскими политиками, финансистами и офицерами, но и с членами Германской коммунистической партии.

Молодая коммунистка Рут Фишер рассказывала, что ее не раз проводили к Радеку по явно поддельному пропуску под чужой фамилией. «*Тюремная камера Радека,* — писала она, — *стала для меня своеобразной классной комнатой, в которой я занималась на продвинутом курсе по изучению коммунизма*». Через некоторое время российского революционера перевели под домашний

арест на квартиру полицейского чиновника Шмидта, где, словно в светском салоне, посланец РСДРП устраивал даже званые завтраки. В январе 1920 г. в гостях у Радека, например, побывал Виктор Копп вместе с директором компании AEG и одним из членов правления Союза германских промышленников. Среди немецких офицеров, побывавших в гостях у Радека, был и генерал фон Зект. В 1926 г. германские социал-демократы, выступавшие против большевиков, спровоцировали скандал, в результате которого о военном сотрудничестве между Россией и Германией громко заговорила пресса и Зект был вынужден уйти в отставку. Впрочем, об инциденте довольно быстро забыли, и в ноябре 1927 г. на учебу в Германию была официально направлена очередная группа высших офицеров Красной Армии.

«Training for Russia»

В 1921 г. Виктор Копп был назначен торговым представителем РСФСР в Германии, место полпреда занял Николай Николаевич Крестинский, находившийся на этой должности до 1930 г. — самый долгий срок в предвоенное время. Он принял активнейшее участие в выработке важнейших советско-германских соглашений тех лет. Главным событием стало подписание Рапалльского договора, но на те годы пришлись также подготовка и участие в Генуэзской и Гаагской конференциях, становление торговых отношений с Германией, организация обмена специалистами, активное военное сотрудничество.

После подписания Рапалльского договора советское полпредство торжественно открылось 26 июля 1922 г. Гостей встречал нарком иностранных дел Г.В. Чичерин. Впоследствии приемы в российском посольстве стали весьма популярны среди германских политиков, предпринимателей, людей искусства, представителей дипломатического корпуса. Здесь бывали ведущий немецкий славист, депутат рейхстага профессор Отто Хёч и театральный режиссер Эрвин Пискатор, художник-экспрессионист Георг Гросс и Альберт Эйнштейн, национал-большевики Максимилиан Гарден (издатель еженедельника Die Zukunft) и Эрнст Никиш (в будущем автор книги «Гитлер —

злой рок для Германии», отсидевший с 1937-го по 1945 г. в концлагере), все тот же генерал Зект и писатель Эрнст Юнгер. Частыми гостями здесь были немецкие коммунисты. Посещал приемы в российском полпредстве и молодой американский дипломат Джордж Ф. Кеннан, изучавший в Берлинском университете историю России и русский язык. У американцев Берлин тогда считался центром по изучению России, местом, где происходил «Training for Russia». Появлялись в посольстве и приезжавшие из России ученые, писатели, журналисты, люди искусства.

Среди российских представительств за границей берлинское посольство имело особый статус. Это был передовой эшелон российской дипломатии, где зондировались важнейшие для Советской России вопросы мировой политики, создавался благоприятный для Запада образ новой страны. Приемы и другие мероприятия в российском полпредстве открывали возможности к налаживанию полезных контактов, при этом молодым «красным дипломатам», не имевшим соответствующего опыта, надо было осваивать тонкости дипломатического этикета и в протоколе, и в одежде, что не всегда находило понимание у немецких коммунистов, приходивших в посольство в простой, повседневной одежде, бросая тем самым вызов «буржуйским правилам». Со временем советские дипломаты и другие приезжавшие из России представители новой власти постепенно стали задавать тон в исполнении правил дипломатического этикета, большого успеха нередко добивались их жены.

В целом в начале 1920-х гг. в советских посольстве и торгпредстве в Берлине работали около трех тысяч человек. Многие принадлежали к тем, кто приехал в город еще до революции или покинул Россию в годы Гражданской войны и после нее.

ВОЙНА

Осенью 1940 г. должность посла СССР в Германии занял ставленник Берии Владимир Деканозов. Первым советником посольства был Валентин Михайлович Бережков. Около трех часов ночи 22 июня 1941 г.

ему позвонили из германского МИДа и сообщили, что «господин рейхсминистр фон Риббентроп желает видеть представителей Советского правительства в здании Министерства иностранных дел на Вильгельмштрассе». Черный лимузин немецкого МИДа уже стоял у ограды посольства. Через час нетвердым, запинающимся голосом Риббентроп зачитал приехавшим к нему Деканозову и Бережкову декларацию о том, что «враждебная по отношению к Германии позиция Советского правительства и серьезная угроза, которую Германия видит на германской восточной границе в результате развертывания русской армии, вынудили империю принять контрмеры». Это было заявление о начале войны, хотя само слово «война» ни разу не прозвучало. Деканозову было нелегко осознать услышанное. Следуя директиве Москвы, он считал, что Германия не начнет войну. Но когда смысл происходящего прояснился, он сумел найти правильные слова. «*Вы пожалеете о том, что совершили это ничем не спровоцированное, разбойное нападение на Советский Союз,* — произнес он. — *Вы за это дорого заплатите!*» В ответ Риббентроп вдруг подошел близко к советским представителям и тихо прошептал: «*Скажите там, в Москве, что я был против этого нападения*».

В течение дня в посольстве собрались его сотрудники и работники других советских учреждений в Берлине и его окрестностях с семьями. К вечеру здание оцепили эсэсовцы. Тех советских граждан, кто не успел к этому времени укрыться в посольстве, гестаповцы отправляли в специальные лагеря. Выезд из посольства был запрещен всем, кроме Бережкова, которому разрешалось ездить только по заранее согласованным маршрутам в сопровождении офицера СС. Тот, однако, не был фанатичным службистом и за некую сумму согласился вывезти в город на короткое время одного из сотрудников посольства, как объяснялось, для прощания с любимой девушкой. Свидание продлилось около часа. За это время Александр Михайлович Коротков, заместитель резидента советской внешней разведки в Берлине, сумел встретиться с подпольщиком из антифашистской орга-

низации «Красная капелла» и договориться о дальнейшем взаимодействии в условиях войны. Думается, немец все же догадывался, на какое свидание он свозил крепкого русского парня лет 30, спортивного телосложения, с волевым, решительным лицом. После войны Александр Михайлович несколько лет был представителем КГБ при Министерстве госбезопасности ГДР. (Его сын в 1960-х гг. занимал большую должность в ГСВГ. Семья жила в советском военном городке в Карлсхорсте в Берлине. Оленька Короткова — внучка Александра Михайловича — «*красавица, умница, отличница и не хвастунья*» — блестяще говорила по-немецки. Как-то, выступая от имени советских пионеров перед группой высокопоставленных немцев, она буквально «сразила» их своим берлинским диалектом.)

На момент начала войны в Германии работали около 1000 советских граждан. К концу июня между СССР и Германией была достигнута договоренность об их обмене по принципу «всех на всех» на 237 германских представителей, остававшихся тогда на территории Советского Союза. Вначале гитлеровцы настаивали на том, чтобы количество граждан СССР не превышало при обмене числа немцев, но встретили решительный отказ со стороны советского правительства. Около полудня 1 июля в посольство поступило сообщение, что через час-полтора все должны быть готовы к выезду на вокзал. Через две недели, 13 июля, поезд со всеми советскими гражданами прибыл на болгаро-турецкую границу в районе города Свиленград, одновременно немецкие граждане были доставлены на советско-турецкую границу близ города Ленинакан (ныне город Гюмри в Армении). Затем те и другие были отправлены турецкими властями в свои страны.

Опустевшее здание посольства СССР заняло Министерство по делам восточных территорий, которое возглавлял рейхсминистр Альфред Розенберг, выходец из остзейских немцев, закончивший в России в 1917 г. Императорское высшее техническое училище (будущее МВТУ), единственный в высшем германском руководстве православного вероисповедания.

В 1942 г. авиация союзников нанесла по зданию посольства первый бомбовый удар. После дальнейших бомбежек оно сильно пострадало, и при штурме Берлина бой уже шел за полуразрушенное здание. По стороне Унтерден-Линден, на которой располагалось посольство, в сторону Бранденбургских ворот наступали воины Краснознаменной ордена Суворова 416-й Таганрогской стрелковой дивизии, сформированной на Кавказе и состоявшей на 90 % из азербайджанцев. Наименование «Таганрогская» она получила в августе 1943 г., когда освободила от гитлеровцев город Таганрог, в честь чего в Москве был произведен салют. Эта дивизия и освободила от гитлеровцев здание посольства под утро 2 мая 1945 г.

О том, как шел бой, рассказал в книге «Весна победы» непосредственный участник сражения Федор Ефимович Боков, член Военного совета 5-й ударной армии, в состав которой входила 416-я дивизия.

...На Унтер-ден-Линден и на площади бушевала огненная буря. С нарастающей силой вели наступление штурмовые отряды 416-й и 295-й стрелковых дивизий.

Но вот впереди на улице сквозь клубы дыма показались очертания какого-то здания. Находившийся в боевых порядках штурмовой группы 1373-го полка начальник политотдела 416-й стрелковой дивизии полковник Рашид Асад-оглы Меджидов, прикрывшись плащ-палаткой, вынул из планшетки план Берлина и подсветил его карманным фонариком. Да, это было здание бывшего советского посольства.

— Действовать осторожно, — распорядился Меджидов, — в здание не должен попасть ни один снаряд.

Артиллеристы и танкисты блестяще выполнили поставленную задачу — они "окаймили" здание плотным огнем. Тем временем воины штурмового отряда подготовились к броску. И как только замолк грохот орудий, бойцы поднялись в атаку и ворвались в здание. Бой там продолжался недолго. До полусотни сопротивлявшихся фашистов были истреблены, а шестьдесят сдались в плен. Вскоре над бывшим зданием советского посольства взвилось Красное знамя. Его водрузил полковник Меджидов».

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

В послевоенные годы первая советская дипломатическая миссия в Берлине несколько лет размещалась в районе Панков, в бывшей школе на ул. Чайковского. Первым послом СССР в ГДР после войны был Г.М. Пушкин, который находился на этой должности с 1949-го по 1952 г.

Восстановлением здания посольства руководил главный архитектор Анатолий Яковлевич Стрижевский. Ему помогал Фритц Борнеманн, по его проекту позднее было восстановлено также здание Немецкой оперы в Западном Берлине. В число участвовавших в строительстве немецких специалистов вошли профессор Зихерт и инженер Скуйин. На памятной доске читаем, что строительные работы велись воинской частью № 41 757 с 1949-го по 1951 г.

Новое здание в три раза больше довоенного, хотя изначально планировался единый архитектурный комплекс еще больших размеров — на весь квартал от перекрестка до перекрестка, с красивыми башенками по углам. В посольский комплекс также входит Торгово-

Посольство Российской Федерации в наши дни.
Фото: архив Senatsverwaltung für Stadtentwicklung, LDA 2001

экономическое бюро, школа, жилые дома для сотрудников посольства и торгпредства. Рядом представительство «Аэрофлота». С довоенных времен сохранился дом, примыкающий к зданию посольства с правой стороны, если стоять к нему лицом. Там сегодня расположены жилые помещения и посольский бар. В начале XX в. в этом доме находилось бюро пароходной компании, которая в том числе продавала и билеты на «Титаник».

Официальное торжественное открытие представительства как посольства Советского Союза в ГДР состоялось на приеме, посвященном общенациональному празднику СССР, 7 ноября 1951 г.

Во внешнем оформлении и внутреннем убранстве посольского здания органично слились мотивы русской и советской архитектуры. Монументальное строение, декоративно обработанное камнем, одетое в гранит у подножия, венчает высокая башня с российским флагом. Главный портал ведет к залам для торжественных приемов общей площадью 1500 квадратных метров. Лестница сделана из черного мрамора, который в свое время подарил Гитлеру Маннергейм для строительства германского памятника победы в Москве. До этого он частично использовался в подвалах гитлеровской рейхсканцелярии.

Но большая часть строительных и отделочных материалов привезена из Советского Союза. Поднявшись по лестнице, посетитель оказывается сначала в большом зале, затем поднимается на второй этаж, где расположены огромные прекрасные помещения: Купольный зал высотой 20 метров (чуть ниже Бранденбургских ворот), с выполненным из стеклянной мозаики изображением Спасской башни Кремля, Зеркальный зал с огромными хрустальными люстрами, Гербовый и Концертный залы, Мужской, Дамский и Охотничий салоны. Отдельный салон посла предназначен для проведения переговоров в малом формате, а также других деловых и дружеских встреч.

«*Купольный зал,* — рассказывает первый секретарь посольства Святослав Владимирович Кучко, — *по высоте чуть ниже Бранденбургских ворот, по углам зала установлены колокола, каждый час отбивающие время. Их звук очень похож на бой часов на Спасской башне, а*

сами часы, вмонтированные в мозаику, показывают реальное время. В Зеркальном зале в свое время проходили встречи Союзнической контрольной комиссии в Германии, в начале 1970-х гг. тут проходила часть переговоров о статусе Западного Берлина. Здесь же впервые встретились Ангела Меркель и Владимир Путин.

Зеркальный зал освещают настенные бра и три хрустальные люстры, каждая весом полторы тонны.

В Гербовом зале на противоположной от входа зеркальной стене привлекает внимание величественный герб Советского Союза, выполненный из серебристого металла. По фризам настенных колонн размещены гербы ШЕСТНАДЦАТИ союзных республик СССР, поскольку, когда в 1951 г. строился зал, в их число также входила Карело-Финская ССР (КФССР), впоследствии включенная как автономная область в виде Карельской АССР в состав РСФСР.

Охотничий салон свой нынешний облик обрел в основном в послевоенные годы при после Петре Андреевиче Абрасимове, который был заядлым охотником. Одну из стен салона украшает большое палехское панно на фольклорные темы. Оно было создано непосредственно в Берлине, мастерами, приехавшими сюда из России. Картина по дереву подобных размеров есть только в самом Палехе.

В Мужском салоне в качестве деталей интерьера использованы бра в виде перевернутых вниз головой имперских орлов, взятые из рейхсканцелярии.

Большой Концертный зал вмещает до 400 человек. Кто только не выступал на его сцене: от биг-бенда бундесвера до балета Большого театра, включая показы мод российских дизайнеров».

Уникальный наборный инкрустированный паркет выполнен из темных и светлых пород дуба, клена и орехового дерева. Стены отделаны мрамором, красным деревом и бархатом. Немалую художественную ценность представляют посольские столы из карельской березы, сделанные более полувека назад. Из всех посольств в Берлине только российское заслуживает звания архитектурной достопримечательности.

«Со времен строительства здания, — продолжает Святослав Кучко, — *в его внутреннем и внешнем оформлении были произведены минимальные изменения. Первоначально по сторонам входа в Купольный зал стояли скульптуры В.И. Ленина и И.В. Сталина. Потом, в процессе десталинизации, убрали фигуру одного вождя, а заодно и другого, и на их места поставили высокие фарфоровые вазы. Большой бюст В.И. Ленина вплоть до 1998 г. стоял перед зданием посольства. Перед переездом в Берлин российского посольства из Бонна состоялось общее голосование сотрудников, на котором было решено переместить бюст на внутренний двор, где, на мой взгляд, очень удачно вписавшись в местный ландшафт, он находится и по сей день».*

Уважаемый Петр Андреевич

В послевоенный период самым известным советским послом в ГДР был Петр Андреевич Абрасимов. Он дважды, с 1963-го по 1971 г. и с 1975-го по 1983 г., занимал эту должность.

С немцами будущий дипломат впервые близко встретился в 27 лет. В 1939 г. он, выпускник истфака Белорусского государственного университета, в качестве политработника Красной Армии участвовал в освободительном походе в Западную Белоруссию. На его глазах состоялась церемония передачи Бреста от немецких войск Красной Армии. Вермахт представлял генерал Гудериан, РККА — генерал С.В. Кривошеин. Там же молодой военный принял участие в совместном параде советских и немецких войск.

Следующая запоминающаяся встреча с солдатами вермахта произошла на рассвете 22 июня 1941 г., когда уже как заместитель председателя Брестского облисполкома Абрасимов участвовал в ликвидации десанта немецких парашютистов-диверсантов. В этом бою в рукопашной схватке его рукой был поражен первый враг. Потом горел в танке, был дважды ранен. Как старший помощник начальника Центрального штаба партизанского движения несколько раз забрасывался за линию фронта, принимал непосредственное участие в бое-

вых операциях. Затем снова действующая армия, участие в боевых действиях в составе войск 1-го Белорусского фронта. Войну закончил с четырьмя орденами и боевыми медалями. С 1957 г. на дипломатической службе. В должности чрезвычайного и полномочного посла в разных странах проработал 25 лет. Внес весомый вклад в достижение Четырехстороннего соглашения по Западному Берлину 1971 г.

Купольный зал. По высоте он лишь немногим меньше Бранденбургских ворот

По характеру Петр Андреевич был властный, настойчивый, даже упрямый человек. Но в то же время известный как радушный хозяин. Благодаря ему в посольстве часто бывали знаменитости: Людмила Зыкина, писатель Юлиан Семенов, американский певец Дин Рид и многие другие. Несколько историй связано с космонавтами.

В октябре 1963 г. в Берлин приехали Юрий Алексеевич Гагарин и первая в мире женщина-космонавт Валентина Владимировна Терешкова. Вместе с Абрасимовым их встречал, как говорят, весь Берлин.

«Узнав о том, что советские космонавты посетят Бранденбургские ворота, — рассказывает Петр Андреевич, — *ефрейтор пограничных войск ГДР Г. Кельцер написал В.В. Терешковой письмо: он давно мечтает увидеть единственную женщину, побывавшую в космосе, вблизи, но — вот досада — как раз именно в тот день, когда советские космонавты будут осматривать эту достопримечательность Берлина, он должен находиться на своем боевом посту, который никак не может покинуть, а пост расположен всего в ста метрах от Бранденбургских ворот... Валентина не забыла об этом. После посещения музея Бранденбургских ворот она подошла к пограничнику, крепко пожала ему руку и пожелала успехов в его трудной и ответственной службе».*

В 1976 г. советский космонавт Валерий Федорович Быковский, выступая в клубе посольства, сказал, что неплохо было бы слетать в космос с космонавтом из ГДР. Через два года так и случилось. В августе 1978 г. летчик-космонавт СССР полковник В.Ф. Быковский совершил семидневный космический полет на корабле «Союз-31» вместе с космонавтом-исследователем, офицером Народной армии ГДР Зигмундом Йеном.

Через 10 лет, выйдя в запас, летчик-космонавт СССР №5, дважды Герой Советского Союза В.Ф. Быковский был назначен директором Дома советской науки и культуры в Берлине, где проработал три года.

В послевоенном Берлине была проблема с жильем, в немалой степени она касалась и советских загранработников. Чтобы решить ее, Абрасимов применил хозяйственный маневр. Он договорился с местными властями,

что немецким друзьям будет передан ряд зданий, принадлежавших Советскому Союзу, в районе Карлсхорста, а взамен они построят четыре дома для советского посольства и торгпредства. Строительство началось в 1964 г., на следующий год после того, как Абрасимов занял свой пост. Спустя некоторое время в Берлин с официальным визитом прибыл председатель Совета Министров СССР Алексей Николаевич Косыгин и, конечно, посетил посольство. Поднявшись на верхний этаж, он с удивлением увидел в окно строящееся напротив здание.

«— Что это за дом? — спросил он.— Кто строит и кому?

— Строят немецкие друзья. Это жилой дом, предназначенный для сотрудников советского посольства.

— Как это? — удивился Алексей Николаевич.— Правительство ведь не выделяло денег на строительство». Петр Андреевич объяснил обстоятельства развернувшегося строительства. Косыгин одобрил инициативу. Так был решен жилищный вопрос для работников посольства.

ВНОВЬ ПОД РОССИЙСКИМ ФЛАГОМ

Последним послом СССР и первым послом России в Германии был Владислав Петрович Терехов, находившийся на должности с 1990-го по 1997 г. После объединения Германии Советское посольство в ФРГ переехало из Бонна в немецкую столицу. С 2004 г. Российское посольства в Берлине возглавляет Владимир Владимирович Котенев. На дипло́матической службе он с 1979 г. Работал в МИДе СССР и МИДе России, в Посольстве СССР в ГДР, атташе по культуре Посольства СССР (России) в Австрии, советником-посланником Посольства России в Швейцарии, временным поверенным в делах России в Швейцарии и Лихтенштейне. На должность чрезвычайного и полномочного посла Российской Федерации в Федеративной Республике Германия назначен 5 апреля 2004 г.

С 2002 г. обычно в конце лета в Российском посольстве устраивается Летний бал — одно из заметных светских событий Берлина. В 2009 г. многие берлинские СМИ на-

звали Летний бал в Российском посольстве «самым выдающимся общественным мероприятием текущего года».

На бал собираются до полутора тысяч человек: звезды бизнеса и политики, спортсмены и артисты, представители немецкой аристократии, популярные телеведущие, известные поэты и писатели...

Непременно накрывается «русский стол». Главное блюдо — пельмени. Подаются также поросята, пироги, соленые грибы, фаршированная рыба, осетрина, икра с блинами и другие русские яства. Представлены и вегетарианские блюда. Для тех, кто ни дня не может прожить без немецкой кухни, найдутся и традиционные колбаски на гриле, и картофельный салат, и рулька... Шеф-повар Валерий Куприянов — авторитетная фигура в берлинском кулинарном мире. Не надо думать, что все расходы столь масштабного мероприятия идут из государственного бюджета России. В 2009 г. главным спонсором бала уже в третий раз был, например, автомобильный концерн «Порше», представивший гостям бала устричный бар.

Российский дом науки и культуры

Недалеко от Российского посольства, на улице Фридрихштрассе, еще один уголок России. Здесь расположен Российский дом науки и культуры, где находятся Музыкальный салон им. Глинки, библиотека, магазин русской книги «Геликон», выставочный и киноконцертный залы.

Российский дом науки и культуры (РДНК) является зарубежным представительством Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (РОССОТРУДНИЧЕСТВО). Работа РДНК направлена на развитие многосторонних связей в областях культуры, науки, техники и деловых отношений между Россией и Германией.

РДНК был открыт в 1984 г. и назывался тогда Домом советской науки и культуры. В 1991 г. с развалом СССР надежное бюджетное финансирование пре-

кратилось, Дом оказался перед угрозой закрытия. Было решено сдать до 10% площадей в аренду и заняться организацией платных мероприятий. В одном из залов РДНК, например, постоянно работает немецкий театр-кабаре Die Kneifzange.

Сегодня в РДНК регулярно проводятся двусторонние российско-немецкие и многосторонние конференции, семинары, беседы за круглым столом по актуальным вопросам международной политики и отношениям между Россией и Германией. Здесь организуются также встречи с известными представителями обеих стран. На сцене РДНК выступают лучшие российские театральные и фольклорные коллективы, известные музыканты, актеры, писатели; здесь проводятся многочисленные выставки и показы российских фильмов. Культурную жизнь столицы Федеративной Республики Германия невозможно представить без Российского дома, который находится в исторической части Берлина, на Фридрихштрассе.

Российский дом располагает комплексом помещений, которые могут использоваться для проведения культурных мероприятий различных форм и направлений, художественных и научно-технических выставок, конференций и семинаров, презентаций и деловых встреч.

Здесь базируется клуб «Диалог» — общественная организация, созданная в 1988 г. группой «неформалов» как независимое объединение берлинцев — советских и немецких граждан.

При РДНК работают Центр русского языка и Русский колледж. Центр русского языка предлагает языковые курсы. В центре собирается Клуб друзей русского языка, в котором регулярно проводятся беседы о русской культуре и показы видеофильмов на русском языке.

Библиотека РДНК насчитывает около 40 000 томов. Она получает по абонементу 16 российских журналов и 11 газет. В библиотеке постоянно проводятся тематические выставки, посвященные важным общественно-политическим и историческим событи-

ям в России, отмечаются юбилейные даты знаменитых русских писателей, поэтов, музыкантов и художников. Есть видеотека с полюбившимися советскими и российскими художественными фильмами.

В РДНК располагаются музыкальная студия, школа истории искусств, а также театральная студия, студия керамики, студия аэробики (гимнастика, аэробика, джаз-аэробика и танец для детей и юношества, фитнес-йога для женщин), изостудия для детей, студия балета, студия моделей «Грата», шахматный клуб.

В помещениях РДНК находятся магазин русской книги, педагогическое общество «Митра», Ассоциации выпускников и друзей Московского и Воронежского университетов, а также различные немецкие общественные организации: общество «Берлинские друзья народов России», «Федеральный Союз немецких обществ Запад — Восток» и клуб филателистов.

VIII. ПРАВОСЛАВНЫЙ БЕРЛИН

Среди трех миллионов русскоязычных граждан Германии количество православных христиан, по оценкам двух русских епархий, составляет около 800 тысяч прихожан. В отличие от протестантской и католической церквей число православных приходов постоянно увеличивается. Растет и количество прихожан.

Сегодня в Берлине четыре русские православные церкви: Свято-Воскресенский кафедральный собор на Гогенцоллерндамм (Хохенцоллерндамм); храм Сятых равноапостольных Константина и Елены в районе Тегель; приходская домовая церковь Святого Сергия Радонежского в Карлсхорсте в Восточном Берлине и храм Покрова Пресвятой Богородицы на Винтерштайнштрассе.

Первые три церкви принадлежат Берлинской епархии РПЦ Московского патриархата под управлением архиепископа Берлинского и Германского Феофана (Галинского), храм на Винтерштайнштрассе — епархии РПЦЗ «Берлинской и Германской» под управлением архиепископа Берлинско-Германского и Великобританского Марка (Арндта).

СВЯТО-КНЯЗЬ-ВЛАДИМИРСКОЕ БРАТСТВО

По мере того как в Берлине становилось все больше русских людей, появилась необходимость и в православном храме. Поначалу это была походная часовня, не имевшая постоянного местонахождения. Ее пристанищем на разное время становились частные дома, где жили русские. Так было довольно долго, даже после того, как в 1706 г. в Берлине открылась Российская дипломатическая миссия. Только в 1718 г., когда ее возглавил граф Александр Головкин, при миссии появилась постоянная

Протоиерей Алексий Мальцев — основатель Свято-Князь-Владимирского братства

часовня, которая, однако, не имела своего здания, а размещалась в одной из комнат посольства. Когда оно меняло адрес, вслед за ним «переезжала» и церковь. На время вражды между Россией и Пруссией, например во время Семилетней войны или кратковременного участия Пруссии на стороне Наполеона в 1812 г., церковная утварь вместе с посольством отправлялась в эвакуацию. С 1837 г. центром православной жизни Берлина стал посольский храм Святого Владимира, построенный во дворе российского посольства на Унтер-ден-Линден. Один из очевидцев оставил описание, как проходили там богослужения: *«Здесь в надворном флигеле помещается маленькая, изящно обставленная... домовая посольская церковь... Смотрю с удивлением на почтенных немцев, благоговейно опустившихся на колени при возгласе диакона: "Услышим святаго Евангелия чтение!". Молятся истово, усердно, благоговейно. Понимают ли? Ответ слышится из алтаря: вслед за прочитанным диаконом святым Евангелием на русском языке из алтаря раздается мягкий баритон на немецком языке, повторяющий слова Священного Писания... Немцы ценят это христианское снисхождение к ним... С каким умилением они слушают слово Учителя, несущееся из православного алтаря из уст православного священника, выговаривающего немецкие слова с сильно русским акцентом».*

Богослужения совершались здесь до 19 июня 1922 г., когда Россия и Германия взаимно признали друга друга и здание перешло к Советской России. Когда стало извест-

но об этом решении, группа прихожан с благословения архимандрита Тихона (Лященко), впоследствии епископа Берлинского и Германского, ночью вынесла из церкви самые ценные иконы и утварь, которые были перенесены в помещение русской гимназии на Находштрассе.

К тому времени в Берлине уже существовали освященный в 1894 г. русский православный храм Святых равноапостольных Константина и Елены и кладбище в районе Тегель на улице Виттештрассе (Berlin-Reinickendorf, Wittestrasse, 37, ныне неподалеку от аэропорта Тегель). В создании этого комплекса важнейшую роль сыграло благотворительное Свято-Князь-Владимирское братство, основанное в марте 1890 г. по инициативе уже появлявшегося на предыдущих страницах протоиерея русской посольской церкви отца Алексия Мальцева (1854—1915), служившего в Берлине с 1886 г.

Объединение ставило своей целью помощь «бедствующим русским подданным всех христианских конфессий и людям православной веры всех наций», оказавшимся за границей. То есть не только русским, но и полякам, сербам, болгарам, румынам, грекам и немцам православного вероисповедания, а также российским гражданам независимо от конфессиональной принадлежности. Другой задачей было создание новых православных церквей и сохранение памятников русской культуры в Германии. Кроме того, отец Алексий видел в деятельности общества возможность решения «чудесной задачи — знакомства просвещенного европейского общества со служением нашей церкви, наверняка самым лучшим в мире».

Идею основания братства поддержал Александр III. Основу уставного фонда общества составило его пожертвование в размере 5000 рублей. Покровителем братства стал великий князь Владимир Александрович (брат императора Александра III). В первые годы членами братства были около 400 человек, как русских, так и представителей других национальностей. В их число входили представители российских дипломатических кругов, аристократической элиты, банкиры, известные меценаты. Почетными членами братства считались такие известные в Русской церкви люди, как святители Феофан Затворник

и Николай Японский, праведный Иоанн Кронштадтский, великая княгиня Елизавета Федоровна, великий князь Павел Александрович и др. Посол России по традиции являлся почетным председателем общих собраний братства. Почетный член объединения Антон Рубинштейн в 1892 г. дал благотворительный концерт в пользу бедных жителей Берлина, в деятельности общества принимали участие известные берлинские меценаты и банкиры.

В октябре 1892 г. братство приобрело за 28 тысяч марок участок земли площадью 33 тысячи квадратных метров в Тегеле и основало там «кладбище греко-католической общины» площадью 20 тысяч квадратных метров с часовней. Из России по распоряжению Александра III сюда было доставлено около 40 тонн земли, которую рассыпали по кладбищу слоем в пять сантиметров. Теперь русские могли быть похоронены в Берлине в русской земле и по православному обряду. В 1894 г. на месте часовни построили храм, который сегодня является самой старой русской церковью в Берлине. Ее внутреннее убранство удалось сохранить почти без изменений.

Общий вид кладбищенского храма и Дома имени Императора Александра III в Берлине-Тегеле (около 1900 г.)

Первой крупной акцией братства стало создание «Берлинского комитета помощи голодающим в России во время голода 1891/92 гг.». В те годы от голода и сопутствовавшей ему эпидемии холеры в России умерли до 400 тысяч человек. С 1890-го по 1900 г. расходы братства на благотворительную деятельность составили около 50 тысяч марок.

Объединение не получало дотаций, существуя на пожертвования и членские взносы. В 1895 г. братья построили рядом с кладбищем «Братский дом трудолюбия и призрения» имени императора Александра III, где оказавшиеся в беде люди могли временно остановиться. При нем были устроены садоводческое общество, теплицы, пасека, типография, мастерские, которые приносили братству дополнительный доход. Работа в них предоставлялась преимущественно тем, кто нуждался в помощи, тем самым они могли заработать хотя бы часть денег, в которых нуждались. Это была своего рода трудовая колония. В первую очередь кров и работу давали тем, кто нуждался в деньгах для возвращения в Отечество, в подвальных помещениях располагались разные мастерские, а на территории разбитого сада находились пасека и оранжереи. Всего было построено около 20 теплиц с водяным отоплением, которые ежегодно давали от продажи цветов на берлинских рынках до 19 тысяч марок.

В типографии в переводе на немецкий язык были напечатаны русские литургические тексты, Новый Завет, русские учебники Закона Божьего.

В «Братском доме» имени императора Александра III размещались библиотека (около трех тысяч изданий), Русский исторический музей за границей, где были представлены около двух тысяч картин и гравюр, а также русские иконы, кресты, картины, гравюры, рукописи, монеты, медали и другие экспонаты, связанные с русской историей.

Первым обитателем «Братского дома» в ноябре 1896 г. стал иерей Василий Гёкен с супругой, годом позже в нем поселился отец Алексий.

Братья проявили немалую деловую сметку и, пользуясь также общественной поддержкой в России, поми-

мо благотворительной деятельности занялись сооружением русских православных храмов в Германии: в Бад-Хомбурге (1899), Бад-Киссингене (1901), Герберсдорфе (1901), Гамбурге (1902) и Бад-Наухайме (1908). В Бад-Брюккенау (1908), Бад-Вильдунгене (1912) и Данциге (1913) были организованы временные домовые церкви. Но потом началась Первая мировая война, случилась революция в России, и наступили совсем другие времена. Тяжелую утрату понесло и само братство — в 1915 г. скончался Алексий Мальцев. Буря, прокатившаяся над Европой, разбросала по разным фронтам, городам и странам многих членов братства, которых к началу войны было около двух тысяч. Объединение фактически прекратило существование.

В течение 1919—1922 гг. по инициативе председателя Русского комитета Красного Креста и Комитета по делам русских беженцев Сергея Дмитриевича Боткина братство было восстановлено. При нем были организованы русская школа и общежитие для инвалидов Первой мировой войны. Храм и «Братский дом» в Тегеле стали центрами русской эмиграции в Берлине. На кладбище была устроена братская могила участников Первой мировой и Гражданской войн.

По мере укрепления нацистского режима все больше русских покидали Германию. В 1936 г. С.Д. Боткин переехал в Париж. Председателем братства была избрана княжна Вера Константиновна, а его, говоря современным языком, исполнительным директором стал председатель Общества русских инвалидов в Германии генерал-майор Николай Иванович Глобачев. Перед Второй мировой войной братство под давлением германских властей отказалось от своего «церковного нейтралитета» и вошло в структуру Германской епархии Русской православной церкви заграницей (РПЦЗ).

В апреле 1945 г. братский центр в Тегеле сильно пострадал во время боев за Берлин, исчез архив объединения. После капитуляции Германии сохранившиеся строения оккупационные власти передали приходу Московской патриархии в Берлине, о чем был заключен соответствующий договор. Многочисленные попытки вернуть иму-

щество через суд долгое время не давали результата, и братство обосновалось в баварском Бад-Киссингене. В конце концов, братство вынуждено было продать все свое имущество в Тегеле городу Берлину. Был продан и исторический дом имени Александра III. В 1975 г. он был снесен новым владельцем и на его месте выстроено новое здание, которое отношения к братству не имеет. После канонического объединения Русской православной церкви и РПЦЗ появилась возможность совместного с

Храм Святых Равноапостольных Константина и Елены в наши дни. Фото автора

Берлинской епархией Московского патриархата управления кладбищенским участком в Тегеле.

Председателем Свято-Князь-Владимирского братства (Bruderschaft des Heiligen Fuersten Wladimir e.V. «Bratstwo») — старейшего русского православного общества на немецкой земле — с 2004 г. является Дмитрий Глебович Рар, брат известного немецкого политолога Александра Глебовича Рара, которого часто можно видеть на экранах телевизоров в России с комментариями, касающимися российско-германских отношений.

Найти церковь несложно. Сюда ведет линия метро U6 в сторону Alt-Tegel, остановка «Хольцхаузерштрассе» (Holzhauserstrasse). Отсюда недалеко до голубой кладбищенской ограды с похожей на крышу сказочной избушки резной надвратной звонницей, увенчанной двумя православными крестами. В дни церковных служб перезвон колоколов разносится далеко по округе. Построенный из коричневого кирпича храм под пятью голубыми куполами стоит в центре кладбища.

У входа на территорию информационный щит с кратким рассказом об Алексии Мальцеве. Здесь захоронены около 800 уроженцев России, ушедших в мир иной в Берлине, около 120 из них — военнослужащие, в основном белогвардейцы. На щите показано местоположение захоронений наиболее известных людей. Среди них — граф и графиня Воронцовы-Дашковы, княжна Мещерская, князь С.П. Голицын, последний царский военный министр В.А. Сухомлинов, художник Н.П. Богданов-Бельский, В.Д. Набоков, отец знаменитого писателя, и М.О. Эйзенштейн, отец знаменитого режиссера. Обелиск и надгробная плита в конце поперечной аллеи, идущей от храма, напоминают о том, что в Берлине умер родоначальник русской классической музыки М.И. Глинка. Нашла здесь последнее пристанище и православная ассирийская принцесса Бисма Бабаева, урожденная Исса, скончавшаяся в 2001 г. В освященной русской земле упокоены не только великие князья, дипломаты, ученые, литераторы, художники, композиторы, офицеры, но и простые солдаты, павшие в Первой мировой войне, русские эмигранты, советские люди, угнанные в фа-

шистскую неволю во время Второй мировой войны, а также красноармейцы Е.Е. Степанов, А.Т. Тюриков, В.М. Гусачкин, павшие при взятии Берлина в 1945 г. Герои Первой мировой войны лежат в братской могиле с крестовым надгробием, украшенным двуглавым орлом с надписью «Верным сынам великой России». На этом кладбище в 2006 г. после отпевания в церкви Святых равноапостольных Константина и Елены был похоронен Глеб Александрович Рар — председатель Свято-Князь-Владимирского братства с 1983-го по 2004 г.

Могила В.Д. Набокова. Фото: A. Pushkin

Время жестоко, с некоторых крестов сбиты таблички с именами упокоенных. Тем трогательнее сохранившиеся надписи: «Спасибо за все, дорогая няня», «Чаю воскресения из мертвых». По немецкому обычаю, вокруг могил почти нет оградок. Территория кладбища поделена на участки проходящими перпендикулярно друг к другу аллеями. Могилки на некоторых участках расположены на западный манер в свободном порядке, вокруг них нет и оградок. Аллеи, дорожки и надгробья находятся в хорошем состоянии, многие могилы, по славянскому обычаю, покрыты плющом.

В 2005 г. храм был отремонтирован при поддержке Ведомства по охране исторических памятников г. Берлина, немецкой компании ZGG GmbH, ООО Kappes Partner Ingenieur und Plannungsgeselschaft (GmbH), АО Ed. Zueblin, а также прихожан церковной общины и жертвователей. По воскресеньям и двунадесятым праздникам в храме проводятся богослужения.

СВЯТО-ВОСКРЕСЕНСКИЙ КАФЕДРАЛЬНЫЙ СОБОР

Самая большая русская православная церковь Берлина — Свято-Воскресенский кафедральный собор — стоит на улице Гогенцоллерндамм (Hohenzollerndamm,166) в западноберлинском районе Вильмерсдорф. Он построен в 1938 г. После того как в 1922 г. православные в Берлине лишились храма при посольстве, богослужения приходилось проводить в самых разных помещениях. Например, в здании Немецкого Красного Креста в Шарлоттенбурге и даже в протестантских храмах. В 1929 г. уже посвященный в сан епископа владыка Тихон предпринял попытку добыть средства на содержание храма с помощью доходного дома, в котором размещалась бы церковь. Идея была воплощена в жизнь, митрополит Антоний освятил храм в октябре 1927 г. Расплатиться со строительной компанией епископ Тихон, однако, не смог, и здание было отобрано у него за долги. Владыка, однако, не оставлял попыток построить в Берлине новый православный храм и не перестал просить об этом власти.

В начале 1936 г. Рейхсминистерство церковных дел Германии, стремясь взять под свой контроль всю конфессионную деятельность на подвластной нацистскому режиму территории, известило православных иерархов Берлина о своем согласии оказать помощь в строительстве православного храма в немецкой столице.

Через два года на Гогенцоллерндамм был возведен кафедральный Свято-Воскресенский собор — белокаменный храм в псковском стиле под черными куполами. Митрополит Анастасий, будучи с 1936-го по 1964 г. во главе Русской зарубежной церкви (Синодальной), освятил храм 12 июня 1938 г. К тому времени был издан декрет правительства Германии о переходе всего церковного имущества на территории страны в распоряжение Рейхсминистерства церковных дел. Владыка Тихон по требованию нацистов был смещен с должности. Берлинскую епархию в начале 1938 г. возглавил этнический немец епископ Серафим (в миру — Карл Георг Альберт Лядэ),

впоследствии ставший митрополитом РПЦЗ Берлинским и Германским и получивший от германских властей титул «*фюрера всех православных в Третьем рейхе и во всех контролируемых им территориях*». В биографии Серафима была любопытная, впрочем, не скрываемая им деталь. В 1929 г., приехав в Германию в звании епископа обновленческой церкви Украины, он публично признался, что был агентом ОГПУ. Оценив особые обстоятельства, Архиерейский собор постановил принять Серафима через покаяние в РПЦЗ с титулом епископа Тегельского.

Свято-Воскресенский кафедральный собор. Фото автора

В конце февраля 1938 г. в Германии был издан закон, по которому вся русская церковная собственность передавалась в распоряжение епископа Серафима, после чего власти страны оказали помощь в ремонте 19 православных храмов РПЦЗ. Одновременно под давлением гитлеровского режима все приходы в Германии, ранее входившие в юрисдикцию Константинопольского патриархата, перешли под юрисдикцию РПЦЗ. Серафим был полностью лоялен новой власти, но, как можно прочитать в Православной энциклопедии, когда гестапо арестовало в мае 1940 г. архиепископа Брюссельского и Бельгийского Александра (Немоловского), обличавшего нацизм в своих проповедях, Серафим добился у гитлеровцев передачи архиепископа ему на поруки и поместил его в Русском доме для престарелых в Тегеле, где тот пребывал до конца войны.

После окончания Великой Отечественной войны отец Александр по решению Священного Синода Русской православной церкви был назначен управляющим приходами РПЦ в Германии на правах викария (епископа-помощника) Патриаршего экзарха (главы отдельного церковного округа) в Западной Европе митрополита Евлогия (Георгиевского), который находился после революции в эмиграции. Именно ему Патриарх Московский Тихон поручил в апреле 1921 г. управление православными приходами в Западной Европе. Местом пребывания архиепископа Евлогия стало здание Александровского приюта в Берлине, куда он прибыл вместе с архимандритом Тихоном (Лященко).

В годы Второй мировой войны, особенно с весны 1944 г., когда усилились бомбардировки города англо-американской авиацией Свято-Воскресенский собор был круглосуточным прибежищем для всех, кто нуждался в помощи. В подвале, где располагается печь центрального отопления, в большом котле постоянно варилась похлебка. Кормили потерявших кров еще остававшихся в Берлине русских эмигрантов, остарбайтеров, которые, несмотря на запрет властей, в общей суматохе пробирались в храм, беженцев, уходивших из России вместе с отступавшими германскими войсками, находили здесь приют и утешение и пострадавшие от бомбежек немцы.

Документов ни у кого не спрашивали. На службы со всего Берлина собиралось до тысячи человек. Люди не покидали собор и во время бомбежек. Господь хранил святое место. За время воздушных ударов его поразили только две зажигательные бомбы. От одной случился небольшой пожар, быстро потушенный церковнослужителями, вторую обнаружили на чердаке только через 12 часов. Как выяснилось, все это время бомба тихо тлела, но так и не возгорелась.

Сегодня Свято-Воскресенский кафедральный собор Берлинской епархии Русской православной церкви (Московский патриархат) — самый крупный православный храм немецкой столицы. С 1992 г. правящим архиереем является архиепископ Берлинский и Германский Феофан (Галинский). Его церковная община в Берлине насчитывает около 5 тысяч прихожан, а по всей Германии около 400 тысяч православных людей. Здесь бывают и приезжающие из России гости Берлина. Во время гастролей в немецкой столице в соборе за Божественной литургией молилась, а потом исповедалась и причастилась певица Валерия. Также в 2006 г. собор посетила Людмила Марковна Гурченко, которая находилась в это время в гостях у священника собора — игумена Даниила (Ирбитса), который является ее духовным наставником.

ЦЕРКОВЬ СВЯТОГО ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО

В 1951 г. в берлинском районе Карлсхорст (Karlshorst), на Вильденштайнерштрассе (Wildensteinerstrasse, 10), была освящена приходская крестовая церковь Святого преподобного Сергия Радонежского для христиан православного вероисповедания, проживавших в столице ГДР. Храм размещается на первом этаже трехэтажного особняка, где также с 1951 г. находятся Епархиальное управление РПЦ Московского патриархата в Германии и резиденция архиепископа Берлинского и Германского. Об этом извещает скромная доска из желтого металла с православным крестом, укрепленная на стене спра-

Алтарь приходской крестовой церкви Святого преподобного Сергия Радонежского. Фото автора

ва от входа в церковь со стороны улицы. Службы обычно проходят по субботам (Всенощное бдение в 17.00) и воскресеньям (Божественная литургия в 10.00). При приходе Святого преподобного Сергия Радонежского проводятся богословские семинары для всех интересующихся историей и вероучением православной религии, созданы курсы по изучению немецкого языка для прихожан.

ХРАМ ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

В отличие от трех вышеописанных храмов, находящихся в ведении Московской патриархии, эта церковь принадлежит Берлинско-Германской епархии Русской православной церкви заграницей. Раньше она располагалась в районе Вильмерсдорф, на первом этаже обыкновенного жилого многоквартирного дома, и по своим размерам была мала для значительно выросшего в последние годы прихода. В связи с этим в начале 2008 г. было достигну-

то соглашение с берлинскими властями о приобретении особняка на Винтерштайнштрассе (Wintersteinstrasse, 24) на берегу реки Шпрее, в нескольких минутах ходьбы от ратуши района Шарлоттенбург, где селились многие русские эмигранты послереволюционной волны.

Здание площадью 150 квадратных метров перестраивается, после чего на первом этаже разместятся просторная прихожая, библиотека с читальным залом, помещение для духовника, детская комната и кухня; алтарь, притвор и ризница расположатся на втором этаже. При общине намечено создать русский культурный центр. Сегодня церковь уже стоит под куполами с крестами. Впоследствии будет возведена колокольня.

Литургии идут на церковнославянском языке, некоторые их части регулярно читаются и по-немецки. Проповедь обычно переводится на немецкий язык.

Благодаря инициативе отца Андрея Сикоева приход церкви Покрова Пресвятой Богородицы в последние годы помогает жителям Беслана, ставшим жертвами террористического нападения. Дети проходят лечение в берлинских клиниках.

IX. РУССКИЙ УГОЛОК В ПОТСДАМЕ

Недалеко от знаменитого «шпионского» моста Глинике-Брюкке на границе между Берлином и Потсдамом, где во время «холодной войны» противоборствующие спецслужбы обменивали их «шпионов» на своих «разведчиков», стоит неожиданное для Германии по архитектуре строение.

«ИЗБА НИКОЛЬСКОЕ»

Настоящий терем в три этажа с двойной верандой, островерхой крышей и фасадом, украшен по-русски ажурной резьбой по дереву и цветами на немецкий манер. Это «изба Никольское» (Blockhaus Nikolskoje), построенная в 1819 г. по приказу Фридриха Вильгельма III для его дочери Шарлотты (Александры Федоровны) и ее мужа великого князя Николая, будущего российского императора. По его имени изба и получила свое название. Идея перенести кусочек России в Пруссию пришла к королю годом раньше, во время поездки в России, где он увидел построенную по проекту Карла Росси деревню Глазово под Павловском, ставшую первым примером использования мотивов русского народного зодчества в архитектуре XIX в. Одна из деревенских изб очень понравилась его дочери. Через год она приехала на родину и увидела копию той самой избы из Глазово.

В 1820 г. в доме в качестве смотрителя-эконома поселился с семьей личный кучер Фридриха Вильгельма бородач Евлампий Бархатов (немцы звали его Иван Боков), служивший у Фридриха с 1808 г. и прошедший с ним все испытания Наполеоновских войн. Ездил Фридрих в русской пролетке, в которую были запряжены русские лошади.

«Вся обстановка (в доме) была чисто русская: киот с иконами и, за перегородкой, русская печь, русский рукомойник, чугунок, ухват, кочерга. В большой комнате полати. Боков, до смерти своей в 1857 г., носил русское кучерское платье, жена его, хотя и немка, должна была носить кокошник и русский штофный сарафан. Такова была воля короля. Боков погребен, в числе еще некоторых русских, около храма Св. вел. кн. Александра Невского»[1].

За труд смотритель получал 200 талеров в год плюс ливрея за государственный счет. Бокова очень уважали в королевской семье, члены которой, например, были крестными его дочери. Сегодня в доме разместился загородный исторический ресторан.

Эх, солдаты, бравы ребятушки...

После заключения Тильзитского мира Пруссия была вынуждена оказать военную поддержку Наполеону. Бывшему врагу она передала свой корпус генерал-лейтенанта Людвига Йорка фон Вартенбурга, которому в 1812 г. пришлось воевать с недавними союзниками. И взять в ходе нескольких сражений в Курляндии около 500 русских пленных. Фридрих Вильгельм III, любивший русский фольклор, решил организовать из них солдатский хор. Сначала были отобраны 62 человека, в окончательный состав вошел 21 хорист, которых зачислили в Первый гвардейский потсдамский полк. После изгнания Наполеона из России Пруссия вновь выступила против Франции, русские солдаты сражались с наполеоновскими войсками, дошли до Парижа и были удостоены российских и прусских военных наград. Двое хористов привезли с собой французских жен. В 1813 г. Александр по просьбе Фридриха Вильгельма III подарил хористов своему другу, ведь они оставались российскими крепостными. Правда, через пару лет им были выданы вольные. Русский хор был очень популярен, «солдаты-певцы» часто

[1] *Тальберг Н.* Православное храмоздание Императорской России в Европе. (Исторический очерк) // Православный путь. Церковно-богословско-философский ежегодник. Приложение к журналу «Православная Русь», 1958.

выступали на придворных праздниках, обедах и других мероприятиях. Один из хористов, Федор Фокин, рассказывал: *«Бывало, король созовет гостей в Сансасею (Сан-Суси), да во время кушанья и заставит нас петь русские песни. А я был запевала. Вот я и запою: "Ну-ка русские солдаты! Пойдем немцев выручать. Хоть они на нас сердиты, мы пойдем за них страдать". А король и засмеется этой песне. А гости-то, разные принцы, и спрашивают: что-де они там такое веселое поют?.. Король очень хорошо знал по-русски и с нами-де все по-русски говорил»*[1].

ДЕРЕВНЯ АЛЕКСАНДРОВКА

В 1826 г. Александр I покинул этот мир, и Фридрих Вильгельм III решает в память о почившем друге и союзнике выстроить в Потсдаме поселок из деревянных изб в русском стиле и поселить в нем семейных песенников из русского солдатского хора. О своем намерении король официально объявил в указе от 10 апреля 1826 г.: *«Мое желание состоит в том, чтобы в память дружеских уз между Мною и великодушным Императором Российским Александром основать возле Потсдама поселение, в котором я желаю поместить в качестве жителей врученных Мне Его Величеством с 1812 до 1815 года русских певцов и которое желаю назвать Александровка».*

Место для поселения определили на севере Потсдама. Сегодня туда от городского вокзала идут трамваи № 92, 96 через Науэнские ворота (Nauen Tor) до остановок «Пушкинская аллея» (Puschkin Allee) или следующей за ней «Ам Шраген» (Am Schragen). От ворот до Александровки идти около 500 метров.

Образцом Александровки (полное название по-немецки Kolonie Alexandrowka с ударением на «о») послужила деревня Глазово под Павловском, построенная по проекту Карла Росси в «русском стиле». Фридрих Вильгельм впервые увидел ее во время своего визита в Россию в 1818 г.

---

[1] *Симановская Е.* Русский акцент гарнизонного города. Потсдам, 2005.

Немецкий ландшафтный архитектор, директор королевских садов, инженер Петер Йозеф Ленне в основу плана застройки поселения в Потсдаме положил диагональный крест Андрея Первозванного. Две длинные аллеи, пересекаясь в центре, делят вытянутую в форме овала усадьбу на четыре сектора, в северной части на холме стоит построенная специально для поселян церковь Александра Невского. Строительством руководил капитан Адольф Шнетлаге, побывавший в России и соорудивший «избу Никольское» на берегу реки Гафель. Перед ним была поставлена задача и в Александровке в мельчайших деталях следовать традициям русского избостроения. В подчинении капитана находилась рота военных строителей. Всем проектом руководил полковник Редер (фон Родерс).

Идея декоративных крестьянских павильонов в придворных парках и создания тем самым иллюзорной близости к народу пришла из эпохи Просвещения. Декоративный «хутор» был устроен, например, для Марии-Антуанетты в Версале. В России эта концепция обрела прикладное значение в виде военных поселений, включавших в себя хозяйственные постройки, земляные угодья, школу, больницу. В России к 1825 г. в подобных поселениях проживало около 750 тысяч человек.

Музей «Александровка»

Личный состав поселения

К весне 1827 г. планировочно-строительные работы в Александровке были закончены. За год на глазах жителей Потсдама выросла колоритная русская деревенька с необычными для прусской местности домиками-теремами и обширными садовыми участками, где были высажены плодовые деревья из королевских питомников.

К тому времени от хора осталось 12 человек: фельдфебель, три унтер-офицера и восемь рядовых. Двое были не женаты.

Персонально каждого из поселенцев кратко представил протоиерей А.П. Мальцев[1]:

«— *фельдфебель Иван Вавилов (40 лет), добродушный по характеру человек, но любитель выпить, занимался также мелкой торговлей;*

— *унтер-офицер Иван Яблоков, резонер и хитрован, но непьющий, имел табачную торговлю, содержал танцевальную беседку, крестным отцом одного из его детей был сам Фридрих Вильгельм;*

— *унтер-офицер Стефан (Степан) Волгин (49 лет), по характеру был доброго нрава, но любитель выпить* (по другим источникам, непьющий. — *Авт.*), *вместе с женой-француженкой занимался шитьем перчаток;*

— *унтер-офицер Иван Тимофеев (32 года), трудолюбивый, добронравственный человек, вместе с женой-немкой держал перчаточную мастерскую, имел хорошее хозяйство;*

— *рядовой Дмитрий Сергеев (39 лет), был дважды женат, по характеру не злой человек, но страшный пьяница из «неподдающихся», вел крайне ненормальный образ жизни; пьянством довел себя до истощения, поэтому ничего не мог заработать;*

— *рядовой Петр Анисимов (52 года), кавалер российских и прусских военных наград, женат на немке, человек доброго характера, но сильный пьяница, по причине чего семья жила бедно, поскольку жена его тоже ничего не зарабатывала;*

---

[1] Православные церкви и русские учреждения за границею (Австро-Венгрия, Германия и Швеция). Берлин, 1911.

— рядовой Петр Алексеев (41 год), непьющий, некурящий, добрый по характеру, но несдержанный, портной по профессии, хороший мастер по шляпному делу, был, видимо, самый богатый из хористов;

— рядовой Иван Григорьев (51 год), был женат на немке, имел козлиную бороду, отчаянный пьяница, доведший себя до полубезумия;

— рядовой Ефим Гавриленко (42 года), человек доброго характера и веселого нрава, с очень хорошим голосом, после женитьбы «завязал», любил покопаться в саду, на жизнь зарабатывал поденными работами, был все время в долгах;

— рядовой Петр Ушаков (41 год), добрый человек с мягким, но упорным характером, отличался большим трудолюбием, работал каменщиком и сумел скопить небольшое состояние в размере 100 талеров;

— рядовой Василий Шишков (41 год), добродушный по природе и большой любитель выпить, заботы о хлебе насущном свалил на жену, которая занималась торговлей шерстью и имела в торговом обороте значительный капитал;

— рядовой Федор Фокин (41 год), имел 11 детей, сапожник по профессии, он занимался также плотничеством, работал ночным сторожем, был большой любитель поговорить, пофилософствовать».

Деревенская недвижимость

Новоселье отпраздновали 12 (2) апреля 1827 г. Гудели по-русски, с размахом, половина гвардейского полка отходила потом три дня.

За образец при строительстве был взят традиционный крестьянский дом новгородского типа, представлявший собой сруб с седловидной крышей и жилыми комнатами на высоком цоколе. Внешне дома выглядели как настоящие деревянные терема. Но при строительстве была применена техника фахверка, по которой кирпичный каркас дома обивался горбылем с имитацией углов сруба. Особое внимание было уделено резьбе по дереву, главному признаку «русского стиля» в оформлении фасадов. Это ярко проявилось в тщательно «прорисованных»

оконных наличниках, затейливом деревянном орнаменте, украсившем балконы и скаты. Работа была выполнена с русским вдохновением и немецкой основательностью. Немудрено, что строения сохранились до наших дней.

Под каждый дом был выделен обработанный участок земли с двором, хозяйственными постройками и садом. Границы между владениями обозначались штакетником и живыми изгородями. Каждый поселенец фактически получал в свое владение полноценную усадьбу. Фельдфебелю и унтер-офицерам полагались двухэтажные дома. Один дом был отведен под королевскую чайную, еще один — для немца смотрителя-надзирателя. Всего построили 14 домов. Первым старостой был определен Конрад Тарновский (Иван Кондратьевич Ермолаев), происходивший из церковного звания, суровый по характеру человек. Он прекрасно пел, хорошо знал правила и обряды церковной службы. Он также присматривал за чайной, которая в любой момент должна была быть готова к приему высокого гостя. Посуда в чайной была из лучшего немецкого и российского фарфора. Смотрителем назначили фельдфебеля Карла Риге. Его дом размещался посреди поселения.

Правила проживания

Новоселам выделили в пользование мебель, постельное белье, посуду, другую кухонную утварь, инвентарь для работы по дому. Поселенцам с малыми детьми полагались колыбельки. Жилье оставалось в королевской собственности. Его нельзя было перестраивать (без особого разрешения это запрещено и сегодня) или сдавать в аренду, следовало строго соблюдать семейную преемственность по праву первородства сыновей: хозяйство переходило старшему сыну, который мог быть либо православным, либо протестантом. В случае смерти мужа и при наличии несовершеннолетнего сына вдова получала права управления имуществом вплоть до достижения сыном возраста 24 лет, но при условии, что она не вступит в повторный брак. Дочери прав наследования не имели, а вдова в этом случае после смерти мужа была обязана покинуть деревню через три месяца, получив для обустройства на новом месте «подъемные» в размере 50 талеров. Примечателен

случай с вдовой гренадера Яблокова, описанный в материале Европейского совета по селам и малым городам. *«...Вдова Яблокова решила вновь выйти замуж и обратилась к надзирателю с просьбой разрешить ей остаться в поселке после замужества, пока ее старший сын не вернется с военной службы. Надзиратель сообщил в полк, что он отказал в просьбе, поскольку, в соответствии с частью V приказа, вдова могла распоряжаться собственностью, только если не вступала в повторный брак. Если бы он сделал исключение для вдовы Яблокова, другие вдовы в будущем могли бы ссылаться на этот пример. В конце донесения надзиратель дружелюбно прибавил: "Я сомневаюсь, что предполагаемая женитьба вдовы Яблокова будет благотворна для нее или ее детей, но она настолько захвачена своей страстью, что ожидает полного счастья от мужчины, которому 27 или 28 лет от роду, в то время как ей 31 августа исполнится 51 год" Тем не менее, вдова не послушалась уговоров и вышла замуж за молодого человека. Она жила счастливо и управляла хозяйством до 1846 г., пока сын не вернулся из армии, после чего переехала в Потсдам, где она и скончалась в 1856 г.».*

«Русская деревня» под Берлином привлекла внимание состоятельных потсдамцев и жителей столицы, увидевших в уютной Александровке прекрасную возможность «пожить в России», не выезжая из Германии. Благо просторные избы с устроенным по-немецки бытом позволяли сделать это, не жертвуя повседневными привычками. На возникший спрос поселенцы ответили соответствующим предложением, и летом Александровка стала превращаться в своеобразный дачный поселок.

Гости жили в домах, хозяева переселялись на время в достаточно комфортабельные сараи или другие хозяйственные постройки. Особенно полюбили «русскую деревню» представители столичной творческой богемы. Жены поселенцев хлопотали на кухне, стараясь угостить постояльцев «русскими» кушаньями, мужья при случае могли усладить слух гостей застольной русской песней.

В первых поколениях александровцев соблюдались русские национальные традиции, дети получали русские имена, их учили русскому языку и Закону Божью, но оби-

татели деревеньки все глубже втягивались в окружающую среду. Фамилии были переиначены на немецкий манер: Grigorieff, Alexeieff и т. д. В 1830 г. русский хор выступил в последний раз. Последний из солдат-песенников, получивших в 1827 г. «квартиры» в Александровке, — гренадер Дмитрий Сергеев — ушел из этого мира в 1861 г. В большинстве усадеб тогда жили сыновья первопоселенцев с семьями. Постепенно дома в Александровке стали занимать немцы, прежде всего приближенные к королевскому двору. Они платили арендную плату государству. Начиная с 1848 г. права на усадьбы получали в первую очередь раненые унтер-офицеры прусской армии. Но, несмотря на национальность и социальный статус, обитатели Александровки считали своим долгом хранить ее русский колорит, хотя во второй половине XX в. в некоторых домах была произведена внутренняя перепланировка.

Деревенский храм

Метрах в трехстах от деревенской окраины на холме стоит бело-розовое здание церкви Александра Невского, увенчанное черным куполом с золотым крестом. При ее закладке 11 сентября 1826 г. присутствовал король. Надпись на закладочном камне гласила: «*Повелением Его Величества Короля прусского Фридерика Вильгельма III в знак незабвенной памяти яко вечный монумент искренней приверженности и дружбы во блаженной памяти о преставшамуся 1 декабря 1825 г. всероссийскому Императору Александру Павловичу*». В ее строительстве участвовал знаменитый немецкий архитектор Карл Фридрих Шинкель. В целом проект был выполнен петербургским архитектором Василием Петровичем Стасовым, строившим Преображенский, Троицкий, Нарвский и другие петербургские храмы. В сентябре 1829 г. церковь была освящена. Здесь могут разместиться до 50 человек. Это одна из старейших в Европе русских церковных построек.

Объект ЮНЕСКО

В 1977 г. Александровка в соответствии с законодательством ГДР была признана культурно-историческим памятником и взята под охрану государством. Этому предше-

ствовала двухгодичная дискуссия по поводу строительства на территории деревни большого гостиничного комплекса. Сегодня входящие в число охраняемых объектов дома находятся в частной собственности. По именным табличкам на бревенчатых стенах можно проследить прежних владельцев. Потомок рядового Григорьева из первого состава солдатского хора, последний носитель русской фамилии в Александровке Herr Grigorjeff (дом №7), в 2009 г. в добром здравии отпраздновал 75-летие.

Сегодня Александровка считается престижным местом в Потсдаме. Когда городские власти собрались проложить по ее территории трамвайную линию, местные

Церковь Александра Невского. Фото автора

Последний носитель русской фамилии в Александровке Herr Grigorjeff в 2009 г. в добром здравии отпраздновал 75-летие. На снимке с директором музея А. Чернодаровым

жители не позволили этого. Обер-бургомистр города живет именно здесь, в «солдатском доме Гавриленко». Цены на недвижимость в деревушке немаленькие — несколько сот тысяч евро за дом. В оформленном по-российски ресторане русской кухни, разместившемся в доме бывшего надзирателя, в меню можно найти «Sakuskije» и «Piroschok». Тарелка пельменей обойдется в 8 евро. Ресторан входит в число лучших русских ресторанов Германии по версии французского кулинарного путеводителя «Го Мийо». Во время реконструкции в тесном сотрудничестве с ведомством по охране культурно-исторических памятников истории и отделом зеленых насаждений Потсдама было высажено более 500 фруктовых деревьев в тех же местах, где они росли в 1827 г.

В 2009 г. исполнилось 10 лет со времени включения Александровки в список Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО. Энтузиаст защиты памятников старины, врач по специальности, Герман Кремер, вложив собственные средства, учредил специальный фонд поддержки этой уникальной деревеньки, где слились культуры двух народов. В доме № 2 в 2005 г. после реставрации парка устроен музей. Восстановлена первоначальная планировка комнат, их окраска, отреставрированы и приведены в рабочее состояние печи. Внешний вид избы, в первую очередь резьба, восстановлены со стопроцентной достоверностью.

Музеем руководит историк-искусствовед Андрей Юрьевич Чернодаров, выпускник Уральского государственного университета и Художественно-реставрационной мастерской им. Грабаря в Москве, доктор философии, доцент Йенского и Потсдамского университетов. В Германию приехал учить язык. Теперь продолжает здесь свою научную деятельность и преподает. Чтобы занять должность директора музея, выдержал конкурс, оставив позади еще 43 претендентов.

С его приходом на эту должность директора культурная жизнь Александровки заметно оживилась. Здесь проводятся выставки, концерты, фестивали русского искусства.

Летом 2009 г. в музее в честь 180-летия освящения храма Александра Невского прошла выставка православных икон, находящихся в Германии. Идею проведения выставки поддержали руководство Берлинской и Германской епархии Русской православной церкви, правительство земли Бранденбург и Посольство России в Германии. В музее были выставлены 54 экспоната православного искусства XVI—XIX вв. из государственных музеев и частных коллекций Германии. Наибольшее внимание привлекла принадлежащая музею икона святого Александра Невского — покровителя потсдамского храма и Александровки. На иконе нанесена дарственная надпись *«Сооружен усердием прихожан Рождественской церкви села Починок в память освобождения крестьян от крепостной зависимости в 1861 г. покойным Государем Им-*

Один из залов русского ресторана Александровки. Фото автора

ператором Александром II. 1886 года августа 30 дня». Как икона оказалась в Германии, неизвестно. Теперь она выкуплена фондом Кремера и принадлежит музею. В течение лета здесь звучали русские романсы, классическая музыка российских композиторов, демонстрировались фильмы золотого фонда мирового кинематографа, включая знаменитый «Броненосец "Потемкин"». В саду подавали чай из самовара.

В августе открылась выставка, посвященная 210-летию со дня рождения Александра Пушкина. В экспозиции выставки были представлены старинные гравюры и литографии с видами Санкт-Петербурга, подлинная салонная мебель пушкинских времен, книги Александра Сергеевича, переведенные на немецкий язык полтора века назад.

А темой выставки, проходившей с конца сентября по декабрь, стала противоречивая биография генерал-фельдмаршала Людвига Йорка фон Вартенбурга. В 1812 г., вынужденно выступая на стороне Наполеона, он пленил русских солдат, из которых впоследствии в Потсдаме был образован солдатский хор. Он же, хотя и не без колеба-

ний, в декабре того же года, находясь в арьергарде наполеоновских войск, сначала объявил о нейтралитете, а потом и полностью перешел на сторону России. Его корпус стал основой новой прусской армии. Во главе его в марте 1813 г. Йорк торжественно вошел в Берлин.

Гости из многих стран с удовольствием посещают Александровку. В музее принимают более 10 тысяч посетителей в год. Но Андрей Чернодаров отмечает, что российские туристические группы там не частые гости, хотя Александровка непременно включается в маршруты экскурсионных программ в Потсдаме. Но автобусы проезжают через деревню, минуя музей. *«Возможно,* — говорит директор, — *это связано с тем, что мы сравнительно недавно стали рекламировать себя в России. Сейчас разработаны экскурсии по Александровке продолжительностью от 30 мин. до трех часов. В программе посещение музея, "русских изб", храма Александра Невского, чаепитие в саду».*

Между тем в Глазове старинная застройка не сохранилась. Сегодня ее территорию постепенно заполняют особняки состоятельных людей.

Порядок посещения музея в Александровке

Музей открыт: вторник — воскресенье 10.00—18.00.
В день рождения посетителя вход для него бесплатный.
В часы работы музея открыто кафе в саду.
www.alexandrowka.de

СПРАВОЧНЫЙ РАЗДЕЛ

Адреса «Русского Берлина»

Памятные мемориалы советским воинам	
Памятник Воину-освободителю в Трептов-парке	Treptower Park, ст. городской электрички (S-Bahn) Treptower Park, влево по ходу движения поезда из центра по Puschkin Allee
Мемориальный комплекс в Тиргартене	Tiergarten, ст. метро Unter den Linden
Военное кладбище в парке Шёнхольцер-Хайде, Панков	Schönholzer Heide, ст. городской электрички (S-Bahn) Wilhelmsruh
Православные храмы Берлина	
Русский православный храм Свв. равноапостольных Константина и Елены и кладбище в районе Тегель	Wittestrasse, 37, неподалеку от аэропорта Тегель, ст. метро (U-Bahn) Holzhauserstrasse
Свято-Воскресенский кафедральный собор	Hohenzollerndamm, 166, ст. метро (U-Bahn) Fehrbellinerplatz
Церковь Св. преп. Сергия Радонежского	Wildensteinerstrasse, 10, ст. городской электрички (S-Bahn) Karlshorst
Храм Покрова Пресвятой Богородицы	Wintersteinstrasse, 24, ст. метро (U-Bahn) Richard-Wagner-Platz
Памятные знаки, связанные с М.И. Глинкой	
Памятная доска Михаила Ивановича Глинки. В разрушенном войной доме, стоявшем здесь, где композитор жил и работал в последние месяцы жизни	Franzoesischestrasse, 8, угол с Glinkastrasse, ст. метро (U-Bahn) Franzoesischestrasse
Барельеф на доме, который не имеет отношения к проживанию Глинки в Берлине и лишь объясняет название улицы	Перекресток улиц Glinkastrasse (№ 9) и Mohrenstrasse (№ 63), ст. метро (U-Bahn) Mohrenstrasse

Мемориальный ансамбль на русском православном кладбище в Тегеле	Wittestrasse, 37, неподалеку от аэропорта Тегель. Ст. метро (U-Bahn) Holzhauserstrasse
Памятная доска в честь Зигфрида Дена и М.И. Глинки	Marienstrasse, 28, ст. метро (U-Bahn) Friedrichstrasse
Общество им. М.И. Глинки GLINKA-GESELLSCHAFT BERLIN e.V.	Friedrichstrasse 176—179, 10117 Berlin, ст. метро (U-Bahn) Französischestrasse, Stadtmitte Тел.: +49(30) 33 02 59 79, Жанна Круглякова E-mail: miglinkaberlin@rambler.ru http: //zhurnal.lib.ru/f/fost_j_n
Памятные адреса	
Улица Брудерштрассе, где в трактире останавливался Н. Карамзин	Bruederstrasse, ст. метро (U-Bahn) Spittelmarkt.
Улица Фридрихштрассе, где жили Станкевич, Неверов, Грановский, Строев	Friedrichstrasse, ст. метро (U-Bahn) Stadtmitte
Улица Миттельштрассе, где жили И. Тургенев и М. Бакунин	Mittelstrasse, ст. метро (U-Bahn) Friedrichstrasse
Район площади Прагерплац, где жили многие эмигранты после революции	Pragerplatz, ст. метро (U-Bahn) Guentzlerstrasse
Площадь Ноллендорфплац. Там находилось кафе «Леон» и проходили литературные вечера Дома искусств. Сегодня здесь находится русский ресторан Avantgarde	Nollendorfplatz, ст. метро (U-Bahn) Nollendorfplatz
Памятная доска на доме, где жила М. Цветаева в 1922 г. В этом же доме жил В. Набоков в 1924 г. Здание сохранилось	Trautenaustrasse, 9, ст. метро (U-Bahn) Guentzlerstrasse
Дом, где находилось издательство «Геликон». Здание сохранилось	Угол Bambergerstrasse (№ 7) и Regensburgerstrasse, ст. метро (U-Bahn) Guentzlerstrasse
Памятная доска на доме, где с 1932-го по 1937 г. жил В. Набоков. Здание сохранилось	Nestorstrasse, 22, ст. метро (U-Bahn) Hohenzollerndamm

Отель Adlon, где останавливались С. Есенин и Айседора Дункан. Здание восстановлено	Hotel Adlon Kempinski, ст. метро (U-Bahn) Unter den Linden
Станции метро «Гляйсдрайек», где любил бывать Б. Пастернак. Последние годы находится на ремонте	Метро линия U-2, ст. метро (U-Bahn) Gleisdreieck
Парковка на месте дома, где жил Андрей Белый, напротив бокового фасада магазина «КаДеВе»	Passauerstrasse, 3, ст. метро (U-Bahn) Wittenbergplatz
Улице Уландштрассе, где находилось кафе Вертинского «Черная роза», а сегодня расположено русское кафе «Зеленая лампа»	Uhlandstrasse, ст. метро (U-Bahn) Uhlandstrasse
Русскоязычная пресса	
«Русский Берлин»	www.rg-rb.de
«Европа-Экспресс»	www.*wernermedia.de*
«Изюм»	www.izum.de
Русский Интернет	
Информационный портал 007-berlin	007-berlin.de, www.berlin-ru.net
Портал BIGMIR.de	www.bigmir.de
Клуб «Диалог»	
Клуб на Фридрихштрассе	Friedrichstr, 176—179 Тел.: (0) 30 204 48 59, info@club-dialog.de, ст. метро (U-Bahn) Französischestrasse, Stadtmitte
«Диалог-хаус» в Веддинге	Lindowerstrasse, 18, ст. метро (U-Bahn) и электрички (S-Bahn) Wedding
Молодежный центр «Шалаш»	Тел.: (0) 30 285 99 485, mitte@schalasch.de
Интеграционный колледж	Тел.: (0) 30 26 34 76 05, college@club-dialog.de
Клуб «Авиатор»	Тел.: (0) 30 28 38 91 52
Детско-молодежный центр «Шалаш-Ост»	Wuhletalstr, 70 Тел.: (0) 30 93 49 23 31, schalaschost@msn.com, ст. электрички (S-Bahn) Mehrower Allee

Русские клубы и дискотеки с русской, и не только, музыкой	
Party-Club Rendezvous	www.r-party-club.de
DJ Slav — русскоговорящий диджей и промоутер	www.dj-slav.de
Клуб «Вольтаж»	www.russian-voltage.de
Клуб Stellas HANGAR 49	www.myspace.com/stella_berlin
Russendisko	www.russendisko.de
CCCP Club	www.myspace.com/cccpclub
BIGMAN Production	www.bigmanpro.de
Alexander Pushkin — DJ и промоутер	www.pushkin.cc
Музеи	
Немецко-русский музей «Берлин-Карлсхорст»	Zwiezelerstrasse, 4, в конце улицы Rheinstaeinstrasse, ст. метро городской электрички (S-Bahn) Karlshorst
Музей «Александровка» в Потсдаме	От вокзала трамваи № 92, 96 до остановок Puschkin Allee или следующей за ней Am Schragen, www.alexandrowka.de

ОСНОВНАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Абрасимов П.А. 300 метров от Бранденбургских ворот. Взгляд сквозь годы. М.: Политиздат, 1983.

Агарев А.Ф., Гроссер Р., Сизова И.В. Берлинская стена: как это было? Ряз. гос. ун-т; Русское слово, 2009.

Андреев Вадим. История одного путешествия. М.: Советский писатель, 1974.

Гуль Роман. Я унес Россию. Апология русской эмиграции. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2001.

Новый русский Берлин. Справочник. Berlin. Partner fuer Berlin, 2002.

Русские в Германии. Справочник. Берлин. Клуб «Диалог», 2008.

«Русский Берлин»: 1920—1945. Международная научная конференция. М.: Русский путь, 2003.

Русский Берлин. М.: Изд-во Московского ун-та, 2003.

Шлёгель Карл. Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1918—1945 гг.). М.: Новое литературное обозрение, 2004.

Эренбург Илья. Люди, годы, жизнь. М.: Советский писатель, 1990.

Информационный интернет-ресурс «17 Juni 1953». Германия.

Burchrad Amory und Duwidowitsch Ljudmila. Das russische Berlin. Berlin: Die Auslaenderbeauftragte des Senats, 1994.

Dr. Eberle Matthias. The twenties in Germany. Munich: Goethe-Institut, 1982.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИВЕТСТВИЕ 3

К ЧИТАТЕЛЯМ 4

ОТ АВТОРА 5

I. ДАВНО МИНУВШЕЕ 13
Гонцы русского царя 13
Урядник Петр Михайлов 16
«Совсем необыкновенный человек... 17
Эпизод из посещения Берлина Петром Великим 20
Казаки в Берлине 23
Очарованный Павел 25
Визит русского путешественника 27
Николай Карамзин 27
Берлин. Александерплац 30
Клятва у гроба 30
Москва-спасительница 31
Агент русского царя 34
Праздничное действо «Лалла Рук» 39
Берлинские университеты 42
Римское право для России 42
Первые русские салоны 45
Михаил Бакунин. «За светом и спасением» 51
Иван Тургенев. «Немецкое море» 57
Михаил Глинка. «Мне здесь хорошо» 66
Софья Ковалевская. «Принцесса математики» 80
Предвоенное обострение 86
Бомбисты-социалисты 88
Господин Ульянов-Ленин 90

Железный Камо 93
Король провокаторов 98
Издательство Сергея Кусевицкого 103
Берлинский триумф 105
Русский вернисаж 115
«Два века русской живописи и скульптуры» 116
Первый немецкий осенний салон 117
Благодарный Шагал 118
Судьба Вальдена 119
Сомов — романтичный и эротичный 120
«Каникулы» В Берлине 121
Отдых для души 122
Борис и Александр 124
Отпуск на Рюгене 126
Остаемся в Берлине 126

II. ИЗГНАННИКИ ОКТЯБРЯ 129
Нищета в пристойной одежде 129
Русские в городе 132
Пассажиры «философского парохода» 133
Спасибо Троцкому 139
Вдоль по Нэпскому 140
Борщ с кашей 141
Неуемно любознательный Роман Гуль 142
Два города 144
Мирное завоевание 145
Буря в стакане воды 146
«Мщу за царскую семью» 147
Эмигрантские миниатюры 149
«Супруги» Чеховы 152
Российские балетные 154
Берлинский феномен 156
Издательства и издатели 157
Газеты и газетчики 162

Журнал «Новая русская книга» 164
Газета «Накануне» 167
Нелюбимый город 169
Владимир Набоков 169
Загубленная «Беседа» 172
Максим Горький 172
Звезды Дома искусств 175
Сергей Есенин. «Очень люблю революцию» 178
Владимир Маяковский. «Так вот — слушайте... 182
Борис Пастернак. «Здесь все перессорились» 193
Андрей Белый. Неистовый танцор 198
Марина Цветаева. Дом с балконами 203
Исход 211
«Blut muss fliessen!» 213

III. ПЕРВАЯ РУССКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА 218

IV. ЧТОБЫ ПОМНИЛИ 221
Почетный гражданин Берлина 221
В камне и металле 225
Мемориал в Тиргартене 226
Бронзовый солдат в Трептов-парке 228
Кладбище в Шёнхольцер-Хайде 231
Музей «Берлин-Карлсхорст» 231

V. «ХОЛОДНАЯ ВОЙНА» 234
Блокада 234
Чрезвычайное положение в Берлине 236
Танки на Фридрихштрассе 243
В небе над Берлином 246
Звуковая атака советских асов 246
Эпизод в Темпельхофе 250
Огромное небо одно на двоих 251
Берлинская Карловка 256
Служба 257

Дружба 259
Что и как 261
«Часть немецкой истории» 262
Прощай, Германия! 263

VI. ПОСЛЕДНЯЯ ВОЛНА 265
Немцы-переселенцы 265
Евреи эмигранты 266
Русские и прочие 267
Новая русская пресса 269
«Везде, где можно жить, можно жить хорошо» 270
«Наше отечество — русский язык» 271
«Экспресс» Николая Вернера 276
Берлинский «Изюм» 279
«Берлин для русских, русские для Берлина» 280
«Диалог» по-берлински 281
Берлинская архитектура Сергея Чобана 285
От Ленинграда до Берлина 286
Самое любимое 288
Архитектура для разных культур 290
Русский директор Берлинского балета 292
Waehlen Sie Kaminer! 295
Экспровизации Саши Пушкина 299
Российский авангард в «Эстреле» 303
Русское меню 306
Давай rock-n-roll 309
Пришествие «Популярной механики» 309
«Аквариум». Первый концерт, первый альбом 313
Ночной Берлин по-русски 316
Русско-турецкая «любовь» 317
Марцановская «Калинка» и «Рай» в Шпандау 321
Эмигрантский гламур 322
Электроника для русских 323
Русская альтернатива 326
Rendezvous Party-Club 329

VII. БЕРЛИНСКАЯ ТЕРРИТОРИЯ РОССИИ 331
По велению Петра 331
Красные дипломаты 333
Союз на время 337
«Салон» Радека 339
«Training for Russia» 340
Война 341
После войны 345
Уважаемый Петр Андреевич 348
Вновь под российским флагом 351
Российский дом науки и культуры 352

VIII. ПРАВОСЛАВНЫЙ БЕРЛИН 355
Свято-Князь-Владимирское братство 355
Свято-Воскресенский кафедральный собор 364
Церковь Святого преподобного Сергия Радонежского 367
Храм Покрова Пресвятой Богородицы 368

IX. РУССКИЙ УГОЛОК В ПОТСДАМЕ 370
«Изба Никольское» 370
Эх, солдаты, бравы ребятушки... 371
Деревня Александровка 372
Личный состав поселения 374
Деревенская недвижимость 375
Правила проживания 376
Деревенский храм 378
Объект ЮНЕСКО 378
Порядок посещения музея в Александровке 383

СПРАВОЧНЫЙ РАЗДЕЛ 384
Адреса «Русского Берлина» 384

ОСНОВНАЯ БИБЛИОГРАФИЯ 388

Научно-популярное издание
Русские за границей

Попов Александр Николаевич

РУССКИЙ БЕРЛИН

Выпускающий редактор *В.А. Ластовкина*
Корректор *О.Б. Бубликова*
Дизайн обложки *Е.А. Бессонова*
Верстка *Н.В. Гришина*

ООО «Издательский дом «Вече»

Почтовый адрес:
129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24, а/я 63.

Фактический адрес:
127549, Москва, Алтуфьевское шоссе, 48а, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru
http://www.veche.ru

Подписано в печать 26.04.2010. Формат 84 × 108 $^{1}/_{32}$.
Гарнитура «BalticaC». Печать офсетная. Бумага LUX CREAM.
Печ. л. 12,5. Тираж 3000 экз. Заказ № 1004060.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

„Быстро. Комфортно.
Экономно.“
Берлин
от 99 €*
и многие другие
города Германии
и Европы!
*Полная цена в одну сторону на отдельный рейс включая сервис- и бонусные мили
NIKI Партнер airberlin
airberlin.com

EFFECT TOURS
TRAVEL MANAGEMENT

Effect Tours работает с туроператорами, группами и частными лицами.

Мы расположены в Берлине – самом центре Европы, и знакомство с ней стоит начинать именно с этого города. У нас подготовлены разнообразные программы на любой вкус.

Мы организуем поездки по Германии и Европе, забронируем гостиницу, закажем билеты, транспорт, экскурсионное и переводческое обслуживание. Предлагаем весь пакет туристических услуг.

Многолетний опыт работы, чёткость, компетентность, надёжность и разумные цены.

Reiseagentur Effect Tours
Blücherstraße 13 • D-10961Berlin Germany
Телефон: +49- (0) 30 - 81 01 39 06 • Mobile +49- (0) 171 - 835 74 32
Факс +49- (0) 30 - 81 01 39 07
Электронная почта info@effect-tours.de
Веб-страница www.effect-tours.de

ЧАЙКА-ТУР
CHAIKA-TOUR

Германия

У КАЖДОГО ОНА СВОЯ...

Берлин. East Side Gallery.

Туроператор “Чайка-Тур” предлагает:

-групповые и индивидуальные туры;
-языковые курсы для детей и взрослых;
-посещение международных выставок;
-велосипедные туры

в Берлине
...и по всей Германии...

Чайка-Тур 115172 Москва, Бол. Каменщики, д. 2
тел. (495) 668-31-61 факс (495) 668-31-63
E-mail: info@chaika.ru www.chaika.ru

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЕЧЕ»
ООО «ВЕСТЬ» является основным поставщиком
книжной продукции издательства «ВЕЧЕ»
Почтовый адрес:
129348, г. Москва, ул. Красной Сосны, 24, а/я 63.
Фактический адрес:
127549, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, д. 48, корпус 1.
Тел.: (499) 940-48-71, 940-48-72, 940-48-73.
Интернет: www.veche.ru
Электронная почта (E-mail): veche@veche.ru

По вопросу размещения рекламы в книгах
обращаться в рекламный отдел издательства «ВЕЧЕ».
Тел.: (499) 940-48-70.
E-mail: reklama@veche.ru

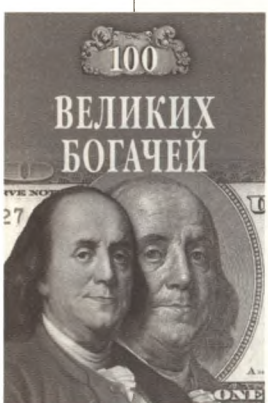
ВНИМАНИЮ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ!
Книги издательства «ВЕЧЕ» вы можете приобрести также
в наших филиалах и у официальных дилеров по адресам:

В Москве:
Компания «Лабиринт»
115419, г. Москва,
2-й Рощинский проезд, д. 8, стр. 4.
Тел.: (495) 780-00-98, 231-46-79
www.labirint-shop.ru
В Санкт-Петербурге:
ЗАО «Диамант» СПб.
г. Санкт-Петербург,
пр. Обуховской обороны, д. 105.
Книжная ярмарка в ДК им. Крупской.
Тел.: (812) 567-07-26 (доб. 25)
В Нижнем Новгороде:
ООО «Вече-НН»
603141, г. Нижний Новгород,
ул. Геологов, д. 1.
Тел.: (8312) 63-97-78
E-mail: vechenn@mail.ru
В Новосибирске:
ООО «Топ-Книга»
630117, г. Новосибирск,
ул. Арбузова, 1/1.
Тел.: (383) 336-10-32, (383) 336-10-33
www.top-kniga.ru
В Киеве:
ООО «Издательство «Арий»
г. Киев, пр. 50-летия Октября, д. 2б, а/я 84.
Тел.: (380 44) 537-29-20,(380 44) 407-22-75
E-mail: ariy@optima.com.ua

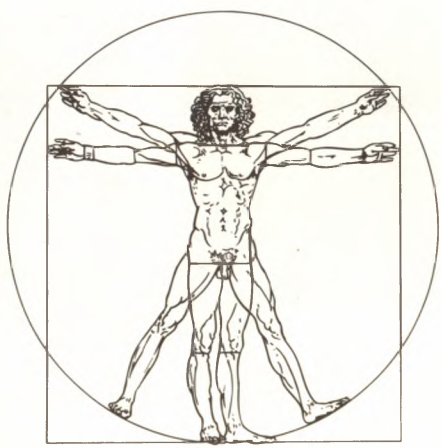
Всегда в ассортименте новинки издательства «ВЕЧЕ»
в московских книжных магазинах:
ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва»,
ТД «Молодая гвардия», «Московский дом книги»,
«Букбери», «Новый книжный».

ПИШЕШЬ РЕФЕРАТ? СДАЕШЬ ЭКЗАМЕНЫ?

«100 великих» помогут на все 100!



- 100 томов в серии
- Энциклопедическая полнота
- Отечественные и зарубежные авторы



Лучшие книги серии изданы в подарочном исполнении в серии

Золотая коллекция «100 великих»

- Цветные иллюстрации на мелованной бумаге
- Оригинальное оформление

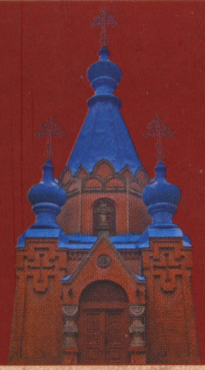
ВЕЛИКИЕ ТАЙНЫ ВЕЛИКОГО ПРОШЛОГО

СЕРИЯ КНИГ

TERRA

HISTORICA

- Забытые традиции древних культур
- Яркие страницы средневековой истории
- Уникальные исследования, необычные гипотезы, новые открытия



А.Н. Попов

РУССКИЙ БЕРЛИН

Русский Берлин — это феномен, возникший еще в 20-е годы прошлого века. Именно немецкая столица в первые послереволюционные годы стала центром белой эмиграции, где нашли приют более 300 тысяч изгнанников из большевистской России. Среди них — философы и социологи, историки и правоведы, писатели и литераторы, математики и инженеры... И все же русский Берлин — это не только Серебряный век, вынужденно «переехавший» в немецкую столицу, но и писатели, художники, артисты, студенты, которые приезжали сюда в разные годы, жили здесь — и строили это необычное поселение, выросшее из маленькой русской колонии в многотысячный «мегаполис».

ISBN 978-5-9533-4275-9

9 785953 342759

Вече